

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Войсковаго Статистическаго Комитета.

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1869.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ЗЕМЛИ
ВОЙСКА ДОНСКАГО.**

«Особое прибавление къ газетѣ „Донской Вѣстникъ“».

1867.

Дозволено цензурою.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При отдѣльномъ изданіи I-го тома «Историческаго Описанія» считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткій обзоръ какъ приготовительныхъ работъ къ этому сочиненію, такъ и составленія самого сочиненія. Въ 1819 году, по ходатайству войсковаго атамана А. К. Денисова, съ Высочайшаго соизволенія, учрежденъ былъ на Дону такъ называвшійся «Комитетъ о устройствѣ Войска Донскаго». Занятія свои Комитетъ долженъ былъ окончить, не смотря на многосложность ихъ, въ теченіи одного года, между тѣмъ для такого труда у Комитета многого не доставало. У него не было самыхъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ, особенно о количествѣ войсковыхъ земель и распредѣленіи пользованія ими между станичными обществами и частными лицами, тогда какъ одною изъ цѣлей Комитета и однимъ изъ желаній атамана Денисова было привести въ гласность сколько у кого въ довольствіи состояло земли «и приступить потомъ къ предположенію о распространеніи станичныхъ юртовъ». Еще до открытія Комитета начата была съ 1817 г. войсковыми землемѣрами съемка земель и собраніе, чрезъ особыхъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, нѣкоторыхъ статистическихъ свѣдѣній для составленія статистическихъ и топографическихъ картъ. Но въ два года сдѣлано было не много. Толь-

ко съ 1819 года, какъ вообще по занятіямъ Комитета, такъ и по съемкѣ земель начинается дѣятельная работа. Въ распоряженіе Комитета, по Высочайшему повелѣнію, отряжено было нѣсколько землемѣровъ изъ сосѣдственныхъ губерній: Саратовской, Екатеринославской и Воронежской. Затѣмъ, въ виду обширныхъ работъ Комитета, для наблюденія за съемкою земель и завѣдыванія этимъ дѣломъ, Высочайше повелѣно отправить также въ распоряженіе Комитета «знающаго и надежнаго по квартирмейстерской части штабъ-офицера». Выборъ палъ на полковника Богдановича, (въ 1820 г. генераль-майоръ), извѣстнаго бывшему въ то время члену Комитета генераль-адъютанту Чернышову (впослѣдствіи, съ 1827 г. управляющій военнымъ министерствомъ, а съ 1828 г. военный министръ).

Ив. Ѳ. Богдановичъ прибылъ въ Новочеркасскъ въ ноябрѣ 1819 г. Въ его распоряженіе сначала поступили всѣ землемѣры, а впослѣдствіи и лица, занимавшіяся статистическимъ описаніемъ въ округахъ. Съ этого времени статистическія работы принимаютъ болѣе широкіе и болѣе опредѣленные размѣры, и въ сентябрѣ 1820 г. представлены уже были къ Богдановичу описанія округовъ Войска Донскаго.

Комитетъ, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ окончить свои занятія въ назначенный срокъ и они продолжались еще до 1822 г.

Между тѣмъ войсковой атаманъ Денисовъ въ январѣ 1821 г. былъ уволенъ отъ должности и предсѣдателемъ Комитета, на его мѣсто, назначенъ былъ генераль-адъютантъ Чернышовъ. Среди этого явилась мысль, кромѣ статистическаго описанія, составить *Военную Исторію* Донскихъ казаковъ. Изъ лицъ, занимавшихся статистическимъ описаніемъ, своими способностями болѣе другихъ обратилъ на себя вниманіе генерала Богдановича и предсѣдателя Комитета, генераль-адъютанта Чернышева, В. Д. Сухоруковъ. Въ 1821 г. на него возложено было, подъ наблюденіемъ Богдановича, собраніе матеріаловъ для Исторіи и самое составленіе какъ Историческаго, такъ и Статистическаго описанія,

съ назначеніемъ ему въ помощники гг. Кушнарера, Кучерова и Поснова. Но матеріаловъ для такого труда на мѣстѣ было мало, потому что войсковой архивъ въ 1744 г. уничтоженъ былъ пожаромъ,—оставалось отыскивать ихъ въ другихъ мѣстахъ. Поэтому Сухоруковъ долженъ былъ объѣхать, для собранія не обходимыхъ свѣдѣній, всѣ округа войска и рассмотреть архивъ бывшей крѣпости Новохоперской; Кучеровъ командированъ былъ для пересмотра архивовъ Астраханскаго, Царицынскаго и Дубовскаго; Кушнаревъ—въ Дмитріевскую крѣпость (нынѣ Ростовъ на Дону) для пересмотра находившихся здѣсь архивовъ какъ этой крѣпости, такъ и другихъ: Аннинской, Таганрогской и Азовской. Поснову порученъ пересмотръ архива Донскаго (въ Новочеркасскѣ).

Въ Новохоперскомъ архивѣ Сухоруковъ нашелъ дѣла, начинающіяся съ 1725 г. и выписалъ изъ нихъ нѣсколько актовъ, относящихся къ Донской Исторіи.

Проѣзжая по всѣмъ станицамъ округовъ Хоперскаго, Донецкаго, Усть-Медвѣдицкаго, 2-го Донскаго и частію 1-го Донскаго, онъ собралъ для своего труда много устныхъ преданій отъ старожиловъ; прикомандированный къ нему землемѣрный помощникъ помогалъ ему пересматривать станичные архивы и занимался нанесеніемъ на карту мѣстъ, гдѣ находились старыя казачьи городки, старинныя укрѣпленія и городища. Съ перваго же раза Сухоруковъ обратилъ вниманіе на все, что только могло служить предметомъ его занятій. Такъ, изъ Хоперскаго округа отъ 2 мая 1821 г. онъ писалъ генералу Богдановичу: «исторія называетъ между прочими древними обитателями страны, теперь нами занимаемой,—Татарь. Слѣды ихъ, если не ошибаюсь, можно видѣть почти по всему здѣшнему округу». Здѣсь онъ упоминаетъ о подобныхъ слѣдахъ на рѣчкѣ Тишанѣ, на Бузулукѣ близъ Дурновской станицы и на Караичкѣ. Находя, что всѣ почти станицы Хоперскаго округа «занимавшія сначала небольшія пространства въ чащѣ лѣсовъ, самую природою укрѣпленныя,» съ минованіемъ опасности отъ хищныхъ

сосѣдей, перемѣнили мѣста своего поселенія, а тринадцать станицъ вовсе уничтожены и что тоже самое должно встрѣтиться и въ другихъ округахъ, онъ говоритъ: «нынѣ весьма явственно видны слѣды прежняго заселенія станицъ и можно составить географическую карту Донской области въ такомъ видѣ, въ какомъ область сія была въ половинѣ XVII вѣка, — почти за 200 лѣтъ предъ симъ». Въ Донецкомъ округѣ онъ нашелъ остатки древняго городища близъ балки Рыгиной, и по Донцу другіе признаки древнихъ жилищъ и нѣсколькихъ мѣстъ, гдѣ были побоища казаковъ съ татарами, а выше станицы Гуидоровской — признаки бывшаго вулкана въ горѣ идущей названіе «Кладовой». Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, близъ станицы Глазуновской, онъ обратилъ вниманіе на замѣчательные остатки мечети. Во Второмъ Донскомъ округѣ по его указаніямъ составлено описаніе городища, находящагося на лѣвой сторонѣ и остатковъ какаго-то зданія на правой сторонѣ Дона въ юрту станицы Цыплянской. Въ то же время отъ есаула Котельникова пріобрѣтена имъ весьма интересная по своему содержанію рукопись: Описаніе станицы Верхне-Курмоярской.

Получивъ отъ г. Кучерова изъ Астрахани увѣдомленіе о ходѣ его занятій и копіи съ двухъ царскихъ грамотъ, писанныхъ на Донъ отъ царя Ивана Васильевича 1571 г. и отъ Федора Ивановича 1593 г., Сухоруковъ 8 іюня изъ Усть-Медвѣдицы писалъ къ Богдановичу: «последняя грамота весьма важна въ нашей исторіи по многимъ подробностямъ... кои — можетъ быть — должны будутъ сдѣлать *большія перемѣны въ преданіяхъ историческихъ досель намъ извѣстныхъ*».

Г. Кушнаревъ въ Дмитріевской крѣпости нашелъ дѣла, начинающіяся съ 1702 г. и сдѣланныя изъ нихъ извлеченія представилъ къ Сухорукову. Кромѣ того, онъ узналъ, что въ той же крѣпости находился архивъ инженерный и артиллерійскій, въ которомъ хранились, вромѣ дѣлъ,

различныя карты, планы и чертежи, но для пересмотра ихъ требовалось особое разрѣшеніе правительства. По опредѣленію Комитета и по представленію генераль-адъютанта Чернышева, на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе и въ концѣ іюля Сухоруковъ, вмѣстѣ съ Кушнаревымъ, допущены были къ пересмотру архива. При чемъ ими отобрано для скопировки тридцать три экземпляра картъ и чертежей, относящихся къ 1762—81 г. (*).

Въ концѣ 1821 или въ началѣ 1822 г. труды Комитета, по составленію новаго положенія, представлены были въ С.-Петербургъ, куда выѣхалъ и генераль-адъютантъ Чернышевъ, и Сухоруковъ, состоя при немъ, также отправился въ С.-Петербургъ. Здѣсь на него возложено было исполненіе порученій по собственной канцеляріи генераль-адъютанта Чернышева. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не оставлялъ занятій и по составленію «Историческаго и Статистическаго Описанія». Въ мартѣ 1822 г. онъ представилъ генералу Богдановичу планъ для упомянутаго Описанія и первые опыты работы своей, заключающіеся въ оконченныхъ имъ *пяти* первыхъ отдѣленіяхъ статистики. Изъ этого донесенія видно, что предварительная подготовка свѣдѣній для упомянутыхъ трудовъ возложена была на Кушнарера, занимавшагося этимъ въ Новочеркаскѣ. Самый предметъ занятій по исторіи и статистикѣ доставилъ Сухорукову случай вскорѣ сдѣлаться извѣстнымъ исторіографу Н. М. Карамзину и познакомиться съ нѣкоторыми лицами, занимавшимися историческими изслѣдованіями, въ томъ числѣ съ П. Строевымъ, занимавшимся въ Московскомъ государственномъ архивѣ, а также съ гг. Малиновскимъ и Калайдовичемъ. Отъ Карамзина онъ вос-

---

(*) Въ этомъ числѣ были планы и чертежи г. Черкаску, кр. св. Анны, Дмитріевской, Донецкой—Лютину, ложементу Монастырскому, кр. Ростовской, Азовской, Усть-Донецкой, Троицкой, Изюмской, Торской, Бахмутской, Таганрогской, укр. Ейскому, городку построенному при устьѣ Ея Калгою-султаномъ, и карты земель, принадлежащихъ къ нѣкоторымъ изъ означенныхъ крѣпостей, съ показаніемъ границъ земли Войска Донскаго.

пользовался указаніемъ на богатый запасъ матеріаловъ для Донской исторіи въ Московскомъ архивѣ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Черезъ генераль-адъютанта Чернышова Сухоруковъ испросилъ разрѣшеніе сдѣлать извлеченія, относящіяся до исторіи Донскаго казачества изъ актовъ упомянутаго архива. Для этого съ 30 мая 1823 г. по 7 іюня 1824 г. былъ откомандированъ въ Москву г. Кучеровъ и приглашены были нѣкоторые изъ архивныхъ чиновниковъ; г. Строевъ также оказывалъ большое содѣйствіе этому дѣлу.

Такимъ-то образомъ въ рукахъ Сухорукова сосредоточилось богатое собраніе историческихъ матеріаловъ. Достаточно указать на одни цифры актовъ, значащихся по сохранившимся подробнымъ описаніямъ, чтобы судить о важности этихъ матеріаловъ. Такъ, въ Московскомъ архивѣ собрано: а) изъ дѣлъ двора Турецкаго за 1514—1700 г. 184, б) двора Крымскаго за 1485—1742 г. 386, в) Ногайскихъ за 1533—1776 г. 153, г) двора Персидскаго за 1588—1674 г. 31, д) дѣлъ Донскихъ за 1571—1721 г. 779, е) дѣлъ Малороссійскихъ за 1671—1708 г. 11, ж) Кабинетныхъ за 1736 г. 14 актовъ, з) двѣ книги актовъ, выписанныхъ изъ дѣлъ Московскаго архива тайнымъ совѣтникомъ Малиновскимъ, заключающія въ себѣ: отд. I съ 1514 по 1682 г. 127 листовъ и отд. II съ 1683 по 1742 г. 232 листа. Изъ бібліотеки гр. Толстаго пріобрѣтенъ былъ списокъ съ рукописнаго повѣствованія объ Азовскомъ сидѣннѣ; также пріобрѣтены были списки съ рукописей: «О взятіи Сибирской земли» и «Исторія о Сибирской землѣ». Актовъ, собранныхъ въ архивахъ мѣстныхъ Донскихъ, кр. Дмитріевской, Азовской, Таганрогской, Новохоперской и Астраханской за 1646—1808 г. насчитывается до 863. Кромѣ того, Сухоруковъ пользовался всѣми извѣстными въ то время печатными пособіями для изученія исторіи своей родины.

Не ограничиваясь уже собранными матеріалами, въ 1724 г. начато было еще собраніе свѣдѣній объ извѣстнѣйшихъ фа-

миліяхъ Войска Донскаго, представители которыхъ прославили себя въ войнахъ XVIII столѣтія, съ описаніемъ ихъ частной жизни и старинныхъ увеселеній на Дону.

Въ 1824 г. Сухоруковъ помѣстилъ въ «Русской Старинѣ» на 1825 г. изд. А. Карниловичемъ, статью подъ заглавіемъ: «Общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ». Въ предисловіи издатель отзывается о ней такъ: «Второе отдѣленіе (книги) написано г. С. воинственнымъ питомцемъ знаменитаго Дона..... Авторъ пользовался современными актами и отчасти преданіями, которые еще свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и потому свято сохраняющемъ память о прошедшемъ(*)».

Осенью 1825 г. Сухоруковъ возвратился въ Новочеркасскъ и въ декабрѣ былъ прикомандированъ къ генералу Богдановичу для окончанія, подъ руководствомъ его, Историческаго и Статистическаго Описанія.

Къ ноябрю 1826 г. Историческое описаніе было окончено вчернѣ и представлено Богдановичу, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ. Отъѣзжая изъ Новочеркасска, Богдановичъ 15 ноября далъ предложеніе Сухорукову продолжать составленіе исторіи и, что будетъ окончено «совокупно съ прочими чиновниками», чрезъ каждыя двѣ недѣли, вчернѣ, доставлять къ нему въ С.-Петербургъ; также доставить къ нему «вѣдомость всѣмъ выпискамъ изъ государственнаго архива и изъ другихъ мѣстъ».

Вскорѣ послѣ этого отъ Сухорукова представлена была опись находящимся у него актамъ и выпискамъ; но Богдановичъ, находя ее слишкомъ краткою, 13 января предпринималъ Сухорукову «непременно» доставить къ нему, съ своимъ засвидѣтельствомъ, копии со всѣхъ актовъ и выпи-

(*) Появленіе въ свѣтъ статьи этой принято было на Дону съ особеннымъ сочувствіемъ. Изъ одного Хоперскаго округа на выписаніе «Русской Старины» прислано было отъ судьи тамошняго начальства 600 р. Г. Кушнаревъ, препровождая деньги эти къ Сухорукову, писалъ, что судья въ письмѣ своемъ изъявляетъ ему «доброжелательство всего Хоперскаго округа».

сокъ, въ коихъ что либо относится до привилегій войска Донскаго; прочимъ же актамъ сдѣлать опись хотя и краткую, но съ поясненіемъ главнаго содержанія оныхъ и также доставить къ нему въ самоскорѣйшемъ времени. При этомъ требовалъ *чистосердечно и откровенно* объяснить ему: не было ли когда нибудь съ актовъ, относящихся до привилегій, выдано кому либо копій или не передавались ли они «въ оригиналъ какому либо лицу, по службѣ или партикулярно». Въ заключеніе, упоминая о полученіи двухъ тетрадей изъ исторіи *о покореніи Сибири* и о томъ, что по разсмотрѣніи они будутъ возвращены для переписки на бѣло,— предлагаетъ *постараться* о скорѣйшемъ окончаніи послѣдующихъ за симъ статей.

По всему видно, что отъ Сухорукова требовалось во что бы то ни стало довести дѣло до конца какъ можно скорѣй. Въ черновыхъ бумагахъ до сихъ поръ уцѣлѣли отрывки цѣлыхъ тетрадей, какъ напримѣръ, вся глава о покореніи Сибири, писанныхъ самимъ Сухоруковымъ. А между тѣмъ неожиданный поворотъ въ его судьбѣ положилъ конецъ его дѣятельности по составленію Историческаго Описанія.

Въ февралѣ присланы были чрезъ навазнаго атамана Андріянова предписанія отъ Богдановича на имя Сухорукова о томъ, что онъ по распоряженію высшаго начальства командированъ изъ Новочеркаска *на службу* въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, а потому сдать бы всѣ находящіяся у него «матеріалы, относящіяся до исторіи и статистики Донскаго войска», при подробной описи, есауламъ: Кушнареву, Кучерову и сотнику Поснову; а на имя послѣднихъ трехъ, каждому отдѣльно, о принятіи отъ Сухорукова всѣхъ дѣлъ. (Предписанія эти предъявлены Атаманомъ уже чрезъ пять мѣсяцевъ, 26 іюня). При чемъ вмѣнялось Сухорукову въ непремѣнную обязанность съ полною откровенностію передать симъ чиновникамъ всѣ совершенно матеріалы и чтобы ни одной изъ бумагъ этихъ и ни какаго съ нихъ списка или копія не выданнымъ не оставалось.

Въ противномъ случаѣ, за удержаніе даже и малѣйшей записки,—говорится въ предписаніи,—«вы подвергнетесь строжайшей отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ». 27 іюля Сухоруковъ сдалъ всѣ акты, матеріалы, полубѣловыя и черновыя тетради *составленной* уже статистики и исторіи и всѣ безъ исключенія записки».

Съ удаленіемъ Сухорукова Историческое и Статистическое Описаніе залегло въ долгій ящикъ, хотя еще въ 1824 г. въ письмахъ войсковаго атамана Иловайскаго къ разнымъ лицамъ (о сообщеніи свѣдѣній о родословной знатнѣйшихъ фамилій) говорилось, что въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть «пріятнѣйшее удовольствіе читать исторію родины нашей».

Въ 1828 г. началась турецкая война. На генерала Богдановича возложена была операція по заготовленію для 2-й арміи продовольствія. Чиновники, принявшіе отъ Сухорукова матеріалы, поступили въ канцелярію Богдановича по этой операціи и кончили занятія свои здѣсь только въ ноябрѣ 1830 года.

Теперь, уже чрезъ три года, вновь начать былъ пересмотръ трудовъ Сухорукова и окончательная переписка ихъ съ тѣми, по словамъ занимавшихся, небольшими измѣненіями нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя казались имъ почему-то слишкомъ *рыжкими*. Пересмотръ рукописей, свѣрка ихъ съ матеріалами и наблюденіе за перепискою на-бѣло, возложено было генераломъ Богдановичемъ уже на извѣстныхъ намъ сотрудниковъ Сухорукова, гг. Кушнарева, Кучерова и Поснова, съ назначеніемъ въ помощь къ нимъ г. Пудавова.

Въ 1834 г. трудъ этотъ оконченъ и нѣсколько экземпляровъ описаній представлены были отъ г. Богдановича къ бывшему Военному Министру Графу Чернышову, какъ говорить, для поднесенія Государю Императору и Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Всѣ историческіе матеріалы остались въ вѣдѣніи генерала Богдановича и по словамъ однихъ, съ открытіемъ въ 1836

г. Межевой комисіи, куда Богдановичъ назначенъ былъ предсѣдателемъ, поступили на храненіе въ эту комисію, а по словамъ другихъ—сданы въ Атаманскую канцелярію, но до сихъ поръ не удается открыть даже и слѣдовъ ихъ. Отъ такого богатаго собранія матеріаловъ до насъ дошли только тѣ выписки изъ актовъ, которыя напечатаны въ примѣчаніяхъ къ Историческому описанію.

Настоящее изданіе напечатано безъ всякихъ измѣненій, съ рукописи, хранящейся въ Донскомъ Статистическомъ комитетѣ и провѣренной съ другими рукописями.

Второй томъ историческаго описанія, доведенный до 1708 г., будетъ печататься также въ приложеніяхъ къ «Донскому Вѣстнику» и выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Пространство земли, занимаемое нынѣ Войскомъ Донскимъ, принадлежало къ странѣ называемой въ древности нѣкоторыми Греческими писателями иногда *Гипербореемъ*, т. е. за сѣверомъ, а иногда *Скиѳією*.

Издревле обитали здѣсь народы, но погруженные въ невѣжество и покрытые мракомъ временъ баснословныхъ⁽¹⁾. Только среднихъ временъ Греческіе историки даютъ гораздо достовѣрнѣйшее и яснѣйшее понятіе о народахъ, въ то время здѣсь обитавшихъ. Ибо тогда только начали они имѣть сообщеніе съ ними, прежде же писали почти единственно по слухамъ и неосновательнымъ рассказамъ выходцевъ⁽²⁾.

По ихъ преданіямъ знаемъ мы, что Скиѳы или Сколотты, обитатели восточныхъ окрестностей Каспійскаго моря, вытѣсненные отсюда Массагетами, перешли Волгу и утвердились между Дунаемъ и Дономъ. Много было ордъ ихъ, но часть земли Войска Донскаго, правую сторону Дона и окрестности Азовскаго моря, занимала главная или царственная орда. За Дономъ, къ степямъ астраханскимъ, жили Сарматы или Савроматы. Они наступили на Скиѳовъ, побѣдили ихъ, присоединили къ своему народу и съ того времени исчезло особенное бытіе Скиѳовъ. Въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія явились Алавы, они скитались по степямъ Азіи, до самой Индіи, грабили по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и вытѣснили Сарматовъ. Къ нимъ принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, жившіе между Кавказомъ и Дономъ. На сихъ Алавахъ, въ концѣ IV вѣка, напали Гунны,

⁽¹⁾ Истор. Госуд. Рос. т. I, стр. 3 и 4. Описаніе Воронежск. губ. стр. 2.

⁽²⁾ Опис. Ворон. губерніи стр. 3. Ист. Госуд. Рос. т. I, стр. 5.

народъ свирѣпый и ужасный видомъ. Они отъ полуночныхъ китайскихъ областей перешли чрезъ Донъ, предавая все огню и мечу; но ихъ могущество упало съ смертію грознаго Атиллы, въ половинѣ V вѣка; только слѣды ихъ шествія означались самымъ гибильнымъ разрушеніемъ, между прочимъ и часть земли, занимаемая нынѣ Войскомъ Донскимъ, представляла въ то время пустыню, гдѣ весьма изрѣдка скитались иногда бѣдные остатки народовъ. Греческіе писатели, полагая *Танаисъ* въ числѣ знатнѣйшихъ рѣкъ, считали его предѣломъ между Европейскою и Азіатскою Сцивіею. Другіе же, назначая предѣломъ Азіи Волгу, раздѣляли Танаисомъ Азіатскую Сарматію отъ Европейской.

Уже Геродотъ, имѣвшій связи съ знатнѣйшими Сцивіями, зналъ, что рѣка сія вытекаетъ изъ какого-то озера. Байеръ говоритъ, что Донъ у Арабскихъ народовъ и до нынѣ называется *Танъ* и *Тана*. Турки называютъ его—*Тенъ-Цуга* или рѣкою *Тенъ*, какъ и Дунай. Татары называютъ его *Тенъ* и *Тинъ* Славянскіе же народы всѣ вообще называютъ его *Дономъ*.

Въ Россійской Исторіи, мѣста нынѣшней Донской области и нѣкоторыя другія украинскія издревле именовались *Полями* (3), по причинѣ ихъ ненаселенности. Тутъ обитали поочередно: *Козары Печенегъ* и *Половцы*.

Козары, народъ могущественный и сильный, имѣвшій уже гражданскіе обычаи, распространили въ VII вѣкѣ владѣнія свои отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго и господствовали тутъ до X столѣтія. Прельщенные выгодами торговли, они держали во власти своей Донъ болѣе трехъ вѣковъ, и на берегу его искусными греческими художниками построили вѣрность Саркель(4) для защиты жилищъ сво-

(3) Несл. лѣт. Описан. Воронежск. губ. стр. 5.

(4) Знаменитый Россійской Исторіографъ Карамзинъ первый утвердительно опредѣляетъ мѣсто Саркела, основываясь на путешествіи митрополита Пимена, плывшаго Дономъ къ Азовскому морю въ 1389 году. Сей митрополитъ миновавъ въ воскресенье устье Медвѣдцы, во вторникъ достигъ до городища *Серкии*, ко-

ихъ отъ нападенія Печенеговъ. Въ землѣ Донскихъ казаковъ(*) было еще нѣсколько городовъ Козарскихъ: лѣтописцы упоминаютъ объ Осѣневѣ, Сугровѣ⁽⁵⁾ и другихъ.—Хотя большая часть Козаръ жили домами, но имѣли и кочевья; строения ихъ были кирпичныя и мазанки⁽⁶⁾. Племена славянскія

торое Карамзинъ признаетъ за Саркель и полагаетъ его около Качалинской станицы, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ Козары должны были наиболѣе опасаться Печенеговъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи мѣстъ, въ окрестности Качалинской станицы верстъ на сто, не примѣтно однакожь и слѣдовъ, какого либо древняго укрѣпленія; да и въ памяти у жителей тамошнихъ не сохранилось о томъ никакого преданія. Близъ же Цымлянской станицы, по лѣвую сторону Дона, видны и по нынѣ развалины какого-то древняго, великолѣпнаго и уврѣпленнаго жилища. Надъ самымъ Дономъ, гдѣ нѣкогда протекалъ онъ, было самое укрѣпленіе, какъ видно, обведенное кирпичными стѣнами и окруженное водою, съ одной стороны самымъ Дономъ, а съ другой—широкимъ и глубокимъ каналомъ. Строенія въ немъ все были кирпичныя. Жители станицы брали и берутъ еще нынѣ отсюда множество кирпича, прежде на поверхности, а теперь отрываютъ въ землѣ иногда цѣлыя стѣны. Кирпичъ квадратный, болѣе четверти въ каждую сторону, но есть и точно такого вида, какъ нынѣ дѣлаютъ. Болѣе нежели за 20 лѣтъ до сего, нашли въ здѣшнихъ развалинахъ три обломка мраморныхъ колоннъ, кои въ поперечникѣ болѣе двухъ четвертей; въ прошедшемъ же году найденъ тутъ(**) небольшой янтарный крестъ, безъ всякой надписи; также находили и находятъ иногда на семъ мѣстѣ монеты и много разныхъ другихъ мелочныхъ вещей. Противу городища сего надъ Дономъ, съ правой стороны, на самой возвышенной горѣ, находится развалины какого-то храма, или замка, величественнаго, который, вѣроятно, былъ весь изъ бѣлаго камня. На полуостровѣ, по теченію рѣки Дона выше сего зданія, выходитъ изъ земли огромный камень, на коемъ высеченъ крестъ. Судожодцы утверждаютъ, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ и при быстротѣ речной воды, отъ Медвѣдицы до Цымлянской станицы, можно стать на третью сутки, если въ пути нигдѣ неостанавливаться.

(*) Здѣсь пишется *казакъ*, а не *козакъ*, какъ въ нѣкоторыхъ Исторіяхъ, ибо во всѣхъ Россійскихъ Лѣтописяхъ слово сіе удерживаетъ въ первомъ слогѣ букву *а*.

(⁵) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(⁶) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(**) Въ рукописи позднѣйшаго времени виѣсто: „за 20 лѣтъ,“ какъ здѣсь, говорится: „за 30 лѣтъ,“ а виѣсто слова: „въ прошедшемъ,“ говорится: „въ 1825 году.“ Слѣдовательно, печатающаяся нынѣ рукопись относится къ 1824 году.

Х. II.

не могли противустоять силѣ оружія сего могущественнаго народа, платили имъ дань, пока наконецъ въ 965 г. мужественный и храбрый Святославъ побѣдивъ ихъ, взялъ городъ Бѣлую Вежу или Саркель, и уничтожилъ власть ихъ. Но конечное паденіе Козаровъ совершилось въ первой половинѣ XI вѣка (въ 1021 году). Съ одной стороны Россіяне, а съ другой—Узы, Печенеги, Команы, Ясы, говоритъ Карамзинъ, ослабили и сокрушили сіе, нѣкогда знаменитое царство, которое отъ устья Волги простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки.

Въ 1117 году, какъ лѣтописецъ упоминаетъ, Бѣловежцы, пришедъ въ Русь, охотно припяти Владиміромъ Мономахомъ и тутъ даны имъ земли для поселенія.

Печенеги, въ землѣ Войска Донскаго, кажется, не имѣли своихъ жилищъ,—они только проходили здѣсь временно.

Болтинъ⁽⁷⁾ утверждал, что они жили по Дону, Донцу и Днѣпру, вѣроятно разумѣвъ верховья Дона и Донца. Тѣснимые сосѣдами своими Узами, они въ первый разъ въ 915 году, проходили мѣстами сими изъ стеней саратовскихъ къ Дунаю⁽⁸⁾. Послѣ многихъ гибельныхъ для Россіи набѣговъ ихъ, въ 1036 году, побѣжденные Половцами, они ворвались въ Южную Россію, но прогнанные Ярославомъ, многие ушли къ товарищамъ своимъ на Дунай, а нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ жили уже Половцы⁽⁹⁾. Еще въ 1114 году, въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается о сраженіи Половцевъ съ Торками и Печенегами, двое сутокъ продолжавшемся; оно было у рѣки Дона. Послѣ сего Печенеги пришли къ великому князю Владиміру и поселены въ Руси, по разнымъ городамъ⁽¹⁰⁾. За симъ нигдѣ уже неупоминаются Печенеги, какъ особый народъ.

Половцы, или *Команы*, народъ дикой и жестокой полагав-

⁽⁷⁾ Примѣч. на Исторію Леклерка т. I, стр. 38.

⁽⁸⁾ Истор. Госуд. Рос. т. I стр. 145.

⁽⁹⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 321 и 374.

⁽¹⁰⁾ Татищ. Истор. т. II, стр. 218. Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

ній забаву въ грабежахъ и кровопролитіи, питавшійся нерѣдко сырымъ мясомъ и кровью животныхъ, единоплеменный съ Печенегами и, какъ полагають, съ нынѣшними Киргизами, вышелъ изъ окрестностей Каспійскаго моря, выпалъ Казарь, Печенеговъ, Узовъ и занялъ мѣста отъ Дона до Молдавіи. Въ половинѣ XI вѣка⁽¹¹⁾ завладѣвъ устроенными городами козарскими, онъ основалъ въ нихъ жилище свои и привыкъ къ домамъ. Такимъ образомъ города, воздвигнутые на берегахъ Дона Козарами, стали принадлежать Половцамъ и, можетъ быть, отъ нихъ уже названы тѣми именами, подъ воими извѣсны въ лѣтописяхъ⁽¹²⁾. Въ землѣ Донскихъ казаковъ были города ихъ: *Балинъ*, *Чевшлюевъ*, *Осѣневъ*, *Сугровъ*⁽¹³⁾ и другіе, — всѣ на берегахъ Дона; также многіе вежи и кочевья. Ихъ же жилища простирались по рѣкѣ Салу, и словомъ вся теперешняя земля Донскихъ казаковъ имп (Половцами) была занята. Новые варвары сіи ища добычъ, безпрестанно разоряли Россію; опустѣли многіе города и селы отъ грабежей ихъ. Россіяне, чувствуя всю тягость сосѣдства сего, тронутые страданіемъ отечества, въ 1101 году соединились, пошли въ землю половецкую и одержали надъ многочисленнымъ, гордымъ неприятелемъ знаменитую побѣду. Черезъ десять лѣтъ, соединенная Русская рать снова явилась въ землѣ сихъ злобныхъ враговъ и прошла гораздо далѣе къ Дону. Городъ Осѣневъ встрѣтилъ ихъ съ хлѣбомъ и дарами и потому пощаженъ; Сугровъ обращенъ въ пепель. Войска русскія прошли къ Салу и тамъ имѣли самую отчаянную и кровопролитную битву, увѣнчавшую ихъ новою славою. Въ 1116 году, какъ пишется у Нестора, третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, ходилъ на половецкую землю къ Дону и взялъ три города ихъ Балинъ Чевшлюевъ и Сугровъ (вѣроятно возобновленный).

Въ 1120 году *«онъ же ходилъ на Половцевъ за Донъ и необрете ихъ возвратился»*. Въ 1127 году войско Мстисла-

⁽¹¹⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 67 и 68. Описаніе Воронеж. губ.

⁽¹²⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

⁽¹³⁾ Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

вово загнало Половцевъ нетокмо за Донъ, но и за Волгу. Такимъ образомъ власть ихъ въ теперешней землѣ Донскихъ казакозъ мало-помалу исчезала; но они все еще скитались тутъ до появленія татаръ, ибо еще въ 1198 году великій князь владимірскій (что на Клязьмѣ) *Всеволодъ*, какъ пишетъ лѣтописецъ⁽¹⁴⁾, «ходи на Половцы съ сыномъ своимъ Константиномъ, Половцы же слыша походы его, бѣжаша и съ вежами прочь; князь же великій ходивъ по становищамъ ихъ, иде прочь возлѣ Дона». Въ сіе время русскими разорены и сожжены зимовья ихъ. Нашествіе Татаръ совершенно искоренило Половцевъ. «Ими до основанія разорены твердыни, грады и селенія половецкія»,—какъ говоритъ Лызловъ⁽¹⁵⁾. Многіе Половцы, пришедши въ Русь, крестились и расселились по городамъ⁽¹⁶⁾.

Въ 1224 году явился въ предѣлахъ Россіи новый, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный намъ народъ *Татары*, или Монгоды, народъ страшный наружностію, свирѣпый и искусный на войнѣ; они въ сіе время прошли токмо часть земли, занимаемую теперь Войскомъ Донскимъ и исчезли. А въ 1237 году подъ предводительствомъ Батгя вновь явились, покорили подъ власть свою Россію и съ того времени страна, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемая, сдѣлалась, между многими другими, мѣстомъ кочевья ихъ; наиболѣе же умножились въ оной жилища татарскіа въ 1348 году, когда необыкновенный моръ, свирѣпствовавшій въ волжскихъ городахъ, принудилъ Татаръ бѣжать въ степи⁽¹⁷⁾.

Такимъ образомъ распространились жилища ихъ въ теперешней землѣ Войска Донскаго по всему Дону, Донцу,

---

⁽¹⁴⁾ Нест. лѣт. стр. 293. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8.

⁽¹⁵⁾ Скиѣск. его Истор. стр. 23.

⁽¹⁶⁾ Истор. Татищ. ч. III, стр. 441. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8. Истор. о Тавріи Сестренцев. Багуш. т. II, стр. 145 и 153. Записк. Кас. Р. И. т. I, стр. 43 и 389 и ч. III т. III стр. 380 и 389.

⁽¹⁷⁾ Скиѣск. Истор. Лызлова стр. 49. Истор. о Тавріи Сестренц. Богуша т. II, стр. 228.

Медвѣдиць и частію по Хопру; свидѣтельствуютъ то оставшіеся и до нынѣ слѣды ихъ пребыванія—развалины кирпичныхъ зданій и прочее.

На берегахъ Дона ихъ было менѣе, а большею частію они углублялись въ степи; потому-то можетъ быть и митрополитъ Пименъ, плывшій Дономъ въ 1389 г. невидалъ, какъ нишетъ, и слѣда человѣческаго, начиная отъ устья Хопра и до городища *Серклии* (до Качалинской станицы, какъ полагаетъ Карамзинъ); ниже же по Дону встрѣчалъ вездѣ множество Татаръ—*«яко же листъ и яко же песокъ»*.

Но что дѣйствительно жили они и въ сей верхней части Дона, въ томъ удостовѣряютъ оставшіеся отъ нихъ памятники. На стенахъ медвѣдицкихъ видны еще и теперѣ въ четырехъ или пяти мѣстахъ, развалины ихъ мечетей кирпичныхъ. Тутъ также близъ Глазубовской станицы было какое-то зданіе, коего внутреннія стены состоятъ изъ поливаныхъ разноцвѣтныхъ кахлей, сохранившихъ и донныя яркой цвѣтъ свой⁽¹⁸⁾. Противу сихъ степей медвѣдицкихъ, съ правой стороны Дона къ рѣчкамъ Чирю, Сускану, Куртлаку и Царицѣ вездѣ видны слѣды жилищъ татарскихъ, кажется и три первыя рѣчки отъ нихъ получили названіе⁽¹⁹⁾. Далѣе по Иловлѣ, по Шеряю и по Салу занимали они почти всѣ мѣста⁽²⁰⁾. Съ другой стороны, когда усилилась

⁽¹⁸⁾ Зданіе сіе, сколько изъ развалинъ заключить можно, имѣетъ въ длину 90 саж., а въ ширину 30, и стены, изъ цвѣтныхъ кахлей состоящія, углубляются въ землю аршина на три.

⁽¹⁹⁾ По симъ рѣчкамъ, во многихъ мѣстахъ видны небольшія ямы, съ рыхлою землею, въ такихъ пространствахъ, какъ ауломъ большимъ или меньшимъ занять можно, въ ямахъ на поверхности множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, кои гораздо толще нашихъ. Утверждаютъ, что рѣчка Сусканъ получила названіе отъ татарскаго владѣльца Сусъ, который кочевалъ тутъ съ улусомъ своимъ, равно какъ и Чиръ отъ другаго владѣльца Чира.

⁽²⁰⁾ По Иловлѣ и по Шеряю есть мечети татарскія, кои совершенно разрушены и только на мѣстахъ ихъ изъ земли вырываютъ еще множество кирпича. Тутъ въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ есть также остатки отъ тѣхъ зданій, коихъ внутреннія

Крымская орда, то кочевья ея распространились почти по всему нынѣшнему Міускому округу и частію по Донцу⁽²¹⁾.

стены украшены были разноцвѣтными кахлями.

(²¹) Съ правой стороны Донца, выше Каменской станицы, верстахъ въ трехъ, при балкѣ *Рышиной*, явственно видны слѣды бывшаго вала и рва со всѣми ихъ поворотами. Валъ сей имѣеть въ окружности двѣ съ половиною версты и простирается по лѣвой сторонѣ *Рышиной*, начинаясь отъ устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Донецъ, разстояніемъ на полторы версты; онъ обонми флангами примыкаетъ къ балкѣ сей, которая въ прежнее время всегда была съ водою и очень глубока, такъ, что еще лѣтъ за 30 предъ симъ, не было на ней нигдѣ бродовъ, нынѣ же течеть самымъ тонкимъ ручейкомъ.

Съ южной стороны примыкаетъ къ главному валу еще небольшая крѣпостца, которая оканчивается скалою, почти совершенно неприступною. Все пространство, внутри главнаго вала заключающееся, представляетъ слѣды бывшихъ жилищъ постоянныхъ: бугры, ямы, совершенно съ рыхлою землею и въ нѣкоторомъ порядкѣ разбросанныя, различной величины и вида. На каждомъ изъ нихъ множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ—горшковъ, кувшиновъ и другихъ, кои однакожь необыкновенной толстоты, и какъ изъ частей заключать можно, были весьма велики и искусно сдѣланы. За валомъ также предполагать должно жилища; входъ ихъ со стороны западной. За нѣсколько предъ симъ лѣтъ выпаханы изъ земли лемешъ, (недалеко отъ онаго мѣста), который отличенъ отъ нашего тѣмъ, что до половины остръ съ обѣихъ сторонъ. Около сихъ же мѣстъ находили мѣдныя оконечники стрѣлъ, весьма красиво и искусно сдѣланные; сіе ведетъ къ догадкамъ, что здѣсь упражнялись даже въ хлѣбопашествѣ и знали ремесла.

Въ юрту Каменской же станицы съ лѣвой стороны Донца, въ разныхъ мѣстахъ, около берега, находится остатки отъ подобныхъ жилищъ, но только несравненно въ меньшихъ пространствахъ, безъ укрѣплений, и даже можетъ быть кочевья; между ими то сходство, что такіе же точно черепки вездѣ и тутъ разсыпаны и находятъ здѣсь такіе-жъ оконечники стрѣлъ. Въ одномъ изъ сихъ мѣстъ, разстояніемъ отъ станицы верстахъ въ пяти, вверхъ по Донцу, недавно нашли болѣе пятнадцати скелетовъ костей чело-вѣческихъ, лежащихъ въ порядкѣ, (вѣроятно кладбище). Всѣ они обращены головами къ югу и у праваго плеча каждаго стоялъ горшокъ. На одной ручиной кости нашли мѣдную наручню. (Въ землѣ Донскихъ казаковъ онѣ называются бѣлезиками и прежде женщины всегда ихъ носили).

Подобныя небольшіе слѣды жилищъ находятся и въ другихъ

Гибельное нашествіе Тамерлана, внутренніе раздоры и въ особенности постепенное могущество Россіянъ, мало по малу разрушили владычество Татаръ. Они стали бояться жить близко въ русскимъ владѣніямъ и подавались далѣе въ задонскія степи и къ Волгѣ, оставляя теперешнюю часть земли занимаемую Войскомъ Донскимъ, пока наконецъ сильная рука Іоанна нанесла рѣшительный ударъ магометанской гордости и поставила грань владѣній своихъ за предѣлами царствъ *Казанскаго* и *Астраханскаго*.

Сіи-то народы были прежніе обитатели страны, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемой; два первые исчезли прежде, нежели имя Войска Донскаго было извѣстно; послѣдніе-жь, въ особенности татары Крымскіе, долго были Войску Донскому сосѣдями и нерѣдко испытывали силу оружія онаго, какъ въ послѣдствіи увидимъ.

мѣстахъ по Донцу, только такого большаго и укрѣпленнаго мѣста, какъ первое, нигдѣ нѣтъ: его безъ сомнѣнія почестъ должно городомъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи **МИХАИЛА** **ЕФЕДОРОВИЧА**, въ теченіи 70 лѣтъ.

Г Л А В А I.

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. — Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Полемя. — Жалобы двора Московскаго царю Крымскому и Турецкому султану на разбои, производимые на Полѣ. — Знаменованіе слова казакъ. Разныя наименованія казаковъ. Первые упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону.

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. Угнетенное и обезсиленное Монголами царство Русское получило новую жизнь въ періодѣ царствованій Великихъ Князей **Василія** **Іоанновича** и **Іоанна** **Грознаго**. Сверженіе ига варваровъ, коимъ Россія болѣе двухъ столѣтій платила дань и коихъ повелители возводили на престолъ московскій Царей-потомковъ **Рюриковыхъ** и вновь низводили по своей волѣ—было то великое событіе, которое воскресило въ сердцѣ каждаго россиянина духъ мужества и самоотверженія. Но крымскіе и ногайскіе Татары все еще не переставали, время отъ времени, опустошать южные предѣлы Россіи и даже вторгаться во внутреннія ея провинціи, гдѣ они грабили города, сожигали селенія, уводили много людей въ плѣнъ, и самое сердце Россіи—Москва, не рѣдко содрагалось, видя опустошенія и пожары окрестностей своихъ, производимые этими варварами.

Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Полемя. Болѣе другихъ мѣстъ подвергались неистовству ихъ предѣлы Княженія Рязанскаго и Сѣверія (1). Эти области рус-

(1) Есть много достовѣрности, что русскія Княженія Сѣверское и Рязанское примыкали къ землямъ Тмутаракани, когда область сія состояла подъ владѣтельствомъ русскіхъ князей (988—1094 г.); доказательства на сіе представлены, хотя и мимоходомъ, въ статьѣ Будкова къ слову о полку Игоревѣ, напечат. въ № № 21 и 22 „Вѣстн. Европы“ 1821 года.

скія отдѣлялись отъ обиталища Татаръ пустою, пространною степью, которая шла отъ южныхъ береговъ Волги чрезъ Довь, почти до Днѣпра и которая тогда извѣстна была въ лѣтописяхъ подъ названіемъ Поля. Произведя внезапный набѣгъ, Татары всякій разъ легко могли укрываться въ глухой пустынь, гдѣ преслѣдованіе было гибельнѣе самыхъ набѣговъ ихъ. Эта пустыня скоро сдѣлалась пріютомъ разбойниковъ: постоянныя торговыя дороги, здѣсь пролегавшія, и извѣстные перевозки на рѣкахъ, манили сюда отважныхъ храбрецовъ искать добычъ и опасностей.

Жалобы двора нашего царю Крымскому и Турецкому султану на разбой, производимые на Полѣ. Еще въ послѣдней половинѣ XV столѣтія начали обнаруживаться на Полѣ грабежи и убійства, производимые разными самовольными толпами: въ 1489 году на Донцѣ, на устьѣ Оскола, крымскіе Татары напали на нашихъ гостей, изъ Крыма возвращавшихся, перебили ихъ и пограбили. Услышавъ объ этомъ, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ поручилъ Грибцу Клементьеву, отправлявшемуся въ Крымъ съ грамотою, просить крымскаго царя о розысканіи грабителей, о наказаніи ихъ и о возвращеніи росіянамъ взятыхъ у нихъ вещей (2).

Въ началѣ XVI столѣтія буйныя толпы на Полѣ до того умножились, что изъ Украинныхъ російскихъ мѣстъ посылаемы были партіи для развѣдыванія, дабы предотвращать внезапныя нападенія. Чаше всего производили набѣги Азовскіе казаки; почему Великій Князь Василій Іоанновичъ, въ 1523 году, чрезъ посла своего, дворянина Ивана Морозова, жаловался на нихъ Турецкому Султану, просилъ его под-

---

(2) Посольскихъ дѣлъ двора Крымскаго книга №1 стр. 190. Въ памяти нѣкоему Грибцу Клементьеву, отправленному отъ Великаго Князя Іоанна III Васильевича къ крымскому царю Менгли-Гирею съ грамотою, между прочимъ сказано: „Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: гости наши „шли изъ твоей орды: Стенанъ, Васильевъ сынъ, съ товарищи,—и пришеде „на нихъ Татарове на Донцѣ Усть-Оскола, да ихъ перебили и перегра- „били, а слухъ намъ таковъ, что—де и тѣхъ нашихъ гостей и твоихъ „люди грабили, и ты бы того обыскалъ, да взятое велѣлъ бы еси отдати, „а лихихъ бы еси велѣлъ казнить:“

твердить Азовскимъ градоначальникамъ о прекращеніи таковыхъ злодѣйствъ. Послу приказано говорить такъ: наши украинные люди ходятъ по Украинѣ, иные по своей волѣ, иныхъ намѣстники посылають на Полѣ для согляданія злыхъ людей. И твои Азовскіе казаки емлютъ нашихъ людей на Полѣ, отводятъ въ Азовъ и продають; оуны же берутъ съ нихъ великіе и вообще твои казаки Азовскіе людямъ нашимъ много зла причиняють“ (3).

На Полѣ годъ отъ году умножались разноплеменные толпы, и грабежъ такъ сдѣлался силенъ, что въ 1528 году почти не было уже возможности посламъ проходить безопасно чрезъ Поле. Въ дѣлахъ сего года и въ предшествовавшихъ годахъ весьма не рѣдко говорится, что на Полѣ люди многіе и проѣхать нельзя (4). Такъ происходило на Полѣ со стороны крымской.

Но въ тоже самое время подобныя толпы вольницы скитались по Полю и съ ногайской стороны, — Татары и Русскіе. Въ 1538 году на жалобу Ногайскаго Мирзы Келмагмеда о раззореніяхъ, нанесенныхъ подданнымъ его Городецкими казаками, Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтствовалъ: „И вамъ гораздо вѣдомо лихихъ гдѣ нѣтъ? на Полѣ ходятъ казаки многіе: Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки;

(3) Дѣла Турецкія, книга № 1, листъ 233. Въ Наказѣ дворянину Ивану Морозову, посланному въ Константинополь къ Турецкому Султану сказано: „Государь нашъ велѣлъ тебѣ (Султану) говорить: которые наши украинные люди ходятъ по Украинѣ свои ухажай, а иныхъ нашихъ людей украинные наши намѣстники посылають отвѣдывати людей на Полѣ, нѣчто которые люди наши недруга, похотятъ придти на наши украинныя мѣста и лихо хотятъ учинити, и онибъ безвѣстно не пришли, и твои казаки Азовскіе нашихъ людей емлютъ на Полѣ, да водятъ въ Азовъ, да ихъ продають; а емлютъ съ нихъ окупы великіе и лиха нашимъ людямъ отъ твоихъ казаковъ Азовскихъ много чинится!“...

(4) Истор. Р. Г. Карамзина стр. 290 примѣч. 236. — Дѣла Крымскія книг. № 6 листъ 198 на оборотѣ и 199. Наказъ Борису Блудову, отправленному въ Путивль съ посломъ Крымскимъ Дивлетъ—Килдеемъ, изъ Москвы возвращавшимся..... „Князю Ивану Шемкѣ, да и ко Князю Микитѣ ему тогда о томъ послати, чтобы послали на Поле сына боярскаго, учиня голову, да съ тѣмъ же Севрюковъ Путивльцовъ, а ведѣти про тѣхъ людей доведатися, въ которыхъ мѣстахъ тѣ люди и многіе ли люди: да скажутъ имъ тѣ люди пріѣхавъ, что на Полѣ люди многіе и проѣхати имъ нельзя. И Борису тогда поговоривъ съ Дивлетъ—Килдеемъ отпустити къ Царю въ Крымъ Великаго Кнзя Татарина Сабаку съ товарищи съ грамотою!“...

а и нашихъ Украинъ казаки съ ними смѣшавшись ходятъ и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники (5). Черезъ восемь лѣтъ послѣ сего начали уже стекаться на Полѣ казановать, изъ всѣхъ украинъ, многочисленныя толпы вольницы и распространяли страхъ во всѣхъ украинскихъ городахъ и селеніяхъ. Князь Михайло Троекуровъ, бывшій воеводою въ Путивлѣ, въ 1546 году, извѣщая Великаго Князя о происшествіяхъ того края, писалъ: „Нынѣ, Государь, казакъ на Полѣ много и Черкасцовъ и Кіянъ и твоихъ Государевыхъ; вышли, Государь, на Поле изъ всѣхъ Украинъ (6):“

Около сего времени и еще гораздо прежде, по лѣтописямъ и другимъ историческимъ актамъ, встрѣчаются разные казакъ, а именно: въ Крымской ордѣ съ 1474 (7), въ Волжской съ 1492 и царствѣ Казанскомъ съ 1491 (8), въ царствѣ Астраханскомъ съ 1502 (9), въ Азовѣ съ 1499 (10), въ Аккерманѣ и Бѣлгородѣ 1515 г. (11), впоследствии времени были казакъ въ Очаковѣ, у Чувашъ, Черемисъ и Мордвы (12).

Знаменованіе слова: казакъ. Слово *казакъ* извѣстно было въ Россіи гораздо прежде этого времени: оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на языкѣ Монгольскомъ означало пограничнаго стража и вообще военнаго человѣка (13); но разсматривая лѣтописи наши тогдашняго времени, видно, что казакъ назывались и такіе люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину, (каковы были Донскіе казакъ въ первой половинѣ XVI вѣка). По смыслу словъ, въ лѣтописяхъ и современныхъ актахъ встрѣчающихся: „на Полѣ ходятъ *баловни казакъ*“ или такой-то „*казакуетъ*“, нельзя полагать, чтобы имя казакъ значило пограничнаго стража. Присоединя къ сему выраженія, встрѣчающіяся въ актахъ XVI и XVII вѣка „*живутъ своимъ каза-*

(5) Дѣла Ногайскія книга №2 листъ 230.

(6) Дѣла Крымскія книга № 9.

(7) Истор. Р. Г. Карамзина т. VI примѣч. 124.

(8) Дѣла Крымскія книга № 1 стр. 216.

(9) Тамъ же ————, ———— 885.

(10) Тамъ же ————, ———— 679—680.

(11) Дѣла Турецкія книг. № 1 листъ 63.

(12) Исторія Р. Г. т. VIII прим. 232.

(13) „Вѣстникъ Европы“ 1822 г. № 23,

чимъ *обычаемъ*“ (кочевнымъ) и т. п., нельзя не согласиться, что имя казакъ, въ отношеніи къ зависимости людей, онымъ называвшихся, принималось однозначительно разбойнику, но въ отношеніи ремесла, оно не было столько поноснымъ и преступнымъ, какъ разбойникъ; ибо этотъ родъ жизни и поведенія были въ духѣ тогдашняго времени. Такимъ образомъ думать надобно, что слово казакъ означало отважнаго наѣздника, живущаго набѣгами и войною, непривязаннаго къ землѣ и домовности.

Разныя наименованія казаковъ. Надлежитъ вѣрить Татищеву и Болгину, что имя казакъ стало извѣстно въ Россіи отъ Монгольскихъ Басмаковъ, кои, начальствуя въ нѣкоторыхъ російскихъ городахъ, имѣли при себѣ казаковъ для охраненія своего и для другихъ надобностей. Первое упоминаніе о нашихъ казакахъ находимъ 1444 года въ Рязани, когда еще страна сія составляла особое Княженіе ⁽¹⁴⁾, а 1468 г. были казаки и въ Москвѣ ⁽¹⁵⁾. Въ древнемъ Княженіи Сѣверскомъ обрѣтались свои казаки, которыхъ называли *Сѣверскими*, *Украинскими* и *Севрюками* ⁽¹⁶⁾. Они поселены были въ городахъ: Черниговѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ и другихъ. Сія же казаки упоминаются въ російскихъ ополченіяхъ 1531 года вмѣстѣ съ прочими казаками Русскими и Мещерскими ⁽¹⁷⁾.

Казаки, находившіеся въ Украинскихъ Російскихъ городахъ, по Волгѣ стоявшихъ, назывались *Волжскими*, особливо тѣ, кои отъ начатія Казанскихъ походовъ, съ 1547 года, располагались по Волгѣ, дабы не допускать къ Казани Крымцовъ и Ногаевъ и кои, по присоединеніи къ Россіи Казани и Астрахани, стояли на Волгѣ, охраняя переправы, большею частію у *переволоки* и дѣлая развѣзды по степямъ (кавказскимъ), для развѣдыванія о предпріятіяхъ Крым-

⁽¹⁴⁾ Царственная лѣтопись стр. 261.— Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. V. 192 и Истор. Р. Г. Татищева Т. IV, 552.

⁽¹⁵⁾ Царств. лѣтоп. стр. 385 и Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VI.

⁽¹⁶⁾ Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VIII стр. 176 и 215 Истор. Р. Г. Шерб. Т. VIII стр. 23 и 75.

⁽¹⁷⁾ Истор. Р. Г. Карамз. Т. VII примѣч. 301.

скихъ (18).

Въ тѣ времена было въ обычаѣ учреждать казаковъ, по роду ихъ службы, для сторожи, при всѣхъ пограничныхъ и даже при внутреннихъ Русскихъ городахъ, вмѣстѣ со стрѣльцами, воротниками, затиньщиками, пушкарями и другихъ званій служивыми людьми (19). Сихъ казаковъ называли *городовыми* и *помѣстными*; они имѣли своихъ головъ и атамановъ (20). Головы стрѣлцкіе изъ городовъ и головы казачьи призываемы были въ одинаковой степени (21). Казачій Приказъ управлялъ атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, т. е. *кормовымъ* и *блгопомѣстнымъ*, (владѣвшимъ землями безъ платежа податей), служившимъ въ Москвѣ и въ городахъ. Объ этомъ Приказѣ упоминается отъ 1628 до 1646 г. (22). Въ казаки Украинскихъ городовъ Сѣвска и Курска помѣщаются были, по судебнымъ приговорамъ, ябедники и преступники (23).

Мещерскіе казаки суть породю Монголы; ибо въ Мещеру, страну, принадлежащую частію Московскимъ, частію Рязанскимъ Князьямъ, принимаемы были на поселеніе выходцы ордынскіе, гораздо ранѣе 1364 г. и употреблялись на службу Россіи (24). Главное селеніе въ Мещерѣ называлось Касимовъ и просто Городокъ, основанный около 1446 г., поэтому Монгольскимъ обитателямъ Мещеры присвоили имена Мещерскихъ и Городецкихъ казаковъ (25).

Въ первый разъ встрѣчается здѣсь (въ Мещерѣ) слово казакъ 1493 г. Въ это время Мещерскіе казаки приходили

(18) Доказательства на сіе въ Никоновской лѣтоп. и въ прод. древней Россійской Вывлюенни VIII въ описаніи Правл. Цар. Ив. Васильевича и сверхъ того въ Русск. лѣтописи по Никоновскому списку т. VII, 65.

(19) Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку VIII 167, 170, 176, 215. Указъ 29 Мая 1624 г. въ указателѣ Рос. зак.

(20) Указъ 8 Марта 1627 г., 26 Октября 1652 и 29 Сентября 1681.

(21) Указъ 8 Марта 1627 тамъ-же.

(22) Указатель Россійск. зак. ст. XXIV.

(23) Судеб. стат. 161 и 162 подъ 1582 годомъ. Въ Указателѣ Россійск. зак. 1, 105, 106;—улож. глав. 10 и 24.

(24) Договорн. грам. В. К. Дмитрія Ивановича см. собр. госуд. грамотъ и договоровъ 1,—235.

(25) Продолж. древн. Рос. Вывлюенни VII, 247, 257, 340; см. собр. государств. грам. и договоровъ 11—32.

къ Азову для взятія языковъ (26). 1551 г., выступило изъ Мещеры къ Казани въ російскомъ ополченіи казаковъ 5/т. конныхъ и пѣшихъ (27).

Днѣпровскіе казаки, по происхожденію своему, безъ всякаго сомнѣнія, суть древнѣйшіе изъ всѣхъ; начало ихъ отнести можно къ Берендеямъ—Черкасамъ, кои въ сообществѣ съ Торками и Печенѣгами называемы были съ 1146 года Черными Клобуками, или по Татарски Кара—Калпаками (28).

Торки, Печенѣги и Берендеи еще въ 1103 г. являются на правой сторонѣ Днѣпра въ предѣлахъ Кіевского княженія (29).

Народъ этотъ, впоследствии времени составилъ изъ себя для Польши легкое полевое пограничное ополченіе, каковое, Черные Клобуки составляли для Кіевского княженія еще до нашествія Монголовъ. Король Польскій, давши этимъ людямъ преимущества, поставилъ надъ ними гетманомъ поляка Ландцкоронскаго.

Около 1515 г., полякъ Евстафій Дашковичъ былъ поставленъ отъ короля Сигизмунда гетманомъ или атаманомъ того же ополченія, и получивъ во власть свою города Каневъ и Черкасы, образовалъ оное и ввелъ въ употребленіе слово *казакъ*, которое съ 1515 г. стало быть тамъ извѣстно (30). Городъ Черкасы и народъ, его основавшій, дали поводъ въ наименованію Черкасами казаковъ Малороссійскихъ, Запорожскихъ, Слободскихъ-Украинскихъ и вообще всѣхъ Малороссійскихъ (31). Еще въ XVI вѣкѣ Ногаи называли короля Польскаго царемъ Черкасскимъ, потому, что Малороссія состояла тогда въ зависимости отъ Поляковъ (32).

(26) Посольскія дѣла Двора Крымск. № 1 стр. 368.

(27) Ист. Рос. Гос. Карамз. Т. VIII примѣч. 228.

(28) Ист. Росс. Госуд. Карамз. Т. II листъ 195 примѣч. 347 Рос. лѣт. съ Воскр. спис. 11, 21.

(29) Тамъ же, Т. II. прим. 201.

(30) Истор. Р. Г. Кар. Т. V стр. 386 примѣч. 411, VI стр. 70, 71, 106, VIII стр. 27, —Кратк. истор. Рос. стр. 32. Ежемѣсячникъ 1760 года.

(31) Дворц. запис. ч. 2. стр. 119, —грамот. царя Алекс. Михайл. 1668 г., напечатанная въ топографическомъ описаніи Харьковск. Намѣстничества. —Въ рукописяхъ: грамоты Петра Великаго Слободскому Острогжскому полку 1700, 1709 и 1710 годовъ.

(32) Продолж. Р. Вильюенни VIII стр. 41, 48 и 63.

Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ явившихся на Дону. Собственно о Донскихъ казакахъ упоминается въ первый разъ въ 1549 г. Мы видѣли уже, что рѣка Донъ еще никѣмъ не была постоянно обитаема, что по обширному пространству, лежащему между Волгою и предѣлами бывшаго царства Крымскаго, считались толпы разныхъ народовъ для разбоевъ, не исключая и Россіянъ. Но какимъ образомъ и въ какое время, эти бродившіе на Полѣ люди соединились въ одно общество и избрали постоянныя мѣста для пребыванія своего, мы не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ начальномъ ихъ соединеніи вовсе не было намѣренія составить отдѣльный народъ или основать гражданское общество; но сходились они для того, чтобы сдѣлать какой нибудь набѣгъ совокупными силами, разорить улусъ или селеніе и получить добычу.

Впослѣдствіи же времени, видя, что дѣйствіе сходбищемъ удачнѣе и прибыльнѣе, нежели разбой по одиночкѣ, они продолжали соединяться, и мало по малу привыкли къ общественности.

Столь же мало достовѣрнаго извѣстно намъ, какимъ образомъ и когда составившіе общество казаки вошли подъ вліяніе Россіи. Еще въ 1520 годахъ вся рѣка Донъ отъ устья ея до Воронежа оставалась пустою, и царь дѣлалъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ объ учрежденіи становъ для препровожденія посланниковъ ⁽³³⁾. Въ 1530 годахъ

⁽³³⁾ Дѣла турецкія книга № 1 листъ 159—161 см. Наказъ Третьяку Губину, посланному въ 1521 г. къ Турецкому Султану.

„А учнуть говорити (въ Царьградѣ) посламъ и гостемъ ходити по обѣ стороны межъ насъ, и на Дону многіе люди Астораханцы ино посламъ и гостемъ ходити нельзе; ино какъ того беречи?

„И Третьяку говорити: коли межъ государей учнуть послы ходити, и Государь нашъ устроитъ своихъ людей въ судехъ, а велитъ имъ на Дону быти; а салтанъ бы также устроитъ людей въ судехъ, колькихъ пригоже, на Дону же; да учинитъ мѣсто на Дону, гдѣ тѣмъ людямъ сходитесь; поидеть посоль отъ салтана къ государю нашему; а салтановы люди проведать его посла до государя нашего людей; а государя нашего люди его возьмъ, да проведать его до государя нашего, украинны, а поидеть государя нашего посоль къ салтану, ино его проведать до салтановыхъ людей государя нашего люди, гдѣ приговорите урочище салтановымъ людямъ быти, и оттолъ возьмъ посла салтановы люди, да проведать его до Азова. Да кто съ Третьякомъ о томъ учнегъ говорити и Третьяку о

все еще продолжают жалобы Турокъ, Ногайцевъ и Крымцевъ на людей бродящихъ въ Полѣ; въ 1538 г. Царь Иоаннъ Васильевичъ, на жалобу Ногайскаго владѣльца Кельмагмеда, будто казаки Городецкіе причиняютъ разореніе подданнымъ его, отвѣчалъ какъ видѣли мы выше: на Полѣ ходятъ казаки многіе—Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки“ и проч. (34). Слѣдовательно, ни въ какой сторонѣ еще не указывали на особенное общество казаковъ. Объ укрощеніи ихъ давали обѣщанія и даже клятвы, и великій князь Московскій и царь Крымскій и князья Ногайскіе (35), что учи-

томъ приговаривати, какъ тѣмъ людямъ быти—салтановымъ и въ которомъ имъ мѣстѣ—встрѣчатися, и колькимъ людямъ салтановымъ быти и въ которомъ мѣстѣ и гдѣ на Дону—урочищу быти, о томъ бы салтанъ приказалъ съ своимъ посломъ и съ Третьякомъ и о всемъ . . . . . А здѣсь казаки великаго князя сказывали, что Дономъ половина отъ Азова до украинны великаго князя переволока, ино на переволокъ, прибой людямъ Астороханскимъ, и тутъ сходитесь людямъ нельзѣ, ино бы быти съѣзду на Медвѣдницѣ, а на Медвѣдницѣ ближе къ велику князя украинѣ, а крѣпко мѣсто добръ Хоперь, а ближе Медвѣдницы къ великому князю украинны.—Да говорити, чтобы съѣзду быти на Хопрѣ и нѣчто отговорятъ Хоперь, что онъ отъ Азова далече, ино бы съѣзду быти на Медвѣдницѣ . . . . . Да какъ мочно, такъ приговаривати, чтобы съѣзду быти на Хопрѣ или на Медвѣдницѣ, а больше приговаривати—чтобъ на Хопрѣ съѣзду быти; а о всемъ говорити по великаго князя Нагазу . . . . . Да не приговорятся, что судномъ проводомъ отбыти нѣлзе ино о томъ говорити, чтобы посла салтана и великаго князя посла, которые пойдутъ отъ салтана къ великому князю, или отъ великаго князя къ салтану пойдутъ салтановъ посолъ и великаго князя, ино бы ихъ провожали изъ Азова коньми до великаго князя украинны салтановы люди; а великаго князя бы людямъ провожати коньми до Азова!“

(34) Дѣла Ногайскія книга № 2 лстѣ 230 и на оборотѣ.

(35) Дѣла Ногайскія № 3 лстѣ 54 и на оборотѣ.

Для примѣра тогдашняго дипломатическаго слога здѣсь представляется выписка изъ *шертной* записки или шертной грамоты, по которой послы: Шихмамаевъ—Сары-Мирза, Юсуфовъ—Ельбулдуи, Касаевъ—Девлеткози и иныхъ мурзъ послы дали вел. князю присягу, что . . . . ., Которыхъ пословъ царь и вел. князь пошлетъ къ которому государю и гостей съ ними Дономъ, или отъ котораго государя пойдутъ послы и гости съ ними къ царю и вел. князю, Дономъ, и государя нашего Шихмамаевымъ людямъ и инымъ мурзъ людямъ, тѣхъ пословъ и гостей на Дону не стеречь, и немѣти тѣхъ пословъ и гостей и неграбити и лиха никакого нечинити. А которые Государя моего Шихмамаевы люди и братья ихъ люди, иныхъ мурзъ люди, безъ ихъ вѣдома доспѣютъ какова лиха царя и вел. князя украиннамъ или которыхъ царя и вел. князя людей и пословъ и гостей на Полѣ и на Волгѣ и на Дону пограбятъ, и головы поемлютъ; и государю моему Шихмамаю князю и ихъ братьемъ и инымъ мурзамъ тѣхъ своихъ людей доискатисъ. Да которыхъ Царь Вел. Князь поемлютъ, и имъ головы сыскавъ безъ окуду, а грабежъ несыскавъ вѣдати отдачи, а ихъ вѣдати позашити: чтобъ впредь отъ нихъ Царя и

нили въ 1549 г. Ногайскіе послы: Сары-Мирза, Ельбулдуи и Дивлеткозя.

Выше сказано, что въ началѣ 1549 г. въ первый разъ упоминается о Донскихъ казакахъ; но и здѣсь еще именемъ этимъ названы тѣ казаки, кои служили въ городахъ по верховьямъ Дона и по рѣкамъ, которыя въ Донъ текутъ. Вотъ случай, въ которомъ казаки, именуемые Городецкими, названы Донскими: великій князь Іоаннъ Васильевичъ, желая склонить въ то время Ногайскихъ князей къ войнѣ противъ Крымцевъ, велѣлъ послу своему Ивану Боршовичу паединѣ сказать Юсуфу князю: „Дошелъ до насъ слухъ, что Крымскій царь не доброжелательствуетъ вамъ..... Астраханскому царю пушки и людей прислалъ на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ Путивльскимъ и Донскимъ казакамъ крымскіе улусы воевать.“⁽³⁶⁾ Явная была бы ошибка, если бы принять сихъ послѣднихъ казаковъ за Донскихъ собственно, о коихъ вскорѣ за симъ становится извѣстно по современнымъ актамъ. Къ числу Украинскихъ городовъ, въ коихъ поселенные казаки именовались въ то время Городецкими и Донскими, слѣдуетъ причислить: Пронскъ, Рязскъ, Козловъ, Лебедянь, Епифанъ, Сапожковъ, Михайловъ, Воронежъ, Елецъ, Ливны, Чернявскъ, Донковъ, Чернь, Новосиль; ибо изъ нихъ выплывали на судахъ въ Донъ⁽³⁷⁾.

Вскорѣ, по отправленіи посла сего, и именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Москву отъ Юсуфа князя гонецъ къ великому князю съ жалобою на казаковъ, которые стоятъ на Дону, называя ихъ Севрюками. Въ первой грамотѣ изясняется такъ: „въ нынѣшнемъ году наши люди въ Москву шли для торгу, а осенью, какъ шли они назадъ, ваши ка-

---

вел. князя украинамъ и царя и вел. князя людямъ на Полѣ и на Волгѣ, и на Дону лиха никакого не было, а нѣчто коли Государь мой Шихмамай князь и иные мирзы и ихъ братья, и ихъ дѣти привочуютъ близко Царя и Вел. князя украинѣ и отъ государя моего Шихмамая князя и отъ ихъ братья, и отъ ихъ дѣтей и ихъ всѣхъ мирзъ Ногайскихъ, и отъ ихъ людей царя и вел. князя украиннымъ людямъ лиху никакъ не быти!“

⁽³⁶⁾ Дѣла Ногайск. книга № 3 лист. 85, 87.

⁽³⁷⁾ Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ III 227, 233.

заки Севрюки, которые на Дону стоятъ, пришли на нихъ..... и куны ихъ взяли“ (38). Во второй грамотѣ, Юсуфъ, повторяя свои жалобы, писалъ: „при нашемъ времени съ тобою слово наше то было, чтобъ намъ съ тобою въ дружбѣ и въ братствѣ быти и ссуда межъ себя чинити, и ссылатися людьми, такъ были есмя говорили..... И нынѣ дороги не походило на то; и нынѣ только похочемъ братства и братству знамя то, которые разбойники живутъ на Дону и только ихъ къ намъ пришлешъ, и ты намъ братъ будешъ“ (39).

Нѣтъ сомнѣнiя, что эти жалобы Ногайцевъ относятся уже на тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои вскорѣ послѣ этого являются столь страшными врагамъ Россiи. Мнѣнiе это подтверждается наиболѣе тѣмъ, что великiй князь на жалобы Юсуфовы отвѣчалъ такъ: „тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, а отъ насъ бѣгають“ (40).

Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, Юсуфъ опять прислалъ въ Москву гонца своего съ грамотою, которая ясно обнаруживаетъ, что эти Донскiе казаки, неизмѣнiе доселѣ постоянныхъ жилищъ, утвердились на Дону и въ трехъ или четырехъ мѣстахъ построили городки; ибо Юсуфъ писалъ къ великому князю слѣдующее: „холопи твои, нѣкто Сары-Азманъ словоетъ, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣлали..... Да нашихъ пословъ..... и людей стерегутъ, да разбиваютъ“ (41). И всѣ грамоты князей Ногайскихъ въ этомъ году наполнены подобными жалобами на Сары-Аз-

---

Дѣла Крымскiя въ столбц. 1645 г. № 15.

Дѣла Донскiя 1646 г. Наказъ Ждану Кондыреву.

Исторiя Р. Г. Карамз. Т. IV, примѣч. 268, 253.

Разряды въ древней Вивлюонкѣ XIV. 298, 306, 366.

(38) Дѣла Ногайск. книга № 3 листъ 113.

Въ 1549 году Юсуфъ князь Ногайскiй прислалъ царю Ивану Васильевичу грамоту, въ которой между прочимъ жалуюсь на обиды причиняемыя подданнымъ его (Донскими казаками) писалъ:

„Осей жо годъ наши люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ, да осенью, какъ шли назадъ, тѣ наши казаки Севрюки, которые на Дону стоятъ, пришли на тѣхъ нашихъ людей, да иныхъ побили и куны ихъ взяли, а иныхъ де и къ тебѣ повели“.....

(39) Тамъ же листъ 114 и на оборотѣ.

(40) Тамъ же листъ 118—119.

(41) Тамъ же листъ 135 и на оборотѣ 137 и 144.

мана.

Но Россія отеклась отъ него, говоря что на Дону живутъ бѣглые люди ⁽⁴²⁾.

Г Л А В А II.

Подробности о происхожденіи Донскихъ казаковъ по первоначальной ихъ жизни.—Набѣги казаковъ на улусы Ногаевъ и Крымцевъ.—Жалобы хановъ и князей Ногайскихъ Россійскому двору на казаковъ и отрицательство Иоанна отъ людей сихъ.—Политика Россіи въ отношеніи Донскихъ казаковъ.—Разбѣды ихъ по степямъ украинскимъ и засады на перевозахъ для наблюденія татарскихъ набѣговъ.—Быстрое умноженіе числа казаковъ и распространеніе жилищъ ихъ по Дону и по Волгѣ.—Участіе ихъ въ покореніи царства Астраханскаго. Понски ихъ надъ Крымцами.—Бѣгство казаковъ съ береговъ Дона въ степи.—Набѣгъ казаковъ на Тавриду и вторичное покореніе Азова.—Жалобы на казаковъ Крымскаго хана.—Служба казаковъ въ составѣ Россійскихъ войскъ.—Ханъ Магметъ—Гирей требуетъ свести казаковъ съ Дону.—Участіе казаковъ въ войнѣ Ливонской.—

Подробности о происхожденіи Донскихъ казаковъ и о первоначальной ихъ жизни. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что первое общество Донскихъ казаковъ, родоначальниковъ народа, нынѣ Донскую область населяющаго, основалось въ началѣ XVI или, по крайней мѣрѣ, отнюдь не ранѣ послѣднихъ годовъ XV столѣтія. Равнымъ образомъ неменѣе достовѣрно и то, что общество это составилось первоначально изъ людей бѣглыхъ разныхъ Россійскихъ, а наиболѣе изъ украинскихъ городовъ „искавшихъ,— какъ говоритъ Карамзинъ,—дикой вольности и добычъ въ опустѣвшихъ улусахъ орды Батыевой въ мѣстахъ не-

(42) Тамъ же листъ 171 и на оборотѣ: грамоту царя Ивана Васильевича къ Ногайскому князю Юсуфу, коею на жалобы сего и многихъ другихъ Ногайскихъ князей и мурзъ царь отвѣтствовалъ—между прочимъ такъ: . . . , . . . „А къ вамъ хотимъ дружбу свою крѣпкую держати и свыше того какъ было прежде сего а что еси писалъ къ намъ, что наши холопи Сары-Азмавъ вашихъ гостей побили, и тѣ наши холопи въ нашей землѣ многое лихо учинили, и мы ихъ прото велѣ . . . . . убѣжали на Полѣ да . . . . . на Полѣ. А вашихъ людей и . . . . . вали никого, и мы нынѣ посылаемъ . . . . . добывать, а выбѣ отъ себѣ велѣлибъ ихъ добыватьжъ и нѣчто которыхъ тѣхъ холопей добудете и выбѣ ихъ къ намъ прислали и мы ихъ про тѣ дѣла велимъ казнити. А мы нѣчто ихъ добудемъ, и мы ихъ велимъ казнитижъ, а нынѣ есмя по твоему прошенію послали къ тебѣ шубу“:

населенныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ сѣверную Европу⁽⁴³⁾. Одни укрывались здѣсь избѣгая притѣспеній, кои претерпѣвали отъ владѣльцевъ своихъ, другіе увлекались своевольствомъ, алчностью къ добычѣ и грабежамъ, стремились въ обширныя степи къ независимымъ соплеменникамъ своимъ, въ обществѣ которыхъ надѣялись или отдохнуть отъ прежнихъ бѣдствій, или, не опасаясь наказаній, насыщать необузданныя желанія свои. Но не одни единоземцы и единовѣрцы принимаемы были въ первоначальное общество Донцовъ: отважность, удалство, умѣнье владѣть конемъ и оружіемъ, болѣе всего давали право на это и потому нерѣдко пріобщались сюда иноземцы, какъ-то: Запорожскіе Черкасы, Азовцы и даже самые Татары. Сары-Азманъ—первый извѣстный вождь Донцовъ, былъ вѣроятно не Россіянинъ.

Ведя холостую жизнь и не имѣя постоянныхъ жилищъ, они переходили съ одного мѣста на другое, отъ предѣловъ царства Крымскаго на берега Дона и отъ украинскихъ городовъ Россіи къ улусамъ Татаръ Заволжскихъ; все что могли грабили: и людей и имущество. Сильнымъ иногда предлагали услуги свои изъ корысти, а на слабыхъ нападали неожиданно. Дремучіе лѣса и мѣста неприступныя были ихъ убѣжищемъ для кратковременнаго отдыха, словомъ, они до 1549 года вели почти кочевую жизнь.

Набѣги казаковъ на улусы Ногаевъ и Крымцевъ. Такимъ образомъ, въ теченіи времени, это воинственное общество значительно умножилось и до того стало сильно, что въ одно почти время производило набѣги на Крымцевъ, Азовцевъ и Татаръ Ногайскихъ, не щадило даже и Россіянъ, ѣздившихъ иногда къ народамъ тѣмъ по политическимъ и по торговымъ сношеніямъ.

Жалобы хановъ и князей Ногайскихъ Россійскому двору на казаковъ и отрипательство Иоанна отъ людей сихъ. Султанъ Турецкій, царь

⁽⁴³⁾ Истор. Р. Г. Т.. VIII стр. 138.

Крымскій и князь Ногайскій непрерывно жаловались на казаковъ великому князю Московскому; но онъ отрицаясь отъ нихъ, отвѣчалъ: „на Дону живутъ разбойники безъ „нашего вѣдома . . . мы и прежде сего посылавали истре- „бить ихъ, но люди наши достать ихъ не могутъ“ (44).

Таковыя жалобы на Донскихъ казаковъ и отрицательство отъ нихъ двора Россійскаго продолжались почти до 1550 г. Ясное доказательство, что они еще не были въ зависимости отъ Россіи и еще менѣе отъ непріязненныхъ ей Турокъ и Татаръ.

Но чрезъ два года Донскіе казаки уже служатъ царю Русскому, ибо Султанъ Турецкій въ 1551 году убѣждалъ Исмаиль-Мурзу Ногайскаго князя къ войнѣ противъ Россіи дѣйствовать съ нимъ за одно, писалъ: „Русскаго царя Ивана ѣта пришли, рука его надъ бусурманы висока, ужъ и мнѣ отъ него обида великая, поле все, да и рѣки у меня поотыскалъ, да и Донъ у меня отнялъ, да и Азовъ городъ упусти у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ“ . . . „Да ты же бы Исмаиль Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ“ (45).

(44) Дѣла Ногайскія книга № 3 лист. 118, 119.

(45) Дѣла Ногайскія книга № 4 листъ 39—41.

Петръ Тургеневъ, бывший въ 1551 году посланникомъ у Ногайскихъ князей отъ Россійскаго двора, донося о дѣйствіяхъ своихъ, между прочимъ писалъ, что султанъ Турецкій прислалъ къ Ногайскому князю Исмаилу посла своего, чрезъ коего увѣдомляя его о худомъ состояніи поклонниковъ Магометовыхъ, просилъ отъ него помощи Азову противъ казаковъ.

Вотъ слова Тургенева:

„ . . . Да прислалъ, государь, Турецкой царь къ Смаилъ Мирзѣ посла своего, Чевушемъ зовутъ, сее весны, а сказываютъ, государь, съ тѣмъ прислалъ: въ нашихъ де бусурманскихъ книгахъ писетца, что тѣ ѣта пришли, что Русскаго царя Ивана ѣта пришли, рука его надъ бусурманы висока, ужъ де и мнѣ отъ него обида великая: поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отъ меня отнялъ, да и Азовъ городъ упусти меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому де царю потому же обиды чинятъ великія; какою де соромоту казаки его Крымскому царю учинили, пришедъ Перекопъ воевали; да ево же де казаки Астрахань взяли, и какою грубость учинили; да царя же де Ивана казаки у васъ Волге оби берега отняли, и волю у васъ отняли, и ваши улусы воюють. Да у васъ же де пришедъ Городецкіе казаки въ улусы ваши воевали, да и Дербша царя Астороханскаго полошили, и

Политика Россіи въ отношеніи Донскихъ казаковъ. Сами ли казаки нарѣклись слугами Россіи, или получили къ тому призваніе, заподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, послѣднее кажется вѣроятнѣе. Россія, бывъ тогда въ непрерывной борьбѣ съ Ногайцами и Крымцами, защищаясь отъ набѣговъ ихъ пограничными острогами, конечно не безъ удовольствія смотрѣла какъ бѣгле ея люди сами собою сдѣлались страшными для враговъ ея, поставивъ грудью своею и крѣпостцами стѣну у самыхъ улусовъ ихъ. Можно думать, что Дворъ нашъ чрезъ нарочитыхъ посланниковъ своихъ объявилъ имъ прощеніе, покровительство, предложилъ деньги и свободу жить въ избранныхъ мѣстахъ, съ условіемъ вредить непріятелю, удерживать его отъ набѣговъ и подавать вѣсти. Такимъ точно образомъ Россія склоняла на службу себѣ какихъ-то Запорожцевъ, кочевавшихъ за Донцомъ, чрезъ посланника своего, отправленнаго въ Крымъ, которому даны были и подарки для Запорожцевъ ⁽⁴⁶⁾.

то де вамъ несаромоту-ли училили? какъ де зато стать неумѣете? А Казань де какъ нынѣ воюють? Авѣдъ де наша вѣра бусурманская и станемъ отъ него борониться за одинъ. Вѣдъ де вѣдаете, что нынѣ на Крымѣ мой посаженъ царь, какъ ему велю такъ дѣлаеть. Изъ Астороханіи присылали же ко мнѣ царя просить, и азъ того часа посылаю на Асторохань; которые люди полонены были въ Крымъ изъ Асторохани, и азъ тѣхъ людей въ Асторохань поотпускалъ, а нынѣ часа того отпущаю. Да и казаки (вѣроятно изъ Казани, а и казаки написано въ подлинникѣ ошибочно) ко мнѣ присылали же царя просить, и азъ изъ Крыма однолично царя посылаю; и тыбъ Смаплъ Мирза дружбу мнѣ свою учинилъ великую, чтобы еси поберегъ Казани: людей своихъ послать на помочъ Казани, да куды азъ царя пришлю; да ты же бы Смаплъ Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ, и станешъ пособлять и азъ де тебя на Азовѣ царемъ учиню; а мнѣ своему городу Азову пособить немочно—стоитъ отъ меня далече⁴⁷.

⁽⁴⁶⁾ Дѣла Крымскія книга № 17 листъ 239—243.

Выписка изъ наказа гонцу Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 году.

..... И какъ Петръ пойдетъ съ Ливень, а вѣстъ будетъ Петру учинится, что пришли на Донецъ съ Днѣпра Черкасы, Матвѣй Фодоровъ съ товарищи, которые изъ Запорожья пришли, а стоять будетъ, и государевымъ людямъ станичникамъ и Севрюкамъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ никакихъ и Петру послати предъ собою станицу къ Запорожскимъ Черкасамъ и съ провожатымъ къ отоману къ Матвѣю Фодорову съ товарищи, а велѣтъ про себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всѣмъ грамота и рѣчь, и Матвѣй бы Фодоровъ съ товарищи съ нимъ видѣлся..... Да какъ съ ними атаманы и молодцы запорожскіе сойдутца, и Петру отъ государя и царя и великаго князя поклонъ имъ исправити и грамоту отъ государя подати; и говорити имъ отъ государя

Иначе едвали и быть могло: Россіи, по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно было оставить людей этихъ безъ вниманія: предавшись Татарамъ, они нанесли бы существенный вредъ ей самой, а совсѣмъ истребить ихъ трудно было и многочисленною ратью, ибо по первому слуху о предстоящей имъ опасности, они разсѣялись бы въ обширныхъ и пустыхъ степяхъ, и снова собрались бы тогда, когда миновалась опасность.

Мнѣніе, что Донскіе казаки вошли въ зависимость Россіи по убѣжденіямъ ея, подтверждается еще и тѣмъ, что съ 1550-хъ годовъ почти всякому послу ѣхавшему въ Царьградъ, въ Крымъ или Ногаи, который только касался въ пути поселеній казачьихъ, поручалось увѣрять казаковъ въ царской къ нимъ милости, въ жалованьи, и требовать за то усердной службы для Россіи.

Разъѣзды ихъ по степямъ украинскимъ и засады на перевозахъ для наблюденія татарскихъ набѣговъ. Съ сего времени Донскіе казаки стали служить Россіи твердымъ оплотомъ южныхъ предѣловъ ея, стражею недремлемою и вѣрными вѣстниками о всѣхъ замыслахъ и предпріятіяхъ злобныхъ и безпокойныхъ ея сосѣдей. Они разъѣзжали отдѣльными партіями по запольнымъ рѣчкамъ, по степямъ волжскимъ и за-донскимъ, при переправахъ стережа Азовцевъ, Крымцевъ и Ногаевъ, ходившихъ въ украинные города російскіе для грабежей и плѣна, внезапно нападали на нихъ и разбивали. Но симъ не ограничивалась постоянная дѣятельность ихъ: они часто вторгались въ самыя жилища варваровъ, наносили возможный

ря, чтобы они его Петра и Крымскихъ гонцовъ . . . пропустили и ничѣмъ ихъ незадирали и проважатыхъ Матвѣя съ товарищи потомуже ничѣмъ некрянули, а государево съ нимъ жалованье будетъ часа того съ государскимъ сыномъ боярскимъ, котораго государь за ними пришлетъ тотчасъ, а потому сыну боярскому и стоять на Донцѣ, тутъ съ ними, съ Черкасскими атаманы и съ молодцы на Донцѣ, и стоять и промыслиати съ ними государевымъ дѣломъ за одинъ, и видѣть ихъ прямая служба предъ государемъ; а государь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Руссіи увидя ихъ предъ собою службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ великое свое жалованье".

вредъ и нерѣдко истребляли оныя.

Быстрое умноженіе числа казаковъ и распространеніе жилищъ ихъ по Дону и Волгѣ. Молва о сихъ удалыхъ подвигахъ, мужествѣ и единодушій и о привольной жизни распространилась по всей Россіи, въ жилищахъ казаковъ Запорожскихъ и въ Польшѣ; многіе удалцы, алкавшіе войны и корысти, искали убѣжища и братства среди общества Донцовъ: сюда приходили не только изъ украинныхъ, но и изъ внутреннихъ російскихъ городовъ, изъ Запороговъ, Польши, изъ крымскихъ и ногайскихъ улусовъ. Такими случаями число Донскихъ казаковъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ быстро умножилось; изъ четырехъ городковъ, построенныхъ Сары-Азманомъ, они уже распространили жилища свои далѣе по Дону и по Волгѣ.

Участіе ихъ въ покореніи царства Астраханскаго. Когда Іоаннъ, пользуясь ослабленіемъ племенъ татарскихъ, рѣшился покорить царство Астраханское, Донскіе казаки, свѣдавъ объ этомъ и пламенѣя доказать усердіе свое къ государю, приговорили въ кругу своемъ вспомоществовать ему. Почему знатная ихъ часть, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Павлова и Ляпуна, пошли къ Переволокѣ и дождавшись тутъ царскихъ войскъ, присоединились къ онымъ. Отсюда въ отрядѣ князя Вяземскаго они посланы были впередъ, и близъ Чернаго острова, встрѣтившись съ толпою астраханскихъ Татаръ, высланныхъ для развѣдыванія,—сразились съ ними, разбили и обратили въ бѣгство. Сіе пораженіе было столь важно, что уstraшенный Ямгурчей, царь астраханскій, бросилъ городъ и расположился станомъ въ 5 верстахъ ниже онаго, а вскорѣ потомъ бѣжалъ, спѣша укрыться отъ пораженія. Князь Вяземскій, безирепятственно овладѣвъ городомъ, послалъ въ своихъ отрядахъ казаковъ сухимъ путемъ и водою, для преслѣдованія бѣгущихъ Татаръ. Атаманъ Павловъ настигъ въ Базыжъ-Мачакѣ женъ и дочерей царскихъ, забралъ ихъ въ плѣнъ, бывшихъ съ ними людей всѣхъ побилъ, самъ Ямгурчей едва

ускакалъ въ Азовъ съ 20 человѣками воиновъ (47).

Въ Астраханѣ возведенъ на царство Дербышъ-Алей и для охраненія его оставленъ дворянинъ Тургеневъ съ казаками. Однакожь недолго Астрахань оставалась въ покоѣ: изгнанный Ямгурчей, вспомооществуемый крымскими и ногайскими Татарами въ 1555 году, снова явился въ ея улусахъ, и снова былъ разбитъ и прогнанъ казаками, бывшими при Дербышъ-Алеѣ; но въ то же время сей неблагодарный царь самъ замыслилъ измѣну.

Весною слѣдующаго года двинулось Россійское войско усмирить мятежника; но прежде нежели достигло оно Астрахани, явился подъ стѣнами ея Донской атаманъ Ляпунъ съ храбрыми своими товарищами. Измѣнники устрашились, бросили городъ и спѣшили укрыться въ улусахъ. Казаки всюду преслѣдовали бѣгущихъ, погромили бунтовавшіе улусы, взяли множество Татаръ въ плѣнъ и открыли россійскому войску путь къ истребленію мятежниковъ (48).

Поиски ихъ надъ Крымцами. Между тѣмъ какъ часть Донскихъ казаковъ подвизалась подъ Астраханью, другіе товарищи ихъ бдительно наблюдали за движеніями и намѣреніями Крымцевъ. Ханъ крымскій Девлетъ-Гирей, два или три раза пытался подходить къ предѣламъ Россіи; но казаки всякій разъ предваряли о томъ Іоанна, и мусульманецъ, всякій разъ, встрѣчая войско, готовое отразить его, терялъ лучшіихъ людей своихъ и обозы, пылалъ злобою и выдумывалъ мщеніе (49). Въ 1556 г. Ханъ снова ополчился на Россію; но Іоаннъ, благовременно предувѣдомленный о замыслахъ его, собиралъ на Окѣ рать, а между тѣмъ дьяка Ржевскаго съ Донскими казаками поставилъ между Днѣпромъ и Дономъ, наблюдать движеніе Крымцевъ. Едва Ханъ выступилъ въ походъ, какъ Ржевскій съ отважною своею дружиною явился въ самой Тавридѣ, напалъ на Исламъ-Кермень и Ачаковъ, разогналъ жителей и захватилъ табуны

(47) Исторія Р. Г. Т. VIII примѣчан. 408.

(48) Тамъ же, примѣч. 412.

(49) Тамъ же, стр. 239—243.

ихъ. Паши Ачаковскій и Тянинскій, собрали Татаръ сколько могли и преслѣдовали Ржевскаго; но воевода хитро навелъ ихъ на засаду и разбить наголову. Ханскій Калга, узнавъ о вторженіи русскихъ войскъ, вооружилъ весь Крымъ, спѣшилъ на помощь Исламъ-Кермену, встрѣтилъ храбраго Ржевскаго съ казаками, сразился съ ними, и, по шестидневной упорной битвѣ, потерявъ надежду побѣдить, умолялъ хана спасти Тавриду, который, получа о семъ вѣсть на Мисуѣ, не могъ уже и думать о походѣ на Россію, а послѣшили назадъ для защищенія собственной своей земли ⁽⁵⁰⁾.

Зимою 1558 года, Девлетъ-Гирей опять поднялъ оружіе на Россію, но едва выступилъ въ полѣ съ 100/т. своихъ и Ногайскихъ Татаръ, какъ Донскіе казаки не выпускаяшіе изъ виду нималѣйшихъ его движеній, сами ворвались въ Тавриду, напали близъ Перекопа на улусы Ногаевъ, ушедшихъ туда отъ своего князя Ислама, разграбили оные и отогнали 15/т. коней. Ханъ, услыша объ этомъ и узнавъ сверхъ того, что и впереди Русское войско ждетъ его на предѣлахъ своихъ, бѣжалъ въ великомъ страхѣ, бросая на пути воиновъ своихъ и обозы ⁽⁵¹⁾. Но и въ собственной землѣ не нашелъ покоя: съ одной стороны извѣстный мужествомъ смѣлый Адашевъ съ 8/т. Россіянъ поплылъ Днѣпромъ, взялъ на морѣ два непріятельскихъ корабля, присталъ къ Тавридѣ и болѣе двухъ недѣль свободно громилъ западную часть полуострова и наполнивъ ладьи добычею, съ торжествомъ поплылъ обратно ⁽⁵²⁾; а съ другой стороны витязь Вишневецкій, посланный великимъ княземъ, явился на Дону и угрожалъ Тавридѣ нападениемъ со стороны Азова, совокупно съ Донскими казаками разбилъ партію Крымцевъ, посланную для осведомленія о состояніи Казани ⁽⁵³⁾. Вскорѣ Вишневецкій и Адашевъ отозваны были въ Москву, но положеніе Девлетъ-Гирея нисколько не облегчилось, ибо путь въ Тавриду былъ

⁽⁵⁰⁾ Истор. Р. Г. Т. VIII прим. 467, 468 и 469.

⁽⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 291.

⁽⁵²⁾ Тамъ же, стр. 295 и прим. 561.

⁽⁵³⁾ Тамъ же, примѣч. 559.

уже извѣстенъ Донскимъ казакамъ и союзнымъ съ Россіею Ногайцамъ и Черкасамъ. Князья и мурзы ногайскіе (бывшіе въ дружбѣ съ великимъ княземъ), желая нанести чувствительный ударъ хану, просили помощи у Россіи, и Донскимъ казакамъ вѣрно было соединиться съ ними. Весною совокупныя ихъ силы двинулись къ Крыму; они шли до самаго Перекопа, не встрѣтивъ ни одного улуса татарскаго, (ибо послѣднія побѣды Русскихъ заставили ихъ укрываться за Днѣпромъ къ сторонѣ Литвы). Устрашенные жители Перекопа затворились, а казаки и Ногайцы, не останавливаясь, продолжали путь свой далѣе, во внутренность владѣній крымскаго хана. На пути около Буга и Ингула нашли они нѣкоторые улусы, разорили ихъ, побили толпы Татаръ, множество взяли въ плѣнъ, а особливо женъ и дѣтей; потомъ подходили подъ Бѣлгородъ и Ачаковъ, встрѣчая вездѣ не храбрыхъ защитниковъ, но робкихъ и трепещущихъ бѣглецовъ, и отягченные знатнымъ плѣномъ и добычею, съ торжествомъ прошли назадъ мимо Перекопа, въ виду устрашенныхъ непріятелей, которые не смѣли имъ показаться, просидѣвъ всю зиму въ этомъ городѣ, какъ осажденные. Такимъ образомъ Донскіе казаки, малые числомъ, но страшные своею дѣятельностію, показали и крымскимъ Татарамъ сколь опасно водвореніе ихъ на Дону. Ногайцы послали отъ себя мурзъ, а Донскіе казаки избранныхъ атамановъ въ Москву съ извѣстіемъ о успѣхахъ своего оружія и съ плѣномъ. Царь одарилъ щедро и ногайскихъ мурзъ и атамана съ товарищи и отпустивъ ихъ, повелѣлъ совокупными силами дѣйствовать противъ общихъ непріятелей. Сверхъ того казакамъ прислалъ жалованье и дозволилъ свободную торговлю во всѣхъ російскихъ городахъ, а Ногайцамъ, согласно съ ихъ просьбою, далъ позволеніе кочевать между Дономъ и Волгою (54).

Между тѣмъ главныя силы казаковъ при каждомъ новомъ удобномъ случаѣ являли новые опыты истинной своей вѣрности къ Россіи. Умножаясь время отъ времени новыми

---

(54) Ист. Р. Г. Т. VIII примѣч. 564. Скифск. ист. Лызлова ч. II стр. 80

пришельцами, они старались еще болѣе утвердиться на Дону и устроили новые городки, какъ по этой рѣкѣ, такъ и по Волгѣ ⁽⁵⁵⁾.

Выше упомянуто, что Азовъ платилъ уже дань казакамъ; но это было недолго. Казаки добровольно-ли по договору какому, или по необходимости утративъ власть надъ этимъ городомъ никогда не оставляли Азовцевъ въ покоѣ, безпрестанно ихъ тѣснили, или давали перемирія только изъ снисхожденія, если видѣли въ этомъ свою пользу, словомъ, содержали Азовъ во всегдашнемъ страхѣ и старались привести его въ такое состояніе, чтобы въ случаѣ нужды безъ затрудненія онъ могъ быть покоренъ, и открылъ-бы имъ путь въ Тавриду. Ханъ крымскій хотя увѣрялъ великаго князя въ готовности своей быть въ миру съ Россією, но все еще оставался для ней опасенъ, ибо изъ хищности, онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Іоаннъ не полагался на его увѣренія, но писалъ Донскимъ казакамъ, дабы они непрерывно разбѣжжали по степямъ донскимъ и наблюдали бы за всѣми движеніями Крымцевъ. Таковая осторожность была ненапрасна; ханъ будучи подкупленъ литовскимъ золотомъ, въ 1556 г. собиралъ войско на Россію, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ перешелъ Донецъ. Казаки тайно извѣстивъ о томъ царя, дали ему время и возможность въ украинскихъ городахъ и на Огѣ устроить войско такъ, что ханъ, послѣ бесполезныхъ приступовъ къ Болхову, находя вездѣ сильное сопротивленіе, бѣжалъ ночью октября 19 ⁽⁵⁶⁾.

Бѣгство Донскихъ казаковъ съ береговъ Дона въ степи. Доселѣ видѣли мы Донскихъ казаковъ всегда отважными и неустрашимыми, но ниже описанный случай, непонятно заставилъ ихъ предаться трусости и въ бѣгствѣ отъ своихъ жилищъ искать мнимаго спасенія.

Съ давняго времени Турки завистливо смотрѣли на возрастающее могущество Россіи. Султанъ Селимъ, желая по-

---

⁽⁵⁵⁾ Истор. Р. Г. Карамз. Т. IX. прим. 245.

⁽⁵⁶⁾ Тамъ же, примѣч. 212.

казать себя дѣятельнѣе своихъ предшественниковъ, вознамѣрился привести въ исполненіе замыслы отца своего: соединить Донъ съ Волгою, на берегахъ обѣихъ этихъ рѣкъ устроить крѣпости, завоевать Астрахань и чрезъ то стѣснить Россію. Для исполненія такого предпріятія, въ 1569 году, послалъ онъ до 70/т. Турокъ и Татаръ сухимъ путемъ, и изъ Азова рѣкою Дономъ до ста судовъ, съ тяжелыми снарядами и богатою казною, приказавъ войскамъ своимъ соединиться у Переволоки, въ нынѣшней Качалинской станицѣ. На Дону пронесся слухъ, что Турки идутъ для конечнаго истребленія казаковъ. И эти, всегда отважные ратоборцы, испугались одной молвы, разбѣжались по отдаленнымъ степямъ тогда, какъ турецкія суда, имѣя для своей защиты только 500 воиновъ и 2,500 гребцовъ, большою частію христіанскихъ плѣнниковъ, шли трепеща на каждомъ шагу, встрѣчали мѣли, на коихъ принуждены были останавливаться и перегружать тяжести, ждали всякой части гибели *и отчаяли животъ свой*, какъ говоритъ очевидецъ,—россійскій царскій сановникъ Мальцовъ, бывшій на тѣхъ судахъ въ числѣ плѣнниковъ. Нужно было только показаться Русскимъ, чтобы завладѣть всѣми судами, снарядами и казною; но никто не являлся и сами Турки не могли довольно надивиться этой странности, а особливо тому, что казаки, постоянные обитатели страны этой, нигдѣ имъ не встрѣчались. Такимъ образомъ суда дошли до назначеннаго мѣста благополучно. Сего мало: тяжелые снаряды турецкіе нашлись неудобными для перевоза къ Астрахани и будучи отправлены обратно тѣмъ же путемъ до Азова,плыли Дономъ безъ всякаго препятствія. Но слѣное счастье не столько благопріятствовало сухопутному войску султана: оно послѣ тщетныхъ приступовъ къ Астрахани погибло въ безводныхъ задонскихъ степяхъ, коими вель оное ханъ ⁽⁵⁷⁾.

Коль скоро миновалась мнимая опасность, Донскіе казаки собрались снова въ прежнія свои жилища, снова начали

⁽⁵⁷⁾ Дѣла Крымскія № 13, лст. 287—300.

разъѣзды, отъ стороны Крымцевъ и Ногаевъ и къ величайшему удовольствію своему пашли, что Азовская крѣпость взорвана на воздухъ со всѣми пороховыми запасами и орудіями, городская стѣна и большая часть дворовъ, также суда, въ пристани находившіяся, и множество людей погибли: поджоги сей сдѣланъ былъ, какъ думали, русскими (58).

Набѣги казаковъ на Тавриду и вторичное покореніе Азова. Іоаннъ искалъ у султана мира, но гордый Селимъ, не смотря на неудачный походъ его войскъ и на несчастіе, Азову приключившееся, замыслилъ новую войну съ Россією, и возбудилъ Крымскаго хана къ нападенію на предѣлы оной съ многочисленною ратью. Казаки усугубили разъѣзды свои по степямъ крымскимъ, и свѣдавъ о намѣреніи хана идти съ огнемъ и мечемъ на Россію, извѣстили объ этомъ Іоанна и воеводъ его, но не могли спасти Москвы, которая весною 1571 г. обращена хищнымъ Дивлетъ-Гиреемъ въ пепель, будучи оставлена царемъ почти безъ всякой защиты (59). Черезъ два или три года послѣ того Іоаннъ послалъ въ Азовъ казачьяго атамана Никиту Мамина съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ и извѣщая о томъ донскихъ казаковъ (августа 17 1571 г.) писалъ: „когда Маминъ пріѣдетъ на Донъ и объявитъ вамъ (казакамъ) *дѣло наше*, то соединитесь съ нимъ, *помышляйте* единодушно о пользахъ нашихъ и будьте увѣрены въ нашей къ вамъ милости и жалованьи“ (60). Настоящая цѣль сего посольства и въ

(58) Дѣла крымскія № 13 листъ 258. Въ 20 день сентября 1569 г. Мангунской Ага Магмуть послаемъ російскимъ, находившимся въ то время въ Крыму, говорилъ: язь де пріѣхалъ изъ Кафы и пришла де изъ Кафу вѣсть, зажгли де и въ Азовѣ въ ночи зелье и отъ того де у города стѣну вырвало, а дворы де изъ городѣ и люди многіе погорѣли, и нарядъ и запасъ и суда погорѣли и говорятъ де, что зажгли ваши русскіе люди. Истор. Р. Г. Карамз. Томъ IX примѣч. 252.

(59) Истор. Р. Г. Т. IX стр. 180—183.

(60) Вѣрющая грамота государя царя Іоанна Васильевича, отправленная на Донъ донскимъ атаманамъ и казакамъ съ казачьимъ атаманомъ Никитою Маминимъ и Молчаномъ Яковлевымъ. Писана 1571 г. августа 17. „Отъ царя и великаго князя всея Русіи на Донъ къ донскимъ атаманамъ и казакамъ послали семя для своего дѣла, подъ Азовъ казачьяго атамана Никиту Мамнина да Молчана Яковлева съ товарищи и какъ ошп

чемъ состояло порученіе неизвѣстно; впрочемъ съ вѣроятностію заключать можно, что Іоаннъ, опасаясь еще сильнѣйшаго удара отъ двухъ могущественныхъ властителей магометанскихъ, поручалъ казакамъ предпринять какія-либо мѣры для удержанія непріятельскихъ набѣговъ, или для изысканія способовъ къ защищенію и Россіи; ибо донскіе казаки, съ сего времени, не ограничивались уже одними разбѣздами на степяхъ между Крымомъ Россіею; но безпрестанно вторгались во внутренность самой Тавриды, опустошали улусы ея, брали плѣнныхъ, исчезали, появлялись снова въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ содержали хана во всегдашнемъ безпокойствѣ и тревогѣ, а наконецъ, въ 1576 г., приступили къ Азову, взяли оный, и таковою смѣлостію, изумивъ султана, заставили его писать о семъ къ хану Крымскому, вѣроятно для того, чтобы тотъ унялъ дерзость казаковъ (61).

Жалобы на казаковъ Крымскаго хана. Ханъ жаловался Іоанну, что казаки разоряютъ его области и Азовъ взяли. Государь отвѣтствовалъ: „казаки живутъ на Дону не по моей волѣ; бывають въ войнѣ и въ мирѣ съ Азовомъ безъ моего вѣдома; они бѣглецы изъ моего государства и собравшись для разбоевъ неоднократно грабили и мою казну на Дону и на Волгѣ, за что многіе казнены были. Моихъ же людей я ветокмо не посылаю къ Азову, но даже свѣдаю о нынѣш-

на Донъ пріѣдутъ и о которыхъ нашихъ дѣлѣхъ Микита Маминъ вамъ учнетъ говорить, и вы съ нимъ о нашихъ дѣлѣхъ промышляти за одинъ, а какъ намъ послужите и съ Микитою нашими дѣлы учнете промышляти, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ.“ Писана въ Москвѣ 7079 г. августа въ 17 день. См. грам. сію въ собр. госуд. грамотъ и договоровъ и у Карамз. Т. IX примѣч. 348.

(61) Дѣла крымскія книга № 14 листъ 236 и на оборотѣ. См. отписку находившагося въ Крыму посланника нашего Ивана Мясоѣдова, приведенную въ Москву служилымъ татаринномъ Кадышемъ Кудиновымъ:.... „Да говорилъ государь царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюютъ Азовъ, Мы де и съ братомъ своимъ въ братствѣ и любви будемъ; а казаки де воюютъ Азовъ. И мнѣ де и Турскаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молилъ; да то де есмь слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровали безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ переплати, да въ тюрьму посажати; а царь государь говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему Турской царь, про что де ты казнилъ Мишкина сына Черкашенна; и нынѣ де и у меня казаки Азовъ взяли“..... О семъ повторяется также въ той же книгѣ на листахъ 269, 305 и 311.“

немъ набѣгѣ казаковъ на оный, приказать по всеѣмъ украиннымъ городамъ казнить всякаго казака, бывшаго подъ Азовомъ, коль скоро который изъ нихъ явится туда ⁽⁶²⁾.

Такимъ образомъ, жалобы крымскаго хана и султана турецкаго оставались безъ всякихъ послѣдствій и не мало не могли ограничить донскихъ казаковъ въ смѣлыхъ ихъ предпріятіяхъ. Великій князь, называя казаковъ бѣглецами и разбойниками, хотѣлъ только оправдать себя предъ ханомъ, въ самомъ же дѣлѣ разумѣлъ людей сихъ, какъ полезныхъ воиновъ (исключая Волжскихъ хищниковъ, ибо между этими послѣдними отчасти находились и донскіе казаки), ибо самъ поощрялъ ихъ къ новымъ подвигамъ и награждалъ жалованіемъ. Однакожь казаки, вѣроятно видя, что не въ силахъ были долго держаться въ Азовѣ, оставили его произвольно во власть Турокъ, дабы имѣть свободу заниматься по обычаю своему наблюденіемъ за движеніями Крымцевъ и снова драться съ Азовцами. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ сіе время казаками изъ Азова, находились: шуринъ Турецкаго султана и 20 человекъ лучшихъ Азовцевъ ⁽⁶³⁾.

Служба казаковъ въ составѣ Россійскихъ войскъ. Казаки, кромѣ собственныхъ дѣйствій противъ хищныхъ Россіи сосѣдовъ Азовцевъ, Крымцевъ и Татаръ Ногайскихъ, входили иногда и въ составъ русскихъ войскъ:

⁽⁶²⁾ Дѣла крымскія книги № 14 лист. 338—340.

..... „А что де еси братъ намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ, и Азову много лиха починили и казаки Донскіе потому же не по нашему велѣнію на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу и много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, много на Дону живетъ того иногда въ миру, а иногда не въ миру; да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома, а Донскіе казаки на Дону и на Волгѣ и наши казны граблывали; и мы сыскавъ за то ихъ казнили. А про то намъ слышать лучилось и сталось Азовскимъ людямъ съ Донскими казаки межъ ихъ розни и война и Донскіе казаки собрався приходили къ Азову, да только всякія дѣла межъ Азовскихъ людей и Донскихъ казаковъ дѣлаются, и мирныя иѣбранныя, безъ нашего вѣдома.“

Сверхъ того см. истор. Р. Г. Карамз. Т. IX примѣч. 407.

⁽⁶³⁾ Дѣла Крымскія пп. № 14 лис. 269 вѣстовой списокъ бывшаго въ Крыму посланникомъ Ивана Мясоѣдова.... „Нынѣче де у меня казаки Донскіе... Азовъ... взяли, и лучшихъ людей у меня изъ Азова взяли двадцать человекъ, да и шуринъ моего Сенина, опрничъ черныхъ людей“.

такъ отчасти вспомошествовали они взятію Исламъ—Кермена и покоренію царства Астраханскаго и участвовали въ извѣстной *судовой рати*. Іоаннъ, готовясь начать войну съ Баторіемъ, старался обезопасить юговосточные и западные предѣлы государства своего; для этого, умноживъ въ крѣпостяхъ войска, онъ учредилъ на Волгѣ особую *судовую рать*, въ которой, по его повелѣнію, были и донскіе казаки въ двухъ полкахъ въ большомъ и передовомъ; прочимъ же донскимъ казакамъ приказано было дѣйствовать противъ самой Тавриды, требуя въ нужныхъ случаяхъ пособій отъ *судовой рати* (64). Но Іоаннъ, желая болѣе успокоить себя со стороны Крыма, искалъ мира съ Ханомъ и, не получивъ отъ Дивлетъ-Гирей, умершаго въ 1577 году, настоятельно домогался у сына и преемника его Магметъ-Гирей, который былъ къ тому еще непреклоннѣе отца, ибо за дружбу свою требовалъ не только Астрахани, но чтобы еще государь свелъ казаковъ съ Днѣпра и съ Дона (65).

Ханъ Магметъ-Гирей требуетъ свести казаковъ съ Дону. Такое требованіе (которое и сама Порта вскорѣ послѣ этого стала постоянно включать въ число главныхъ условій, при переговорахъ своихъ съ дворомъ Россійскимъ) подъ благовидными предлогами было отклонено. Ханскому послу, бывшему въ Москвѣ въ 1578 году, отвѣчали, что ни днѣпровскіе, ни донскіе казаки независятъ

(64) Истор. Р. Г. Карамзина Т. IX стр. 250 примѣч., 452 „въ судовой рати (въ 1576 г.), въ больш. полку, въ плавной, К. Н. Тюфякинъ, да голова Б. Нарышкинъ... а съ ними Пермичи, Двиняне, Кинешемцы, Балаховцы, Гороховчане, Юрьевчане, да Михайлова города головы, да *Донскіе* атаманы и казаки... Галичане, Каряновцы... въ перед. полку Метюзане, Толмичи, да Донскіе атаманы... Въ сторожевомъ Бѣлозерцы...

(65) Тамъ же, стр. 280 и дѣла крымск. № 15, лист. 166, 215, 247, 368, 418 и 419. Грамоты привезенныя въ Москву крымскими послами Арасланъ-Мурзою съ товарищи: „да только-жь ты братъ нашъ съ нами, съ другомъ своимъ, похочешь въ любви и въ мирѣ быти и между дву юртовъ добра хотѣти, и которые казаки у тебя на Дону, и ты бы тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобы брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ доуки не было, потому что Хандыкерева земля наша, а наша земля Хандыкерева, и что его городу Азову твои казаки доуку чинятъ, такъ бы еси вѣдалъ, ежегодно твои казаки Дономъ приходя, Азову шкоду чинятъ, и сего лѣта казаки твои дважды пришедъ подъ Азовъ и шкоду учинивъ пошли!“ лист. 368—369.

отъ великаго князя: первые состоятъ отъ Баторія, а послѣдніе суть бѣглецы изъ Литвы и Россіи, и что государь Россійскій не признаетъ ихъ за своихъ подданныхъ, но велитъ казнить, если они явятся въ его предѣлахъ; касательно же Астрахани объявили, что оружіе и вѣра на вѣки утвердили этотъ городъ за Россією. Магметъ-Гирей, не получивъ отъ Россіи удовлетворенія въ столь неумѣренныхъ требованіяхъ своихъ, склонился къ Баторію, который охотно закупилъ его дружество, нанимая вездѣ войска противъ Россіи.

Участіе казаковъ въ войнѣ Ливанской. Число донскихъ казаковъ въ это время было уже довольно значительно и кругъ военныхъ дѣйствій ихъ сталъ гораздо обширнѣе; ибо тогда какъ одна часть ихъ оставлена была на Дону дѣйствовать противъ Крыма, другая на Волгѣ въ *судовой рати*,—третья участвовала въ войнѣ Ливонской.

Въ первый разъ въ 1577 году донскіе атаманы и казаки пришли подъ знамена воеводо Русскихъ въ Псковъ, гдѣ соединялись тогда военныя силы, дабы рѣшить судьбу Ливоніи⁽⁶⁶⁾. Въ сей войнѣ невидно подвиговъ казаковъ въ особенности, но вѣроятно они дѣйствовали совокупно въ составѣ всего войска. Когда же въ 1579 г. возгорѣлась новая неудачная война съ Баторіемъ, Іоаннъ подвинулъ всѣ полки къ западу, тогда донскіе казаки снова явились въ станѣ русскомъ, и какъ бы для того, чтобъ присутствіе свое запечатлѣть постыднымъ своевольствомъ и нарушеніемъ порядка воинской подчиненности. Баторій осадилъ Полоцкъ, который защищала дружина, малая числомъ, но сильная мужествомъ и вѣрностію къ своему государю, болѣе 3-хъ недѣль; воинство полоцкое храбро отражало непріятельскія нападенія, но примѣтно изнемогло. Іоаннъ, узнавъ объ опасности сего города, послалъ боярина Шеина съ тремя другими воеводами и донскими казаками на помощь къ оному. Шеинъ былъ недалеко отъ польскаго стана, видѣлъ пожаръ, битву и слышалъ кликъ осажденныхъ, просившихъ помощи у своихъ собратій; но

⁽⁶⁶⁾ Исторія Р. Г. Т. ІХ стр. 253.

боясь вступить въ сраженіе, занялъ крѣпость Соколы и не оказаль пособія. Непрiятель, видя робость воеводъ русскихъ, въ тотъ же день сдѣлаль рѣшительный приступъ къ городу, вломился въ горящія стѣны, поражаль и ниспровергалъ все и, по упорномъ сопротивленіи, взялъ городъ. Когда Шеинъ стоялъ въ *Соколахъ*, не подавая помощи погибающему Полоцку, въ то время донскіе казаки, или наскучивъ бездѣйствіемъ, или остававшісь недовольны воеводами, забыли честь и отечество, бросили станъ и, по словамъ лѣтописца, пошли на *Донъ безъ отпуску* (67).

Г Л А В А III.

Разбой казаковъ по Волгѣ.— Жалобы Ногайцевъ.— Древняя исторія Сибирскаго царства.— Извѣстія о Сибири между Русскими.— Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи.— Пренимущества, данныя Строгоновымъ.— Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ.— Походъ въ Сибирь.— Набѣгъ Пелимскаго князя.— Первая битва Ермака.— Сраженіе съ Маметкуломъ.— Разореніе улуса Карачи и взятіе города Атикъ Мурзы.— Кругъ казаковъ для совѣта.— Рѣшительная побѣда.— Занятіе столицы Сибирскаго царства.— Благоразумныя распоряженія Ермака.— Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго царства.— Голодъ въ Искерѣ.— Убіеніе Ивана Кольца съ отрядомъ казаковъ.— Бунтъ въ улусахъ Сибиряковъ.— Смерть Ермака.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Выше упомянули мы, что донскіе казаки, отдѣляясь разновремено большими и малыми толпами на Волгу и присоединяя къ себѣ удалцовъ изъ пограничныхъ російскихъ казаковъ, составили многія шайки, которыя, кочуя при переправахъ рѣки, служили государю, наводили страхъ на улусы Ногаевъ, громили ихъ, а всего чаще грабили рыболововъ, проѣзжихъ купцовъ и посланниковъ татарскихъ. Союзники Юанна, князя Юсуфъ и

(67) Тамъ же—стр. 298 и примѣч. 525.

Въ Розрядн. кн. „въ тѣ поры Донскіе казаки измѣнили, пошли изъ Сокола безъ отпуску на Донъ:“

Измаилъ—Мирза, многократно приносили царю жалобы, въ удовлетвореніе коихъ поймавъ нѣсколько казаковъ, Іоаннъ велѣлъ повѣсить ихъ въ присутствіи Ногайскихъ пословъ, и къ князьямъ, въ 1553 году, отписаль, что изъ дружбы къ нимъ Волгу отъ разбойниковъ казаковъ очистилъ, а другимъ далъ *крѣпкую заповѣдь* жить смирно. (68).

Но поведеніе казаковъ не перемѣнилось, и по новымъ жалобамъ мирзъ и князей ногайскихъ Іоаннъ послалъ въ слѣдующемъ году боярскаго сына Григорія Жолобова съ ратію для наказанія на Волгѣ неспокойныхъ людей (69); въ то же время чрезъ посла своего старался увѣрить татарскихъ владѣтелей, что всѣ злые казаки казнены, а на мѣсто ихъ поставлены казаки добрые, въ которыхъ воровства нѣтъ (70).

Но спустя два или три года, эти добрые казаки ограбили и побили русскихъ людей, шедшихъ въ Астрахань. Для усмиренія ихъ царь велѣлъ весной 1557 г. выслать изъ Казани небольшой отрядъ войска и поставить на Волгѣ въ судахъ подъ начальствомъ боярскихъ дѣтей: Степана Кобелева (противъ Самарскаго устья) и Ляпуна Филимонова (на Переволокѣ). Цѣлое лѣто оберегали они всѣхъ проѣзжавшихъ и давали имъ

(68) Дѣла Ногайскаго кн. № 4 стр. 209 на оборотѣ.

Въ наказѣ послу Николаю Бровцynu, между прочимъ написано: „А которые казаки на Волгѣ гостей вашихъ грабили и били и мы тѣхъ казаковъ предъ вашими послы велѣли казнити, а которые впередъ учнутъ на Волгѣ стояти и посламъ и гостемъ лихо дѣлати, и мы тѣхъ также велимъ казнити; а которые казаки нынѣ отъ насъ бѣгають и хоронятся на Волгѣ, и какъ ледъ пройдетъ и мы на тѣхъ посылаемъ многихъ своихъ людей и велимъ ихъ тамъ позбити, чтобъ лихихъ людей межъ нашихъ земель не было!“

(69) Дѣла Ногайскаго кн. № 4 см. наказъ послу Тимофею Загряжскому, стр. 269 и на оборотѣ:

„А которые наши изъ нашей земли выбѣжали и стоятъ на Волгѣ, а у васъ лошадей крадутъ и гостей побивають, и нашихъ рыболововъ грабятъ и побивають же, и мы на тѣхъ послали своего сына боярскаго Григорія Жолобова!“

(70) Тамъ же, см. наказъ Андрею Третьякову, лис. 325 на оборотѣ:

.... И Андрею говорити государь нашъ господине, заповѣдь великую казакамъ учинилъ, чтобы улусамъ вашимъ лиха никакъ не дѣлали. А которые казаки воровали, пословъ и гостей грабили, и лошади у васъ крали и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ всѣхъ казнилъ, а нынѣ поставилъ на Волгу казаковъ добрыхъ вамъ на бережье, въ которыхъ воровства нѣтъ!“

проводниковъ (71)

Эти осторожности не много приносили пользы для Ногаевъ; ибо число казачьихъ партій на Волгѣ, Самарѣ и Яикѣ, въ 1570 годахъ, до того умножилось, что Ногаи пришли въ ужасъ, не знали гдѣ дѣваться, боялись потерять женъ и дѣтей своихъ, ожидая неминуемой гибели (72).

Жалобы на это Ногайцевъ. Урмаметъ мурза прислалъ къ государю жалобу за жалобою; но Ногаи въ то время сами жили не смирно и напали на наши украинны, почему холодно и сухо отвѣтствовано было татарскому владѣтелю, что виновныхъ казаковъ государь велитъ согнать съ Волги, а невиновныхъ не тронетъ; дерзость же самыхъ Ногайцевъ жестоко бы наказалъ онъ, но оставляетъ это единственно изъ дружбы къ покойному отцу его Исмаилу, доброму своему пріятелю и союзнику (73). Казаки сами отомстили за

(71) Дѣла Ногайскаго князя № 5 см. наказъ нѣкоему Мокею Лачикову, лис. 7 и на оборотѣ:

... „А нынѣ, господинне, горударь сею весною въ судѣхъ послалъ на Волгу своихъ дѣтей боярскихъ Степана Кобелева, да Ляпуна Филимонова со многими людьми, а велѣлъ съ Волги казаковъ всѣхъ сослать.“

(72) Тамъ же, № 9, распросныя рѣчи возвратившихся изъ ногайскихъ улусовъ дѣтей боярскихъ Петра Дѣвочкина, Трегыка Аристова и Григорья Исленьева:

... „Урусъ де князь негораздо чинить отъ государя отставаеъ и хочетъ съ государемъ завоеватся и пословъ государскихъ переграбилъ, а только государь велитъ де казакамъ у насъ Волгу и Самару и Яикъ отнять, и намъ де на семь отъ казаковъ пропасти, улусы наши и жонъ и дѣтей поемлютъ и намъ де гдѣ ся дѣти.“ лис. 157 и на оборотѣ.

(73) Дѣла ногайскаго кн. № 9, см. лис. 167 на оборотѣ:

... „И только меня себе братомъ назовешъ, а тыбъ съ Волги велѣлъ свестъ казановъ всѣхъ, то братству и знамя, и только казаковъ съ Волги невелишь свестъ и то братства и дружба не будетъ.“

Тамъ же, лис. 173 и на оборотѣ.

... „Государь сыскавъ виноватыхъ съ Волги казаковъ сбить велитъ и жить имъ впредь не велитъ на Волгѣ, а которые невиноватые и тѣхъ съ Волги за што сводить. А ихъ (Ногайскихъ мурзъ) люди перевозившиися за Волгу, да вмѣстѣ съ крымскими людьми ежегодно приходятъ на государеву украину войною да и сего лѣта ихъ Ногайскіе люди вмѣстѣ съ крымскими людьми и съ Дивеевыми дѣтьми и неедино приходили на государеву украину войною и многіе убытки подѣлали, и оныбъ впредь людей своихъ уймалъ.“...

Тамъ же, № 10 лис. 22 и на оборотѣ, см. грамоту велѣаго князя:

... „А то намъ вѣдомо украинны: Кадомскія, и Темниковскія, и Шацкія, и Алаторскія, и Арзemasкія, и Курмыринскія, и Свіяжскія, и Тютюжскія всее горнія сторожи и Казанскія люди, и донскіе и волжскіе и астореханскіе казаки, за свои досады намъ безпрестанно бьютъ челоуъ, чтобъ намъ ослободить ваши улусы, противъ востать, что имъ

отечество: напали на столицу Ногаевъ—Сарайчикъ, выжгли его до основанія и разрыли даже гробы мусульманъ (74).

Почти въ тоже время удалые атаманы сихъ шаекъ: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Борбоша, Микита Панъ и другіе ограбили нашего посла Василя Пелепелицына, ѣхавшаго вмѣстѣ съ Ногайскими послами, на перевозѣ близъ Сосноваго острова. Огорченный государь приказалъ переловить разбойниковъ, казнить ихъ, и послалъ объ этомъ грамоты въ Казань, въ Астрахань и во всѣ украинные города (75). Но судьба готовила этихъ буйныхъ людей на дѣла славныя въ обширномъ и богатомъ царствѣ Сибирскомъ.

Древняя исторія Сибирскаго царства. Основаніе Татарскаго царства на берегахъ Иртыша, которое русскіе называли Сибирскимъ, относится ко временамъ Монголо-Татарскаго владычества въ средней Азійи и восточной Европѣ. Когда огромная имперія Монголовъ раздѣлилась на многія независимыя владѣнія, тогда произошло и это отдѣльное на сѣверѣ царство. Но когда именно совершилось его

отъ вашихъ ногайскихъ людей и многіе тѣсноты и убытки составляются, и мы своихъ досадъ такихъ отъ вашихъ ногайскихъ людей непамятуя, а помня къ себѣ вѣрную любовь и дружбу отца вашего Исманда князя, тѣмъ всѣмъ людямъ заказъ свой царской вѣрною учинили и на ваши улусы приходити не велѣли!

(74) Дѣла Ногайскія книга № 10, листъ 140 на оборотѣ. Распросныя рѣчи прѣхавшаго изъ ногайскихъ улусовъ татарина Байкеша.

.... „Да урусъ же князь говорилъ, приходили де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли, не только что людей живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вырывали и гробы ихъ разоряли; и намъ то стало за великую досаду; а то Урусъ князь не сказывалъ, откуда на Сарайчикъ казаки приходили и многіе-ли люди и о кую пору!“

(75) Дѣла Ногайскія книга № 10, наказъ послу Петру Федорову, бывшему въ то время въ ногайскихъ улусахъ, лис. 258—261.

.... „Приходили де на алаторскія мѣста съ азовскими людьми вмѣстѣ и воевавъ пошли въ Ногай назадъ, и на Волгѣ волжскіе атаманы Ивашко Кольцо, да Борбоша съ товарищи, на Волгѣ своровали твоихъ урусовыхъ пословъ и иныхъ мурзъ пословъ и нашихъ дѣтей боярскихъ Василя Пелепелицына съ товарищи, перебили и переграбили, да иныхъ казаковъ съскали Митю Бритоусова съ товарищи, которые на Волгѣ были и нашихъ дѣтей боярскихъ и нашихъ пословъ перебили, и мы на тѣхъ казаковъ опалу свою положили, казнить ихъ велѣли съ ертью предъ твоимъ челоукомъ Урмагетомъ!“....

.... „А для атамана Ивана Кольца, да Борбоша, съ товарищи, и для нашихъ казаковъ послалъ государь въ Казань и въ Асторохань и во всѣ украинскіе города, и велѣлъ тѣхъ волжскихъ атамановъ и казаковъ имая, казнить смертию!“

Особ. прибавл. къ газ. „Донск. Вѣсти“. Л. 3.

основаніе—намъ неизвѣстно по совершенному недостатку источниковъ; ибо собственныхъ историковъ царство Сибирское не имѣло, чужеземцы о немъ не знали, и русскіе стали любопытствовать о древнихъ происшествіяхъ онаго, уже по совершенномъ покореніи его, не прежде XVII вѣка, и, изъ оставшихся тогда темныхъ изустныхъ преданій, составили многія повѣсти, весьма смѣшанныя, одна другой противорѣчащія. Въ этихъ повѣстяхъ даже лицію хановъ сибирскихъ почти каждый слагатай изъяснялъ по своему—сбивчиво, ложно. Немногія достовѣрныя свѣдѣнія о именахъ хановъ сихъ сохранились въ одномъ, дошедшемъ до насъ, весьма важномъ дипломатическомъ актѣ, именно, въ грамотѣ царя Ѳедора Ивановича къ Сибирскому хану Кучуму, 1587 г. писанной ⁽⁷⁶⁾.

Изъ ней видно, что въ царствѣ Сибирскомъ были двѣ различныя династіи хановъ: а) Тайбучина и б) предковъ Кучума. Престоль Сибири замѣщался то тѣмъ, то другимъ поколѣніемъ, безъ сомнѣнія при сильныхъ переворотахъ, о которыхъ, впрочемъ, исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній. Изъ рода Тайбугина извѣстенъ только родоначальникъ этого племени, и знатные потомки его: Магметъ Куль, Казый и Едигерь. О родѣ Кучума, татарскій историкъ Абулхазій, въ своей родословной исторіи даетъ гораздо яснѣйшія понятія, производя оный по прямой линіи отъ Чучи, сына грознаго завоевателя Чангисъ-Хана; онъ высчитываетъ со всею подробностію его потомковъ, полагая въ одиннадцатомъ волѣнѣ двухъ братьевъ Ибана и Ма-амбуна, изъ коихъ о первомъ говорится и въ упомянутой грамотѣ царя Ѳедора: и онъ былъ двоюродный дѣдъ Кучума; слѣдственно, этотъ послѣдній занималъ 13-ю степень въ цѣпи потомковъ Чингисова сына Чучи.

Извѣстія между Русскими о Сибири. Начало извѣстій въ Россіи вообще о Сибири, или о странахъ за-

---

⁽⁷⁶⁾ Сія грамота напечатана во 2 части государственныхъ грамотъ и договоровъ.

уральскихъ, относится къ временамъ довольно отдаленнымъ. Страна, за Каменнымъ поясомъ лежащая, до половины XIII столѣтія отдѣлялась отъ російскихъ княженій обширными землями волжскихъ и камскихъ Болгаръ, а послѣ татарскими жилищами. Далѣе къ сѣверовостоку были жилища народовъ Финскаго поколѣнія: Пермьковъ, Зырянъ, Угровъ и другихъ, подъ общимъ названіемъ Пермій и Угріи. Новгородцы первые въ XI или покрайней мѣрѣ въ концѣ XII вѣка ходили войною въ Угру, а въ 1365 г. доходили даже до рѣки Оби; но впрочемъ они знали одну только сѣверную и самую бѣднѣйшую часть Сибири, населенную Уграми, Самоѣдью и Вогулами; а собственно сибирское царство, татарами основанное, было имъ или вовсе неизвѣстно или они знали его въ превратномъ видѣ; дѣйствительное же открытіе онаго принадлежитъ къ послѣдующимъ столѣтіямъ.

Едва блеснулъ лучъ надежды къ освобожденію Россіи отъ ужаснаго ига татаръ, какъ великіе князья наши обратились къ новымъ завоеваніямъ: предпринятый въ 1459 г. походъ въ Вятку⁽⁷⁷⁾, неважный успѣхами, былъ приступомъ къ ужасному впослѣдствіи распространенію предѣловъ Россіи къ сторонѣ восточнаго сѣвера.—При великомъ князѣ Іоаннѣ Васальевичѣ въ 1472 г. приведена въ подданство Россіи вся Пермія; а въ 1483 г. покорены Вогулы и Остяки, и русскіе впервые проникли тогда до рѣки Оби⁽⁷⁸⁾. Таковое разширеніе предѣловъ Россійской монархіи отъ граицъ Вятки до хребта горъ Уральскихъ, познакомило русскихъ съ сибирскимъ царствомъ и наконецъ было поводомъ къ приведенію онаго въ зависимость отъ Россіи.

Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи. Сибирскіе татары, видя блистательный успѣхъ російскаго оружія, даже по ту сторону хребта Уральского, и чувствуя собственную слабость, не замедлили признать надъ собою власть Россійскихъ вѣнценосцевъ и сдѣ-

⁽⁷⁷⁾ Никоновск. лѣтопись Т. V стр. 285.

⁽⁷⁸⁾ Исторія князя Щербатова Т. IV часть II.

латься ихъ данниками. Точнаго времени этой эпохи мы не знаемъ; но вѣрно то, что сіе совершилось въ первыхъ годахъ XVI столѣтія. Сибирскій Ханъ Ибанъ, современникъ великаго князя Василья Іоанновича, первый билъ ему челомъ о подданствѣ и принесь дань; преемники его: Магметъ Куль, Казый и Едигерь продолжали платить эту дань, прерывая оную иногда по своевольству и другимъ причинамъ ⁽⁷⁹⁾. Послы наши и сборщики податей ходили въ Сибирь и обратно и хорошо знали путь на берега Иртыша.

Ханъ Кучумъ, припавъ престолъ сибирскій, при самомъ началѣ сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, непріязненнымъ Россіи, причиняя набѣгами своими пограничнымъ областямъ нашимъ немалое разореніе; но вскорѣ склонился на поведеніе мирное и вошелъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ переговоры съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Въ мартѣ 1569 г. царь отправилъ къ нему грамоту, побуждая къ заплатѣ подати ⁽⁸⁰⁾. Кучумъ, упрямый характеромъ и счастливый въ войнѣ съ Киргизъ-Кайсацкимъ царемъ, котораго онъ тогда взялъ въ плѣнъ, отвѣчалъ Іоанну (въ 1570 г.), что собираетъ для него дань и пришлетъ ее когда окончитъ войну съ Киргизами, что гоствъ сохранить къ Русскому царю доброе расположеніе, но не отвергаетъ и войны, если царь расположенъ вести ее ⁽⁸¹⁾. Но въ 1572 г. Кучумъ прислалъ въ Москву посольство, прося Іоанна принять его *подъ свою руку и свое обереганье* ⁽⁸²⁾. Царь согласился, положилъ на Хана сѣгодную дань, послалъ къ нему грамоту и получилъ шертную запись. Безповойный ханъ вскорѣ измѣнилъ своему слову: пересталъ платить дань, воевалъ пермскія владѣнія наши и подстрекалъ всѣхъ окрестныхъ улусниковъ къ набѣгамъ на русскія области. Но едва прошло одно десятилѣтіе отъ послѣдняго подписанія Кучумомъ шертной записи на подданство, какъ царство его рушилось и, потерявъ само-

⁽⁷⁹⁾ Грамота царя Федора Іоанновича 1537 года.

⁽⁸⁰⁾ Титул. № 3 лис. 8 на оборотѣ

⁽⁸¹⁾ Дѣла Сибирск. столб. 2 и 3.

⁽⁸²⁾ Титулъ № 3 лис. 8 на оборотѣ.

бытность свою, содѣлались російскою провинціею.

Преимущества, данныя Строгоновымъ. Выше упомянули мы, что настоящіи русскія владѣнія на сѣверо-востокѣ оканчивались великою Перміею. Страна эта, богатая всѣми привольями, разнообразіемъ природы, и выгодная прибытною торговлею съ полудикими сосѣдами, привлекала къ себѣ многихъ поселенцевъ, въ числѣ которыхъ была фамилія купцовъ Строгоновыхъ. Нѣкто Аниба Строгоновъ, заведя на Вычегдѣ соляныя варницы, дѣятельностію своею нажилъ огромное богатство и оставилъ оное двумъ сынамъ своимъ Якову и Григорію. Ведя обширную торговлю съ сосѣдами и обладая дальновиднымъ предприимчивымъ умомъ, братья Строгоновы знали хорошо положеніе окрестныхъ народовъ по обѣ стороны Каменнаго пояса и извѣстны были въ семь отношеніи въ Москвѣ.

Иоаннъ, видя, что сибирскіе народы всегда могутъ нарушить спокойствіе пограничныхъ областей нашихъ, и особеннѣе, при самомъ вступленіи на сибирскій престолъ Кучума, замѣтивъ въ немъ поступки дерзкіе, искалъ вѣрнѣйшихъ средствъ оградить восточные предѣлы своего государства и для того велѣлъ *поставить предъ себя* Якова и Григорія Строгоновыхъ; бесѣдовалъ съ ними долго о положаніи дѣлъ сибирскихъ и пермскихъ. Замѣтя твердый умъ и предприимчивый духъ этихъ русскихъ купцовъ, царь поручилъ имъ защиту Перміи, предоставляя преимущества великія и важныя, каковыми дотолѣ едва ли кто нибудь изъ частныхъ людей могъ пользоваться (83). Вслѣдствіе сего даны имъ были три жалованныя грамоты: первая 1558 г. апрѣля 4, коею Государь пожаловалъ Григорію Строгонову во владѣніе земли по рѣкѣ Камѣ съ лѣвой стороны отъ устья рѣки Лысвы, а съ правой отъ Пыскорской Курьи до рѣки Чусовой. Въ сихъ пустыняхъ

(83) Все предлагаемое здѣсь повѣствованіе заимствовано изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Рукопись, имѣющая названіе: О взятіи сибирской земли.

б) Другая рукописная лѣтопись подъ названіемъ: описаніе о сибирской землѣ. Обѣ сии рукописи заслуживаютъ особенное вниманіе, будучи согласны съ дипломатическими актами.

предоставлено ему заводить селенія, наполнять ихъ людьми *охочими, вольными не тѣлыми* (неплатящими податей), строить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости; содержать въ нихъ собственное войско: пушкарей, загишниковъ, пищальниковъ, воротниковъ, имѣть огнестрѣльный снарядъ и всякое оружіе. Пользуясь сими преимуществами, Григорій въ то же время построилъ въ псыкорскомъ мысу городокъ Канкоръ. Вторая Грамота 1564 г. генваря 2 распространила еще на нѣсколько верстъ владѣнія Григорія, съ тѣми же преимуществами, и вслѣдствіе того въ 20 верстахъ отъ Канкора построенъ былъ имъ городокъ Орловъ на Орловскомъ волокѣ. Третья Грамота 1568 г. марта 25 предоставляла Якову Строгонову во владѣніе всѣ земли по рѣкѣ Чусовой отъ устья ея и до вершинъ, со всѣми привиллегіями, какія даны брату его. Яковъ на сибирскомъ пути по рѣкамъ Сылвѣ и Яйвѣ поставилъ нѣсколько остроговъ, наполнилъ ихъ войскомъ и оружіемъ.

Такимъ образомъ двое дѣятельныхъ купцовъ, съ правами князей владѣтельныхъ, укрѣпили границы Пермїи и устроили собственное войско. Въ такомъ положеніи вещей произошелъ случай, впоследствии времени, подавшій поводъ къ великому перевороту въ Сибири.

Царевичъ Маметкулъ племянникъ извѣстнаго Кучума, собравъ довольноую силу, въ іюль 1573 г. явился на Чусовой съ огнемъ и мечемъ безъ малѣйшаго повода со стороны русскихъ, раззорилъ нѣсколько подвластныхъ намъ остяцкихъ селеній, убилъ царскаго посланника Третьяка Чубонова, ѣхавшаго въ Киргизъ—Кайсаки; но убоясь собраннаго Строгоновыми новаго войска, поспѣшно бѣжалъ назадъ. Умные Строгоновы, желая оградить себя отъ подобныхъ набѣговъ на будущее время, донесли объ этомъ происшествіи государю и просили у него дозволенія построить еще нѣсколько городковъ, гораздо ближе къ границамъ сибирскимъ и дѣлать поиски надъ самыми врагами. Они получили желаемое: 30-го мая 1574 г. дана имъ грамота, кою дозволялось имъ строить крѣпости даже за Каменнымъ поясомъ на Тоболѣ, Иртышѣ,

Объ для *береженія и олочимъ людемъ на опочивъ* (сказано въ грамотѣ), проводить въ повиновеніе и подданство всѣхъ *безпокойныхъ данниковъ нашихъ, мстить съ оружіемъ въ рукахъ непокорнымъ и буйнымъ сосѣдамъ и проч.* Получивъ права эти, Яковъ и Григорій Строгоновы ждали удобнаго случая, къ новымъ *предпріятіямъ*, и померли, оставя окончаніе *важнѣйшихъ подвиговъ* меньшему брату своему Семену и племянникамъ Никитѣ Григорьеву и Максиму Яковлеву.

Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ. Эти наслѣдники богатства и предпріимчивости славныхъ купцовъ нашихъ, искали только *воиновъ*, чтобы привести въ исполненіе обширный планъ *покойныхъ*. У нихъ въ острогахъ были уже нѣкоторые *вольные казаки*, которые составляли, какъ видно, лучшее ихъ ополченіе: слыша, что по Волгѣ кочуютъ многіе *шайки Донскихъ и Волжскихъ казаковъ, славныхъ по буйству и храбрости*, какъ сказано въ лѣтописи, Строгоновы обратились къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.; они послали къ нимъ нарочныхъ *пословъ съ грамотою и съ дарами многими*, звали *удалыхъ наѣздниковъ въ свои Чусовскіе городки на помоганіе противъ невѣрныхъ супостатовъ, на подвиги доблести и славы*. Посланные, нашедъ *главныхъ атамановъ казацкихъ: Ермака Тимофеева, Ивана Кольца, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещеряка*, вручили имъ описаніе и дары Строгоновыхъ, обѣщали *милость и покровительство* этихъ сильныхъ при Дворѣ *купцовъ—вельможъ, плѣняли воображенія ихъ обширнымъ полемъ дѣятельности славной богатствомъ странъ зауральскихъ*. Атаманы *возрадовались видя, по словамъ лѣтописи, пришествіе пословъ съ толикою честію отъ мужей славныхъ*. На кругомъ берегу при устьѣ Самары собрался кругъ (всѣ атаманы *съ предоблюю дружиною*) *думать думу важную съ цѣла ума*, по *выраженію современниковъ*; атаманъ Ермакъ, первый *храбрецъ между удалцами, первый умнѣе между атаманами*, говорилъ въ кругу *сильно и много о безславіи и опасности не достойнаго ремесла ихъ: „Слыва ворами, мы скоро не найдемъ убѣжища въ землѣ нашей и отринутые*

Богомъ, не узримъ царства небеснаго; смоемъ пятно наше или службою честною, или смертію славною; послѣдѣемъ призыванію честныхъ мужей Строгоновыхъ:“ Иванъ Кольцо первый возгласилъ: „пойдемъ на помощь къ Строгоновымъ.“ Весь кругъ прогремѣлъ: „пойдемъ“,—и атаманы, поднявъ знамя, 29 іюня явились въ Чусовыхъ городкахъ чиеломъ съ дружиною 540 человекъ. Они пришли на радость. Строгоновы приняли ихъ съ отличною честію, *услادили брашномъ и питіемъ изобильно*, одарили всѣхъ щедро и ввѣрили имъ защиту городковъ своихъ.

Два года оставались они въ этихъ городкахъ, обороняя владѣнія Строгоновыхъ отъ всѣхъ нападеній, какъ вдругъ неожиданный случай подалъ поводъ къ предпріятію важнѣйшему: вогульскій князь Бегбелій 22-го іюля 1581 года съ большими силами, сдѣлалъ внезапное нападеніе на Чусовскія мѣста и произвелъ въ нихъ страшное опустошеніе; но тутъ же былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Строгоновы, желая наказать вѣроломцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всегда унять другихъ сосѣдей отъ подобныхъ нечаянныхъ набѣговъ, рѣшились перенести оружіе свое за Уральскій хребетъ и утвердить тамъ грань своихъ владѣній.

Походъ въ Сибирь. Въ одинъ мѣсяць снарядили они призванную дружину казаковъ: устроили имъ легкія ладьи, дали всякаго оружія съ избыткомъ, пушекъ, пищалей семипядныхъ, всѣхъ припасовъ огнестрѣльныхъ, снабдили изобильно провизіею всякаго рода, теплою одеждою, *удовольствовали мздою*; присоединили къ нимъ 300 охотниковъ изъ стараго своего войска: литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ выходцевъ—*буйственныхъ, храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ*, по выраженію лѣтописи, вождей знающихъ сибирскій путь, переводчиковъ бусурманскаго языка, священниковъ; угостили всѣхъ въ послѣдній разъ, и атаманы 1 сентября въ день Семеона Столпника, отиѣвъ соборне-молебное пѣніе и отдавъ послѣднее прощаніе Строгоновымъ, пустились въ путь съ *миромъ и радостію*. Ермакъ принялъ главное начальство

надъ войскомъ, состоявшимъ изъ 840 человекъ, подъ нимъ былъ Иванъ Кольцо, учредили есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, устроили порядокъ твердый, строгій по общему согласію.

Плывя по Чусовой вверхъ до устья рѣки Серебрянки четыре дня, и два дня этою рѣкою, они 6 сентября достигли такъ называемаго сибирскаго пути. Здѣсь, желая на всякій случай оградить себя, построили на сборо *Кокуй городокъ* и перевезлись чрезъ волокъ, изъ 25 поприщъ состоящій, на рѣку Журавлю, плыли этою рѣкою внизъ до Тагила, истомъ сею послѣднею вошли въ Туру и здѣсь вступили уже собственно въ Сибирское царство, еще не обнаживъ меча.

На бѣгъ Пелымскаго князя. Но только что атаманы отплыли отъ селеній Строгоновыхъ, Пелымскій князь (имя его неизвѣстно) подговорилъ съ собою мурзь и улановъ сибирскихъ съ полчищами ихъ, также Остяковъ, Вогуловъ, Вотиковъ и Башкирцевъ, пришелъ съ большимъ воинствомъ на Пермскую землю, пожегъ множество селеній по Камѣ близъ Чердыня и Усоляя, въ быстромъ и сильномъ приступѣ едва не взялъ самаго Чердыня, опустошивъ огнемъ и мечемъ всѣ деревни и посады около крѣпостей Коннора, Кергеденя и по Чусовой, побилъ и плѣнилъ множество христіанъ и вообще причинилъ Пермѣ разорѣнія ужаснѣйшія.-- Казаковъ не было на пораженіи враговъ, а оставшіеся въ городкахъ и острожкахъ воины столько были угнѣснены, что по словамъ лѣтописи, *едва избыли смерти, и то не своею силою, но помощію Божіею*. Но враги свѣдавъ, что казаки поплли громить собственныя ихъ владѣнія, поспѣшно бѣжали во свояси. Чердыньскій воевода Василій Пелецелицынъ, желая ли оправдать себя, или изъ ненависти къ Строгоновымъ, въ донесеніи своемъ къ Іоанну, сложилъ на нихъ всю вину этого несчастья, жалуясь, что они не только не содѣйствовали ему къ отраженію непріятелей, но напротивъ услали бывшихъ у нихъ казаковъ для воинскихъ предиріятій въ Сибирь. Разгнѣванный царь въ грамотѣ своей отъ 16-го ноября объявилъ

Строгоновымъ жестокій выговоръ: „Пермія опустушена вашею *измѣною*—писаль онъ—вы сами задирая Пелымцевъ и другихъ сосѣдей раздражили ихъ *и отвели отъ нашего жалованья, безъ нашего указу*, призвали къ себѣ Волжскихъ разбойниковъ, опальныхъ воиновъ, которые буйствомъ своимъ ссорили насъ съ Ногайскою ордою, погромили нашу казну, убили посла, и незная чѣмъ покрыть вину свою, пришли къ вамъ для подобныхъ разбоевъ. Измѣна ваша очевидна: ибо въ тотъ самый день какъ Ермакъ отплылъ отъ васъ въ Сибирь, Пелымцы какъ будто по условію напали на Пермь и Чердынъ.“ Далѣе государь предписываетъ воротить всѣхъ казаковъ изъ Сибири и отослать ихъ въ пермскія пограничныя мѣста для защиты оныхъ отъ могущихъ произойти набѣговъ, а у себя оставить неболѣе 100 человекъ съ которымъ нибудь атаманомъ. „А если вы“—писаль Іоаннъ въ концѣ грамоты—„вопреки воли моеѣ удержите у себя казаковъ, *положу на васъ великій гнѣвъ и опалу большую*, а атамановъ и казаковъ, которые васъ послушаютъ, *перевѣшаю*.“—Но когда Строгоновы получили эту грамоту, казаки уже покорили царство Сибирское, какъ увидимъ.

Первая битва Ермака. Ермакъ, вступившій въ предѣлы Сибирскаго царства на рѣкѣ Турѣ, встрѣтилъ первое сопротивленіе: здѣсь властвовалъ Татарскій князь Епанча, который собравъ сколько могъ людей своихъ, думалъ остановить Ермаково воинство и смѣло пускалъ тучи стрѣлъ въ ладьи казачьи, но испугавшись пушечныхъ выстрѣловъ бѣжалъ, оставивъ на произволь непріятеля беззащитные улусы свои. Ермакъ раззорилъ Епанчинъ городокъ, многіе улусы и селенія по Турѣ, плылъ безпрепятственно и на устьѣ Тавды рѣки поймалъ татарина Таузана, изъ двора Кучумова. Онъ сообщилъ Ермаку все, что ему нужно было знать о царѣ и царствѣ Сибирскомъ. Казаки же высказавъ предъ нимъ всѣ ужасы своего оружія, отпустили малодушнаго къ Кучуму, да повѣдаетъ владыкѣ своему о пришествіи смертоносныхъ русскихъ воиновъ и объ ихъ *мочь и силу*. Желаніе казаковъ сбылось:

Таузанъ съ трепетомъ рассказывалъ, что когда страшные пришельцы стрѣляютъ изъ *луковъ* своихъ, то пышетъ изъ нихъ пламя, исходитъ дымъ и раздается ужасный громъ, а стрѣлы вылетающія изъ сихъ оружій бываютъ невидимы, но убиваютъ въ смерть и отъ нихъ не спасаютъ ни панцыри, ни кольчуги. Кучумъ, твердый духомъ, но испуганный внезапнымъ пришествіемъ страшныхъ силъ, терлся въ недоумѣніи: непріятель шелъ къ его столицѣ, войскъ въ собраніи не было; изъ подданныхъ же его узнавшіе о приходѣ чуждыхъ воиновъ были уже въ страхѣ, а незнавшихъ ожидалъ подобный ужасъ. Время для Кучума было дорого: онъ немедленно приказывалъ во всѣхъ городахъ и улусахъ своихъ собрать ополченіе изъ всѣхъ жителей на защиту отечества и домовъ ихъ,—вся земля повиновалась: въ короткое время многіе князья, мурзы, уланы съ подвластными имъ народами собрались подъ знамена царя своего. Кучумъ отрядилъ племянника своего Маметкула въ поле противъ русскихъ воиновъ, а самъ съ остальнымъ ополченіемъ, сдѣлавъ засѣку на берегу Иртыша подѣ Чувашевымъ, ожидалъ дальнѣйшихъ слѣдствій и думалъ отнять у казаковъ путь къ столицѣ своей.

Сраженіе съ Маметкуломъ. Ермакъ ожидая непріятелей, сдѣлалъ окопы при устьѣ Тобола, у нѣкоего урочища именуемаго *Басанъ*. Маметкулъ не замедлилъ явиться: ободривъ воиновъ своихъ, онъ съ многочисленною конницею песся во всю прыть затоптать лошадьми малую дружину Ермака; но нѣсколько залповъ изъ пушекъ и пицалей остановили стремленіе непріятеля, который послѣ кратковременной битвы обратился въ бѣгство, потерявъ множество людей убитыми. Этою побѣдою Ермакъ открылъ себѣ путь въ рѣку Тоболь; непріятель занялъ крутой берегъ сей рѣки; но Донской вождь, не желая тратить времени въ маловажныхъ сшибкахъ, приказалъ грестъ внизъ рѣки не смотря на тучи стрѣлъ, которыми татары съ берега осыпали его; онъ плылъ спокойно даже не отстрѣливаясь и былъ проважаемъ стрѣлами непріятельскими до улуса Карачи, находившагося въ 16 верстахъ

отъ Иртыша, гдѣ казаки остановились, для новой побѣды.

Раззореніе улуса Карачи и взятіе городка Атинъ—Мурзы. Карача, думный вельможа Кучумова двора, болѣе хитрый и лукавый, нежели мужественный и великодушный, выступивъ противу казаковъ, бѣжалъ постыдно, едвали не отъ первыхъ выстрѣловъ, остави на разграбленіе улусъ свой, въ которомъ витязи наши получили знатную добычу и поплыли далѣе. Но едва достигли Иртыша, какъ новыя полчища Татаръ пѣшихъ и конныхъ преградили имъ путь; Ермакъ съ дружиною своею вышелъ на берегъ и встрѣтилъ перобкихъ враговъ, но бодрыхъ упорныхъ воиновъ, которые отважно вступили съ нимъ въ бой; сѣча была кровопролитная: непріатели, защищаясь съ удивительною твердостью, падали кучами, казаковъ много изранено, было иѣскольکو и убитыхъ, навонецъ, при наступленіи вечера, сибиряки уступили побѣду нашимъ. Но Кучумъ, чтобы преградить дальнѣйшій путь казакамъ, вышелъ изъ засѣки, расположился на Чувашей горѣ, а воинство Маметкула, утружденное прежними битвами, запыло засѣву. Ермакъ въ сей же вечеръ, поднявшись немного вверхъ по рѣкѣ, занялъ городокъ Атинъ—Мурзы и провелъ въ немъ ночь, въ виду непріятельскаго стана, не смыкая глазъ. Это было 22 октябръ.

Кругъ казаковъ для совѣта. Многочисленное воинство непріателя (ибо Кучумъ имѣлъ болѣе мѣсяца времени усилить себя людьми), грозно стоявшее предъ глазами казаковъ, заставляло ихъ думать о будущихъ опасностяхъ и колебаться въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Толки, переходя изъ устъ въ уста, обратили вниманіе всѣхъ на одно дѣло, и въ безмолвіи сей достопамятной ночи казаки совокупно съ достойными своими сподвижниками составили кругъ, для общаго совѣта. Многіе товарищи ихъ были побиты, еще болѣе нашлось раненыхъ и изнеможенныхъ отъ непрерывныхъ воинскихъ трудовъ; а непріатель безпрестанно укрѣплялся новыми силами. Поэтому нѣкоторые изъ дружины Ермаковой предложили идти назадъ: „невозможно, — говорили они —

одному биться съ десятью, двадцатю и болѣе, да не сами себя убійцы будемъ.“ Но атаманы возгласили: куда бѣжать намъ, храбрые товарищи? Скоро замерзнуть рѣки и намъ не будетъ пути,—хотите-ли положимъ на себя стыдъ и поношеніе? Хотите-ли быть поруганіемъ невѣрныхъ, посмѣшищемъ своихъ собратій? Нѣтъ! Станемъ надѣяться на Бога, побѣда въ Его рукахъ, Онъ отмститъ невѣрнымъ за кровь христіанскую, а мы не измѣнимъ обѣту нашему, данному предъ Богомъ мужамъ Строгоновымъ, не посраимъ себя побѣгомъ, помремъ всѣ, но врагамъ не уступимъ; если же побѣдимъ, память наша въ странахъ сихъ и слава въ мірѣ будутъ вѣчны.“ Закипѣли сердца мужествомъ и храбростію: „не измѣнимъ обѣту нашему,—клячались всѣ—станемъ единодушно на семь словъ“—и разошлись ждаты утра для новой славы.

Рѣшительная побѣда. Разсвѣтъ слѣдующаго дня (23 октября) явилъ дружинѣ Ермакову бодрствующую; заботливый вожь обтекъ всѣхъ воиновъ, укрѣпилъ души ихъ надеждою на Бога и вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ вывелъ изъ города. Воскличая: „съ нами Богъ!“ вся дружина Ермакова стройными рядами пошла на приступъ къ засѣлкѣ, весело, бодро, мужественно; Маметкуль ожидалъ съ безстрашнымъ спокойствіемъ, встрѣтилъ тучею стрѣлъ, и прежде испытать невыгоду перестрѣлки, разломалъ въ трехъ мѣстахъ засѣлку, чтобы напасть на самыхъ противниковъ; Татары сѣпились съ казаками, закипѣлъ рукопашный бой. Маметкуловы полчища дрались съ яростію, остервенѣніемъ, падали кучами и смѣнялись новыми толпами, которыя шли на смерть, съ тѣмъ же великодушіемъ, съ тою же неустрашимостію за отечество и боговъ своихъ; падали также и казаки раненые, мертвые; упорная сѣча продолжалась далѣе полудня; непріятель сталъ ослабѣвать, но все еще не уступалъ ни шагу нашимъ, какъ вдругъ Татары увидѣли Маметкула тяжело раненаго и оставшия безъ предводителя, потеряли и бодрость и мужество и бѣжали съ поля; казаки преслѣдовали

ихъ и побивая въ великомъ множествѣ, наконецъ водрузили знамена свои на самой засѣкъ. Сраженіе это было столь гибельно для несчастныхъ сибиряковъ, что— по словамъ лѣтописи — окрестныя поля *очервенелись ихъ кровію, устлались трупіемъ мертвыхъ и во многихъ мѣстахъ стояла кровь блатами*. Слѣпый Кучумъ во все время стоялъ на занятыхъ имъ высотахъ и съ муллами своими тщетно молилъ боговъ о побѣдѣ; между тѣмъ бывшіе съ нимъ Остяцкіе князья, видя разбитіе Маметкула, бросили царя своего и пошли въ свои улусы; Кучумъ, пораженный ужаснымъ несчастіемъ, воскликнулъ: „все погибло; сильные изнемогли, храбрые избѣенны, я теперь изгнанникъ въ моемъ царствѣ; уйду сокрыть срамъ свой.“ И взявъ въ Искерѣ—престольномъ городѣ своемъ—*ничто отъ сокровищъ своихъ*, бѣжалъ въ Ишимскіе улусы. Славная побѣда сія, стоившая Ермаку 107 его сподвижниковъ, рѣшила навсегда участь царства сибирскаго: оно покорено оружіемъ славнаго атамана и никогда уже не возвращало своей самобытности.

Занятіе столицы Сибирскаго царствá. Отдохнувъ ночь съ крѣпкою стражею, дружина Ермака на утро отпѣла молебень и двинулась къ Искеру; тамъ царствовала глубокая тишина, не было слышно, какъ говоритъ лѣтописецъ, ни гласа ни послушанія. Осторожный Ермакъ старался развѣдать не скрываетъ-ли непріятель какой-нибудь хитрости, но удостовѣрившись совершенно, что городъ пустъ, 26 октября, въ день великомученика Димитрія, вошелъ въ столицу сибирскаго царства съ радостію и торжествомъ, принесъ благодареніе Богу и нашедъ несмѣтныя сокровища Кучума, раздѣлилъ ихъ между воинами своими.

Благоразумныя распоряженія Ермака. На четвертый день послѣ занятія Искера, Остяцкій князь Бояръ, съ подвластными ему народами, принесъ Ермаку дары и билъ челомъ о припятіи подъ свою руку. Благоразумный вождь обласкалъ новаго данника и отпустилъ съ честію, да живетъ покойно съ своими улусами во всемъ по прежнему. Посту-

покъ себѣ ободрилъ боязливыхъ Татаръ, они толпами шли въ Искеръ съ своими семействами, заняли дома свои и скоро городъ наполнился жителями, которые въ Ермакѣ нашли правителя мудраго, кроткаго, справедливаго. Атаманъ занялся земскими учрежденіями; но едва мишулъ мѣсяць, какъ онъ долженъ былъ испытать горькую непріятность: враги его Маметкулъ и Кучумъ бодрствовали въ полѣ.

Не имѣя объ нихъ никакого слуха, русскіе воины безпечно ходили въ окрестностяхъ города, занимались охотою, рыбными ловлями. Однажды, 5 декабря, ловя рыбу у нѣкоего урочища именуемаго Ябалакъ, уснули они числомъ 20 человекъ, безъ всякой стражи; царевичъ Маметкулъ, скитавшійся подлѣ, внезапно напалъ на стаю ихъ и перерѣзалъ всѣхъ сонныхъ. Ермакъ скорби сердцемъ и дыша гнѣвомъ, приказалъ воннамъ своимъ переопояать мечи и не теряя времени, полетѣлъ мстить врагу своему, настигъ его на станѣ близъ Ябалака, напалъ мужественно, побилъ толпы Татаръ, прочихъ разсѣялъ и взялъ тѣла убіенныхъ сподвижниковъ своихъ, съ честію предалъ ихъ погребенію, возвратясь въ Искеръ.

Плѣненіе Маметкула. Остальную часть зимы Ермакъ провелъ въ покоѣ, распространивъ владѣнія свои добровольною покорностію многихъ улусовъ; эти мирные жители: Татары, Остяки, Вогулы приплы *подъ высокую царскую руку*, присягнули быть вѣрными Россіи *до вѣка, покамытъ изволитъ Богъ вселенной стоять*, на русскихъ никакого зла не мыслить, быть друзьями нашимъ друзьямъ, и недругами врагамъ нашимъ. Ермакъ положилъ на нихъ легкую дань, справедливостію ко всѣмъ и строгостію къ своимъ, вселилъ онъ довѣріе къ себѣ во всѣхъ жителяхъ и наслаждался мирно плодами трудовъ своихъ, какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ явился въ Искеръ татаринъ Секбахта и объявилъ, что Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ во 100 верстахъ отъ Искера съ малочисленною ратію. Закипѣло сердце Атамана: выбравъ 60 молодцовъ *юныхъ, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ*, онъ послалъ

ихъ со всею тайностію и поспѣшеніемъ на дерзкаго врага; войны наши напали на станъ Маметкула ночью, неожиданно, когда почти все татары покоились въ глубокомъ снѣ, окружили шатры непріятельскіе, многихъ побили, другихъ разсѣяли, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и представили Ермаку, къ величайшей радости всехъ русскихъ: ибо они избавлялись тѣмъ отъ самаго дѣятельнаго врага. Умный атаманъ уважилъ въ немъ санъ и мужество: принялъ и держалъ его съ отличною честію. Но несчастный Кучумъ сраженъ былъ участію племянника—единственнаго пособника его въ горькомъ положеніи—скорбѣлъ, плакалъ и долженъ былъ испытать еще новыя бѣдствія. Сейдьякъ, сынъ князя Бекбулата, собравъ въ Бухаріи толпы вонновъ, шелъ истребить Кучума; а первый думный царедворецъ его, первый любимецъ, извѣстный Карача, видя изнеможеніе царя своего, былъ столько неблагодаренъ, что собравши всехъ своихъ Татаръ и Вагуловъ, бросилъ своего государя и благодѣтеля и удалился въ Шельмскую землю, къ рѣкѣ Турѣ—для новыхъ безчестныхъ дѣлъ. Великодушный Кучумъ въ слезахъ воскликнулъ: „кому не помогаютъ боги, тотъ не полагайся на любимцевъ,—они первые свергнутъ его въ бездну.“

Новыя завоеванія. Ермакъ, пользуясь безсиліемъ и стѣсненнымъ положеніемъ врага своего, обнажилъ мечъ на новыя завоеванія. Оставивъ въ Искерѣ нужное число дружины, онъ съ остальными войнами обратился къ сѣверу по Иртышу, повоевалъ и привелъ къ шерти многіе улусы и городки, находившіеся по этой рѣкѣ. Милуя и лаская покорныхъ, грома и истребляя противящихся, онъ достигъ великой рѣки Оби, завоевалъ тамъ главный остицкій городъ Назымъ, и многія иныя крѣпостцы, плѣнилъ ихъ князя, но на приступѣ потерялъ самъ храбраго атамана Никиту Пана. Оплававъ кончину достойнаго сподвижника своего, Ермакъ не хотѣлъ идти далѣе: „ибо видѣлъ, говоритъ Карамзинъ—передъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ месистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и

гдѣ среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамонтовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища природы.“ Утвердивъ такимъ образомъ власть свою отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола, онъ возвратился въ Искеръ съ новою славою.

Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго царства. Ермакъ, удостовѣренный уже, что побѣды его совершенно упрочили власть русскихъ въ Сибири, извѣстилъ Строгоновыхъ о своихъ успѣхахъ и послалъ въ Москву перваго сподвижника своего, Ивана Кольца, съ повинною и съ донесеніемъ, что счастіемъ государя Господь помогъ имъ одолѣть Кучума, плѣнить его племянника, покорить все царство его. Строгоновы возрадовались о великомъ неожиданномъ событіи, благодарили Бога, славили казаковъ и честили посланныхъ ихъ. Немедленно отпраздновали они въ Москву извѣстие о всемъ государя, куда прибылъ и Иванъ Кольцо съ своими товарищами; эти послы храброй дружины, били челомъ Іоанну новымъ царствомъ, просили его принять отъ нихъ покоренную державу и съ ними поступить какъ ему угодно: „Давно—пишетъ нашъ Исторіографъ—по словамъ лѣтописи не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой.“ Государь и народъ воспрянули духомъ. Слова: „новое царство послалъ Богъ Россіи!“—съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній царствъ Казанскаго и Астраханскаго.... Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіи; забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Строгоновымъ государь пожаловалъ: „за ихъ службу и радѣніе:“ Семену два города на Волгѣ—Большую и Малую соль, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городахъ безошлинно. Атамана Ивана Кольца и пословъ сибирскихъ приняли въ Москвѣ съ отличною честію, хвалили подвиги ихъ и славу; государь, забывъ прежній гнѣвъ свой, допустилъ ихъ къ рукѣ,

жаловалъ деньгами, сукнами, камками и отпустилъ въ Сибирь къ ихъ товарищамъ съ большимъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ, а Ермаку особо послалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча своего царскаго. Приказалъ немедленно отправить въ Сибирь воеводу князя Семена Болховскаго и чиновника Ивана Глухова съ ратными людьми на помощь Ермаку и предписалъ атаманамъ царевича Маметкула прислать въ Москву.

Иванъ Кольцо и воевода Болховскій прибыли въ Сибирь уже предъ наступленіемъ зимы. Нельзя описать радости Ермака и дружины его, когда отважные витязи эти услышали милость къ себѣ государя: принявъ дары царскіе и грамоту, они честили новыхъ гостей своихъ, дарили воеводу и воиновъ его лисицами, соболями, бобрами и всѣмъ, чѣмъ только могли; всѣ были полны радости и веселія, но не на долго.

Голодъ въ Искерѣ. Воины князя Болховскаго, не привыкшіе къ суровому климату, скоро заразились цынготною болѣзнью, которая перешла отъ нихъ къ казакамъ, а вслѣдъ затѣмъ открылся и голодъ, ибо казаки, не зная о приходѣ изъ Москвы войска, запаслись провіантомъ только на себя, а подвозовъ нельзя было имѣть никакихъ, по причинѣ глубокнхъ снѣговъ. Сдѣлалось въ городѣ столь великое *оскуднѣніе въ ѣстныхъ запасахъ*, что почти половина людей погибла голодною смертію; самъ воевода Болховскій былъ жертвою этого несчастія. Наконецъ весна принесла отраду нашимъ воинамъ; открылось рыболовство, налетѣло множество птицъ; сосѣдніе Татары, Остяки и Вогуличи начали привозить съѣстные припасы по прежнему изобильно. Успокоенный Ермакъ, исполняя волю царя, послалъ въ Москву Маметкула съ его людьми, и доносилъ государю, что несчастія миновались.

Убіеніе Ивана Кольцо съ отрядомъ казаковъ. Но судьба готовила Ермаку новый ударъ: извѣстный царевичъ Карача, измѣннигъ своему государю, замышляя овладѣть Сибирью, искалъ средства губить казаковъ; онъ ласкался

у Ермака, присягнувъ въ подданство Россіи и притворясь угѣшеннымъ отъ Ногаевъ, прислалъ къ атаману дары и пословъ съ просьбою дать ему помощь противу враговъ. Обольщенный Ермакъ послалъ къ нему 40 добрыхъ воиновъ съ первымъ товарищемъ и достойнымъ витяземъ своимъ Иваномъ Кольцомъ. Эта горсть людей отважныхъ въ станѣ мнимыхъ друзей своихъ нашла лютыхъ враговъ: по повелѣнію Карачи всѣ они были измѣнически перебиты. Ермакъ, горько оплакивая легковѣріе свое, жаждалъ мести и испыталъ новый ударъ потерей добраго атамана Якова Михайлова, который посланъ былъ въ развѣздъ для узнанія о положеніи Карачи и былъ убитъ его шайками.

Бунтъ въ улусахъ Сибири яковъ. Карача, пользуясь успѣхомъ своего коварства, старался чрезъ лазутчиковъ внушить всѣмъ жителямъ, что грозные пришельцы въ землю ихъ равно смертны и побѣдимы и равно гибнутъ отъ руки храбрыхъ: нужно единодушіе и мужество. Хитрецъ успѣлъ: всѣ мирные улусы возмущились и шли толпами подъ его знамена. Собравъ многочисленныя полчища, онъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, окружилъ Искеръ длинными рядами обозовъ, расположивъ главный станъ свой въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ что выстрѣлы не могли никому вредить: не надѣясь побѣдить казаковъ силою, онъ былъ увѣренъ, что погубить ихъ голодомъ. Дѣйствительно, Ермакъ вдругъ увидѣлъ себя заключеннымъ въ стѣнахъ города, не имѣя уже ни царства, ни подданныхъ и почти не видя средствъ къ побѣдѣ: ибо сколько они не стрѣляли со стѣнъ города, непріятель оставался въ покоѣ, а успѣхъ всякой вылазки былъ совершенно сомнителенъ, когда одному приходилось сражаться съ сотнями. Прошло болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и осада продолжалась съ одинаковымъ упорствомъ. Казаки, видя неминуемую гибель, рѣшились на дѣло отважное: 12 іюня, ночью, съ храбрымъ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, они вышли изъ города, оставивъ Ермака для защиты онаго; тихо прокравшись къ самому шатрамъ Карачи, они внезапно напали на спящихъ, произ-

если тамъ ужасъ и гибель: умертвили множество враговъ и двухъ сыновей Карачиновыхъ, гнали бѣгущихъ во все стороны; Татары въ темнотѣ почной рубили другъ друга. Самъ же князь съ малымъ числомъ людей едва спасся уже на другомъ берегу озера. Наступившее утро ободрило непріятелей: увидя малочисленность казаковъ, они стеелися изъ другихъ становъ, удержали бѣгущихъ и храбро напали на нашихъ; но казаки, засѣвъ въ обозѣ княжескомъ, отстрѣливались мужественно; сраженіе продолжалось до полудня; отъ cadaго выстрѣла падали толпы враговъ, которые, наконецъ, потерявъ всю храбрость, съ страхомъ обратились въ бѣгство и Карача со стыдомъ ушелъ въ свои улусы.

Смерть Ермака. Послѣ несчастій завоевателю Сибири суждено было умереть отъ своей оплошности, „изъясняемой — говоритъ Карамзинъ — единственно неодолимымъ дѣйствіемъ рока.“ Ермакъ, въ два года обладанія Сибирью, завелъ обширную торговлю съ азіатцами и дѣятельно поощрялъ ее. 5 августа (1584 г.) явились къ нему коварные вѣстники отъ бухарскихъ купцовъ съ жалобою, что толпы Кучума, шатающіяся по Вагаю, не пропускаютъ ихъ каравановъ въ Искеръ. Ермакъ, взявъ не большую дружину казаковъ (50 человекъ), отправился самъ на помощь къ нимъ; онъ ходилъ по Иртышу до Вагая и далѣе цѣлый день, но не встрѣтивъ нигдѣ ни каравановъ бухарскихъ, ни Кучумовыхъ воиновъ, даже и слуху объ нихъ не имѣя, воротился назадъ и остановился у нѣкоего урочища, называемаго Перекопъ, на Иртышѣ, при устьѣ Вагая, гдѣ застигла его ночь темная, бурная, съ проливнымъ дождемъ. Утруженный дневнымъ походомъ, Ермакъ, забывъ осторожность, уснулъ со всеми воинами своими крѣпкимъ сномъ безъ всякой стражи; и эта была послѣдняя ночь его въ покоренномъ имъ царствѣ. Хитрые враги шли по его слѣдамъ; сынъ Кучума, Алей, пользуясь темнотою ночи послалъ подмогрячиковъ въ станъ Ермаковъ; эти лазутчики, съ удивленіемъ ходили даже между шатрами казачьими, видя всехъ въ непробудномъ снѣ и подробно донесли о всемъ

Кучуму. Воспрянулъ отъ радости непримиримый врагъ Ермака, обнажилъ мечъ, полетѣлъ съ толпами своими на спящихъ и погубилъ ихъ, перерѣзавъ сонныхъ. Отъ звука мечей и стона умирающихъ воиновъ Ермакъ пробудился, но спасенія не было; онъ побѣжалъ отъ шатра, достигъ берега, прыгнулъ въ лодку; но имѣя на себѣ тяжелую броню—даръ царя, сдѣлалъ роковой прыжокъ этотъ столь не удачно, что ступилъ ногой только на край лодки, лодка покачнулася и герой нашъ поглощенъ бурными волнами Иртыша. Изъ всей дружины его спасся только одинъ воинъ, для того, чтобы принести въ Искеръ страшную вѣсть о смерти товарищей своихъ и начальника, наставника, вождя храбраго и велеумнаго, къ ужасу живыхъ, ибо съ смертію Ермака кончилось и ихъ счастье: всѣ они плакали горько, неутѣшно, отдали избѣннымъ послѣдній долгъ помяновеніемъ съ подобающею честію и предвидя грозу въ будущемъ, собрали кругъ для совѣта. Изъ всѣхъ храбрыхъ атамановъ, пришедшихъ въ Сибирь, остался одинъ Мещерякъ; воиновъ также было самое малое число, по и тѣ, потерявъ съ вождемъ своимъ бодрость духа, не могли уже быть столь страшны врагамъ ихъ. Въ кругу положено было, оставя Сибирь, возвратится въ Россію, донести о всемъ царю и отдать покоренное царство его могучей волѣ. Такъ они и исполнили: поплыли вверхъ Тоболомъ, не бывъ тревожимы Татарами, которые все еще страшились непобѣдимыхъ воиновъ; но дошедъ до рѣки Туры, встрѣтили царскаго воеводу Ивана Мансурова, съ многими воинскими людьми, посланнаго на помощь нашимъ въ Сибирь. Мещерякъ и его дружина не помнили себя отъ радости, забыли о минувшихъ опасностяхъ, забыли о Россіи и пошли съ воеводою назадъ въ тѣ мѣста, гдѣ они оставили кости своихъ сподвижниковъ.

Остальными событія въ Сибири не принадлежать къ нашей исторіи; окончимъ повѣсть о Ермакѣ словами нашего бессмертнаго исторіографа: „сей герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ,

—сея герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ казаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго царства у великой державы, которая единой навсегда признала оное своимъ достоинствомъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести его завоеванія; великая доблесть его не только въ лѣтописяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего зятя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *атамана князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мѣшцами, широкъ плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, — зеркало души пылкой, сильной, ума проницательнаго.

Г Л А В А I V.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковской дружины образуются новыя воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Переговоры Россійскаго двора съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаленіи людей сихъ съ Дона. — Посольство Благова въ Константинополь. — Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. — Требования султана о усмиреніи и о сводѣ казаковъ съ Дона и обѣщаніе за то совершеннаго спокойствія русскимъ украинцамъ отъ крымцевъ и ногайцевъ. — Переговоры турецкаго посланника Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ. — Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ. — Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе, избѣгая притѣсненій, удалились на Донъ. — Отправленіе въ Константинополь посланника Нащекина. — Непріятности встрѣченныя на Донѣ Нащекинимъ. — Новая война казаковъ съ Азовцами. — Переговоры Нащекина съ турецкими сановниками. — Возвращеніе его въ Россію съ турецкимъ посломъ. — Переговоры двора нашего съ турецкимъ посломъ. — Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева. — Понски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами. — Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковой дружины образуются новыя

воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Громкая слава о подвигахъ Ермака съ дружиною его въ Сибири, о завоеваніи имъ сего обширнаго царства, о богатствѣ сей дотолѣ неизвѣстной земли, пронеслась по всему пространству обширнаго царства русскаго, и многіе изъ волжскихъ казаковъ разбойниковъ, ожидавшихъ ежечасно за грабежи свои отъ гнѣвнаго царя казни постыдной, оставивъ гнусное ремесло, въ числѣ 6 или 7 сотъ человекъ пошли къ р. Уралу и недалеко отъ устьевъ онаго, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли, около 1584 года построили городъ и содержали Ногайцевъ во всегдашнемъ страхѣ, напали на улусы, разорили и уводили плѣнныхъ. Князь ногайскій Урусъ, жалуясь великому князю на обиды присенныя лицами казаками, писалъ: „на Яикъ пришли казаки, числомъ отъ 6 до 7 сотъ человекъ, построили городъ большой и намъ много зла причинили ⁽⁸⁴⁾“ Но Дворъ нашъ, какъ и отъ Донскихъ казаковъ, отрекся отъ нихъ; Урусу отвѣчали: „казаки—воры бѣглецы, тѣ кои жили на Волгѣ и людей нашихъ на судахъ грабили и убивали, за что мы велѣли ихъ ловить и казнить смертію, но они отъ войскъ нашихъ ушли на Яикъ.... вамъ издавна извѣстно, что казаки дѣлаютъ сіе безъ вѣдома нашего, грабятъ и убиваютъ до смерти какъ вашихъ, такъ и нашихъ людей ⁽⁸⁵⁾“

Россія еще въ концѣ предшествовавшаго столѣтія имѣла на Терегѣ свой городокъ, но въ 1570 году, въ угодность

⁽⁸⁴⁾ Дѣла Ногайскія связка 1-я 1586 г. іюня 29, тетрадь № 8, грамота князя Уруса къ великому князю Феодору Іоанновичу.

.... „Въ тѣ поры пришедь на Яикъ казаковъ съ 6 сотъ и съ 7 сотъ, поставили городъ большой и съ того города намъ много лиха починили, и Иванъ Хлоновъ то видѣлъ.“

⁽⁸⁵⁾ Дѣла Ногайскія связка № 1, 1586 г. сентября 20. Тетрадь № 10, грамота великаго князя къ Арасланъ Мирзѣ, Урусову сыну, въ коей великій князь выговаривая за удержаніе нашихъ пословъ, писалъ: „А слухъ намъ дошелъ, будто за то ихъ не отпустили, что бѣглецы казаки воры, которые ушли на Волгу и нашихъ людей судовыхъ били и грабили, и мы ихъ велѣли перенять и переказнить, и они сбѣжавъ отъ нашей рати на Яикъ, да Урусовы улусы погромили и людей нобили, и то вамъ издавна и всѣмъ вѣдомо, что казаки воры такъ чинятъ безъ нашего вѣдома, какъ вашихъ громятъ, такъ и нашихъ судовыхъ людей бьютъ и до смерти убиваютъ.“

султану турецкому, крѣпостца эта нѣсколько времени служила пристанищемъ для однихъ вольныхъ казаковъ, большею частію Русскихъ.—Когда царь Грузіи Александръ въ 1586 г. прислалъ въ Москву посла своего, просилъ покровительства Россіи и называлъ себя *холопомъ царя Московскаго*, въ то время городокъ Терскій немедленно исправленъ и занятъ дружинами стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Андрея Хворостина⁽⁸⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что стрѣльцы находились тутъ временно; но дабы утвердить власть Россіи надъ Черкесами и Кабардинцами, присяжниками ея со временъ Іоанновыхъ, надлежало имѣть въ ономъ постоянную стражу; для сего должно было дозволить селиться здѣсь всякому свободно и съ сего-то времени надлежитъ полагать начало Терскихъ казаковъ. Султанъ снова требовалъ уничтожить этотъ новый городокъ и казаковъ оттуда свести, и наконецъ въ 1593 г. вознамѣрился было идти сперва на Россійскую Украину и потомъ на Терекъ⁽⁸⁷⁾.

Такимъ образомъ Донскіе казаки годъ отъ году быстро умножались въ числѣ, въ три десятилѣтія историческаго существованія своего содѣлали славнымъ и страшнымъ имя свое отъ береговъ Понта Евксинскаго до хребтовъ горъ Рифейскихъ и отъ предѣловъ Ливоніи до древней Иверіи.— „Замѣтимъ—говоритъ Карамзинъ—что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи донскихъ и волжскихъ казаковъ—витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удалства, раздражая султана, грозя хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ вѣнценосцевъ надъ сѣверомъ Азіи⁽⁸⁸⁾. Они готовились на новыя важнѣйшіе подвиги.

⁽⁸⁶⁾ Истор. Р. Г. Карамзина Т. X стр. 65.

⁽⁸⁷⁾ Дѣла Крымскія книга № 20, л. 9 и 10, статейный списокъ Россійскаго посланника Семена Безобразова, бывшаго въ Крыму въ 1593г.

.... „Да чтобъ ты государь унялъ Терскихъ казаковъ, что они чинятъ царя Турскаго людямъ обиду великую, приходили де къ городу Темрюку и посады пожгли; и буде ты государь казаковъ Терскихъ неуймешь и неведешь и мпру до вѣка нельзя остаться!“.... и далѣе: „да Ямгурчей же, государь, сказывалъ, что единоконечно на зиму Турской, хочеть идти въ Теркъ и снарядъ весь готовъ въ Кафѣ, а идти, государь, сказываесть ему на Ливны, и съ Ливны поворотить къ Асторохани и къ Теркъ!“

⁽⁸⁸⁾ Ист. Р. Г. Карамзина Т. X стр. 71.

Взглянемъ на отношенія, какія возродили тогда казаки между Россією и сосѣдними ей народами.

Переговоры Россійскаго двора съ Турецкимъ султаномъ, Крымскимъ ханомъ и князьями Ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаленіи людей сихъ съ Дону. Переговоры двора нашего съ князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ, о ихъ своевольствахъ, грабежахъ и разореніяхъ, наносимыхъ Ногайцамъ не только въ стѣняхъ между Волгою и Дономъ, но иногда и въ ихъ улусахъ начались вскорѣ по появленіи казаковъ на Дону, подъ собственнымъ названіемъ Донскихъ. Еще въ исходѣ 1549 г. ногайскій князь Юсуфъ писалъ къ великому князю: „нѣкто Сарыазманъ, холопъ твой, на Дону въ трехъ или четырехъ мѣстахъ города построилъ и нашихъ пословъ, которые къ тебѣ ходятъ и отъ тебя возвращаются, стережетъ и убиваетъ. Если желаешь съ нами быть въ братскомъ согласіи и дружбѣ, то сведи ихъ оттуда (89)“ Дворъ нашъ отвѣчалъ князю Юсуфу: „люди, которыхъ ты называешь нашими холопами, и въ нашемъ государствѣ много зла причинили, за что мы велѣли надъ ними промыслити и ихъ казнити.... а вы пошлите для того звонкихъ людей и ихъ, переловя, пришлите къ намъ, а мы ихъ будемъ казнити смертію (90).“

(89) Дѣла Ногайскія кн. № 3, лис. 135, грамота Юсуфа къ царю Ивану Васильевичу.

.... „Холопи твои, нѣкто Сарыазманъ словоетъ, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣлали, да нашихъ пословъ и людей нашихъ, которые къ тебѣ ходятъ и назадъ коли они идутъ къ намъ, и тѣхъ людей стерегутъ да разбиваютъ, а пныхъ де до смерти убиваютъ.“

.... „И похочишь съ нами дружбы и братства, и ты тѣхъ своихъ холоповъ отголе сведи.“....

(90) Дѣла Ногайскія книга № 3, лис. 171.—Грамота царя и в. к. Ивана Васильевича къ Юсуфу князю... „А къ вамъ хотимъ дружбу свою вѣрною держати:... а что еси писалъ къ намъ, что наши холопи Сарыазманъ вашихъ гостей побили, и тѣ наши холопи въ нашей землѣ много лихо учинили, и мы ихъ про то велѣ . . . „убѣжали на Поле, да . . . на Поле, а вашихъ людей и . . . вали никого, и мы нынѣ посылаемъ . . . добывать, а выѣ отъ себя велѣли ихъ добывать, и нѣчто которыхъ тѣхъ холопей добудете, и выѣ ихъ къ намъ прислалп, и мы ихъ про тѣ дѣла велимъ казнити. А мы нѣчто ихъ добудемъ, и мы ихъ велимъ казнити, а нынѣ еси по твоему прошенію послали къ тебѣ пубу.“

Подобныя жалобы погайскихъ владѣтелей на Донскихъ казаковъ продолжались почти ежегодно; ибо казаки покровительствуемые Россіею, не только не унимались, но еще съ большею дѣятельностію набѣгами своими старались вредить слабымъ остаткамъ нѣкогда страшныхъ Монголовъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, отправляя въ Ногай посланника своего Еліазара Мальцова съ извѣстіемъ о войнѣ начатой имъ съ ханомъ крымскимъ и съ порученіемъ склонять князей погайскихъ къ совокупному дѣйствію противъ Крымцевъ, зналъ, что его будутъ упрекать своевольствами Донскихъ казаковъ¹ и для того въ наставленіи Мальцову, между прочимъ, приказано было на эти упреки отвѣтствовать такъ: „Государь нашъ тѣхъ казаковъ, кои воровали, гостей вашихъ грабили и убивали, казнилъ многихъ, а иные, боясь опалы его, бѣжали съ Дону въ Азовъ и Крымъ (91):“ Впрочемъ изъ актовъ сего времени не видно: дѣйствительно ли великій князь посылалъ на Донъ рать свою для наказанія и унятія казаковъ отъ своевольства и грабежей, или такимъ отвѣтомъ хотѣлъ только показать, что казаки дѣлаютъ обиды Ногайцамъ безъ его вѣдома и повелѣнія.

Но что Донскіе казаки были тогда въ зависимости отъ Россіи и покорялись велѣніямъ ея государей, это доказывается грамотою великаго князя къ Урису, въ коей жалуюсь на обиды причиняемыя Русскимъ Ногайцами, ясно обнаруживаетъ онъ власть свою надъ казаками. „Извѣстноль вамъ—пишетъ Іоаннъ въ сей грамотѣ—что наши люди украинные Кадомцы, Темпиковцы, Донскіе, Волжскіе и Астраханскіе казаки бьютъ намъ челомъ, дозволить имъ воевать противъ улусовъ вашихъ за то, что терпятъ отъ вашихъ людей притѣсненія и убытки..... но мы памятуя доброе согласіе и дружбу въ намъ отца вашего Исмаила, запретили имъ на-

(91) Дѣла Ногайск. книга № 5, см. наказъ Еліазару Мальцову, посланному въ 1558 г. къ Исмаилу князю, лис. 65 на оборотѣ.

... „А которые казаки воровали пословъ и гостей грабили, и лошадей у васъ крали, и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ многихъ казнилъ, а иные отъ государя нашего опалы, збѣжали въ Азовъ и Крымъ:“—То же и на оборотѣ л. 144 той же книги.

падать на улусы ваши ⁽⁹²⁾:“ Когда же часть Донскихъ казаковъ, отдѣлясь отъ собратій своихъ, присоединилась къ волжскимъ разбойникамъ и усугубила страхъ въ князьяхъ ногайскихъ: въ то время и жалобы этихъ владѣльцевъ на Донцовъ умножились. Царь Іоаннъ Васильевичъ приказывалъ отвѣчать на оныя, что Донскіе казаки на Волгѣ дѣлають грабежи и убійства не однимъ Ногайскимъ людямъ, но равно и Россіянамъ, и что такихъ своевольныхъ велѣно ловить и казнить. ⁽⁹³⁾.

Наконецъ въ 1587 г., когда Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ убѣждалъ князей ногайскихъ, соединясь съ російскимъ войскомъ на Дону у Донецкихъ Раздоръ, единодушно дѣйствовать противъ Крымцевъ, тогда одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ Ханъ Мирза, давши клятву во всемъ доброжелатель-

⁽⁹²⁾ Дѣла Ногайск. кн. № 10, грамота царя Ивана Васильевича, отправленная къ Урусу възязу съ посланникомъ Иваномъ Милославскимъ. См. л. 22 и на оборотѣ.

... „А что намъ вѣдомоль, что наши люди украинне Кадомскія и Темнпковскія и Шацкія и Алаторскія и Арзамаскія и Курмышскія и Свияжскія и Тетюшскія все горніе стороны и Казанскія люди и Донскіе и Волскіе и Астороханскіе казаки за свои досады намъ безпрестанно бьютъ челомъ, чтобъ намъ ослободитъ ваши улусы противъ воевать, что имъ отъ вашихъ ногайскихъ людей и многія тѣсноты и убытки ставаются, и мы своихъ досадъ такихъ отъ вашихъ отъ Ногайскихъ людей непамятуя, а помня къ себѣ вѣрнѣюю любовь и дружбу отца вашего Исмаила князя, тѣмъ всеимъ людямъ заказъ свой царской вѣрнѣюю учинили и на ваши улусы придти не велѣли.“ . . . Далѣе лис. 23 . . . „а неучнете уйматн людей своихъ и намъ впередъ противъ своихъ украинныхъ людей и волскихъ и донскихъ и астороханскихъ казаковъ потому же унять нельзя.“

⁽⁹³⁾ Дѣла Ногайскія книга № 10, шертная запись Уруса князя 1582 г. см. л. 206 на оборотѣ и 207.

... „А что казаки Волскіе и Донскіе на Волгѣ воруютъ, нашихъ людей и пословъ и государевыхъ пословъ громать и грабятъ и побиваютъ, государю царю и в. к. велѣти тѣхъ воровъ Волскихъ и Донскихъ казаковъ сыскывая казнити, а намъ потомужъ съ государскими людьми выѣсть надъ тѣми ворами надъ Волскими и надъ Донскими казаками промыслиати за одинъ.“

То же повторяется и въ шертныхъ записяхъ, данныхъ Урмаметъ-Мирзою и Сендъ-Ахметомъ-Мирзою л. 219, 220 и 236, л. 247 на оборотѣ, Наказъ възязу Василію Бахтеярову Ростовскому съ товарищи — (въ Астрахань).

... „А будетъ отишетъ къ вамъ Урусъ, что наши казаки у него Сарайчикъ сожгли, и на Волгѣ пословъ его побили, и онъ былъ посланъ къ намъ, и выѣтъ отиисали, что наши казаки на Сарайчикѣ цехаживали, а воровали будетъ бѣглеы казаки, которые бѣглы отъ насъ, живутъ на Терекѣ и на морѣ, на Ликѣ и на Волгѣ казаки Донскіе пришедь съ Дону своровали и нашихъ дѣтей болгарскихъ и ихъ пословъ перебили и переграбили и мы тѣхъ воровъ сыскывать велѣли, а сыскавъ ихъ велѣли казнити.“

ствовать великому князю, присовокупилъ, чтобы и царь Ѳедоръ Иоанновичъ передъ его послами далъ клятву свести казаковъ съ Волги, Яика и съ Дону ⁽⁹⁴⁾.

Въ тоже самое время, когда Ногайцы изъявляли неудовольствіе свое на сосѣдство Донскихъ казаковъ и на обиды отъ нихъ притерѣваемые, ханъ крымскій и султанъ турецкій несравненно съ большимъ жаромъ и настойчивостію писали и безпрестанно говорили посламъ нашимъ о разореніяхъ дѣлаемыхъ казаками подданнымъ ихъ, а всего болѣе Азовцамъ.—Такъ въ 1576 г. посолье російскій Мясоѣдовъ, находясь въ Крыму, писалъ къ Иоанну, что крымскій царь выговаривалъ ему: „Мы съ братомъ Иоанномъ въ добромъ согласіи, а Донскіе казаки Азовъ воюють ⁽⁹⁵⁾!“ Поводомъ къ симъ упрекамъ—продолжаетъ Мясоѣдовъ—было то, что султанъ турецкій въ 1574 г. посылалъ къ хану Чеуша своего съ выговоромъ, что имъ казнецъ былъ нѣкто *Данилка* (Мишкинъ сынъ) Черкашенинъ и что за это Донскіе казаки Азовъ взяли, захватили въ немъ 20 челов. лучшихъ, кромѣ черныхъ людей и султанскаго шурна Сенна: „Нынѣ— писалъ султанъ хану—ты межъ казаковъ великую вражду учинилъ; впередъ отъ нихъ пельзя устоять моему Азову; а вѣдь Азовъ казаками и жилъ, а казаки Азовомъ жили, отъ чего и было между ними мирно. А нынѣ твой крымскій юртъ не судить одного Азовскаго человекъка ⁽⁹⁶⁾!“ Потомъ ханъ въ томъ же

⁽⁹⁴⁾ Дѣла Ногайскія въ столбцѣ свизка 1-я 1587 г. Іюля мѣсяца.

⁽⁹⁵⁾ Дѣла Крымскія книга № 14 отиска Російскаго посланника Ивана Мясоѣдова, находившагося въ Крыму въ 1576 г., см. л. 236.

... „Да говорилъ, государь, царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюють Азовъ? Мы де съ братомъ своимъ в. к. въ братствѣ и въ любви будемъ, а казаки де воюють Азовъ, и нынѣ де и турецкаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молвилъ: да то де есмь слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровыми безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ перенмати, да въ тюрьму посажати, а царь, государь, говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему турецкой царь про что де ты казилъ Мишкина сына Черкашенина и нынѣ де у меня казаки Азовъ взяли!“...

⁽⁹⁶⁾ Тамъ же другой, отиска того же посланника см. л. 269.

... „Іюня въ 29 д. (1574 г.) прислалъ турецкой царь Чеуша къ крымскому царю: а писалъ къ нему о Данилкѣ Мишкинѣ сынѣ, про што де и ты Мишкина сына Черкашенина казилъ. Нынѣче де и у меня казаки Донскіе за Мишкина сына Азовъ съ отцомъ взяли, и лучшихъ людей у меня

гону писалъ къ великому князю: „ты приказалъ султанскаго величества городъ Азовъ воевать и жечь, и ты поступилъ неосторожно, простирая руку свою на землю султанову; трудно тебѣ стоять противъ султана (97):“ Иоаннъ на эти упреки, чрезъ посланника своего Елизарія Ржевскаго, отвѣтствовалъ: „казаки Донскіе живутъ на Дону не по указу пашему, но самовольно. Нѣсколько уже лѣтъ попеременно бываетъ у нихъ съ Азовцами миръ и война, и сверхъ того они неоднократно грабили нашу казну и на Дону и на Волгѣ.—На Азовъ мы никого не посылали, а свѣдавъ о войнѣ казаковъ съ Азовцами и убыткахъ причиненныхъ ими Азову, еще гораздо прежде полученія твоей грамоты, дали повелѣніе всѣмъ воеводамъ украинныхъ городовъ, брать казаковъ подъ стражу и казнить, если который изъ нихъ гдѣ появится (98).

изли изъ Азова 20 чел., да шурина моего Сенна, опрочъ черныхъ людей; и нынѣ де казаки къ Азову тѣхъ 20 челов. и шурина моего приволили, а просили Мишкина сына, а ихъ всѣхъ хотѣли отдати, а нынѣ де и ты межъ казаковъ и Азова великую кровъ учинилъ, впредъ де нельзя Азову моему и пробыти отъ нихъ, а вѣдь де и Азовъ казаки и жилъ, а казаки де и Азовомъ жили, о чемъ де и у нихъ по си мѣсто все было мирно, а меня и твой крымской юртъ не судить одного Азовскаго человѣка:“

(97) Дѣла Крымскія книга № 14 грамота крымскаго хана къ вел. кн. см. л. 305 на оборотѣ.

.... „А Хандыкерева величества славнаго города Азова велѣлъ еси воевать и жечь и ты то негораздо сдѣлалъ, что руку свою протянулъ на Хандыкереву землю, и ты то учинилъ на себя, и Божією милостью, которые и по рѣкѣ и по сухѣ живутъ, и тѣхъ всѣхъ недруговъ взялъ онъ подъ свои руки; по си мѣста ты не умѣешь стоять противъ меня, а противъ его какъ тебѣ стоять?“

(98) Дѣла Крымскія кн. № 14, отвѣтная грамота в. к. къ крымскому царю, л. 338—340.

.... „А что де еси братъ намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ и Азову много лиха починили, и казаки донскіе потому же не по нашему велѣнью на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу. И много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, и много на Дону живетъ того: иногда въ миру, а иногда не въ миру, да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома; а донскіе казаки, на Дону и на Волгѣ и наши казны грабивали, и мы сыскавъ за то ихъ казнили. А про то намъ слышетъ лучше сталося додемы съ донскими казаки межъ ихъ рознь и война, и казаки донскіе собрався приходили къ Азову; да только всякія дѣла межъ азовскихъ людей и донскихъ казаковъ дѣлаются и мирныя и бранныя безъ нашего вѣдома, а мы къ Азову николи людей своихъ не посылавали и впередъ посылати не хотимъ, и мы свѣдавъ про то тогдажь и безъ твоей, брата нашего, присылки, которые казаки воровали къ Азову приходили, но вѣмъ своимъ украинцамъ заказали, которой казакъ донской ниридетъ

Набѣги казаковъ на Азовъ съ сего времени продолжались ежегодно⁽⁹⁹⁾. Слѣдовательно и жалобы крымскаго хана и султана турецкаго не только не прекращались, но дотого распространились, что въ 1578 г. они настаивали уже дабы казаковъ съ Дону свести⁽¹⁰⁰⁾. Дворъ нашъ избѣгая явнаго разрыва съ ханомъ крымскимъ и султаномъ турецкимъ, оправдывалъ себя, говоря, что на Дону живутъ бѣглецы люди разныхъ государствъ и царь далъ обѣщаніе стараться ихъ унимать и за своевольства ихъ казнить смертію⁽¹⁰¹⁾. Казаки однакожь не переставали громить Азовъ, избирая для того удобное время и тѣмъ заставляли Азовцевъ, немогшихъ побѣждать ихъ, приносить на нихъ частыя жалобы Амуратъ султану, котораго негодованіе на Россію еще болѣе усилили казаки Уральскіе и Терскіе: послѣдніе особливо не переставали нападать на владѣнія его по Тереку и много вредили турецкой арміи, воевавшей тогда съ Персією.

на украинной городъ нашъ, которые *натопраковъ* (такъ въ подлинникѣ), велѣли тѣхъ имая казнити, и которые пришли на которую украину и мы ихъ имали и казнили, и впродъ хотимъ такихъ воровъ унимати:....

Тоже повторяется и въ другой грамотѣ, которую писалъ в. к. съ посломъ Еліазаромъ Ржевскимъ къ калгѣ Магметъ Гирею царевичу. См. тамъ же. л. 350.

(⁹⁹) Дѣла Крымскія книга № 15 л. 382 на оборотѣ см. грамоту калги Адилъ Гирея къ в. к.

.... „Хандыкерева величества земля наша, а наша земля Хандыкерева величества земля. Что его городу Азову твои казаки убытки чинятъ, кабы надъ нами они чинятъ, чтобъ еси такъ вѣдалъ, ежегодно твои казаки по Дону приходя, Азову шкоды чинятъ и нынѣшняго году казаки твои двояды приходили, шкodu учинивъ отошли.

(¹⁰⁰) Тамъ же, л. 368 на оборотѣ и 369, грамота царя крымскаго къ в. к. въ коей, между прочимъ, писалъ.

.... „И которые казаки у тебя на Дону, и тыбъ тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобъ брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ доуки не было:“

(¹⁰¹) Дѣла Крымск. книга № 15 л. 418 на оборотѣ, см. наказъ посланнику Василю Зузину и дьякамъ Андрею и Василю Щеркаловымъ.

.... „А что братъ нашъ Магметъ Кирей царь писалъ къ намъ въ своей грамотѣ, чтобъ намъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ Азову убытки не чинили, и нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ, и не посылаемъ никого, а живутъ на Дону всякихъ земель бѣглецы люди нашего государства и литовскіе земли; а на нашихъ украиняхъ, воеводамъ именной нашъ приказъ, что не велѣно никого на Дону пропускать и съ Дону казака ни какова пущать не велѣно на украину. А кого изымутъ на украинѣ и тѣхъ казнятъ смертію!“

То же повторяется и въ грамотахъ в. к. къ царю крымскому л. 146 на оборотѣ и 147 и къ Калгѣ царевичу Адилъ Гирею л. 462 и 470.

Посольство Благова въ Константинополь. Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. Дабы уничтожить всѣ неудовольствія султана и упрочить миръ между Россією и Оттоманскою портою, царь Феодоръ Иоанновичъ въ 1584 г. отправилъ въ Константинополь посланника своего *Благова*. Послу этому велѣно было ѣхать до Азова Дономъ и поручено вручить казакамъ государеву извѣстительную о его посольствѣ грамоту, въ которой повелѣвалось имъ прекратить всѣ ссоры съ Азовцами: „живите — писалъ къ нимъ царь — съ Азовцами *смирно* и не давайте никакого повода къ раздорамъ, дабы не попрепятствовать добрымъ нашимъ намѣреніямъ; дозвольте имъ *ходить на Донъ для рыбныхъ ловель, для дровъ и для иныхъ запасовъ безпрепятственно*!“ Сверхъ этого Благому поручено было употребить посредство свое въ примиреніи казаковъ съ Азовцами, склонить пашу азовскаго къ выгоднымъ условіямъ; а казакамъ въ той же грамотѣ присовокуплено: „и коль скоро Борисъ (изъ Азова) извѣститъ васъ о семъ; то пошлите въ Азовъ для договоровъ своихъ атамановъ и увѣрте пашу, что все сіе дѣлаете вы по моему приказанію, что я запретилъ вамъ тревожить и азовскія и крымскія области!“ Наконецъ государь повелѣвалъ казакамъ, дождавшись на Дону (разумѣется въ нижней части Дона) обратнаго возвращенія посланника изъ Константинополя проводить какъ его, такъ и посла турецкаго до Рязанской области: „будьте на Дону до тѣхъ поръ, пока Борисъ Благой возвратится изъ Константинополя въ Азовъ; . . . а какіе именно низовые атаманы останутся *отъ Азова до Раздоръ* дожидать нашего посланника, о тѣхъ пришлите къ намъ списовъ, и мы наградимъ ихъ нашимъ жалованьемъ (*) . . . Если же султанъ съ посланникомъ нашимъ пошлетъ и своего посла, то проводите обоихъ ихъ съ подобающею честію!“ Въ началѣ грамоты сей

(*) Примѣчаніе. Обстоятельство сіе подаетъ поводъ думать, что въ сіе время ниже Раздоровъ на Дону до самаго Азова не было еще казачьихъ городковъ.

написано: къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ *старымъ и новымъ*: смыслъ этихъ словъ показываетъ, что въ то время были на Дону какіе-то новые пришельцы, и вѣроятно запорожскіе Черкасы, бѣжавшіе на Донъ отъ притѣсненій вельможъ литовскихъ. Дѣйствительно, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ малороссійскіе казаки, угнетенные Польшею, желая сохранить свою независимость, оставили жилища днѣпровскія, пришли на Донъ и бывъ ласково *приняты Донцами*, захотѣли уже возвратиться назадъ. Можетъ быть этотъ самый случай былъ поводомъ двору нашему неоднократно слагать на сихъ казаковъ вину Донскихъ. Но эти новые пришельцы, оставшись на Дону, безъ сомнѣнія признали надъ собою власть Россіи и вступили во всѣ обязанности, лежавшія на Донскихъ казакахъ; слѣдовательно повелѣнія государей о сохраненіи мира съ Азовцами, равномѣрно относились къ тѣмъ и къ другимъ казакамъ.

Хотя царь и обнадеживалъ казаковъ въ своей милости, требовалъ службы вѣрной; но въ наставленіи данномъ Благому, велѣлъ сказать султану, въ случаѣ его жалобъ на Донскихъ казаковъ: „что люди сіи суть опальные бѣглецы изъ Россіи и иныхъ государствъ, изъ коихъ нѣкоторые и составились на Дону; живутъ близъ Азова самовольно, а не по государеву велѣнію и ссора у нихъ съ Азовцами и Крымцами происходитъ болѣе за то, что Азовцы, Крымцы Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей люди ходятъ войною на украинны государевы, берутъ въ плѣнъ жителей и въ Азовъ отводятъ, и что казаки немогши терпѣть сего, нападаютъ на Азовцевъ и Крымцевъ, хотя государь и подтверждаетъ имъ, чтобы они съ Азовцами жили смирно и на крымскіе улусы не приходили (102).

(102) Дѣла Турецкія кн. № 2 л.288—291. см. наказъ посланнику Россійскому Борису Благому, отправленному въ Царьградъ въ 1584 г.

.... „Да память Борису: будетъ ему учить въ Азовѣ Мустуфа князговоришь о казакахъ, что живутъ близко Азова и многіе убытки азовскимъ людямъ дѣлають и на улусы крымскіе приходятъ, и Борису говорить, что на Дону и близко Азова живутъ казаки всѣ бѣглецы люди, иные казаки тутъ и постарѣлись живучи, а межъ ихъ ссора ставится

Требованія султана о усмирении и сводѣ казаковъ съ Дону и обѣщанія за то совершеннаго спокойствія Русскимъ украинамъ отъ Крымцевъ и Ногайцевъ. Посланникъ приплывъ до Азова Дономъ, охраняемый Донскими казаками, водворилъ между сими послѣдними и Азовцами доброе соглашеніе и достигъ потомъ Константинополя благополучно. Еще въ Кафѣ замѣчали ему, что Порта весьма не довольна поведеніемъ Уральскихъ, Терскихъ, а наиболѣе Донскихъ казаковъ, за ихъ частые набѣги на области турецкія; въ Константинополѣ ему твердили то же; даже самъ султанъ, изъявляя Феодору Іоанновичу благодарность за желанія быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Портою, требовалъ между прочимъ, чтобы царь немедленно унялъ Донскаго атамана Кишкина, который незадолго предъ этимъ, ставши подъ самымъ Азовомъ, нанесъ великія разоренія жителямъ онаго ⁽¹⁰³⁾, присовокупляя къ тому, что если государь московскій съ Терека и съ Дону отъ Азова казаковъ сведеть, то и султанъ даетъ обѣщаніе унять отъ нападенія на русскія украинны Азовцевъ, Крымцевъ, Ногайцевъ, Бѣлгородцевъ и Казыевъ улусъ ⁽¹⁰⁴⁾. Но Благой, по данному ему наставленію, оправдывалъ и государя и казаковъ.

Между тѣмъ, когда посланникъ этотъ отправлялся изъ Москвы на Донъ, въ то время атаманъ волжскихъ разбой-

оттого, что азовскіе люди и Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей съ крымскими и ногайскими людьми ходятъ на государевы украинны войною и многихъ русскихъ людей емлютъ въ полонъ и возятъ въ Азовъ, и казачи того немога терпѣти на нихъ приходятъ; а государевъ заказъ къ тѣмъ казакамъ есть, чтобы они подъ Азовъ не приходили и азовскимъ людямъ убытковъ никакихъ нечинили, а жили съ азовскими людьми смирно и на крымскіе бы улусы не приходили:“...

⁽¹⁰³⁾ Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 481. См. грамоту турецкаго султана.

.... „Да казаки ваши Кишкинъ съ товарищи живутъ подъ нашимъ городомъ Азовомъ, и по азовскимъ урочищамъ людей нашихъ тѣснятъ, и многіе убытки чинятъ, и ихъ грабятъ и побиваютъ, — и то дѣлается не по прежнему обычаю, и вамъ бы тѣхъ людей надо де унимати:“

⁽¹⁰⁴⁾ Тамъ же, л. 326, см. донесеніе Благова.

... „Да тебѣ же бы, государю, велѣти съ Терки и съ Дону отъ Азова, казаковъ всѣхъ свести, а турецкой противъ того хочеть унять крымскаго царя и Казыевъ улусъ и азовскихъ и бѣлгородскихъ людей всѣхъ, чтобы не ходили на твои государевы украинны войною ни одинъ человекъ;“

никовъ нѣкто Юшко Несвитаевъ (разграбившій на Волгѣ Армянъ и гостей англійскихъ), свѣдавъ о томъ, оставилъ Волгу и съ единомышленниками своими Донскими казаками перешелъ на Донъ въ намѣреніи разграбить посольство. Въ Москвѣ узнали о намѣреніи сего атамана и въ то же время писали на Донъ атаману Ивану Кишкину; но грамота сія вѣроятно не получена въ войскѣ; ибо Юшко Несвитаевъ дождавшись посольства, напалъ на оное, захватилъ суда, все запасы отнял, и самага посланника безчестилъ. Посему поручено было Василию Биркину, отправленному изъ Москвы на Донъ, для встрѣчи возвращавшагося Благова, совокупно съ атаманомъ Иваномъ Кишкинымъ, вѣрнымъ царю, развѣдавъ о семь и перелова виновныхъ трехъ или четырехъ человекъ, привести съ собою въ Москву, другихъ виновнѣйшихъ пять или шесть человекъ битъ кнутомъ на Дону; а пограбленное все доставить къ государю; если же атаманъ Юшко Несвитаевъ будетъ на Дону и принесетъ государю повинную, то дѣло сіе оставить ⁽¹⁰⁵⁾. Но чѣмъ это кончено и какъ безчестіе сдѣлано посланнику семи разбойниками, въ актахъ того времени не упоминается.

На возвратномъ пути въ Кафѣ, іюня въ 22 день на зарѣ собрались къ посланнику на дворъ съ великимъ шумомъ черкаскія князья и Черкасы и упрекали его, что Донскіе казаки въ турецкихъ владѣніяхъ, между Керчи и Бакчиса-

⁽¹⁰⁵⁾ Дѣла Тур., кн. № 2, л. 321. См. наказъ Василию Биркину, посланному на Донъ для встрѣчи возвращавшагося изъ Константинополя Благово.

... „Да память Василию Биркину: какъ шолъ отъ государя къ турецкому султану посланникъ Борисъ Благой, и на Дону на него приходили Донскіе казаки и Бориса безчестили, и суды у Бориса отымали, и запасъ поймали многою силой, и Василию пріѣхавъ на Донъ, вмѣстѣ съ атаманомъ съ Иваномъ Кишкинымъ и съ иными атаманы и казаки, которые государю служатъ, да тѣхъ бы казаковъ, которые воровали, и Бориса безчестили, и запасъ имали, сыскали и перемали, а перемавъ, лучшихъ трехъ, четырехъ привести къ государю съ собою вмѣстѣ; а иныхъ лучшихъ выбравъ пяти, шти, за воровство бити кнутомъ на Дону..... А что писано напередъ сего отъ государя къ Ивану, что перешелъ съ Волги атаманъ Юшко Несвитаевъ, съ товарищи, на Донъ, и хотятъ воровати, приходитъ на Бориса Благово, и Ивану Кишкину съ товарищи велѣно того Юшка съ товарищи перемати и привестинхъ къ Москвѣ, и будетъ Юшко Несвитаевъ съ товарищи ншиѣ на Дону и предъ государемъ исправится, и учнетъ служить и прямити во всемъ, и Василию и Ивану Кишкину надъ нимъ ничего не дѣлати и его не вмати!“.....

рал на морѣ переловили множество Черкасъ, рыболововъ и нѣсколькихъ человекъ умертвили. Буйные хотѣли убить посла. Благой едва убѣдилъ ихъ отвѣсть его къ пашѣ; но и тутъ слышалъ тѣ же упреки: „прежде никогда не бывало—говорилъ папа—чтобы Донскіе казаки приходили для грабежей въ столь отдаленныя отъ Дона мѣста, а нынѣ изъ турецкихъ городовъ людей въ плѣны берутъ и убиваютъ“... Князья совѣтовали пашѣ увѣдомить о томъ султана, а по сланика задержать; но Благой отозывался невѣденіемъ Донскіе-ли или литовскіе то были казаки.

Прибывъ въ Азовъ, Благой извѣстился, что Донскіе атаманы Гаврила Глузовъ съ товарищи 500 челов. на Дону его дожидаютъ и хотятъ громить; слухъ сей дошелъ и до азовскаго князя. Посоль турецкій, боялся съ Благимъ идти далѣе и сей принужденъ былъ послать къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ, Донскаго же атамана, бывшаго тогда въ Азовѣ въ плѣну и поручить ему сказать казакамъ, чтобы они его Благова и посла турецкаго проводили до государевыхъ украинныхъ городовъ цѣлостно по государеву указу ⁽¹⁰⁶⁾.

О этихъ приключеніяхъ Благой донесъ государю, и въ слѣдствіе того посланъ былъ еще на встрѣчу ему воевода Юрій Булгаковъ, а къ казакамъ отправлена грамота (отъ 30

⁽¹⁰⁶⁾ Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 329 донесеніе Благово.

.... „Да прибѣжалъ, государь, съ Дону отъ казаковъ изъ Иванова юрта Ртищева бусурманъ, Магметомъ зовутъ, а бывалъ Донецкой же казакъ, и сказывалъ, государь, талмачу Байгильдею Исеневу, что на Дону вѣсть учинилася про меня, холона твоего, что я ѣду назадъ къ тебѣ къ государю, а со мною идутъ Арменья, и отобранись де, государь, на Дону Донскіе атаманы Гаврило Глузовъ, да Лука Царевъ казакъ, а съ ними 500 челов. казакѣвъ дожидаются, государь, меня холона твоего, а хотятъ громить. Да и азовскому князю тотъ бусурманъ сказывалъ же, и Чаушъ, государь, по тѣмъ рѣчемъ, со мною холопомъ твоимъ, изъ Азова идти блюдется и живеть въ Азовѣ, а меня, холона твоего, изъ Азова не пустятъ же... а велитъ, государь, азовской князь и Чаушъ съ казаки сълатца, чтобы Донскіе казаки, всѣ дали мнѣ холопу твоему правду передъ нами, что амъ насъ пропуститъ и проводити къ тебѣ, государю, безъ всякія зацѣпки.... и я, холопъ твой, посылаю на Донъ, къ Донскимъ атаманамъ, Донскаго атамана, которой былъ взятъ въ плѣны Михайла Елпина, да Ивана Пологовскаго, и велѣлъ имъ говорить, чтобы они однолично по твоей государевой грамотѣ, которая къ нимъ прислана со мною, меня холона твоего и турецкаго посланника до тебя до государя проводили со всѣмъ здоровьемъ!...“

сентября 1585 г.), которою обѣщали имъ дать помѣстья если въ точности исполнять волю царя (107). Наконецъ послы въ сопровожденіи Донскихъ казаковъ, 24 ноября прибыли благополучно въ Москву. (*)

Переговоры турецкаго посла Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ. Взаимное это посольство открыло намъ, что система Константинопольскаго двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась, что султаны не думали о заключеніи дружественнаго съ нею договора, желая единственно свободной торговли между обѣими державами и въ октябрѣ 1586 г. Ибрагимъ Чаушъ изъ Москвы отпущенъ съ такимъ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе казаки литовскіе, что Донской атаманъ Кишкинъ съ товарищи отозванъ въ Москву, что оставшимся на Дону его товарищамъ запрещено тревожить Азовцевъ, и что изъ Россійскихъ украинскихъ городовъ никому на Донъ ходить невелѣно; если же Донскіе казаки и за симъ станутъ воевать съ Азовцами, то ихъ приказано казнить смертію (108).

Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ. Вскорѣ и крымскія области снова почувствовали силу воинственныхъ сосѣдей своихъ Донскихъ казаковъ. Междоусобная война хана крымскаго Исламъ Гирея съ племянниками его Магметовыми сыновьями, кажется была поводомъ къ тому. Ханъ вспомоствуемый Турками, разбилъ царевичей и принудилъ ихъ искать убѣжища у заволжскихъ Ногайскихъ Татаръ. Россія, видѣвшая въ этомъ случаѣ надежное средство къ обуздавію хана, приняла бѣглецовъ подъ свое покровительство. Еще въ 1585 г. одинъ изъ нихъ

---

(107) Дѣла Тур. кн. № 2. л. 344 в 345 грамота, на Довъ 30 сентября 1585 г.

(*) Примѣч. было-ли сдѣлано какое распоряженіе о дачѣ казакамъ въ 1585 г. помѣстій и были-ли оныя кому раздаваемы, изъ актовъ ничего не видно.

(108) Дѣла Турецк., кн. № 2, л. 495, см. грамоту царя къ султану октябрю 1586 г.

Саидь-Гирей, склонилъ Донскихъ казаковъ воевать Тавриду; вслѣдствіе сего, но вѣроятно безъ соизволенія и даже безъ вѣдома государева, собрались они на берегахъ Дона въ значительномъ числѣ, вступили съ Саидь-Гиреемъ въ Крымъ и, разоривъ нѣсколько улусовъ, возвратились назадъ безъ дальнихъ успѣховъ.

Ногайцы, неблагопріятствовавшіе изгнанникамъ притерпѣвали отъ Донскихъ казаковъ за это большія еще разоренія, нежели Крымцы: около 1587 г. вторгнулись они въ улусы князей Екшисата и Кайбулы,— которые избѣгая обидъ отъ Черкасъ пятигорскихъ прикочевали въ сіе время къ Дону—разорили оныя, взяли въ плѣнъ Екшисатову замужнюю дочь съ дѣтьми и заставили сихъ князей умолять Исламъ-Гирей о помощи. Но ханъ находясь и самъ въ ненадежномъ положеніи, боялся послать войска свои въ пустыя степи, гдѣ казаки легко могли разсѣять и истребить оныя, а совѣтовалъ Екшисату и брату его перейти съ своими улусами въ области крымскія, обѣщая дать имъ земли ⁽¹⁰⁹⁾.

Неменѣе того Донскіе казаки напали на окрестности Азова и содержали этотъ городъ во всегдашнемъ страхѣ ⁽¹¹⁰⁾.

Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе избѣгая притѣсненій польскихъ вельможъ удалились на Донъ. Еще

⁽¹⁰⁹⁾ Дѣла Крымскія, кн. № 17, см. вѣстовой списокъ возвратившагося изъ Крыма Ивана Судакова—Мяснова, л. 37 и на оборотѣ.

.... „Юля въ 27 день сказывалъ Ивану Сенчюра Байкешедъ, а сказывалъ ему въ разговорѣ Имейшихъ: пріѣхалъ къ царю Кайбула мурза ногайской, Екшисатовъ братъ, прислалъ его Екшисать ко царю бити челомъ, чтобы царь пожаловалъ, послалъ царевича съ людьми беречь его отъ Черкасъ пятигорскихъ и отъ Ногай отъ Заволжскихъ и отъ казаковъ Донскихъ; тѣснота Екшисату со всѣхъ сторонъ: Черкасы пятигорскіе отогнали у нихъ лошади сего лѣта и Екшисать подкочевалъ къ Дону, и казаки Донскіе его громилы и понимали у него улусы многіе и взяли у Екшисата дочерь замужнюю съ дѣтьми, и казаки Донскіе шкоты добре починили много!...“

⁽¹¹⁰⁾ Дѣла Крымскія, № 18, грамота крымскаго царя Казы-Гирей къ боярину Борису Фёдоровичу Годунову, л. 105.

„Да казаки ваши Донскіе Азову городу досаду чинятъ, и вамъ-бы для турковъ тѣхъ казаковъ уняти, да ващи жъ казаки съ Дону и Самары къ Овечьимъ водамъ прихода украдомъ къ нашимъ ко многимъ улусамъ, ворууютъ, живогъ емлютъ!“

И донесеніе посла Бибикова, тѣхъ же дѣлъ № 19, л. 150.

А отъ Донскихъ казаковъ Азову тѣснота чинится, а Терскіе казаки ходили къ Темрюку городу.

за нѣсколько лѣтъ Запорожцы, или такъ называемые Запорожскіе Черкасы, по склонности-ли и по любви къ вольной и независимой жизни и грабежамъ, или прельщаемые славою Донцовъ, или наконецъ, избѣгая притѣсненій и обидъ, притерпѣваемыхъ ими отъ польскихъ вельможъ, сперва небольшими партіями человекъ по 20 и по 30, уходили на Донъ, принимаемы были здѣсь братски и наравнѣ съ Донцами дѣлили опасности и добычи. Но около 1588 г. Запорожцы отдѣлясь отъ собратій своихъ въ значномъ числѣ, подъ начальствомъ атамана своего Матвѣя Ѳедорова, пошли съ береговъ Днѣпра къ Дону, вѣроятно для соединенія и сожительства съ Донскими казаками и недошедши къ нимъ, остановились у Сѣвернаго Донца на дорогѣ Ливенской, по коей проѣзжали послы въ Крымъ и въ Москву изъ Крыма; здѣсь они разбивали и грабили всѣхъ проѣзжающихъ и до того распространили страхъ по всей здѣшней украинѣ, что гонцу нашему Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 г., съ крымскими гонцами, въ Москвѣ находившимся, дано было для охраненія 150 человекъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, а въ наказѣ его между прочимъ предписано было: идти съ большою осторожностію, и если Запорожцы дѣйствительно стоятъ на Донцѣ, то послать къ нимъ сперва отъ себя станицу и сказать, что есть государева грамота къ нимъ *и слово* и просить, чтобы атаманъ Ѳедоровъ видѣлся съ нимъ Зиновьевымъ, а при свиданіи сказать всѣмъ атаманамъ и молодцамъ поклонъ отъ государя, уговорить, чтобы его и крымскихъ гонцовъ пропустили безъ всякаго вреда и проводили-бы ихъ честно; сверхъ того склонять ихъ служить усердно государю и за вѣрную службу обнадежить ихъ государевою милостію и жалованьемъ ⁽¹¹¹⁾.

Отсюда вѣроятно эти Черкасы пошли прямо на Донъ и, соединившись съ Донскими казаками, весною 1589 г. пошли на Азовъ, разграбили посадъ сего города и взяли въ плѣнъ

⁽¹¹¹⁾ Дѣла Крымскія, кн. № 17, л. 239—243, см. примѣч. 46.

300 человекъ (112).

Невзирая на это дворъ московскій дружескими сношеніями и подарками, посылаемыми хану и его ближнимъ людямъ, всячески старался удерживать Крымцевъ отъ набѣговъ на Россію. Они ласкали пословъ нашихъ только для подарковъ, и всегда искали удобнаго случая нанести вредъ Россіянамъ; думали, что каждый добрый ханъ обязанъ (въ исполненіе древняго обычая) хотя единожды видѣть берега Оки, для снисканія славы воинской. Полагаясь на увѣреніе недоброжелателей Россіи, что войско наше занято войною съ королемъ шведскимъ, ханъ крымскій Казы—Гирей сбросилъ личину дружества: весною 1591 г. собралъ многочисленную рать и соединивъ съ толпами Крамцевъ полки ногайскіе, Казьева улуса, султанскіе, Азовскихъ и Бѣлгородскихъ Татаръ всего 150/т. чел. съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, двинулся на Россію по дорогѣ къ Тулѣ, обходя всѣ крѣпости, нигдѣ немедля и неразсыпаясь для грабежа, въ намѣреніи не ожиданно явиться предъ Москвою и предать все огню и мечу. Но казаки на степяхъ—далеко отъ предѣловъ російскихъ—взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ Татаръ изъ ханской рати и свѣдавъ отъ нихъ, что ханъ съ сильною ратію и съ надменнымъ хвастовствомъ, по повелѣнію султанскому, идетъ въ Россію, извѣстили о томъ заблаговременно царя и воеводу его (113). По симъ свѣдѣніямъ приняты были предосторожности; съ удивительною скоростію укрѣпили Москву, обратили монастыри въ крѣпости и собравъ сильное войско на лугахъ московскихъ, ждали непріятеля. Ханъ шель осторожно и приближившись къ російскому войску ударилъ на оное; сражался упорно и долго, много потерялъ убитыми, ранеными и плѣнными; но увидѣвъ, что Россія, невзирая на

(112) Тамъ же, л. 320, см. вѣстовой списокъ Петра Зпювьева.

... „А съ литовскимъ королемъ турской султанъ воюетца: литовскіе люди кругъ Бѣлгорода всѣ посады пожгли. Да Черкасы же литовскіе воевали, сее весны, въ Азовѣ посадъ, мѣсяца мая въ 8 день, а взяли де въ Азовѣ на посадѣ Черкасы всякихъ людей человекъ съ 300.“

(113) Грамота царя Федора Ивановича къ польскому королю Сигизмунду 1591 г.

войну съ Швеціею, довольно имѣеть войскъ для своей защиты, бѣжалъ со стыдомъ и страхомъ преслѣдуемый царскими воеводами. ⁽¹¹⁴⁾.

Отправленіе въ Константинополь посланника Нащокина. Султанъ оказывалъ явное негодованіе противу Россіи, но царь желалъ мира, и потому признано было необходимымъ возобновить съ Турціею, хотя наружно, дружественныя сношенія, для чего въ 1592 г. Григорій Афонасьевичъ Нащокинъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь ⁽¹¹⁵⁾.

Государь, увѣряя султана въ своемъ дружествѣ, жаловался на азовскихъ, крымскихъ и бѣлгородскихъ Татаръ, просилъ удержать ихъ отъ набѣговъ на російскія украины; а о казакахъ писалъ такъ: „на Донъ приходили литовскіе Черкасы и соединясь съ измѣнниками нашими Донскими казаками, людьми бѣглыми, жили тамъ и препятствовали проѣхать посланнику нашему..... Но если ты уймешь Азовцевъ, Бѣлгородцевъ и Крымцевъ, то и я пошлю нарочитую рать мою на Донъ и казаковъ велю казнить ⁽¹¹⁶⁾“ Давая обѣщанія сіи, великій князь едвали когда располагалъ исполнить оныя, ибо зналъ вредъ, могущій отъ сего произойти государству; но вручивъ Нащокину грамоту къ султану и давъ нужныя наставленія, 6 апрѣля отправилъ его изъ Москвы. Въ этихъ обстоятельствахъ необходимо было склонить казаковъ жить мирно съ Азовомъ и со всѣми областями турецкими и крымскими, покрайней мѣрѣ въ продолженіи того времени, какъ происходитъ будутъ переговоры съ Портою и

⁽¹¹⁴⁾ Истор. Р. Г. Карамзина, Т. X, стр. 144—153.

⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁽¹¹⁶⁾ Дѣла Турецк., кн. № 3, грамота вел. кн. къ турецк. султану. л. 5.
.... „А по Дону были литовскіе Черкасы многіе и сложася съ нашими измѣнниками съ Донскими казаками, которые отъ насъ бѣгають, жили на Дону и потому нашему посланнику и Дономъ проѣхать было нельзе. Л. 8. А которые воры Донскіе казаки впередъ будучи на Дону, Азову и Томани и Темрюку убытки почнутъ чинити, и мы на Донъ пошлемъ впередъ рать свою, и тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ перенмати и казнити велимъ, а вамъ бы, брату нашему, Мурать султану, заказъ учинити, чтобъ впередъ азовскіе и бѣлгородскіе и крымскіе люди на наши украины войною не приходили.“

пока посолье возвратится въ Россію. По сей причинѣ Нащокину поручено было доставить къ Донскимъ казакамъ грамоту, въ которой государь повелѣвалъ имъ проводить посла до Азова, дожидаться тамъ его возвращенія и до того времени заключить миръ съ Азовцами; прекратить набѣги на турецкія области и отдать Нащокину всѣхъ находившихся у нихъ турецкихъ плѣнныхъ, за коихъ самъ государь обѣщался заплатить имъ. Въ случаѣ же ослушанія, царь угрожалъ казакамъ оналою, отправленіемъ на нихъ сильной рати и построеніемъ на Дону (на Раздорахъ) города ⁽¹¹⁷⁾. Съ симъ же послан-

⁽¹¹⁷⁾ Дѣла Турецкія, кн. № 3, л. 79—81, грамота на Донъ марта 21
1700
1592 Г.

„Отъ царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всѣа Руссін, на Донѣ Донскимъ атаманомъ и казачкомъ которые нынѣ на Дону вверху и которому на низу близко Азова. Послали есмь во Царь-городъ къ Турскому Муратъ Султану въ посланникѣхъ Григорья Афонасьевича Нащокина, а идти велѣли есмь Григорью на Азовъ, да на Кафу, и какъ Григорій пойдетъ Дономъ къ Азову, и выбѣ однолично съ азовскими людьми жили смирно и задору ни котораго азовскимъ людямъ не чинили, и чтобъ въ томъ нашему дѣлу порухи не было и нашему посланнику задержанья не было у турскова салтана, а которые будутъ азовскіе люди учнутъ ходити на Донъ по прежнему, какъ съ Азовомъ въ миру живете, а мы Григорью съ азовскимъ санчакомъ велѣли о томъ договоритесь, чтобъ азовскіе люди съ вами жили въ миру и задорубъ межъ васъ ни въ чемъ не было, покаместъ Григорей сходить, а которые у васъ въ рукахъ полоненники турскова и Черкасы, которыхъ вы поимали, и выбѣ тѣхъ достальныхъ однолично съ Григорьемъ въ Азовъ отпустили безъ окупу, а мы васъ за то пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ, и тотъ окупъ за нихъ заплатити велѣмъ, а какъ Григорій Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, и выбѣ его провожали; а послѣ Григорья, какъ Азовъ пройдетъ Григорій, и выбѣ были съ нашимъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Хрущовымъ на Дону въ Раздорѣхъ, въ которыхъ мѣстѣхъ пригоже и нашимъ дѣломъ промышляли съ Петромъ Хрущовымъ; а того бы есте берегли накрѣпко: будутъ воинскіе люди крымскіе и Казьева улуса Ногаи пойдутъ войною на наши украинны, или которые воинскіе люди пойдутъ съ полономъ съ нашихъ украинъ, и выбѣ въ тѣ поры, съ Петромъ Хрущовымъ, на тѣхъ людей на перевозѣхъ по Дону приходили и надъ ними промышляли, чтобъ надъ ними поносъ учинити и намъ бы свою службу показали, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ, и нынѣ есмь къ вамъ свое жалованье послали съ Григорьемъ Нащокинымъ, селитру и свинець, а впередъ васъ своимъ жалованьемъ великимъ хотимъ жаловать, и были бы есте на Дону до тѣхъ мѣстъ, какъ придетъ изъ Царь-города Григорій назадъ въ Азовъ, а какъ Григорей придетъ назадъ въ Азовъ, и выбѣ его отъ Азова проводили до Рязскаго города, межъ себя городъ отъ города. А которые останутся пизовые атаманы отъ Азова до Раздоровъ, и выбѣ ихъ имена, кто именемъ атаманъ, и сколько съ которымъ атаманомъ казачкомъ останецца тобы естя именно перенесавъ, дали писъмо посланнику нашему Григорью Нащокину, а мы велѣли тѣхъ имена прислати къ намъ въ Москвѣ, и мы къ нимъ впередъ свое жалованье примемъ, которые

никомъ отпращено къ нимъ въ жалованье нѣсколько кусковъ суконъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крушъ,

атаманы и казаки почнуть дожидатися нашего посланника Григорья на Дону, одноличнобы естя Григорья дожидались и того провѣдвали какъ Григорей въ Азовъ придетъ, а какъ придетъ, и выбѣ его проводили, чтобы ему отъ Казьева улуса и отъ крымскихъ людей пройти здорово и безстрашно. А будетъ салтанъ турецкой вошлетъ къ намъ съ нашимъ посланникомъ съ Григорьемъ Нащокинымъ своего посланника, и выбѣ его посланника потомужъ провожали честно, вмѣстѣ съ Григорьемъ. Писана на Москвѣ г҃та 7100 марта въ 21 день.“

Л. 134—136, грамота на Донъ апрѣля 20 ⁷¹⁰¹/₁₅₉₃ года.

„Отъ царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руссїи, на Донъ Донскимъ, атаманомъ верховымъ, и низовымъ Стенану Ершову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ верховымъ и низовымъ. Послали есмь на Донъ для нашего дѣла и въ встрѣчу турецкаго Чеуша, военуду нашего князя Григорья Константиновича Волконскаго, и какъ князь Григорей къ вамъ на Донъ прїѣдетъ, и выбѣ съ нимъ вмѣстѣ дожидались и съ азовскимъ есте княземъ и съ азовскими людьми съ Азовомъ однолично нынѣ помирились вскорѣ, цокамѣста еще посланникъ нашъ Григорей и турецкой Чеушъ въ Азовъ не придуть, и выбѣ съ нимъ однолично, до ихъ приходу, были въ миру и на море подъ города не ходили и ихъ однолично нынѣ не задирали, хотя вамъ и досада отъ Азова была, и выбѣ имъ задору никакого ни дѣлали, и съ турскимъ салтаномъ насъ не ссорили; а не помиритесь вы нынѣ съ азовскимъ княземъ до турецкаго посланника и со всѣми азовскими людьми не почнете миру держати по сему нашему указу, и насъ не послушаете и взочнете какой задоръ, а межъ насъ нынѣ съ турскимъ учините тѣмъ не дружбу а ссору и нашему доброму дѣлу съ турскимъ цоруху учините, и вамъ отъ насъ быти въ оналѣ и въ казни и впрядъ вамъ . . . . . и пошлемъ на васъ Дномъ большую свою рать и поставитъ великъ городъ на Раздорѣхъ, и выбѣ однолично съ азовскими людьми помирились и передъ нами службу свою совершенную показали и отъ насъ оналы на себя не наводили. А какъ турецковъ Чеушъ и посланникъ нашъ Григорей въ Азовъ придуть и выбѣ ихъ встрѣтили урядно по прежнему обычаю и прпняли ихъ честно и турецкова Чеуша и нашего посланника . . . . . однолично проводили со всякою честью, перебрався человекъ до двусотъ или до трехсотъ вмѣстѣ съ княземъ Григорьемъ проводили, чтобы отъ воровъ казаковъ и отъ Черкасъ нашему посланнику и салтанову Турскому Чеуши притти здорово, а мы свое жалованье со княземъ Григорьемъ Волконскимъ послали есмь къ вамъ: къ лутчимъ сукна и зелье и свицу и занасу не отъ велика. А будетъ князь Григорей Волконскїй придетъ къ вамъ на Донъ, а про турецкова Чеуша и про нашего посланника въ Азовъ о приходѣ ихъ вести не будетъ, а царь будетъ и царевничи и азовскїе люди пойдуть на нашъ украинъ и выбѣ конные подъ ихъ шлы на перевозы и на шляхи, на Донецъ на Сѣверской, и надъ ними нашимъ дѣломъ промышляли, а гдѣ сойдется на Дошцѣ съ нашими людьми съ путивльскими и запоржскими Черкасы, которые изъ Дивѣира придуть по нашему указу, подъ царя на Донецъ,—а вѣлено Черкасамъ запорожскимъ Гетману Хриштову Коинискому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быти на Дону на шляхѣхъ и за царемъ итти, и нашимъ украинамъ помогати —и выбѣ съ ними сослався съ нашимъ сыномъ боярскимъ, которой съ ними будетъ, и промышляти съ ними сонча за одинъ, да велѣли есмь на Казьевъ улусъ по Азовъ и за Донъ итти на Калміусъ на Арасланаевы улусы Дивѣена ногайскимъ завожскимъ мурмамъ со многими людьми, и дѣти боярскїе

30 четвертей толокна, 25 пудовъ селитры, сѣры и свинцу, по указу ⁽¹¹⁸⁾.

Но между тѣмъ Донскіе казаки при всей злобѣ противу нихъ Турокъ и Татаръ, продолжали обыкновенныя свои набѣги на ихъ селенія, за что подвергали иногда разорѣнію и собственныя свои городки.

Такимъ образомъ зимою 1592 г. еще до отправленія Нащокина изъ Москвы, Азовцы, соединясь съ Черкасами приходили на казачьи городки произвели опустошенія и взяли въ плѣнъ болѣе 100 человекъ ⁽¹¹⁹⁾. Казаки въ отмщеніе за сіе пошли подъ Азовъ: тамъ болѣе 130 человекъ убили, взяли нѣсколько въ плѣнъ и на страхъ варварамъ подъ самымъ Азовомъ, на одномъ изъ Донскихъ устьевъ, поставили крѣпостцу ⁽¹²⁰⁾. Потомъ весною того же года, въ то самое время,

наши съ ними Леонтей Панокъ, да Ниянта Башинъ съ ними придуть съ Волги, и какъ они къ вамъ къ Дону придуть и выѣтъ съ ними сопча промышляи и на крымскіе и ногайскіе улусы по Араслаяевы и на Казывевъ улусъ съ ними шли и за Донъ ихъ перевозили и убытка имъ ни котораго не чинили, и нашимъ дѣломъ съ ними съ нашими дѣтymi боярскими промышляли сопча за одинъ, и вамъ службу свою показали, а почнете нашего указу слушать воеводу нашего князя . . . . Волконскаго и головъ почнете слушати и нашимъ дѣломъ промышлять почнете сопча, и вамъ отъ насъ будетъ великое жалованье. Писана на Москвѣ лѣта 7101 апрѣля въ 20 день;

⁽¹¹⁸⁾ Дѣла Турскія кн. № 3, л. 82.

⁽¹¹⁹⁾ Дѣла Турецкія кн. № 3, л. 89—98, см. прим. 128.

⁽¹²⁰⁾ Тамъ же - - - - - грам. Синанъ паша къ великому князю, л. 277—279.

„А се переводъ съ Синанъ пашинны грамоты ко государю царю и в. к. Оедору Ивановичу всеа Руссіи.

„Въ великихъ величайшему Мессійскаго закона правителю, и крестьянскую вѣру прославляющему, и крестьянскихъ странъ обладателю, и многіе войска направляя, и государства мужественно исправляющему, Московскому царю и в. к. въ добромъ призыванье быти во вѣки и молитвы и моленія къ дружбѣ подобны возсылаю, и потомъ отъ любовнаго отца вѣдомое се: присылали есте къ счастливаго и величайшаго государя нашего къ вышочайшымъ дверемъ посла Григорья, чтобъ грамоты ходили безъ урыва, какъ отца вашего не стало, и по благословенью отца своего сѣли есте на королевствѣ, и вы присылали къ счастливаго и честнѣйшаго государя нашего къ счастливымъ дверемъ, посла своего о дружбѣ, чтобъ на обѣ стороны ходили безъ задержанія и съ нимъ прикошевавъ посылали отъ высочайшихъ дверей изъ Чеушъ Ибрагимъ

когда посланикъ находился уже на пути къ Азову, значительная ихъ партія, предводительствуемая походнымъ атаманомъ Василиемъ Жигулиннымъ, на малыхъ лодкахъ пустилась въ морѣ Азовское, для пораженія невѣрныхъ.

Чеуша, и его тогда позадержали затѣмъ, что литовскіе люди дороги не дали, и ходили есте на Литву и нѣсколько городовъ понимали, и послѣ того прислалъ шахъ Аббасъ человѣка своего Гадибека, и вы ему отказали, и вскорѣ опять прислалъ Бутакбека просящя того, что ему дали стрѣльцовъ нѣшихъ, и съ снрядомъ огненною бою, и для того, что изъ начала будучи счастливымъ государемъ наипмъ въ дружбѣ и впередъ похоти быти и его непочтивъ шаряду не давъ вскорѣ съ отказною грамотою отворотили, а на Теркѣ и въ Астрахани воеводамъ своимъ заказали ести, которая мусульманская рать живетъ въ Дербенѣ и въ Шемахѣ и въ Бакѣ, чтобъ съ ними не вдружилися. До великаго мѣста достигшаго,—отъ крымскаго отъ Казы Гирей царя посланъ былъ посломъ Усепшъ мурза, и его взяли Волскіе казаки и тѣмъ прежнюю дружбу порушили; да прежь сево какъ положили есми онаду на царевича Муратъ Гирей, и онъ отѣхалъ въ вашу сторону, и какъ его просили, и онъ въ то время не прилучился отѣзжалъ въ Шевкалы, и какъ ирѣдетъ и его хотѣли ести прислати и его нестало, и та дружба вѣдома, а которые казаки живутъ и они Азовъ и инымъ мѣстомъ только учнутъ тѣспоту чинить, и на нихъ прищлютъ рать и ихъ велеть побить, крымскому царю и азовскимъ и бѣлгородскимъ князьямъ велеть на нихъ ийти, что отъ нихъ украиннымъ людямъ тѣспота чинется; и они приходя извѣщаетъ, и о томъ грамота государя нашего счастливаго и высочайшаго . . . послана. А что писали ести въ грамотѣ,—что желательною мыслью въ дружбѣ быть хотите, и отъ вашіе страны только дружба утвердится, и здѣшніе люди въ покоѣ пребывающіе, только потому жъ въ покоѣ учнутъ пребывать и отъ нашеи страны потому жъ дружба и соединеніе будетъ. Да въ прежніе лѣта, какъ Асманъ наша шелъ съ Дербена, и въ то время на бою взяли въ полонъ отъ дворянскаго причету Асаномъ зовутъ и нынѣ онъ въ Астрахани въ крѣпости да хали въ дорогѣ два капычей добрыхъ, одного зовутъ Мустафою, и ихъ взяли жъ казаки, и отъ вашіе страны опричь полоненя нѣтъ добра. Да казаки жъ ваши пришедъ подъ Азовъ, воевали, и взяли больше 130 челов. побили, а иныхъ въ полонъ понмали, и оную многую тѣспоту починили, а подъ счастливымъ государствомъ подъ Азовомъ, и на устьѣ Дону подъ посадомъ, се где словеть; да въ вѣдомомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Черкасской князь живетъ да на Маночі, да подъ посадомъ подъ Бузукомъ, да на Терекѣ, да на Суншѣ рѣкѣ остроги подѣлали, да близко Дербени на Казумскомъ морѣ городи

Нащокинъ плылъ Дономъ до (нижн.) Раздоровъ спокойно и съ приличными званію его почестями; тутъ собралось тогда множество казаковъ, для встрѣчи товарищей своихъ, отправлявшихся съ атаманомъ *Жигулинымъ на поиски* по Азовскому морю. — Не дошедъ до Раздоровъ за три версты, посоль остановился на Гостиномъ (Гостинѣ) островѣ и на другой день, т. е. мая въ 31 день, послалъ въ Войско атамана верховныхъ казаковъ Вишату Васильева съ товарищи звать атамановъ и казаковъ для выслушанія государевой грамоты. Три дня они упорствовали, не хотѣли ѣхать и намѣревались посадить Вишату въ воду; но на четвертый день прибыло въ станъ посланниковъ до 300 казаковъ съ атаманомъ *Семеномъ Воейковымъ*.

Непріятности встрѣченныя на Дону Нащокинимъ. Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь Нащокина, говоренную по наказу, они въ войсковомъ кругу по общему приговору отвѣтствовали: „безчестно для насъ искать самимъ мира у Азовцевъ. Мы только по просьбѣ враговъ

одѣлали, да на усть рѣки Сунши, гдѣ впала Сунша въ Терку, тутъ остроги подѣлали, и подъ счастливыми государствы подъ Дербеню нѣсколько времени казаки ваши стоять и въ Дербезъ и въ иные мѣста тое страны, которые ходятъ туды и сюды, и тѣмъ людямъ шкоту чинить и побиваютъ, то подлинно вѣдомо: и ино государя нашего величества гумаюновѣ грамоте тѣхъ дворян и капычевъ и которые мусульмане у казаковъ въ рукахъ, сыскали, а насилующихъ казаковъ извели, и со всѣхъ свѣдомыхъ мѣсть остроги и города посняли и были въ дружбѣ; а отъ здѣшніе страны опрнчь добра ни котораго лиха не будетъ, и государство ваше и земля отъ мусульманской рати, въ покоѣ здравы учнутъ пребывати. И какъ уже даетъ Богъ впередъ, которой большой вамъ посоль будетъ, и въ томъ мы, что у насъ всякіе дѣла подѣлавъ къ вамъ поѣдетъ, такъ подлинно, а только тѣхъ поймавшихъ въ дружелюбное время не приплите, и дорогѣ и тѣхъ городовъ и остроговъ, дороги не отворите нашимъ людямъ, и отъ насъ дружбы не будетъ и царю Крымскому ходить на ваши земли, и съ гамаюновыми грамотами, посланными отъ высочайшихъ дверей Резванъ Чеушъ и отъ старыхъ гостей Магмутъ, и какъ они у васъ будутъ и вамъ бы ихъ въ той странѣ не задержавъ вскорѣ со всѣмъ къ счастливымъ дверемъ отпустити порадѣти. Писана грамота въ мѣсяцѣ Шабанѣ.

нашихъ даемъ имъ пощаду, но сами оной никогда не просимъ; и если измѣнимъ теперь сему постоянному нашему правилу, то дадимъ поводъ почитать насъ слабыми, безсильными; тогда непріатели сдѣлаются дерзновеннѣе и самихъ насъ не оставятъ въ покоѣ; при томъ же безъ совѣта товарищей нашихъ, находящихся на морѣ, мы не смѣемъ начинать никакихъ переговоровъ. Не можемъ отдать и плѣнниковъ; мы купили ихъ своей кровію; не мы на нихъ пападали, а они сами искали головъ нашихъ и пришедъ съ оружіемъ, хотѣли разорить наши городки, но за свою дерзость наказаны постыднымъ плѣномъ; желаемъ отмстить врагамъ нашимъ Азовцамъ, которые собратій нашихъ попадающихся имъ въ плѣпъ, всѣхъ мучительно убиваютъ, *или сажаютъ на каторги*, а намъ не только даромъ, но даже и на выкупъ не отдають ихъ;

Посланникъ былъ огорченъ своевольствомъ казаковъ и рѣшительными требованіями своими еще болѣе усилилъ ихъ упорство; онъ удержалъ (знатную) часть присланныхъ къ нему отъ государя даровъ и тѣмъ возбудилъ предвѣрчивость до того, что заставилъ ихъ отважиться на самый дерзкій и предосудительный поступокъ—Въ сіе время прибыли съ моря ожидаемые товарищи ихъ; сдѣлали совѣтъ и въ общемъ собраніи положили требовать отъ посланника царскіе дары и тутъ же приговорили посадить въ воду Вишату Васильева, котораго казался имъ подозрительнымъ; но сей спасся бѣгствомъ въ станъ посланника. Послѣ сего казаки вооруженные пошли всею толпою къ Нацокину, требовали прочесть данный ему царскій наказъ и сдѣлать выдачу даровъ, отъ государя имъ присланныхъ; но посланникъ отвѣтствовалъ, что наказъ есть тайна государственная, а дары онъ раздѣлитъ самъ между верховыми и низовыми атаманами и казаками: „мы всѣ равны, всѣ одинаково служимъ“—крачали разгоряченныя головы и бросившись въ станъ посольскій, силою отняли всѣ дары, а Вишату, поймавъ, били предъ шатромъ Нацокина и посадили въ воду. Буйные своевольцы эти

скоро ономнились и старались преклонить на милость посла государева, соглашались на миръ съ Азовцами, просили его о посредствѣ, и 15 іюня съ честію проводили въ Азовъ ⁽¹²¹⁾.

Въ сіе время Донскіе казаки стояли подъ Азовомъ въ большомъ собраніи; Нащокинъ взялъ съ собою въ Азовъ двухъ Донскихъ атамановъ Семена Воейкова и Федора Смирнаго для переговоровъ о мирѣ; сіи довѣренныя утвердили все условія мира съ Азовцами и цѣловали крестъ за все войско.—Посланникъ, довольный примиреніемъ казаковъ съ Азовцами, готовился уже къ отплытію въ Кафу и приказалъ

⁽¹²¹⁾ Дѣла Турецк. кн. № 3-й л. 89,—98, Отписка посланника Григорія Нащокина къ великому князю, полученная въ Москвѣ іюня 22.

„Государю царю и великому князю Федору Ивановичу холопи твои Гришка Нащокинъ, да Авдюшка Ивановъ челомъ бьютъ. Писали есмь къ тебѣ къ государю напередъ сего съ Дону про крымскаго и про ногайскія вѣсти мая въ 16 д., что сказывали Донскіе казаки, которые ѣхали съ низу и полоненники выходцы изъ Азова про крымскихъ же царевичей походъ на твои государевы укрийны и про Ногаи Казыева улуса и про азовскихъ людей и воронежскихъ казаковъ всехъ отпустили есмь вверхъ къ Воронежу съ Усть-Цымлы рѣки; а далѣ, государь, того воронежскихъ казаковъ имати съ собою не смѣли по твоей государевой грамотѣ, а станичники, государь, Михайло Любавской съ товарищи ѣхали отъ Воронежа по Ногайской сторонѣ до Усть-Елани, а съ Усть-Елани велѣли есмь имъ ѣхати по кромской сторонѣ прямо къ Раздорымъ, для того, что бы на насъ Черкасы или Татарови безвѣстно не пришли. И мая въ 29 д. на Каменномъ перевозѣ ниже Переволоки пять днищъ приходили, государь, на насъ на походъ въ крымскую сторону литовскіе черкасы берегомъ конные, а шны въ судѣхъ и взяли было у насъ заднею ладью съ рухлядью служилыхъ Татаръ и съ кречетниковою рухлядью и привезли къ берегу, почали рухлядь выметывать, и мы, государь, пристали къ берегу къ ихъ сторонѣ и вышедъ изъ судовъ съ нами блися и Божію милостію и твоимъ государевымъ счастьемъ многихъ людей у нихъ побили и переранили и лодки ихъ отбили, а рухляди и лодки нечего имъ не дали и ихъ многую рухлядь отшибли, и Черкасы, государь, бьючися съ нами, пошли въ степь и отшедъ отъ насъ съ полверсты стали въ терну у боярака, и мы, государь, ихъ изъ терну выбили и тутъ въ бояракѣ отпоянили у нихъ станицянковъ Михайла Любавскаго съ товарищи 9 челов., которые были посланы отъ насъ степью къ Раздорамъ, да двухъ челов. Донскихъ казаковъ; а въ

грузить корабль.—Между тѣмъ князя Али и Али Азовскіе, для большей твердости мира послали изъ Азова въ войско греческаго попа (вѣроятно для того, чтобы привести къ крестному цѣлованію и всѣхъ казаковъ); но атаманы и казаки, всѣхъ условій этого мира, кои приняты товарищамъ ихъ, утвердить не соглашались. Онымъ полагалось между прочимъ, чтобы Азовцы немедленно заплатили опредѣленный выкупъ за плѣнныхъ. Они за одного турецкаго Чауша и за 6 горскихъ князей, бывшихъ у нихъ въ плѣну, требовали выкупу 17/т. золотыхъ. Азовцы не хотѣли дать такой платы и медлили. Раздраженные казаки, почитая сіе нарушеніемъ договора, отрубили руку одному плѣнному князю, и съ симъ знакомъ безчестья послали его въ Азовъ, угражая, что ежели

распросѣ, государь, станничіи сказали, что громили ихъ и взяли Черкасы у верхнихъ Раздоровъ и взявъ де, государь, ихъ спрашивали про твоихъ государевыхъ людей сколько съ ними въ провожанье людей и нѣтъ ли конныя рати берегомъ, и довѣдояся, что конныя рати нѣтъ, потому на насъ и приходили и на томъ дѣлѣ дѣти боярскіе и сотники и казаки и Донскіе атаманы, которые посланы съ нами, тебѣ государю служили: да въ тоже, государь, время, какъ у насъ было дѣло съ Черкасы, шли съ низу Донскіе атаманы и казаки верховые, Афонасій Кузнецъ съ товарищи 30 челов. и на томъ дѣлѣ съ нами былижъ, и тебѣ тосударю служить и провожали насъ до низу. А въ нижніе государь юрты, гдѣ стоять въ сборѣ Донскіе атаманы и казаки, пришли есмь мая въ 30 день и стали на Гостинѣ острову, не дошедъ войска версты съ три. И на завтре, государь, мая въ 31 день, посылали есмь въ войско къ атаманомъ и казакамъ, чтобъ къ намъ привѣхали для твоего государева дѣла и изъ войска, государь, атаманы и казаки не ѣхали къ намъ три дни и отъ насъ къ себѣ дѣтемъ боярскимъ и атаманомъ и казакомъ ѣздить не велѣли, а своимъ казакомъ въ наши станы ѣздить заказали. А которые, государь, атаманы посланы съ нимъ три человѣка Вишата Васильевъ, Оноха Долгаи Пола, Ѳедоръ, Хорошей, и Ѳедоръ, государь, Хорошей съ послѣдняго стану поѣхалъ отъ насъ тайно къ нимъ въ войско и почалъ стоять съ ними вмѣстѣ; а Вишата, государь, Васильевъ ѣздилъ въ войско для твоего государева дѣла и въ войску атаманы и казаки хотѣли его въ воду посадить и онъ у нихъ ушелъ, а говорили де государь ему, что онъ тебѣ государю служить, а имъ недобротаеетъ и будго онъ извязался у нихъ полонянниковъ взявъ, намъ отдать, а поноянниковъ де, государь, у нихъ турецкаго Чеушъ, да

назначенный выкупъ не будетъ присланъ въ скорости, то они казнятъ всѣхъ плѣнниковъ. Снова возникла вражда, и злоба мусульманъ обратилась на невиннаго посланника; но

черкасскихъ князей Кабанъ съ товарищи 6 человекъ. И юня въ 4 день были, государь, у насъ на стану Донскіе атаманы Семень Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человекъ съ 300, и изъ холона твой Гршна, по твоему, государеву, наказу говорилъ атаманомъ, чтобъ они съ азовскими людьми жили въ миру и задору ни котораго не чинили, а которые у нихъ полонянки, турецкой Чеушъ и черкасы на окупъ не отданы, и онибъ тѣхъ отдали, а ты, государь, ихъ за то пожалуешь своимъ великимъ жалованьемъ и тотъ окупъ, что было имъ взяти, заплатитъ велишь, и насъ бы до Азова проводили, а проводябъ насъ, были съ Петромъ съ Хрущовымъ въ Раздорехъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и твоимъ государезымъ дѣломъ промышляли надъ крымскими и ногайскими надъ воинскими людьми, а ты, государь, ихъ пожаловаль, для тое службы приславъ къ нимъ свое, государево, жалованье, запасъ и селитру и свинець, и грамоты твои, государевы, имъ далъ; и онп, государь, грамоты твои взявъ говорилъ, что меня холона твоего провожать и тебѣ, государю, служить готовы, а полоняниковъ де и намъ отдать немочно, взяли де ихъ своею кровью, а ходили тѣ черкасы за нами сами и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили, а которыхъ де и нашу братью атамановъ и казаковъ емлютъ азовскіе люди, и тѣхъ мечуть на уды и на каторги сажаютъ, а нетожемо отдать даромъ и на окупъ не даютъ, а засадили де въ миру казаковъ 24 челов. и на каторги посажали, а сее зныи больше 100 челов. по городкамъ азовскіе люди съ Черкасы понимали и на каторги распродавали, и то де къ намъ государево не жалованье, что которыхъ мы полоняниковъ взяли своею кровью, а государь тѣхъ хочеть у насъ взяти. И отшедши, государь, отъ насъ въ крутъ, члп твои государевы грамоты всѣмъ атаманомъ и казакомъ въ слухъ; и вычетчи грамоты, всѣ атаманы и казаки говорили межъ себя шумно, что имъ полоняниковъ не отдавать; а къ намъ, государь, пришедъ немногіе, говорили: прежде сего государь насъ жаловаль и посылавль къ намъ грамоты низовымъ атаманомъ лутчимъ имяны и всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а нынѣ писаво на передъ атаманомъ и казакомъ де верховымъ, да опослѣ намъ низовымъ, и то не имянно, а верховые жъ казаки государевы службы и не знаютъ. И мы, государь, имъ говорилъ, что писаны грамоты по прежнему, а напередъ писаны верховые для того, чтобъ насъ провожали съ верху до низу; да говорили, государь, имъ о полоняникехъ, чтобъ они тѣмъ тебѣ государю службу свою показали, турецкихъ полоняниковъ, которые у нихъ есть, отдали намъ, а ты, государь, ихъ пожалуешь и окупъ

Пацокинъ опять усилъ убѣдить азовскаго князя Али возобновить переговоры съ казаками о мирѣ. Послали для того изъ Азова въ войско Татаръ; казаки согласились утвер-

за нихъ заплатить велпшь И атаманы, государь, и казаки говорили, что полоняниковъ у нихъ турскаго Чеушъ, да черкасскихъ 6 князей Кабашъ съ товарищи, оцѣнились сами дати имъ за себя Чеушу 6/т. золотыхъ, а Кабану 3/т. зол., а достальные пять князей цѣнились по 4/т золотыхъ, да на нихъ же поручныхъ окуповъ, которыхъ безъ денегъ отпускали, а въ окупу они ручались 3/т. золотыхъ и всего на нихъ окупу 32/т. золотыхъ; и будетъ де, государь, нынѣ съ вами тотъ окупъ прислалъ и мы ихъ отдадимъ, а безъ окупу отдавати намъ ихъ немочно, что де намъ за тѣхъ полоняниковъ взяти окупу и тѣ нап у насъ давно въ расходѣ; надѣясь на тѣ окупы займали и стали въ великихъ долгахъ; а только де намъ нынѣ отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ невидать и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣзживати. И говорили есмь, государь, о томъ много и разводя атамановъ порознь, всякими обычаями имъ разсуждали, чтобы они тебя тѣмъ, государя, не прогнѣвали и службу свою прямую показали, тѣхъ полоняниковъ намъ отдали и кабалы на себѣ имъ давали, да уговорить, государь, ихъ отнюдь не могли, а отказали, что имъ не безъ одное деньги тѣхъ полоняниковъ не отдавати; а будетъ де вамъ велѣлъ, государь, тѣхъ полоняниковъ взяти у насъ сильно, и вы де у насъ возьмете изъ крови, а мы де ихъ пересѣкши, поидемъ куды очи несутъ, ужъ то де у насъ готово пропало. И мы, государь, имъ говорили: государь у васъ тѣхъ полоняниковъ силою отымать не велѣлъ, а писалъ къ вамъ въ своей, государевѣ, грамотѣ свое жалованное слово, чтобы вы ихъ отдали для нынѣшняго дѣла, а отъѣздомъ вамъ государю грозить не пригоже, холопы вы государевы и живете на государевой вотчинѣ. И они, государь, отказали: коли де къ намъ государево не жалованье, и намъ впередъ какъ на Дону жить, что ужъ впередъ у насъ полоняниковъ окупать нестануть: кого не возьмемъ, а турской учнетъ писати къ государю, а государь у насъ учнетъ даромъ имать и къ турскому отсылать, и намъ на Дону чѣмъ жить? И поѣхали, государь, къ с. бѣ въ войско все, а которые было остались, и тѣхъ ясаулы выбили, и изъ войска къ намъ и отъ насъ къ себѣ никому ѣздить не велѣли; и не были, государь, у насъ три дни. Юня въ 3 день были у насъ Донскіе атаманы Семень Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человекъ со сто и мы, государь, имъ говорили по твоему, государеву, наказу о полоняникехъ же и о миру съ Азовомъ и отъ своей государевѣ службѣ, и атаманы, государь, о полоняникехъ отказали, что ни одного волоса безъ окупу не отдавати, а о миру съ Азовомъ говорили:

дить миръ, но требовали, чтобы за знатныхъ плѣнниковъ заплатили имъ назначенный выкупъ. Когда же посланные объявили имъ, что окупу прислано за одного только Чауша

прежде сего, о миру напередъ присылавали изъ Азова къ намъ, и намъ нынѣ чрезъ прежніе обычаи самимъ о миру задержать не пригоже, а се де наши товарищи на морѣ Василей Жегулинъ съ товарищи триста человекъ, и намъ де тѣхъ не выждавъ какъ миритися? Да и вамъ де вскорѣ въ Азовъ ходить не пригоже, и мы, государь, имъ говорили: коли вы съ Азовомъ миритися не хотите, то вы не слушаете государева указу; а мы идемъ въ Азовъ по государеву наказу и безъ вашего мвру, и они, государь, рѣлись о томъ поговорить въ войску какъ имъ о миру съ Азовомъ сослаться. Да говорили намъ, государь, атаманы и казаки, чтобъ мы имъ дали твой государевъ наказъ, что съ нами прислано къ намъ твоего государева жалованья суконъ и селитры и свинцу и запасовъ, да и то де намъ скажите, по которымъ мѣста намъ, государеву жалованью селитры и свинецъ прислано. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ даиъ намъ и въ томъ наказѣ многіе твои государевы дѣла, и имъ наказу у насъ просити не пригоже, а что съ нами прислано твоего, государева, жалованья, и мы то имъ и отдадамъ. И сказали, государь, имъ, что прислано твоего государева жалованья поставъ сукна настрафилю, да 5 половинокъ еренку, да 21 половинка рославскаго; а велѣно дать лутчимъ атаманомъ по сукну по доброму, а инымъ по сукну по середнему, а достальнымъ всѣмъ въ раздѣлъ сукна рославскіе; да къ нимъ же прислано 20 пудъ селитры, да 20 пудъ свинцу, а велѣно ту селитру и свинецъ дати атаманомъ и казакомъ всѣмъ въ раздѣлъ низовымъ и верховымъ. И они, государь, говорили: прежде сего присылвана къ намъ селитра по верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшпвали. И мы, государь, имъ дали на одни низовые атаманы и казаки по верхніе Раздоры 15 пудъ селитры, да 15 п. свинцу и сѣры по указу, а 5 пудъ, государь, селитры, да 5 пудъ свинцу оставили на верховыхъ атамановъ и казаковъ, для того, что многіе атаманы и казаки верховые пришли къ намъ, а хотѣли идти на твою государеву службу съ Петромъ Хрущовымъ, а иные насъ, государь, провожали отъ верхнихъ Раздоровъ до низу и тѣмъ, государь, мы хотѣли дати твоего государева жалованья 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу; а 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу по твоему, государеву, наказу оставили у Петра въ запасъ. А сукны, государь, хотѣли есмь раздать по твоему государеву наказу, разверставъ, лутчимъ добрые, а рядовымъ середніе, а инымъ рославскіе, и они, государь, говорили, что у нихъ большихъ нѣтъ никого, всѣ равны, и раздѣлить сами на все войско почему достаетца. И

З/т. золотыхъ, то казаки, въ присутствіи ихъ, Чауша и плѣн-ныхъ кпязей били плѣтми и писали къ азовскому князю,

мы, государь, имъ сукна дали всемъ вмѣстѣ не въ раздѣль, по-ставъ настрафилю, да 5 половинокъ шебендинскаго, да 21 половинку рославскаго, а у Петра, государь, оставилъ по твоему государеву наказу, половинку середняго сукна, да три половинки рославскихъ, а что въ твоёмъ государевѣ наказѣ написано давать сукна за полонянниковъ въ окупъ и они, государь, отъ полонянниковъ отказывались, что ни безъ денеги не отдавать, а окупу 32/т. золотыхъ. И мы, государь, потому въ тогъ окупъ тѣхъ суконь.... и дали ихъ по твоему жъ государеву наказу.... атаманомъ и казакомъ и единожды, чтобъ они проводя насъ были съ Петромъ Хрущовымъ въ Раздорехъ нижнехъ и тебѣ послужили на Дону, и по Дону надъ воинскими людьми промышлял. И они, государь, отказали: прежде сево мы служили государю, а головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и нынѣ де ради государю служить своимъ жъ головами, а не съ Петромъ. А іюня въ 9 день послали есмь, государь, въ Азовъ къ азовскимъ князю съ грамотою сына боярскаго Андрея Невзорова да толмача Исеня Уразова про себя обвѣстити, а сами хотѣли идти къ Азову назавтре; и приѣзжали, государь, къ намъ атаманы и казаки, а говорили, чтобъ намъ въ Азовъ ходить не спѣшить, покажѣста они о миру сослазся, договоръ учинять, и своихъ товарщевъ съ моря сождутъ, а пойдете де, и намъ васъ не пропуститъ. И іюня въ 11 день съ моря атаманы и казакъ, Василей Жегулинъ съ товарищи, въ войско пришли, и тогожъ дня былъ, государь, у насъ на стану атаманъ Василей Жегулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Ѳедоровъ—Трубецкихъ, Василей Кабанъ, Прокофей Трубочанинъ, а съ ними многіе атаманы и казаки, человекъ съ шестьсотъ, и пришли, государь, наряднымъ дѣломъ, съ саблями и съ ручницами, и поставили всехъ людей у моего Гришкина стану, а къ намъ къ шатришку пришло атамановъ и казакѡвъ человекъ съ 30 и говорили намъ, чтобъ мы имъ показали твой государевъ наказъ, что къ намъ прислано твоего государева жалованья, сукно и селитры и свинцу и запасу, и намъ де вѣдомо есть, что государева жалованья пришло не столько, сколько вы намъ дали. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ дажъ намъ о многихъ твоихъ государевыхъ дѣлехъ, и имъ наказу просить не пригоже, а что къ намъ прислано твоего государева жалованья, то имъ и отдано, а запасъ присланъ съ Петромъ съ Хрущовымъ и наказъ государевъ у Петра, какъ его давать? И они, государь, почали говорить съ великимъ шумомъ: только де не дадите намъ государева наказу, и намъ съ вами дѣлать все по волосу, а что де вамъ прислано, то возьмемъ и не въ жалованье; а то де мы вѣдаемъ, что прислано селитры

что они согласны взять выкупу 17/т. золотыхъ. Благоразумный Наццокицъ снова умѣлъ успокоить обѣ стороны, 5 іюля возобновилъ миръ и скоро отправился въ Кафу (122).

полтретьядцать пудъ, а свинцу тожь, а намъ дано только пятнадцать селитры, а сукна де даны не всѣ же. И мы, государь, имъ говорили, будетъ вы пришли грабить государевы казны, и въ томъ государь волень, а мы готовы помереть за государеву казну, а селитры послано съ нами полтретьядцать пудъ и велѣно дать 20 пудъ всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а у Петра велѣно оставить 5 пудъ на запасъ, и мы вамъ дали 15 пудъ, съ вашими жъ товарищи, говоря, на однихъ низовыхъ, а на верховыхъ оставили 5 пудъ, а верховыхъ здѣсе, которые съ вами въ войску, человекъ съ 200, а иные пришли съ нами на Воронежъ и съ Черкасы за государеву казну . . . и тѣмъ какъ не дать селитры? И они, государь, отходя отъ насъ шумѣли много и пришедъ, государь, достальную селитру всю и свинець и запасъ твой, государь, взяли сильно, да у насъ же, государь, въ стану взяли донскаго атамана Вишату Васильева, которой посланъ съ нами съ Москвы и бивъ его ослоны передъ нашимъ шатришкомъ, посадили въ воду, а говорятъ, что онъ всему войску измѣнникъ, а вся, государь, смута стала отъ атамана Ѳедора Хорошаго, которой посланъ изъ Донкова, а мы холопи твои пошли къ Азову іюня въ 12 день, а атаманы и казаки хотятъ насъ провожать до Азова, а какъ насъ проводить, и мы къ тебѣ, государю, изъ Азова отнишемъ.“

(122) Тамъ же, л. 112—116, донесеніе посланника Григорія Наццокина, привезенное въ Москву 7 августа.

..... „Писали есмь, на передъ сего какъ мы пришли въ Азовъ, въ войско, гдѣ стоятъ въ сборѣ донскіе атаманы и казаки, ... а отъ Донскихъ, государь, атамановъ и казаковъ приѣзжали въ Азовъ для миру два атамана Семень Воейковъ, да Смирной Ѳедоровъ, и по твоему государеву указу о миру договоръ учинили и крестъ цѣловали за всѣхъ атамановъ и казаковъ, и послѣ, государь, того азовской Али князь и Аги посылали къ атаманомъ и казакомъ азовскихъ людей, да греческаго попа, того миру закрѣплять по прежнему обычаю, и атаманъ, государь, и казаки того миру, что учинили атаманы Семень Воейковъ, да Смирной Ѳедоровъ, не закрѣпили, и съ азовскими людьми мпритца не хотѣли, да атаманы жъ, государь, и казаки казнили у себя въ войску одного черкаскаго князя, пзъ тѣхъ, которые у нихъ, въ полону, отсѣвши руку и прислали его въ Азовъ, а приказывали, государь, къ азовскому князю о окупу, чтобъ за полопаниковъ, которые у нихъ въ полону, за Чеуша царева и за черкасскихъ князей за Кабана съ товарищи прислали окупу вскорѣ, а не при-

Новая война казаковъ съ азовцами. Едва только посланникъ отъѣхалъ, Турки отняли казакамъ за обиды свои, заперли въ Азовѣ 130 человекъ, провожавшихъ посланника, одного ихъ *толмача* (переводчика) казнили, другаго посадили на каторгу, а многихъ порѣзали, заключили въ темницы и тоже посадили на каторги. Видя коварство азовцевъ и гибель товарищей своихъ, казаки закинули яростию: храбрые атаманы, созвавъ дружину, нанесли опустошеніе и смерть въ стѣнахъ Азова, заплатили кровію за кровь; освободили своихъ плѣнныхъ, взяли неприятельскихъ 130 чел. и съ торжествомъ возвратились на Донъ и немедленно

шлютъ окупу вскорѣ, и имъ всѣхъ казнили..... и азовской, государь, князь и Аги помирился съ казаки, насъ не отпустили, а обсылались съ атаманы и съ казаки трожды, о которыхъ дѣлехъ у нихъ споръ былъ, а мы, государь, къ атаманомъ и къ казакомъ отъ себя писали и неоднократно и толмоча служилаго татарина къ намъ посылали, чтобъ однолично по твоему государеву указу съ азовскими людьми помирились, и едва, государь, ихъ на то привели, што съ азовскими людьми миръ укрѣпили, іюля въ 5 день, а насъ, государь, въ Азовѣ затѣмъ и держали, што казаки съ ними не помирились, и корму, государь, намъ не давали пять день, а отказывали: пришли де вы не съ добрымъ дѣломъ съ войною и корму вамъ давать не за што, а иные, государь, казаки миръ učinили, а впередъ чаемъ и несдержатъ по ихъ воровству. А азовской, государь, князь добръ крѣпить и къ нимъ притязываетъ, чтобъ казаки тотъ миръ держали крѣпко ничѣмъ не порушили. А которой, государь, Чеушъ и черкасскіе князи въ полону у казаконъ, и за Чеуша, государь, прислано въ Азовъ окупу 3/4 золотыхъ далъ, а больше де того за него окупу собрать немочно; а атаманы де, государь, и казаки передъ азовскими татари, которые ѣздили въ войско, Чеуша и черкасскихъ князей, изъ оупу... были плѣтми, розни ставъ, да прислали ко князю о окупу ихъ память, а князь тожъ память къ намъ прислалъ, а писали, государь, казаки къ князю, что взяти было окупу за Чеуша шесть тысячъ золотыхъ и они нынѣ збавили съ него тысячу, а взяти имъ за него пять тысячъ золотыхъ, за черкаского князя Кабана взяти было три тысячи золотыхъ и они збавили тысячу, а взяти нынѣ двѣ тысячи золотыхъ; за черкасскихъ же князей за Адея да за Оергата взяти было четыре тысячи золотыхъ, и они збавили съ нихъ тысячу, а взяти три тысячи золотыхъ, за черкасскихъ же князей за дву братовъ, а третьему изъ нихъ руку отсѣкли, взяти четыре тысячи золотыхъ, а меньше де того окупу не будетъ:.....

по послали къ государю атамана *Степана Ванюкова* въ легкой станицѣ, съ донесеніемъ о всемъ случившемся ⁽¹²³⁾. Азовскій паша, желая скрыть вѣроломный поступокъ Турковъ, немедленно донесъ султану о семъ происшествіи, слагая всю вину на казаковъ, что они безъ всякой причины нарушили миръ, нанали на Азовъ, ограбили оный, многихъ побили и 130 человекъ Турокъ взяли въ плѣчь ⁽¹²⁴⁾. Въ Константинополь говорили Нащюкину, что Россійскій дворъ самъ побуждастъ Донцовъ къ таковымъ неприязненнымъ дѣйствіямъ, потому что съ посланникомъ присланы къ нимъ военные запасы пороховъ и свинець, также дары и жалованье царское.

Переговоры Нащюкина съ турецкими сапюкиниками. Между тѣмъ Россійскій посланникъ склонилъ султана къ заключенію дружественнаго съ царемъ Россіи союза и на весну назначенъ уже былъ съ нимъ въ Москву особый турецкій посоль, какъ вдругъ извѣстіе наши азовскаго о враждѣ казаковъ съ азовцами разрушило столь благопріятное начало. Посланнику стали оказывать холодность и тре-

---

⁽¹²³⁾ Дѣла Тур., кн. № 3, л. 121—125. См. грамоту в. к. на Довъ 1593 г. марта 20 дни.

.... „И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что вы какъ проводя нашего посланника Григорья, съ азовскимъ княземъ и со всѣми азовскими людьми розмирье учинилц, а вы къ намъ писали какъ есмь проводили посланника нашего Григорья до Азова, и у васъ де азовцы заперли у себя въ Азовѣ, отпустя посланника Григорья, товарищей вашихъ, атамановъ и казаковъ сто тридцать человекъ, да дву толмачей, одного казнили, а другою посадили на каторгу, да иныхъ многихъ казаковъ казнили и на каторги посажали; а къ намъ нынѣ посланникъ нашъ Григорей писалъ изъ Царьгорода, что Григорью въ томъ великое было истязанье въ вашемъ розмирьи!.....“

⁽¹²⁴⁾ Тамъ же, л. 120. Отписка посланника Григорья Нащюкина п подъячаго Андрея Иванова отъ 20 февраля 1593 г. отъ Константинополя.

.... „Пріѣхали въ Царьгородъ азовскіе люди, а сказываютъ Дашскіе казаки миръ порушили, взяли азовскихъ людей сто тридцать челов. и азовскіе люди бьютъ челомъ намъ на нихъ, что казаки при нихъ помирились, и они вѣря имъ, отъ казаковъ не береглись, и вперёдъ де отъ нихъ чають воровства!...“

бывали отвѣта. Нащокинъ отзывался съ твердостью: „мнѣ неизвѣстно отъ чего произошла ссора между азовцами и казаками и за своевольство послѣднихъ я отвѣтствовать не могу; что же касается до государя Россійскаго, то онъ непосылалъ къ нимъ ни пороху, ни свинцу, а они силою отняли у проводника моего, взятый на случай опасности въ пути, равно и царскаго жалованья я къ нимъ не привозилъ ⁽¹²⁵⁾. Сверхъ сего послу говорили, что крымскій ханъ, жалуясь на Донскихъ казаковъ султану, писалъ къ нему, что государь Россійскій построилъ четыре новыхъ города близъ Азова на Манычи, въ Черкасской и въ Раздорехъ ⁽¹²⁶⁾. Но благоуміе Нащокина остановило гнѣвъ султана; онъ увѣрялъ, что на Дону живутъ люди бѣгле, безъ вѣдома государева и что близъ Азова новыхъ городовъ нѣтъ, и султанъ опять соблагосилился отпустить своего посланника въ Россію; Нащокинъ же извѣщая обо всемъ государя, просилъ его заставить казаковъ жить смирно, по крайней мѣрѣ до приѣзда его въ Азовъ съ турецкимъ посломъ.

⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, см. статейный списокъ Нащокина, поданный имъ по возвращеніи изъ Царьграда въ Москву.

Л. 220, „Да говорилъ наша о Донскихъ казакахъ: съ государя съ вашего вѣдома живутъ на Дону и на Днѣпрѣ казаки и государя нашего украиннымъ людямъ убытки чинять, и Григорей и Андруша говорили: на Дону живутъ воры бѣгле люди, безъ государя нашего вѣдома:“.....

Л. 230.... „А что говоришь о казакехъ, будто мы къ нимъ привезли государево жалованье, селитру и свинець и сузна, и мы къ нимъ ничего не приваживали, а которой сынъ боярской провожалъ насъ Дономъ, и съ тѣмъ была селитра и запасъ, на тѣхъ людей, которые съ нимъ были въ провозанье, чѣмъ бы имъ дойти до украины, и тое селитру и запасъ Донскіе казаки взяли у него сильно:“

⁽¹²⁶⁾ Тамъ же, л. 239.

.... „Прпставъ Сулейманъ Чеушъ говорилъ: въ грамотѣ къ государю нашему крымской царь писалъ, что ему тѣснота великая отъ государя вашего казаконъ, многіе убытки ему починили, а поставилъ де государь вашъ новыхъ четыре города близко Азова, на Манычи да въ Черкасской и въ Раздорехъ, и изъ тѣхъ городовъ казаки приходя, Азову тѣсноту чинять:“

Феодоръ Іоанновичъ, имѣя уже въ сіе время донесеніе отъ Донскихъ атамановъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1593 года отправилъ обратно ихъ стапицу съ атаманомъ Ванюковымъ, послалъ казакамъ жалованье и писалъ къ нимъ грамоту ласковую и вмѣстѣ грозную: „Ссоры ваши съ Азовцами препятствуютъ старанію нашему имѣть союзъ съ Турками и нашъ посланникъ претерпѣлъ чрезъ то въ Константинополѣ многія непріятности; но благоразуміемъ своимъ успѣлъ склонить султана отправить къ намъ посла своего. Покажите теперь вѣрную службу вашу, заключите союзъ съ Азовцами и лучше терпѣливо снесите отъ нихъ обиды, но ихъ не трогайте, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока пріѣдетъ къ намъ турецкій посланникъ. Если не послушаетесь, наложу на васъ мою опалу; не дозволю бывать въ Москвѣ и пошлю на низъ *Донемъ къ Раздорамъ* большую мою рать, на Раздорехъ велю поставить мой городъ и васъ сгоню съ Дону.“ Сею же грамотою государь приказывалъ казакамъ встрѣтивъ въ Азовѣ обоихъ посланниковъ (Нащокина и съ нимъ посла турецкаго), проводить ихъ до крайныи лучшими людьми отъ 200 до 300 челов. и собственно для сего обѣщаль въ слѣдъ затѣмъ прислать дворянина Ивана Измайлова и съ нимъ жалованье (127).

Возвращеніе Нащокина въ Россію съ турецкимъ посломъ. Уже Нащокинъ вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ возвращался изъ Константинополя и для встрѣчи ихъ посланъ былъ князь Григорій Волконскій. Въ наказѣ Волконскому повелѣвалось говорить казакамъ, чтобы они содѣйствовали Черкасскому (запорожскому) гетману Косицкому и Ногаямъ волжскимъ въ поискахъ надъ Крымцами и пословъ проводили бы съ честію (128). Но Донскіе казаки, извѣстясь отъ нѣкоего *Нехорошика Картаваго* (бѣжавшаго на Донъ изъ Серпухова), что товарищи ихъ въ Москвѣ тернятъ великую ну-

(127) Дѣла Турецк. грамота Феодора Іоановича 1593 г. марта 20, см. примѣч. 131.

(128) Тамъ же, въ наказѣ князю Григорію Волконскому, см. листъ 131-й, грамота царя Феодора Іоанновича на Донъ отъ 20 апрѣля 1593 г. см. л. 134—136, см. также примѣч. 117-е.

жду, что имъ не даютъ жалованья, а иныхъ въ холопи берутъ, —отказались было провожать Волконскаго и запретили тогда же охотникамъ ⁽¹²⁹⁾. Впрочемъ казаки исполняя велѣнія царя, терпѣли миръ съ Азовцами, дожидались посланниковъ и проводили ихъ съ честію до предѣловъ Рязанскихъ.

Переговоры Двора нашего съ турецкимъ посломъ. Весьма очевидно было, что Оттоманская порта никакъ не желала отвергать дружественнаго союза съ Россіею. Правда, Россія сдѣлала Портъ самыя лестныя обѣщанія: дать свободу на Терекѣ, не мѣшаться въ дѣла грузинскія и черкескія и свести казаковъ съ Дону, но едва ли и помышляла чтонибудь исполнить изъ обѣщаній сихъ. Турція понимала сіе, но надѣялась и страхомъ своего могущества, и дружественнымъ расположеніемъ побудить Россійскій дворъ въ согласію на свои требованія. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ употребляли одни хитрые извороты. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1593 г. турецкій посоль представилъ царю Θεодору Іоанновичу грамоту, въ которой гордый султанъ изчислялъ всѣ обиды притерпѣнныя областями его отъ Россіянъ, жаловался на Донскихъ казаковъ и требовалъ, чтобы государь непременно свелъ ихъ съ Дону, какъ обѣщано было въ грамотѣ и между прочимъ, писалъ: „Если сдержишь слово свое, то будешь миѣ искренній другъ, и любовь моя къ тебѣ со дня на день возрастать будетъ; если же станешь дѣйствовать въ противность сему, то я буду тебѣ недругъ и ханъ крым-

(129) Тамъ же, листъ 167, отписка князя Волконскаго, привезенная 19 августа 1593 г.

... „А Донскіе государь атаманы и казаки о провожаніи намъ отказали, что имъ въ неволѣ послать провожать никакъ немочно, а которые охотники похотятъ ѣхать и они тѣмъ запрещаютъ. А охотниковъ, государь, съ нами идетъ донскихъ атамановъ и казаковъ только человекъ съ 30; а хотѣли, государь, съ нами идти въ провожанье атаманы и казаки многіе, да какъ пріѣхалъ съ украины назадъ въ войско казакъ Нехорошко Картавой, которой сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова и сказывалъ де атаманомъ и казакомъ, что на Москвѣ ихъ товарищемъ вужа великая: твоего государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ, а служатъ на своихъ конехъ и кормунимъ не даютъ, а иныхъ въ холопи отдають, и атаманы и казаки слыша то, многіе ѣхать размышляли; а которые государь охотники съ нами ѣдутъ и мы и тѣмъ не вѣримъ.

скій пмѣстѣ уже повелѣніе воевать твои земли (130).

Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева. Россія не могла удовлетворить желаніямъ султана, но только льстила его гордости наружнымъ видомъ искренности и уваженія. Посланникъ его принимаемъ былъ въ Москвѣ со всѣми возможными почестями, съ намѣреніемъ удержанъ 9-ть мѣсяцевъ и уже въ концѣ іюля 1594 года отправленъ обратно вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ Данилою Исленьевымъ. Государь въ отвѣтной грамотѣ своей и чрезъ посланника своего словесно увѣрялъ султана, что Россія всегда готова оказывать Портѣ всѣ знаки дружелюбія и что многіе изъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои воевали турецкія области, поиманы и казнены, почему требовалъ и съ его стороны дружества и запрещенія Крымцамъ нападать на російскія области (131). Донскимъ же казакамъ послано съ Исленьевымъ царское жалованье по прежнему и грамота, кою царь подтверждалъ, чтобы они жили смирно до возвращенія посланника изъ Константинополя и приказывалъ провожать обоихъ пословъ туда и обратно съ честію (132).

Поиски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами. Выше сего видѣли мы, что казаки, исполняя волю царскую, содержали миръ съ Азовцами; но въ то же самое время служили недремлемою стражею и наблюдали всѣ ихъ непріязненныя для Россіи намѣренія и движенія и извѣщали обо всемъ государя, нападали на Казневы и крымскіе улусы, брали лыжковъ, а весною 1594 г. извѣстясь, что Азовцы пошли на російскую Украину, встрѣтили ихъ на возвратномъ пути, разбили, отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ (133).

Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ. Ханъ крымскій, въ переговорахъ своихъ съ Россійскими посланниками, уворилъ дворъ

---

(130) Дѣла турецкія, книга № 3-я, л. 272—275, грамота султана турецкаго.

(131) Дѣла турецк. наказъ данный Исленьеву № 302, 303 и 318.

(132) Дѣлѣ грамоты на Донъ 1594 г. іюля 31-го.

(133) Тамъ же.

нашъ потворствомъ, дѣлаемымъ казакамъ и безпрерывно твердилъ и въ грамотахъ и чрезъ пословъ своихъ о дерзостяхъ и обидахъ, принимаемыхъ ими крымцамъ и азовцамъ и требовалъ казаковъ съ Дону свести. На сіи нелѣпныя требованія отвѣчали по прежнему, что на Дону живутъ люди вольные, російскіе бѣглецы, на коихъ лежитъ опала государева ⁽¹³⁴⁾.

Съ сего времени до отправленія съ Дону пословъ къ Лжедмитрію въ Польшу, о дѣйствіяхъ Донскихъ казаковъ ничего неизвѣстно.

Г Л А В А V.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича къ Донскому войску.— Перемены расположенія Россійскаго двора къ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ.— Появленіе Лжедмитрія въ Польшѣ.— Гонецъ отъ него на Дону.— Отправленіе въ Польшу казачьихъ пословъ, для развѣданія о Лжедмитріѣ.— Послы сіи, а иномъ и все войско Донское принимаютъ сторону сего самозванца.— Безполезное посольство Годунова на Донъ.— Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу.— Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедмитріѣ и поведеніе ихъ.— Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у Терскихъ казаковъ.— Предаются третьему самозванцу, названному въ лѣтописяхъ Тушинскимъ.— Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ.— Послѣднія буйства.— Обращеніе на службу отечественную.— 1598—1612.

По смерти кроткаго царя Ѳеодора Іоанновича, вскорѣ настало время ужасныхъ бѣдствій для Россіи, время, въ которое слава Донскихъ казаковъ омрачилась дѣлами мтежными. Несчастное ли легковѣріе, или злая измѣна вовлекла ихъ въ бездну вѣрамель и заставила быть сообщниками Лжедмитрія, — ни изъ современныхъ актовъ, ни изъ лѣтописей, достоверно неизвѣстно; но тѣмъ неменѣе горестно воспоминаніе о сихъ событіяхъ.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича къ Донскому войску. Повелителя Россіи часто бывали недовольны неповиновеніемъ и разбоями Донскихъ казаковъ;

⁽¹³⁴⁾ Дѣла Турецк., кн. № 20, л. 189—193, 317—319.

но всегда уважали мужество ихъ. Грозныйъ Иоаннъ различалъ преступленія и заслуги, наказывалъ виновныхъ, но награждалъ храбрыхъ воиновъ. Царь Феодоръ Иоанновичъ часто посылалъ казакамъ дары и ежегодно жалованье, принимая милостиво посланцовъ ихъ въ Москвѣ, видѣлъ въ послѣдніе годы своего царствованія отъ Донцовъ болѣе послушанія и болѣе зависимости ихъ отъ Россіи.

Перемѣна расположенія Россійскаго двора въ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Феодоровичѣ Годуновѣ. Борисъ Феодоровичъ Годуновъ рѣшился принять совсѣмъ иную систему: содѣлавшись царемъ Россіи, онъ думалъ твердою строгостію укротить между казаками своеволие; но это не совершилось. Въ началѣ царствованія его казаки по прежнему обыкновенію желали приносить пользу государю сторожевыми разъѣздами своими въ степяхъ крымскихъ: въ 1598 году имѣли они сшибку съ татарами, взяли плѣнь и узнавъ о намѣреніи хана идти на Россію съ своими войсками и съ 7/8 султанскихъ воиновъ, извѣстили о томъ немедленно ближайшаго воеводу въ Новомъ Осколѣ (135). Но Годуновъ начиналъ уже оказывать къ казакамъ свою немилость. Въ томъ же году, построивъ на Донцѣ городъ Царевъ—Борисовъ, онъ отвѣтствовала крымскому хану, негодовавшему на столь близкое къ областямъ его поселеніе, что Царевъ—Борисовъ воздвигнутъ собственно для обузданія Донскихъ казаковъ. Такъ дѣйствовалъ Борисъ Годуновъ и такъ говорилъ для оправданія себя предъ Крымцами. Скоро послѣ сего онъ запретилъ казакамъ пріѣзжать въ Москву; безъ сомнѣнія тогда же прекратилъ имъ жалованье, опредѣленное прежними государями Россіи и дары, которыми они всегда награждали сихъ воиновъ за службы; затѣмъ казакамъ строжайше воспрещенъ былъ въѣздъ во всѣ россійскіе города.

Появленіе Лжедмитрія въ Польшѣ. Въ такомъ положеніи находились Донскіе казаки когда явился въ Польшѣ самозванецъ, подъ именемъ царевича Дмитрія и

(135) Ист. Г. Р. Карамз., Т. XI стр. 12.

объявилъ притязаніе свое на престолъ Россійскій. Польна по ненависти и видамъ честолюбія, принявшая сторону самозванца, коварнымъ образомъ честила злодѣя и пособствовала его видамъ. Собирались подъ знамена его толпы бродягъ польскихъ, въ надеждѣ знатной добычи на стогнахъ опустошенныхъ городовъ русскіихъ. Но для замысловъ Лжедмитрія пужно было войско гораздо лучшее; онъ искалъ его въ умѣ своемъ, и зная о строгости принятой Годуновымъ надъ Донскими казаками, рѣшился испытать въ нихъ своего счастья.

Гонецъ отъ него на Дону. Въ семь намѣреніи Лжедмитрій послалъ на Донъ гонца своего Литвина Свирскаго съ грамотою ⁽¹³⁶⁾, въ которой писалъ, что онъ истинный сынъ перваго царя блага, коему сіи вольные христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годунова похищенъ престолъ; звалъ ихъ свергнуть сего недостойнаго раба съ отеческаго трона: "Радость и изумленіе потрясли сердца воиновъ Донскихъ. Измѣняя Годунову, они спѣшили предложить вѣрноподданническую помощь тому, кто называлъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола. Но опасаясь быть орудіемъ обманщика въ столь важномъ дѣлѣ, хотѣли на мѣстѣ развѣдать обо всемъ и съ сею цѣлію нарядили къ мнимому спасенному царевичу послами самаго войсковаго атамана Андрея Кореллу и старѣйшину Михайлу Нѣжакова, которые (въ 1603 г.) и отіравились въ Польшу. Прибывъ въ Краковъ, гдѣ воевода Сендомирскій представлялъ самозванца Сейму, Корелла прежде всего старался развѣдать не ложно ли кто нибудь называетъ себя царевичемъ ⁽¹³⁷⁾; но видя отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самаго короля Сигизмунда отличный пріемъ и царскіе почести, оказываемыя Лжедмитрію, и самъ призналъ его истиннымъ сыномъ царя Русскаго, не желалъ искать другихъ удостовѣреній и въ гибельномъ заблужденіи своемъ, именемъ всѣхъ собратовъ билъ ему челомъ, какъ законному

⁽¹³⁶⁾ Тамъ же, стр. 141, прим. 222.

⁽¹³⁷⁾ Тамъ же, стр. 141, прим. 223.

государю, обнадёживалъ въ вѣрности и преданности всѣхъ казаковъ ⁽¹³⁸⁾. Самозванецъ восхищенный столь успѣшнымъ началомъ злаго своего намѣренія, наилучшимъ образомъ честилъ сихъ пословъ, а отпущая на Донъ, поручилъ всѣмъ казакамъ ласковое слово свое и обѣщаль щедрія царскія милости.

Едва послы казачьи объявили собратамъ своимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ Польшѣ, какъ нѣкоторые толпы ихъ, скитавшіяся на берегахъ Волги, напали на посланнаго отъ государя въ Астрахань окопничаго Семена Годунова, ограбили его и захвативъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объявите гонителю нашему Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ ⁽¹³⁹⁾“.

Безполезное посольство Годунова на Донъ. Вѣсть сія потрясла душу Бориса Годунова; и безъ того страшившіяся самозванца, онъ видѣлъ всю бездну своего положенія, но неменѣе старался казаться твердымъ; отправилъ къ казакамъ на Донъ дворянина Петра Хруцова, знавшаго подлинно о смерти царевича Димитрія, для удостовѣренія ихъ въ злодѣйскомъ обманѣ самозванца; вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждалъ казаковъ оставить пагубное заблужденіе свое, онъ склонялъ ихъ на службу себѣ и отечеству. — Но можно ли было вывести изъ заблужденія людей убѣдившихся въ несчастномъ мнѣніи очевиднымъ свидѣтельствомъ своихъ собратьевъ, возвратившихся изъ Польши. Признательные къ милостямъ мнимаго царевича, искренно ему усердствующіе казаки, заключили Хруцова въ оковы и съ новыми послами отправили къ Лжедимитрію. Самозванецъ былъ уже на пути въ Россію, и казацкіе посланцы, встрѣтивъ его въ Согольнивахъ 3 сентября (по новому стилю 1604 г.), представили своего плѣнника, подтверждали о готовности всего войска къ походу ⁽¹⁴⁰⁾.

⁽¹³⁸⁾ Тамъ же, стр. 141.

⁽¹³⁹⁾ Тамъ же, стр. 142.

⁽¹⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 144, прим. 234; собр. госуд. грамотъ, II, стр. 173.

Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу. Въ то время дѣйствительно войсковою атаманъ Корелла съ 6,000 казаковъ выступилъ къ украиннымъ городамъ на встрѣчу самозванцу. Хрущовъ будучи приведенъ къ Лжедмитрію, палъ на колѣна и безъ сомнѣнія изъ трусости для спасенія жизни своей возопилъ, что видитъ въ немъ истинное подобіе царя Іоанна. Сей низкій поступокъ чиновнаго измѣнника, довершилъ заблужденіе казаковъ. Соединясь съ толпами самозванца, стали они грудью за мнимую отрасль древняго царскаго рода, и составляли лучшее ополченіе его, на которое онъ во всемъ полагался столько же несомнѣнно, какъ и на войска иностранныхъ.

Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедмитріѣ и поведеніе ихъ. Уже Лжедмитріѣ съ войскомъ своимъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества, прошелъ съ мечемъ и манифестомъ о чудесномъ своемъ спасеніи до Новгорода Сѣверскаго, будучи встрѣчаемъ на пути радостными восклицаніями народа. Здѣсь нашелъ онъ первое неожиданное и непреклонное сопротивленіе въ вѣтязѣ Басмановѣ; но другія области отъ Камарницкой волости до Ельца, Воронежа и Ливновъ поддалися самозванцу и вся южная Россія возмутилась. Въ декабрѣ мѣсяцѣ была первая битва самозванцова полчища съ войсками русскими, которая хотя кончилась удачею на его сторону, но доказала, что въ станѣ вѣрныхъ войновъ еще сильна была преданность царю. 21 гѣнваря была вторая битва въ Добрыничахъ, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ самозванца: казаки, составлявшіе въ сіе время вторую линію войскъ Лжедмитрія, обманутые мнимою удачею первой линіи, неслись довершить побѣду, какъ вдругъ сія послѣдняя линія, будучи опрокинута, въ отчаянномъ бѣгствѣ своемъ смяла казаковъ; на пространствѣ осьми верстъ російскія войска разили бѣгущихъ и устлали трупами ихъ поле битвы. Самозванецъ укрылся въ Рыльскѣ съ преданными ему Донцами и отвергъ Запорожцевъ, какъ

трусовъ или предателей; оттуда перешелъ онъ въ Путивль, городъ болѣе укрѣпленный и наполненный измѣнниками отечества. Сюда Донскіе казаки пришли къ самозванцу еще въ числѣ 4,000 человекъ ⁽¹⁴¹⁾. Между тѣмъ другіе, разсѣянные пораженіемъ въ Добрыничахъ, засѣли въ городахъ и бѣжились защищать ихъ до послѣдняго издыханія. Россійскія войска осадили Путивль; но Лжедмитрій выслалъ противъ нихъ 500 Донскихъ казаковъ и 1000 Россіянъ; они разбили сторожевое Московское войско, убили 3000 человекъ, взяли много плѣнныхъ и заставили воеводу русскихъ отступить въ Комарницкую волость ⁽¹⁴²⁾. Московское войско обратилось къ Кромамъ, гдѣ кромѣ жителей сидѣло 600 мужественныхъ Донцовъ съ храбрымъ атаманомъ Кореллою ⁽¹⁴³⁾. Какъ изъяснить невѣроятное событіе сіе? Болѣе 80 т. ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, не могли одолѣть деревяннаго городка не имѣвшаго въ защиту свою и тысячи воиновъ! Они даже сожгли ночью городъ, заняли пепелище и валъ, но никакъ не могли взять острога, до котораго казаки не допускали ихъ мѣткою своею стрѣльбою. Войска отступили, и думая взять крѣпость голодомъ, стрѣляли изъ пушекъ; но нимало не вредили осажденнымъ, которые безопасно укрывались за валомъ въ выкопанныхъ землянкахъ и даже иногда дѣлали вылазки, всегда гибельныя для осаждающихъ. Въ войскѣ московскомъ открылись еще повальные болѣзни, и до того умножили нерадивость осады, что среди дня 100 возовъ хлѣба и 500 казаковъ изъ Путивля прошли въ осажденныя Кромы ⁽¹⁴⁴⁾.

Отрепьевъ съ каждымъ днемъ усиливался болѣе и болѣе: народъ сначала сомнѣвался, послѣ начиналъ вѣрить чудесному спасенію царевича Дмитрія; въ войскѣ умножалось бездѣйствіе, въ воеводахъ нерадивость и наконецъ явилась и самая измѣна. Но совершенный успѣхъ Лжедмитрія рѣшила

⁽¹⁴¹⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁽¹⁴²⁾ Тамъ же, стр. 293.

⁽¹⁴³⁾ Дѣтоп. Никоновск. о мятеж., также Петрея, см. примѣч. къ Исторіи Г. Р. Карамз., 296.

⁽¹⁴⁴⁾ Бера.—См. Истор. Г. Р. Т. XI стр. 176.

внезапная кончина Годунова. Юный преемникъ его, Феодоръ, хотя твердый душою и исполненный ума, не могъ отнять смѣлости у предателей. Первые воеводы, начальствовавшіе войскомъ подъ Кромами, сдѣлали заговоръ и тайно извѣстия измѣпу свою разными предложениями, громогласно объявили въ войскѣ Дмитрія царемъ московскимъ, хотя совершенно увѣрены были, что отдають скипетръ бродягѣ. Никто изъ воиновъ не смѣлъ изъяснить сомнѣнія, когда знатнѣйшіе воеводы признали въ немъ сына Юаннова.

Войско присягнуло мнимому Дмитрію и дало знать атаману Кореллѣ, что они служатъ одному государю. Война кончилась, казаки торжественно явились на валу крѣпости и братски обвинялись съ бывшими непріятелями. ⁽¹⁴⁵⁾

Счастливый обманщикъ, съ удивительнымъ притворствомъ принявъ поздравленіе и исполнивъ другія обязанности по новому высокому сану, выѣхалъ осмотрѣть Кромы, прославленные мужествомъ Донцовъ, пзъявлялъ свое удивленіе, благодарилъ небо и храбрыхъ защитниковъ и распорядилъ походъ къ Москвѣ, куда и самъ пошелъ тихо, сопровождаемый Донцами, которые съ сей поры составляли его охранное войско, и остановился въ Тулѣ, гдѣ довершалось безпримѣрное его счастье.

Доселѣ въ Москвѣ царствовала тишина; но обольщенный народъ волновался, свель добродѣтельнаго Феодора съ престола въ могилу и отдалъ тронъ гнусному злодѣю.

Знаменитые московскіе бояре явились къ нему въ Тулу бить челомъ отъ имени Москвы; въ то же время прибылъ и съ Дону походный атаманъ Смага Черпенскій съ вѣкоторою частію казаковъ. Довольный вѣрностію сихъ послѣднихъ, самозванецъ оказывалъ имъ всѣ возможныя ласки, отдавалъ преимущество предъ московскими воеводами, допустилъ прежде къ рукѣ и съ веселостію выхвалялъ ихъ службы; для большей противоположности, призвавъ московскихъ бояръ, обошелся съ ними грубо и презрительно, упрекая за долгое

⁽¹⁴⁵⁾ Ист. Г. Р. Карамз. Т. XI стр. 187—195.

упорство, и какъ говорятъ лѣтописцы, отдалъ на поруганіе своимъ любимцамъ казакамъ, которые одного изъ нихъ, князя Телятевскаго, въ буйствѣ своемъ едва не умертвили⁽¹⁴⁶⁾.

Столь низкими ласкательствами самозванецъ утверждалъ къ себѣ привязанность Донскихъ казаковъ, которые вездѣ жертвуя за него жизнію, даже и тогда, какъ злодѣй обогранный еще дымящею кровію царя, вельможъ и вѣрнаго народа Русскаго, сѣлъ на Московскій престоль, паравиѣ съ Нѣмцами и Ляхами, составляли твердѣйшую его ограду, хотя большая часть ихъ и возвратилась на Донъ; они раздражали москвитянъ: величались предъ ними своею службою, оказывали имъ явное презрѣніе и называли, въ ругательство, *жидами*. Но счастье недолго пособствовало самозванцу: не прошло года, какъ Москва удостовѣрилась въ пагубномъ заблужденіи своемъ и разсыпала прахъ злодѣя.

Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у терскихъ казаковъ. Еще при жизни Лжедмитрія нѣкоторыя толпы Волжскихъ и Терскихъ казаковъ, разбойничавшія въ окрестностяхъ Каспійскаго моря, выставили новаго самозванца, одного изъ товарищей своихъ, нѣкоего казака Илейку, котораго назвали сыномъ государя Θεодора Іоановича, Петромъ, объявляя, что Годуновъ подмѣнилъ его у царицы Ирины дѣвочкою въ самый день рожденія его. Ихъ собралось уже 4000 на берегахъ Волги, грабили всѣхъ путешественниковъ и купцовъ, сказывал, что идутъ съ законнымъ царемъ къ Москвѣ. Лжедмитрій, вѣроятно съ намѣреніемъ низвести сего смѣльчака, не мѣшалъ злодѣйствовать ему и писалъ къ мнимому Петру ласково, что если онъ дѣйствительно сынъ царя Θεодора, то посѣщаль бы въ Москву, гдѣ принятъ будетъ съ подобающею честію. Пишутъ, что Илейка дѣйствительно располагалъ идти къ Москвѣ, но извѣстясь въ Свіяжскѣ о смерти ложнаго дяди своего, обратился съ частію толпы своей зимовать на Дону.

⁽¹⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 209; то же отвѣтъ Сигизмунд. пословъ, см. лѣтоп Никон. л. 68.

По смерти Лжедмитрія, по волѣ и пропскамъ вельможъ, возведенъ на царство Василій Ивановичъ Шуйскій; царствованіе его есть цѣль несчастій для него и Россіи. Видя новаго царя, нѣкоторая часть казаковъ обласканная его милостями, осталась на Дону спокойною, но большая ихъ часть, бывшая собственно въ верхнихъ городкахъ и въ полчищахъ Разстриги, буйствовать не переставала.

Приведеннаго ихъ единокордцами Терскими казаками ложнаго царевича принали въ верхнихъ городкахъ Дона ласково и въ слѣдующемъ году явись съ нимъ въ украинскихъ городахъ, скоро усилили себя вездѣ гогозыми послѣдователями, прошли до Тулы, обагрили себя кровію соотечественниковъ, кровію многихъ знатныхъ воеводъ и постоянно держали сторону новаго самозванца, пока онъ, побѣжденный царемъ Василіемъ, погибъ на вислицахъ⁽¹⁴⁷⁾.

Предаются третьему самозванцу, названому въ лѣтописяхъ Тушинскимъ. Повазался третій злодѣй, названный въ лѣтописяхъ Тушинскимъ, и принявъ имя убиеннаго Лжедмитрія, свирѣпствовалъ на сѣверѣ, какъ въ тоже время явился въ Донскихъ городкахъ и четвергый, подъ именемъ сына царя Θεодора Іоанновича, Іоанна. Казаки, схвативъ скитавшагося у нихъ самозванца, представили къ Тушинскоту въ Брянскъ и принявъ его сторону, съ тою же преступною приверженностію какъи перваго самозванца, ополчились противу вѣрныхъ Россіанъ⁽¹⁴⁸⁾. Не одни казаки Донскіе, но и большая часть Россіи, волнуемая духомъ измѣны и заблужденій, присягнула сему второму Лжедмитрію, который два года лилъ неповинную кровь несчастнаго народа.

Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ. Среди сихъ всеобщихъ ужасовъ и лютаго ожесточенія, одна только святая вѣра укрощала ослѣпленныхъ и направляла разгоряченные умы на путь истины и добродѣтели.— Донскіе казаки при всемъ буйствѣ, всегда благоговѣли къ

⁽¹⁴⁷⁾ Лѣтопись о мятежахъ.

⁽¹⁴⁸⁾ Тамъ же.

православной вѣрѣ своихъ праотцевъ и въ самыхъ мятежахъ явили сему блистательный примѣръ. Самозванецъ, по совѣту Поляковъ, послалъ 30-ти тысячную рать осаждать Троицкій монастырь—святилище, прославленное именемъ чудотворца Сергія; въ сей толпѣ святотатцевъ находились и Донскіе казаки. Обитель непоколебимо противостояла порывамъ безбожнаго скопища, многія разительныя видѣнія и сны представлялись изступленнымъ измѣнникамъ. Тронутый однимъ изъ таковыхъ сновидѣній, Донской атаманъ Степанъ Епифановъ предсталъ предъ военачальниковъ и говорилъ имъ: „Вразумитесь! Богъ щецъ нашего раскаянія, или бойтесь праведнаго гнѣва Его,—гибель наша неизбѣжна!“ Поляки и нѣкоторые изъ русскихъ изувѣровъ, приписывая измѣнѣ этотъ поступокъ атамана, въ ожесточеніи своемъ хотѣли убить его съ 500 казаками, но Епифановъ искренно раскаиваясь и соблазнуя о прежнихъ заблужденіяхъ, ночью, со всѣми своими товарищами, бросилъ станъ злодѣевъ ⁽¹⁴⁹⁾.

П о с л ѣ д н і я б у й с т в а. Не стало и втораго Лжедмитрія, а и змѣна и буйство не прекращались, но только дѣйствовали уже безъ опредѣленной цѣли. По словамъ современниковъ, Московское царство волновалось тогда подобно бурному морю, кровь лилась какъ вода, опустѣли села, города и святаго обители; до того ожесточились сердца народа, что никто не видѣлъ, что дѣлалось предъ глазами, не слышалъ, что грѣмѣло въ ушахъ; всѣ объаты были какимъ-то гибельнымъ очарованіемъ ⁽¹⁵⁰⁾. И казаки не отставали полчищами помогать смятеніямъ. Накопецъ одушевилъ Богъ Русскихъ на защиту вѣры и отечества: полчища, преданныя дотолѣ самозванцамъ, стали за Москву; отсюда стекались новыя войска къ прегольному граду, занятому Литовцами.

Обращеніе на службу отечественную. Въ сіе время и Донскіе казаки явили себя столько же усердными и поборствующими сынами Россіи, какъ прежде того возму-

---

⁽¹⁴⁹⁾ Сказаніе Палицина.

⁽¹⁵⁰⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ.

тителами; они находились въ станѣ освободителей поработеннаго отечества, которые, призывая землю русскую къ единому сердцу, обратились и къ Донскимъ воинамъ, обѣщая имъ почести и жалованье (151).

Во всѣхъ почти битвахъ съ Поляками и Литовцами казаки явили отважную храбрость, неодолимое мужество и искреннее усердіе къ вѣрѣ.

Г Л А В А VI.

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. — Жилища ихъ. — Юрты. — Правленіе. — Военное устройство. — Нравственность казаковъ. —

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. Донскіе казаки, почти отъ самаго начала водворенія ихъ на Дону, какъ изъ актовъ видно, раздѣлялись на *Верховыхъ* и *Низовыхъ*: первые жили въ верхней части рѣки Дона, послѣдніе—въ нижней, начиная отъ Цымлянскаго городка. — Казаки низовые были отважнѣе, нежели верховые, всегда считали себя старшими предъ ними, до того, что когда одинъ разъ царь Феодоръ Иоанновичъ въ грамотѣ своей (1592 г. марта 21) наименовалъ напередъ верховыхъ, то они съ прискорбіемъ говорили объ этомъ посланнику Нащокину. Въ Нижнихъ юртахъ находилось и главное управленіе Донскихъ казаковъ. Впрочемъ, въ образѣ жизни какъ тѣ, такъ и другіе казаки были сходны между собою.

Ж и л и щ а и х ъ . Въ концѣ XVI вѣка по берегамъ Дона, отъ устья рѣки Хопра внизъ до р. Аксяя, на протяженіи 800 верстъ, разсѣяны были казачьи городки и зимовища въ различномъ между собою разстояніи. Нѣсколько подобныхъ поселеній находилось еще и по р. Донцу. Прочее же пространство, лежащее между этими двумя рѣками, оставалось пустымъ.

Городки и зимовища имѣли различіе между собою: первые были жилища постоянныя, а послѣднія составляли временный и преимущественно зимній пріютъ, гдѣ бездомныя казаки

(151) Лѣтоп. о мѣтежахъ.

проводили зиму въ шалапахъ или землянкахъ, а съ наступленіемъ весны уходили на военные поиски, или на добычи. Городки были обведены кругомъ стѣною изъ двойного плетня, или двойнаго полисадника, внутри набитаго землею. Осторожность противу набѣговъ непріятельскихъ требовала такихъ укрѣпленій. При городкахъ жили общества казаковъ *въ избахъ или землянкахъ.*

Сколько было всѣхъ зимовищъ, даже сколько было самыхъ городковъ казачьихъ въ XVI столѣтіи, опредѣлить невозможно; еще менѣе можно знать число казаковъ каждаго городка: ибо оное число измѣнялось и присоединеніемъ новыхъ людей и непрерывными переходами самыхъ казаковъ изъ одного городка въ другой.

Раздоры былъ самый нижній городокъ на Дону въ XVI вѣкѣ, и находился близъ нынѣшней Раздорской станицы, на островѣ, образуемомъ рукавомъ Донца и рѣкою Дономъ; онъ былъ тогда главнымъ мѣстомъ въ казачьихъ владѣніяхъ, и въ немъ имѣлъ пребываніе войсковою атаманъ.

Городки казачьи всегда были малолюдны, потому что казаки, любя военныя тревоги, скучали жить дома и непрерывно уходили искать опасностей и добычи въ землѣ непріятельской. Верховые большею частію бродили по Волгѣ и въ улусахъ ногайскихъ; а низовые собирались всегда въ Раздоры, и отсюда партіями и въ совокупности, отправлялись воевать Азовъ и разбѣжали по морямъ Азовскому и Черному. Раздоры были главнымъ сборнымъ мѣстомъ казаковъ и тутъ всегда можно было найти многолюдство.

Юрты. Въ значеніи поселеній еще встрѣчается въ актахъ XVI вѣка слово: *юрты*. Подъ нимъ разумѣлись тогда въ буквальномъ смыслѣ самыя жилища, т. е. избы, землянки, шалаши, слѣдственно это названіе могли употреблять говоря и о городкахъ и о зимовникахъ: *юрты нижніе, юрты черкаскіе.*

Правленіе. Казаки, соединясь въ одно общество изъ разноплеменной вольницы, не могли иначе распоризать общественные предметы и дѣла, какъ только общимъ совѣтомъ.

Предметы таковыхъ совѣщаній были просты и почти всегда одинаковы: идти на войну или поискъ, раздѣлить добычу, или наказать измѣнника. По всегдашней возможности соби- раться въ одно мѣсто и по тѣмъ случайностямъ, которыя сопро- вождали воинственную жизнь казаковъ, скоро утвердилось въ обществѣ ихъ народное правленіе: въ послѣднихъ десяти- лѣтіяхъ XVI вѣка оно получило нѣкоторое опредѣлительное образование, было въ полномъ смыслѣ общественное и самое простое. Особенныхъ властей распоряжающихъ, равно какъ и старшинства лицъ у нихъ вовсе не было; къ властямъ части исполнительной принадлежали *Войсковой Атаманъ* и *Войсковые Есаулы*. Письменная дѣла отправлялъ *Войсковой Дьякъ*.

Главное народное собраніе, которому принадлежала вся власть управленія и суда, называлось *Войсковымъ Кругомъ*. Названіе это было дано, безъ сомнѣнія, по наружному виду, какой имѣли эти общественныя сходбища, происходившія обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки дѣйстви- тельно составляли изъ себя кругъ, стоя на ногахъ и безъ шапокъ, въ знакъ почтенія къ мѣсту и случаю. Всякій казакъ имѣлъ здѣсь свободный голосъ. Дѣла на судъ народа пред- лагаль побольшей части *Войсковой Атаманъ*, который для того съ своими есаулами выходилъ на средину Круга; также еслибы и другой кто имѣлъ что либо предложить народу, то былъ обязанъ выступить на средину. Ованчивалось все боль- шинствомъ голосовъ.

Дѣла обыкновенныя могли рѣшаться одними тѣми каза- ками, кои были въ сборѣ въ юртахъ *Раздорскихъ*; но въ важнѣйшихъ случаяхъ всегда дожидали товарищей изъ похо- довъ и звали всѣхъ изъ городковъ. Всякій изъ казаковъ счи- талъ себя участникомъ дѣла общаго, и *Войсковые Круги* были очень шумны, а нерѣдко происходили въ нихъ и буйныя ссоры. Въ *Кругахъ* рѣшалось все безотчетно: набѣги, пре- сѣченіе военныхъ поисковъ, смертная казнь и проч.

Войсковой атаманъ лично не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ только блюститель порядка и исполнитель при-

говоръ народа. Въ Войсковомъ кругу, голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака и все преимущество его въ этомъ случаѣ состояло, кажется, въ томъ, что представленіе и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ вопреки этого ограниченія не могъ ничего предпринять по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ лишиться своего достоинства, а иногда и съ опасностію за самую жизнь. Избирались атаманы погодно, большинствомъ голосовъ въ Войсковыхъ Кругахъ. Сложившій это достоинство по окончаніи срока, поступалъ въ общій составъ казаковъ и уже не имѣлъ никакого отличія между ними.

Къ войсковому атаману, также общими голосами, назначали двухъ *войсковыхъ есауловъ*, кои были его помощники и исполнители его и народныхъ приказаній. Особенныхъ вліяній ихъ на дѣла общественныя никакихъ не было.

Войсковой *дыакъ* составлялъ у казаковъ лице весьма важное: кромѣ его никто не писывалъ бумагъ отъ войска, но впрочемъ, онъ не имѣлъ никакой власти.

Подобно этому общему войсковому управленію, начали въ концѣ XVI вѣка образовываться и частныя управленія въ городкахъ. Всякое общество казаковъ, въ городкахъ или зимовищахъ жившее, равно и посланное куда либо, именуясь станицею, имѣло своего атамана. Такимъ образомъ въ каждомъ городкѣ и зимовищѣ были частныя атаманы. Они избирались своими обществами изъ людей храбрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ; имѣли значеніе предводителей и свѣтниковъ, но власти никакой имъ не принадлежало. Въ каждомъ городкѣ была общая, такъ называемая, станова изба; въ нее сходились казаки на досугѣ вести рассказы о дѣлахъ бранныхъ, совѣщаться о исполненіи повелѣній войсковаго круга и разбирать дѣла частныя, кои, по отдаленности главнаго городка, предлагались иногда на судъ своего общества.

Военное устройство. Походы казаковъ были *сухотные* и *судовые*, послѣдніе важнѣе, особенно въ поискахъ

по морямъ Азовскому и Черному.

Всякій отрядъ сухопутный или судовой имѣлъ своего *походнаго атамана*, представлявшаго лице главнаго начальника.— Большія рати обыкновенно дѣлились *на сотни и полусотни*, въѣрменя командованію есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Чины эти, какъ и походный атаманъ, избирались самымъ отрядомъ предъ выступленіемъ въ походъ, а по возвращеніи слагали свои званія.— Оружіе казаковъ состояло изъ малыхъ пушекъ, рушницъ или пищалей, копій и сабель; они пріобрѣтали оное или покупкою, или добычею отъ непріятели. Порохъ и свинецъ получали въ жалованье отъ Россійскаго Двора.

Внезапность и быстрота въ нападеніяхъ были главными причинами ихъ счастливыхъ успѣховъ. Быстротѣ сухопутныхъ походовъ много способствовали казачьи степныя лошади татарской породы, кои не знали усталости и прошедъ большое пространство, послѣ корму скоро снова укрѣплялись. Каждый казакъ въ походѣ имѣлъ двухъ лошадей, чтобы въ случаѣ большихъ переходовъ перемѣнять ихъ. Направленіе къ предположенному мѣсту старались избирать самое прямое; вообще въ пути отличались замѣчательною смѣтливостію. Самыя широкія рѣки легко переплывали и казаки и ихъ лошади. Для сокрытія похода своего отъ непріятели, употребляли всѣ строгія осторожности. Нападенія на жилища вражескія производили большею частію въ ночное время. Но если удалось непріятелю напасть на казаковъ въ распахъ и на открытомъ мѣстѣ, тогда обыкновенно становились они пѣшіе въ карѣ и отстрѣливались, прикрываясь своими лошадьми; но этотъ способъ употребляли только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, когда не было другихъ средствъ къ спасенію; въ противномъ случаѣ они разсыпались врознь.

Въ морскихъ походахъ казаки употребляли суда малыя, помѣщавшія отъ 30 до 50 человекъ каждое; на нихъ пускались они въ моря Азовское, Черное и Каспійское, разѣзжали близъ береговъ, нападали на корабли и громили области

приморскія. Казаки, такъ подробно знали упомянутыя моря, что ночью, безъ компаса, переплывали безошибочно тѣ мѣста, гдѣ было нужно, и даже перѣдко, посимые бурей по открытому морю, не теряли своего пути.

Нравственность казаковъ. Нравственность казаковъ представляла смѣсь добродѣтелей и пороковъ, свойственныхъ людямъ, которые жили войною.

Жадные къ добычамъ, свирѣбые въ набѣгахъ на земли непріятельскія, казаки въ обществѣ своемъ были привязаны другъ къ другу какъ братья, гиушались воровствомъ между собою; но грабежъ на сторонѣ и особливо у непріятелей, былъ для нихъ вещью обыкновенною. Религію чтли свято. Трусовъ не терпѣли и вообще поставляли первѣйшими добродѣтелями: цѣломудріе и храбрость.

Въ наказаніяхъ за преступленія были жестоки. *Въ куду да оз воду*, была главная казнь за измѣну, трусость, убійство и воровство,—это было утопленіе въ рѣкѣ человека, завязаннаго въ мѣшкѣ. Приговоръ и наказаніе совершались почти въ одно время: это могло довольно успѣшно дѣйствовать на своевольство казаковъ; ибо каждый осуждая своего товарища, зналъ, что никакія происки судопроизводства не избавятъ его отъ заслуженнаго наказанія.

Казаки вели торговлю съ азовцами: рыбою, дровами и разною мелкою рухлядью; русскимъ людямъ продавали лошадей, турецкія и персидскія издѣлія отнятыя въ набѣздахъ; отъ нихъ повунали хлѣбъ, оружіе, суда; землепашествомъ не занимались вовсе. Въ домашней жизни любили ридиться въ богатые турецкіе и персидскіе кафтаны, кои доставались имъ въ добычу отъ непріятелей.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ вступленія на Россійскій престолъ **Михаила** **Феодоровича** до совершеннаго подданства казаковъ Россіи, или до возвращенія Туркамъ Азова.

ГЛАВА VII.

Провидѣніе, испытавъ Россію долговременными бѣдствіями отъ мятежей кровопролитныхъ, вручило, наконецъ, скипетръ самодержавія юному Михаилу Феодоровичу Романову, избранному единодушіемъ бояръ и народа.

Съ сего счастливаго для Россіи времени и дѣянія Донскимъ казаковъ получаютъ болѣе характерности и благородства.

Извѣдавъ на дѣлѣ сколь вредно буйство казаковъ, Московскій дворъ, при самомъ вступленіи на престолъ Михаила, обратилъ на нихъ вниманіе и старался привлечь къ вѣрной службѣ: къ нимъ посылали грамоты, исполненныя ласковыхъ похвалъ, обѣщали содержать въ царской милости *на отки*, а отъ нихъ взаимно требовали службы полезной отечеству, какъ было при прежнихъ государяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Феодорѣ Іоанновичѣ. Надежды царя скоро исполнились: казаки на самомъ дѣлѣ явили примѣръ своего усердія Россіи. Атаманъ Смага Чершенскій, первый оставившій сторону самозванцевъ еще въ то время когда русскіе за нихъ сражались, утвердившись въ юртахъ своихъ, избранъ войсковымъ атаманомъ. Скоро и другіи партіи Донцовъ, по изгнаніи изъ Москвы Поляковъ отошли на Днѣпъ. Только 200 или немного болѣе соединясь съ Уральскими или Терскими казаками, оставались преданными Заруцкому и Маринѣ Мнишекъ, разбой-

ничая въ окрестностях Астрахани, гдѣ были приняты сіи мятежники.

Заруцкій былъ подстрекаемъ Сигизмундомъ, который, готовясь съ большими силами напасть на Россію, заставлялъ его распространять бунты и обѣщалъ за то въ удѣль Новгородъ, Псковъ или Смоленскъ, когда самъ получитъ московскую корону. Отъ него также были послы на Дону и въ улусахъ ногайскаго князя Иштерека, въ концѣ 1612 года, съ извѣщеніями о вступленіи его на Россійской престолъ и съ требованіемъ вѣрности какъ законному государю; но это не имѣло успѣха ⁽¹⁵²⁾.

Духъ вѣрности къ царю законному былъ общій и постоянный во всѣхъ нижнихъ городкахъ казачьихъ до Пятизбянскаго; а выше онаго по Дону, также по Хопру и Медвѣдицѣ, казаки опять поколебались и болѣе вѣрили самозванцамъ. Отъ Заруцкаго бродили здѣсь агенты, прельщая легковѣрныхъ обѣщаніемъ жалованья и разныхъ милостей, и своевольные казаки малыми партіями уходили къ Астрахани ⁽¹⁵³⁾.

Россійскій дворъ, вида успешное начало своего вліянія на казаковъ, старался поддержать оное: въ Москвѣ атамана

⁽¹⁵²⁾ Дѣла Ногайск., въ столбцѣ 1613 г., сентябрь, связка 2, № 5-й, распросныя рѣчи прибывшаго въ Москву (27 сентября) отъ ногайскаго князя Иштерека посла его Келмаметъ-мурзы.

...., А литовской король прислалъ лѣтомъ на Донъ къ атаманомъ Смагъ Чершенскому съ товарищи и къ нимъ пословъ своихъ съ тѣмъ, что онъ король на Московскомъ государствѣ учинился государемъ и они бѣ Иштерекъ князь и всѣ ногайскіе люди и атаманы служили ему также, какъ и прежнимъ Московскимъ государемъ, и Смага де тѣхъ пословъ къ Иштереку прислалъ и Иштерекъ князь имъ отказалъ, что имъ до короля дѣла нѣтъ, и стало то Иштереку князю и всѣмъ ногайскимъ людямъ за великую досаду, что король назывался Московскимъ государемъ, и послалъ де Иштерекъ князь провѣдывать татарина да полоненника поколь король Московскимъ государствомъ владѣеть.

⁽¹⁵³⁾ Дѣла ногайскія, въ столбцѣ 1613 г., сентябрь, связка 2-я, №5-й распросныя рѣчи хоперскаго юртоваго казака Григорья Чернаго.

Стародуба, явившагося по старому обычаю съ легкою саницею, бить челомъ государю отъ всего войска, приняли съ честію, и на прїѣздѣ и на отпускѣ щедро одарили какъ атамана, такъ и всю его станицу. Съ ними государь отправилъ на Донъ жалованье, хотя весьма малое по недостатку тогда государственной казны, но принятое казаками съ восторгомъ, ибо при семъ случаѣ великій князь писалъ къ нимъ грамоту пренеполненную ласковости и похвалъ. Митрополиты и весь соборъ духовенства, съ своей стороны, послали на Донъ благословеніе въ краснорѣчивой грамотѣ. Никогда казаки не видѣли себя въ подобной милости у Россійскаго двора: свитители, въобразя рѣзкими чертами бѣдственное состояніе Россіи и замыслы противъ нея польскаго короля, именемъ Бога убѣждали казаковъ стать за царя, предрѣкали за сіе милость Божию, жалованье царское, честь, славу и похвалу отъ Русской земли и окрестныхъ государствъ; и за тѣ ваши службы — писали духовные отцы — буди на всѣхъ на васъ Божія милость и нашъ и Вселенскаго собора миръ и благословеніе, и умножи Господь лѣта ваши и подай вамъ Господи вся благая по прошенію вашему и устрой вамъ вся полезная, якоже вѣсть святая Его воля; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ, и челомъ бьемъ.“ Къ таковымъ ласкамъ поводомъ было еще и то, что въ сіе время отправлялось въ Константинополь посольство съ извѣщеніемъ о возшествіи на престолъ новаго, законнаго царя, и съ намѣреніемъ склонить Порту помогать Россіи противъ Польши. Для сего нужно было, чтобы казаки замирились съ Азовцами и не воевали турецкихъ областей. Самому посланику Соловому Борисьевичу Протасьеву вручены упомянутыя грамоты на доставленіе казакамъ и жалованье, назначенное съ Стародубовымъ. Онъ прибылъ въ нижніе юрты октября 26. Все войско, бывшее здѣсь въ собраніи, встрѣтило царскаго сановника съ отличною почестію; читая въ кругу грамоты казаки въ восторгѣ и умилени сердца плакали, какъ пишетъ самовидѣцъ Протасьевъ, пѣли молебны о здравіи царя; стрѣ-

ляли изъ пушекъ, пищалей и ружей пединодушно поклѣлись служить неотступно Россіи; немедленно послали новыхъ гонопцовъ въ верховые городки и на Волгу для убѣжденія бунтовщиковъ, изъявили сами готовность идти на нихъ всѣмъ войскомъ ежели государь укажетъ; безпрекословно заключили миръ съ азовцами, дабы не попрятствовать его дѣламъ съ Портою; проводили посланника въ Азовъ со всѣми обрядами и рѣшительно обѣщали не трогать турецкихъ областей доколѣ посланникъ возвратится назадъ; словомъ казаки, казалось, переродились и всѣ дѣйствія ихъ такъ были соотвѣтственны видамъ Двора, что Протасевъ въ донесеніи своемъ государю, свидѣтельствовала объ оныхъ съ чувствомъ живой радости ⁽¹⁵⁴⁾.

⁽¹⁵⁴⁾ а) Грамата на Донъ отъ Духовнаго Московскаго собора, 1613 года.

(Начала иѣтъ) ....., Князя Ѳедора Ивановича всея Россіи самодержца, — послалъ ииѣ в. г. нашъ царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ, всеа Россіи самодержецъ, къ брату своему къ в. г. къ Турскому Ахметъ султану государство свое сбѣтити по прежнему обычаю и про неправды и про разореніе Московскаго государства отъ польскаго и отъ литовскаго Жигимонта короля извѣстити посланника своего Соловова Борисовича Протасьева да Дьяка Михайлу Данилова; а къ намъ атаманомъ и казакомъ послалъ в. г. царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ всеа Россіи своего государева жалованья съ Соловымъ Борисовичемъ Протасевымъ, да съ дьякомъ съ Михайломъ Даниловымъ, да съ атаманомъ съ Гавриломъ Стародубовымъ съ товарищъ, за вами къ нему в. г. нашему царю и в. к. Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи и ко всему великому Россійскому государству многія службы и радѣнне сукна и селитры и сѣру и свинець, что у великаго государя нашего царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича, всеа Россіи самодержца, въ ииѣшнее въ настоящее время лучилось; а то вамъ атаманомъ и казакомъ и самимъ чаю вѣдомо, что ихъ многаи царская казна, собраніе прежнихъ в. г. царей Россійскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей въ разграбленіи безъ остатку бысть, а изъ городовъ ни изъ которыхъ къ в. г. нашему еще никакія казны не бывало. А ииѣ выходцы и языки въ распросѣ бояромъ сказываютъ, что польской и литовской Жигимонтъ король на Московское государство всякое зло умышляетъ, и польскіе и литовскіе люди въ порубежныхъ во многнихъ мѣстахъ собираются и хотятъ идти на Москву, а Шутивль литовскіе-жъ

Примѣръ нижнихъ городковъ подѣйствоваль на волжскихъ митежниковъ: сначала Донецкіе бѣглецы, а послѣ Терскіе и Уральскіе казаки, бросивъ Заруцкаго, клялись въ вѣр-

люди и черкасы, пришедъ безвѣстно, украдомъ взяли, а иные побурежные сѣверскіе города воюють; да польской же Жигимонтъ король послалъ къ Иванку Заруцкому гонца, своего ближняго чловѣка ротмистра Яна Четского, съ грамоты, а писатъ къ Заруцкому и рѣчью приказать, чтобъ онъ Иванку къ вел. государю нашего царя и в. к. Михаила Федоровича всеа Россіи въ Московскомъ государствѣ былъ и смуту всякими злыми бѣзовскими прелестми дѣлалъ и людей къ себѣ на смуту приводилъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣта онъ съ турскимъ царемъ помирится и польскимъ и литовскимъ людемъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, заслуженное оиъ заплатитъ; а нынѣ де у него съ турскимъ царемъ война великая; а какъ де оиъ Иванку, по его велѣнью, въ Московскомъ государствѣ смуту учнетъ дѣлать до тѣхъ мѣстъ, покамѣта онъ съ турскимъ помирится, и онъ де помирится съ турскимъ, пойдетъ Московскаго государства достунать, а ему де Иванку дасть король въ отчину Новгородъ великій или Псковъ съ пригороды, или Смоленскъ, и учинитъ его великимъ у себя бояриномъ и владѣтелемъ. И іюня въ 9 день, по милости Божіей, а счастьемъ и доброоаснымъ осмотрительствомъ в. г. нашего царя и в. к. Михаила Федоровича всеа Россіи самодержца, тотъ литвинъ со всеми королевскими грамоты пріѣхалъ... вел. государя нашего имя, ему вел. государю служити и злой умыселъ польскаго короля подлинно сказати, и царскаго величества бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки и стрѣльцы и всякіе служилые люди, которые нынѣ на Москвѣ и по городомъ, слыша тѣ вѣсти, прося у Бога милости, обѣщаются единодушно, а хотятъ за нашу истинную православную крестьянскую вѣру Греческаго закона, за святые Божіи церкви и за образъ Содѣтеля нашего и Творца Господа Іисуса Христа и родниа его Пречистыя Богородицы, нашия христіанскія надежды и заступницы и всѣхъ его угодниковъ и за в. государя нашего царя и в. князя Михаила Федоровича, всеа Россіи самодержца и за всѣхъ православныхъ крестьянъ и до сущихъ младенцовъ и за свое отечество противъ непріятелей и враговъ вѣры нашия польскаго Жигимонта короли и его польскихъ и литовскихъ людей стоятъ крѣпко и неподвижно и битися съ ними нечади головъ своихъ безъ всякаго страху. И нынѣ мы царскаго величества и ваши богомольцы, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты и игумены и весь священній соборъ, по данной намъ благодати отъ святаго духа, васъ атамановъ и казаковъ благословляемъ и напоминаемъ, чтобы вы помяли Бога и души свои и къ себѣ прежнихъ вел. государей

Особ. прибавл. къ газ. „Донецк. Вѣсти“ Л. 8.

ности Михаилу, и такимъ образомъ на всемъ Дону водворилось единодушіе.

Погоня черкашенинъ Заруцкій и Марина Мнишекъ,

Россійскихъ, блаженныя памяти вел. государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи и сына его блаженныя памяти вел. государя нашего царя и велик. князя Ѳедора Ивановича, всеа Россіи самодержца жезлованье. а свою къ нимъ вел. государемъ прямую службу, и нынѣ великому государю нашему и вел. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи и всему ихъ великому Московскому государству потому жъ служили и прямили, и посланника его царскаго величества Соловаго Борисовича Протасьева и дьяка Михаила Данилова отпустили отъ себя съ Дону не задержавъ и проводили ихъ до Азова, и какъ Соловаго до Азова проводите и выбъ атаманы и казаки, помни Бога и нашу православную крестьянскую вѣру и свое отечество и природу крестьянскую и види польскаго жинчимонта короля надъ великимъ Московскимъ государствомъ злое умышленіе и для обороны истинныя нашія православныя крестьянскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей и великаго Московска о государства отъ враговъ нашихъ, отъ польскаго короля шли бы есте атаманы и казаки со всемъ своимъ войскомъ на польскихъ людей и на черкасы къ Путивлю и въ шные сѣверскіе города, въ которыхъ воюють литовскіе люди и черкасы, и спешдися съ государевыми бояры и воеводы и съ ратными людьми, прося у Бога милости, надъ польскими и литовскими людьми и надъ черкасы промыслили, сколько вамъ милосердный Богъ помочи подасть, и сѣверскую землю отъ нихъ злодѣевъ очищали, чтобы вашею службою и радѣньемъ Московское государство по прежнему распространилось, и церкви Божіи по прежнему въ лѣпоту облеклися, а идти бы вамъ атаманомъ и казакомъ въ тѣ города немѣшка и тѣмъ начальная службы своя и радѣнье къ великому государю нашему показати и за православную крестьянскую вѣру и за святыхъ Божіихъ церкви и за чудотворной образъ Пречестныя Богородицы и за великаго государя нашего царя и велик. князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи и за всѣхъ свою братью православныхъ крестьянъ и за свое отечество и природу противъ враговъ вѣры нашія, польскаго Жинчимонта короля и польскихъ и литовскихъ людей стати крѣпко и мужественно, чтобы и литовскіе люди и черкасы своимъ злымъ умышленьемъ до вашего приходу сѣверскимъ городомъ и достоль конечнаго разоренья не учинили; а Ивашку Заруцкаго и его совѣтниковъ ни въ чемъ вамъ, атаманомъ и казакомъ неслушати, и злой его смуть и прелести ни въ чемъ не вѣрити, чтобы и достоль отъ него вора Московскому государству и нашей истинной православной христианской вѣры и святымъ Божіимъ церквамъ конечнаго разоренья небыло и тѣбъ

да прочтутъ всѣ властолюбцы въ ихъ судьбѣ поучительный урокъ.

Въ ноябрѣ казаки отправили въ Москву атамана Бедри-

крестьянскія души, которыя къ его воровству приставаютъ, здѣ тѣломъ, а въ ономъ будущемъ въ страшномъ вѣщѣ совѣмъ не погибли, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично служба своя и радѣнье къ великому государю нашему и ко всему великому Московскому государству показать, для избавы всѣхъ православныхъ крестьянъ отъ разоренья польскаго короля и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и для избавленія отъ обруганія нашихъ истинныхъ православныхъ крестьянскія вѣры и святыхъ иконъ и Божіихъ церквей, итти на польскихъ и на литовскихъ людей въ сѣверскіе города немѣшкал, и своею службою и вспоможеніемъ московскаго государства сѣверскихъ городовъ и достать въ разоренье и православныхъ нашихъ крестьянскія вѣры въ поруганіе злодѣямъ не выдать. А за ту свою нынѣшнюю и прежнюю многую службу вы всѣ нынѣ и впредь отъ Всемогущаго Бога мплости, а отъ велик. государя нашего царя и велик. князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи великое жалованье, а отъ всякихъ людей Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и славу и похвалу, и отъ насъ, его царскаго величества и своихъ богомольцовъ благословеніе во вѣки себѣ получите, и та наша служба и истинное радѣнье къ велик. государю и ко всему Московскому государству достойна похвалѣ и удивленію будетъ на вѣки. А какъ вы сынове нашего смиренія помня Бога и души свои и крестное цѣлованіе и для нашихъ истинныхъ православныхъ крестьянскія вѣры греческаго закона и святыхъ Божіихъ церквей и честныхъ иконъ, къ великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Россіи самодержцу и ко всей землѣ службу свою и раденье покажите, царское повѣленіе сотворите на его государеву службу противъ враговъ и разорителей нашихъ православныхъ крестьянскія вѣры въ сѣверскіе города пойдете, безъ всякаго ослушанія и прекословія, и тѣмъ Московскому государству и всѣмъ православнымъ крестьянамъ способствуете и на всѣхъ буди Божія мплость и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, просіявшихъ въ російскомъ царствѣ, молитвы, а нашего и всего великаго собора миръ и благословеніе отъ нынѣ и до вѣка, и умножи Господь лѣтъ живота нашего и подай вамъ Господи вся полезная, яко же вѣсть святая Его воля. А будетъ изъ васъ кому за православную крестьянскую вѣру и за святыхъ Божіихъ церкви и за праведнаго Богомъ избраннаго царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи самодержца и за ваше крестное цѣлованіе отъ иновѣрныхъ мучителей христіанскихъ и смерти величь Богъ

щева съ допесеніемъ обь отъѣздѣ посланника и съ челобитной о жалованьи. Въ сильныхъ выраженіяхъ изъявили

воспріяти, и тотъ посвоей праведной пзліанной крови, отъ Всемогущаго Бога мученической вѣнецъ воспріемлетъ и царствіе Божіе наследитъ со всѣми пострадавшими за православную крестьянскую вѣру; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ.— Писана вел. государя нашего царя и вел. князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7121, іюня въ 18 день.

б.) Тамже отписка къ государю посланника Протасьева, привезенная въ Москву декабря 22 дня.

„ Государю царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи холопи твои Соловко Протасьевъ и Михалко Давыловъ челомъ бьютъ. Погребли, государь, мы холопи твои съ Воронежа Дономъ на низъ сентября въ 22 д., а передъ собою, мы, холопи твои, въ верхне и въ нижніе юрты послали атамана Григорья Долгово, да есаула Василья Панка про твое государево жалованье сказати атаманомъ и казакомъ и про себѣ обѣстити; и Григорій Долгой и есаулъ Каспией воротилися назадъ, и сказали намъ, что они встрѣтили Воронежскаго казака Бориско зовуть, недоѣзжая Хопра, и тотъ Бориско сказалъ имъ, что на Хопрѣ казаки воруютъ прямятъ Маринкѣ и сыну ея, а про вора сказываютъ, что онъ будто въ Казилбашахъ и Заруцкаго и Маринку съ сыномъ пустили въ Астрахань и крестъ ей цѣловали, и послали де пзъ Астрахани въ Казилбашу пуццихъ воровъ, заводити вора, и многіе де казаки на Волгѣ въ сборѣ и про насъ де имъ вѣдомо. И мы холопи твои, шли на сѣхъ, и Хоперъ и Медвѣдицу прогребли съ великимъ береженьемъ, а отъ Хопра, государь, мы, холопи твои, въ нижніе юрты.... октября въ 20 д., и атаманы, государь, и казаки всѣхъ нижнихъ юртов, насъ холопей твоихъ встрѣтили, и для твоего царскаго величества стрѣляли изъ наряду и изъ всего мелкаго ружья, и мы холопи твои, твою царскую грамоту, что съ нами послана отъ тебя государя атаманомъ и казакомъ Смагъ Стенанову съ товарищи и всему войску чли и твое государево жалованье, сукна и селитру и сѣру и свинець по росписи отдали все сполна; да имъ же, государь, дали твое государево жалованье, что взяли въ городехъ, на Коломнѣ и въ Переславлѣ Рязанскомъ и на Воронежѣ запасу 80 ведръ вина, да сухарей и крупъ и толокна 180 четвертей, и атаманы, государь, и казаки и все войско видя къ себѣ твою царскую неизреченную милость, съ сердечными слезами возрадовалися и обѣщали тебѣ государю царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи служить и прямяти во всемъ какъ прежнимъ великимъ государемъ, а изъ Астрахани, государь, отъ Маринки и отъ Заруцкаго въ нижніе юрты къ нимъ атаманомъ и

повторили увѣренія въ непрекословномъ повиновеніи и они свою благодарность государю за милосердіе къ нимъ и къ казакомъ и ко всему войску пріѣзжали съ воровскими грамотами Астраханскіе жильцы Кара да Гриника Стародубецъ, чтобы атаманы и казаки отъ Астрахани и отъ Ивашки и отъ Маринки и отъ воровъ отъ Волжскихъ казаковъ не отстаили, и атаманы, государь, и казаки и все Донское войско въ Астрахань къ Маринѣ и къ Заруцкому и ко всеѣмъ людемъ и на Волгу къ ворами къ атаманомъ и казакомъ писали, что они все единодушно обѣщались служить тебѣ государю царю и велик. князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Россіи и воровскимъ грамотамъ ихъ не вѣрити и къ воровству не приставати, и того Кару да Гринку позорили и съ Маринкою, и мало не побили ихъ до смерти. Да вѣдучи, государь, Дономъ отъ Пяти-избъ до Нижней Курмань-яръ, казаки Семейка Ебада говорилъ атаману Гаврилу Стародубу, что будто Калужской живъ, и атаманъ Гаврило Стародубъ про то сказалъ мнѣ, холопу твоему, Соловку и я холопъ твой послалъ по атамановъ и по казаковъ и того Семейку распрашивалъ, и тотъ, государь, Семейка, мнѣ холопу твоему сказалъ, что де однолично воръ живъ, и я, государь, велѣлъ атаману Андрею Трухинскому, того Семейку дати на поруку, что ему стати на низу въ большомъ войску, и какъ, государь, и мы про то Семейкино воровство сказали атаманомъ и казакомъ и всему войску, и атаманы, государь, и казаки и все войско тотчасъ Семейку про то распрашивали и сыскавъ его воровство, приговорили посадить въ воду: и какъ его поволокли къ водѣ, и прислали ко мнѣ, холопу твоему, Соловку, атаманы, чтобы для твоего царскаго здоровья того Семейку у войска отъ воды отнять и за его воровство бити батоги, и тотъ государь воръ битъ, батоги нещадно. Да по твоему, государеву, указу говорили мы атаманомъ и казакомъ и всему войску, чтобы они, исполняя свою службу къ тебѣ государю и радѣнье до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста мы сходимъ изъ Царьгорода, съ азовскими людемъ..... нечвили, а воевалибъ въ тѣ поры Казыевъ улусъ и Ногаи и крымскихъ людей, чтобы намъ въ Царьгородѣ задержанья небыло. И атаманы, государь, и казаки намъ холопомъ твоимъ сказали, что они единодушно безо всякія хитрости хотятъ тебѣ государю служить до кончины живота своего и во всемъ въ твоёмъ царскомъ повѣленѣи бытъ; а съ азовскими людемъ ради бытъ въ миру до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста мы сходимъ изъ Царьгорода. Да атаманы жъ, государь, и казаки и все войско, служа тебѣ государю и радѣи, посылаютъ отъ себя въ Астрахань и на Волгу къ казакомъ, что бы они отъ воровства отстаили; а будетъ они отъ воровства неотстануть, и они все хотятъ на нихъ итти своимъ головами Донскимъ войскомъ. Да атаманы жъ, государь, и казаки намъ холопомъ твоимъ говорили: только де государь пошлетъ къ Астрахани бояръ и воеводъ и

въ готовности жертвовать за него жизнию (153). Государь

ратныхъ людей, и мы де всѣ пойдемъ подъ Астрахань; и правда, государь, и радѣнье атамановъ и казаковъ и всего войска къ тебѣ государю единодушно, отнюдь безо всякаго суетнаго позабыванья:

(153) Дѣла турецкія столб. 1614 г., отписка Донскихъ атамановъ и казаковъ 1613 г. ноября.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всеа Россіи холопи твои царскіе Донскіе низовые атаманы, Смашка Степановъ, да Епшика Родплловъ, да Митька Кабановъ, да Семенецъ Уколовъ, да Демштейка Ерофѣевъ, да Михалко Трубоченинъ, да Иванко Насъ, и всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу и до верху, о милости Божіей и о твоємъ царскомъ великомъ жалованье челомъ бьютъ. Послалъ ты, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Россіи, второй цариль, своего государева посла къ турецкому царю, Соловаго Борисовича Протасьева, да Дьяка Михайла Данилова и съ ними прислалъ на Донъ къ намъ холопомъ твоимъ, свою царскую и милосердную и жалованную грамоту, а въ ней пишетца къ намъ и твое царское жалованье слово, и сукна и селитра и свинець и сѣра и заласъ сухарш и крупа и толокно и вино, и мы холопи твои грамоту вычеть и рѣчь по наказу выслушавъ отъ тебя государя, что ты государь съ Соловымъ Протасьевымъ наказалъ, и мы о Бозѣ радуемъ ся и били есмь челомъ на твоей милости до лица земли и приняли твое жалованье съ великою радостію, и ззоны звонили и молебны пѣли, и милости у Бога просили о твоємъ государствѣ многолѣтномъ здравіи, изъ наряду и изъ мелкаго ружья стрѣляли и служили тебѣ великому государю ради вседушно, какъ есмь служили прежнимъ царемъ и государемъ польскую службу съ травы да съ воды и кровь свою проливаемъ; а милости твоей царской дошло до насъ холопей съ твоимъ государевымъ посломъ съ Соловымъ Протасьевымъ да съ дьякомъ Михайломъ Даниловымъ: 22 пуда селитры, 22 пуда свинцу, да 4 пуда сѣры, да полшестидесяти ведръ вина, да 180 четв. всякаго запасу сухарей и крупъ и толокна, да 11 поставовъ сукна и настрафилю и англискаго и анбурскаго, и намъ холопомъ твоимъ, твоей милости, запасу позерну, да по пультѣ свинцу, да по верхку сукна. А Донковскій, государь, воевода Борисъ Есиповъ и ведалъ ни зерна никакого запасу твоевому государеву послу Соловому Протасьеву, и тотъ насъ запасъ недохаживалъ, и онъ намъ пзвѣщалъ, въ томъ ты государь воленъ. Да ты же государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Россіи пишешъ въ своей царской грамотѣ, чтобы мы тебѣ государю служили польскую службу на крымской и на ногайской сторовѣ по шляхомъ разѣзжали и по перевозомъ лежали да и съ азовскими людьми тошманятся намъ невелѣлъ, и велѣлъ мирнымъ быти для своего царскаго и земскаго строенья, чтобы

вручилъ атаману похвальную грамоту къ войску Донскому
твоему государеву дѣлу спѣхъ былъ, а послу твоему въ Царьградѣ замѣшканія несочинилось. И мы холопи твои государевы вседушно ради Божью волю и твою царскую творити во всемъ до исхода души своея и осѣли есмы по юртовшкамъ для тебѣ самодержавнаго государя ни подъ Азовъ, ни на море уже не бывать, ни на перевозки, ни въ походы не ходити. Православный царь государь, пожалуй насъ холопей своихъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и сукны и селитрою и свинцомъ и запасомъ, чѣмъ мы нужны, чтобы мы холопи твои служба съ травы да съ воды, наги и босы и голодны не были; а насъ холопей твоихъ, таперъ на Дону тысяча восемьсотъ и восемьдесятъ и восемь человекъ. Да ты же государь намъ холопемъ твоимъ велѣлъ иди на свою службу въ сѣверскіе горы, а велѣлъ ты намъ исскати дѣло надъ польскими и надъ литовскими людьми, колько Богъ помочи подастъ, и мы холопи твои, нынѣшнее лѣто пѣши и безъ конны, а се государь зима предлежать, и медлили за твоимъ царскимъ посломъ для твоего государева дѣла и земскаго, отпроводили его подъ Азовъ и отдали его честно турскаго царя людемъ, по чину и по подобію посольскому, какъ бывало прежде сего у прежнихъ государей царей, такъ и нынѣ мы, холопи твои прироженые, служимъ и примимъ. А взяли, государь, у насъ съ рукъ Соловаго Протасьева да дьяка твоего государя Михаила Давилова ноября въ 26 д. и мы холопи твои государевы, къ тебѣ писали въ сей отпискѣ; а мы холопи твои царскіе, сѣли уже на всю зиму и на лѣто по своимъ юртамъ, а у насъ холопей твоихъ то и лучшей зпунтъ былъ, по вся дни подъ Азовъ да на морѣ ходити, а нынѣ, государь, и перевозки не наши, коли со Азовомъ мирнымъ быти, то государь въ томъ воленъ, а чтобы земское дѣло и твое Россійское царство строилось, а покой и тишину Богъ далъ и твое царское имя возвелчалось по всемъ царствамъ и государствамъ, а мы холопи твои прироженные много лѣтъ ожидали будущихъ благъ, а на кроволитіе съмы ни гдѣ не дерзнули, а на Волгу, государь, многожда пшемъ и приказываемъ ко атаманомъ и казакомъ волжскимъ и терскимъ и яицкимъ, чтобы они уболлися Бога и держалися правды и бездѣлья Маринкина и сына ея не слушали, и не воровали на Волгѣ, а отъ твоей царской милости съ нами неотступны быти. Да писалъ ты государь царь милосердное слово ко атаманомъ и молодцомъ о князѣ же Михаилѣ Гагаринѣ, и тотъ, государь, князь Михайло Гагаринъ ушелъ за море, проданъ во Царьгородъ; грамота твои царская насъ не застала и мы холопи твои, извѣстили твоему государеву послу Соловову Протасьеву кто его продалъ и кому проданъ и о томъ къ тебѣ государю писали. А послали мы, холопи твои, къ тебѣ милостивому и милосердому царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи, бити

и знамя ⁽¹⁵⁶⁾, которое было первое, сколько известно по дѣ-
челомъ о своей нуждѣ, ото всего войска Донскаго, любя и вѣрячи,
Донскаго атамана Игната Давыдова сына Бедрищева, да съ нимъ
казака Назара Могилева; а отпущенъ съ Дону побря 5-го дня:

⁽¹⁵⁶⁾ Распросныя рѣчи посланнаго на Донъ дворянина Опух-
тина въ 1614 году. См. дѣла турецкія въ столбцахъ:

....., А Иванъ Опухтинъ на Москвѣ сказалъ: пріѣхалъ де онъ
на Донъ къ атаманомъ и къ казакомъ съ государевымъ жалова-
ньемъ въ іюль въ 15 д., въ Смагинъ юртъ Чернишскаго, и атаманы
де и казаки всѣ его изъ юртовъ встрѣли и сошлись въ кругъ,
и онъ де Иванъ по государеву наказу спросилъ ихъ отъ государя
о здоровье, и атаманы де и казаки всѣ на государево жалованье
были челомъ, пали всѣ на землю и говорили: дай господи чтобы государь
царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Россіи здоровъ
былъ и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государ-
ствахъ, а они слышачи къ себѣ его царскаго величества не изрѣ-
ченную милость, чего отъ прежнихъ государей имъ небывало, о
его многолѣтномъ здоровьи Бога молить и милосердому Господу
хвалу воздають . . . . .

И какъ государевы грамоты выкли, такъ по всѣмъ часовнямъ ве-
лѣли попамъ пѣть молебны о царскомъ здоровьи и велѣли стрѣ-
лять изъ большаго наряду, изъ пушекъ и изъ пищалей и стрѣляли
всѣ изъ мелкаго ружья, и государево жалованье, что къ нимъ
прислано, взяли съ великою радостію. И вынесли де государево
знамя, что къ нимъ прислано съ атаманомъ съ Игнатъемъ Бедри-
щевымъ, и учинили около знамени кругъ, а подъ знаменемъ де
Алежитъ человекъ осуженъ на смерть, а слышеть онъ Иванъ, что
два пхъ казака пьяны промодылись, что атаманы и казаки за
чосмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки имъ Заруцкаго не избыти, быть
удѣ его рукою, и одного напередъ повѣсили, а другова было
сбиты, который подъ знаменемъ при Иванѣ. И многіе де казаки
му Ивану била челомъ, что бы де Иванъ того молодца для цар-
скаго величества имени у нихъ отпросилъ; а онъ де виноватъ безъ
хитрости, не умышленьемъ со шлана.

И онъ де Иванъ слышалъ то, что и Соловой у нихъ Протасевъ
виноватаго, для царскаго имени отпросилъ, а се тутъ были многіе
казаки съ Волги и съ Яика, и ихъ бы государскою милостію об-
надежить, и онъ де Иванъ имъ говорилъ: не учинили они ничего
надъ нимъ до него Иваша, а онъ Иванъ къ нимъ пріѣхалъ съ
царскимъ жалованьемъ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ,
и всѣ они царскому жалованью срадовались, у всѣхъ у нихъ
теперь радость, а государь милосердый, праведной, всѣхъ насъ
винныхъ пожаловалъ ни чьихъ винъ не помянулъ, покрылъ все
своею царскою природною милостію, и оныйъ того виноватаго

тописямъ и современнымъ актамъ, полученное Донскими казаками отъ Россійскихъ самодержцевъ. Даръ сей, лаская чести казаковъ, утвердилъ усердіе ихъ къ Россіи. Весною же (1614 года) отправлено къ нимъ царское жалованье съ дворяниномъ Иваномъ Лукьяновичемъ Опухтинымъ. Такія ласковыя грамоты посланы при семъ случаѣ отъ великаго князя, отъ собора духовныхъ и отъ земскаго собора съ новымъ титуломъ великому войску Донскому (157). Встрѣченный съ обыкновенными почестями царскій сановникъ именемъ государя въ войсковомъ кругу спрашивалъ казаковъ о здоровьѣ и говорилъ рѣчь по наказу: все собраніе изъявляло благодарность за царскія милости съ чувствомъ глубокаго умиленія. По прочтеніи грамотъ пѣли во всѣхъ часовняхъ молебны о здравіи государя, при пушечной и ружейной стрѣльбѣ. Для полнаго же торжества вынесли въ кругъ жалованное знамя, ввели преступника осужденнаго на смерть и изрѣкли ему прощеніе для царскаго имени (158); раскинули на площади длинные столы, пировали и угощали русскаго дворянина со всѣми его людьми.

Донцы въ сіе время на самомъ дѣлѣ исполняли свое обѣщаніе усердствовать Россіи: азовцы въ соединеніи съ крымскими и ногайскими разбойниками въ семъ году неоднократно нападали воровски на ихъ юрты, отогнали ихъ табуны до 1000 лошадей и взяли въ плѣнъ 30 казаковъ; но казаки

для царскаго величества имени пощадили, и царскаго величества Богъ въ сохраненіе держить, никто ему государю, ничего, всѣ враги его, зла учинить немогутъ. И атаманы де и казаки всѣ завопили: дай господи, чтобы государь царь и в. к. Михайло Ѳеодоровичъ всеа Россіи самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта. И сами они вѣдаютъ, что царское величество государь милосердой, праведной, царь правдѣ и милости, Богомъ избранъ и никто ему царскому величеству зла учинить и противитися не можетъ, и будетъ такъ и во вѣки, и того де казака не казнили . . . . .

(157) Дѣла Турецкія въ столбцахъ 1614 года, грамота войску Донскому отъ 26 октября 1614 г.

(158) См. выше расписныя рѣчи дворянина Опухтина, примѣчаніе 156.

съ своей стороны не нарушили мира, дабы посланникъ тѣхъ Константинополѣ невстрѣтилъ чрезъ то препятствія въ дѣлахъ государственныхъ и терпѣливо сносили всѣ наглости ⁽¹⁵⁹⁾. Протасевъ окончилъ посольство свое и отпущень съ

⁽¹⁵⁹⁾ Дѣла турецк. въ столбц., отписка Донскихъ казаковъ 1614 года іюля 26, привезенная въ Москву сентября 28 дворяниномъ Опухтинимъ.

Государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Руссїи холопи твои царскіе, Донскіе Низовые атаманы Смашка Стефановъ, да Епшшка Родиловъ и всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу до верху, на милости твоей царской челомъ бьютъ. Пожаловаль ты милосердый и праведный самодержавный государь царь, второй израиль, насъ холопей своихъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ 1000 рублевъ, и сукна и порохъ, и свинець, и селитры, и сѣра, и запасъ, и вино, насъ холопей твоихъ дошло все сполна іюня въ 15 д., и мы холопи твои государевы съ великою радостью приняли у твоего государева дворянина у Ивана Лукьяновича Опухтина и всѣ о Бозѣ радовались, о твоёмъ царскомъ многолѣтномъ здравїи Бога молили и молебны пѣли, изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья стрѣляли, и которой государь, недочетъ былъ въ деньгахъ въ 1000 рублякъ, и мы на Иванѣ Опухтинѣ взяли 4 рубли и 20 алтынъ съ копейкою, въ чемъ его подъячіе обвѣсили, а слитки, государь, и усѣчки ему дали для справки, въ томъ ты государь воленъ. Да тыжъ государь нишеникъ къ намъ холопемъ своимъ на Донѣ, чтобъ мы холопи твои, тебѣ государю служили и по шляхомъ разъѣзжали и по перевозомъ лжали, и мы холопи твои по шляхомъ ѣздимъ, а перевозки, государь, унасъ на Дону и на Мертвомъ Донѣ извѣку замирены, для твоего государева дѣла и для земскаго строенья по твоему государеву велѣнью, а изьянъ, государь, намъ сталъ отъ нихъ великой, нынѣшняго года лошадей у насъ взяли съ тысячю и казаковъ съ тридцать, и коровъ со сто, а обидятъ насъ за одно съ крымцы и съ ногайцы, а мы холопи твои, государевы, несмѣемъ своего изьяну отомстити для тебя великаго государя. Да во твоихъ же царскихъ грамотахъ писано къ намъ холопемъ твоимъ, чтобы мы холопи твои, провѣдали про твоего государева посланника про Соловаго Протасьева, и у насъ холопей твоихъ ежедневныя вѣсти изъ заморья въ Азовъ, а изъ Азова къ намъ на Донѣ, что Божіею, государь, милостію и твоимъ царскимъ щастиемъ далъ Богъ здоровъ Соловой Протасевъ въ Цареградѣ и царь де его вельми любить и жалуетъ паче всѣхъ пословъ пишнихъ государствъ; и отпуску де ему чають поздно подѣ зиму съ послѣднимъ карованомъ, которые суды зимуютъ въ Азовѣ, и турскій де чеушь съ нимъ будетъ, а намъ, государь, сказываютъ тѣ люди, которые у насъ прикормлены для твоего государева дѣла и для всякихъ вѣстей“ . . .

честію въ Россію. Съ нимъ Ахметъ Султапъ отправилъ своего посла Алея съ предложеніемъ московскому двору дружбы и любви. Они прибыли въ Азовъ въ позднюю осень, и потому должны были зимовать въ казачьихъ юртахъ по невозможности зимнимъ путемъ пройти въ Россію. Живя въ черкасскомъ городѣ (гдѣ нынѣ Старочеркасскъ), они были совершенно довольны почестями и угожденіемъ казаковъ (160). Пользуясь расположеніемъ двора, казаки захотѣли при-

---

А отпущень Иванъ Опухтинъ съ Дону, да Гришка Долгошевъ юня въ 26 день.

(160) Дѣла Турецк. въ столбц. 1614 г., грамота отъ 8 октября 1614 года.

„Отъ царя и в. к. Михапла Федоровича всеа Русіи на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ Смагъ Степанову и Епихѣ Родилону и всѣмъ атаманамъ и казакомъ и всему великому войску. Нынѣшняго 123 года сентября въ 19 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Карпомъ Ивановымъ, что вы наше жалованье, деньги и сукна, и зелье, и свинець у дворянина у нашего у Ивана Опухтина съ радостію приняли сполна и нашему царскому жалованью обрадовались, и за наше царское здоровье молебны пѣли, и служити намъ великому государю во всемъ ради, и Ивана есте Опухтина съ Дону къ намъ отпустили юня въ 26 д., а про посланниковъ нашихъ про Соловаго Протасьева писали есте къ намъ какъ имъ отъ турецкаго царя отпускъ будетъ и вы къ намъ о томъ отпишите и ихъ встрѣтите; а слухъ у васъ про нихъ былъ, что имъ отъ турецкаго царя отпускъ къ намъ будетъ вскорѣ, на послѣднемъ караванѣ. А послѣ того, октября въ 1 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Вострою Иголю да съ казакомъ съ Ларею Чернышевымъ, что посланниковъ нашихъ Соловаго Протасьева да дьяка Михайла Данилова турецкой Ахматъ салтанъ изъ Царя-города отпустилъ съ великою честію, и къ намъ великому государю своего посла отпустилъ Чеуша Алея и нынѣ де они съ большимъ караваномъ въ Кафѣ и вы тѣ вѣсти писали въ наши украинные города къ воеводамъ, чтобы у нихъ про посланниковъ нашихъ и про Чеуша суды были готовы, а какъ посланники наши и турецкой Чеушъ въ Азовъ придуть, и вы ихъ встрѣчать, и намъ велик. государю служити ради, какъ и прежнимъ государемъ. И мы васъ атамановъ и казаковъ и все ваше войско въ томъ похваляемъ, что вы нашему царскому жалованью обрадовались и намъ велик. государю служите и наше царское повелѣніе совершаете, о нашихъ и о земскихъ дѣлѣхъ радѣете, и выбъ намъ

обрѣсти прочное право на свободную и безошлнную торговлю во всѣхъ украинныхъ городахъ. Въ челобитной своей они просили, чтобы таковой торгъ дозволено было впредь служили и приняли, какъ начали потомубъ есте службу свою и радѣнне къ намъ в. государю совершали; а на встрѣчу посланниковъ нашихъ и турецкаго чеуша послали есмь дворянина нашего Ивана Григорьевича Одогурова и велѣли ему турецкаго чеуша встрѣтити съ вами на Дону; а подлинныя вѣсти про турецкаго чеуша, какъ придетъ въ Азовъ, велѣно ему дожидатися отъ васъ на Воронежѣ и о своемъ прїѣздѣ какъ онъ прїѣдетъ на Воронежъ, велѣно ему къ вамъ отписати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и посланники наши Соловой Протасевъ да дякъ Михайло Даниловъ и турецкой чеушъ только въ Азовъ пришли досее нашей грамоты, и вы бѣ тотчасъ послали вѣсть на Воронежъ къ Ивану Одогурову и къ нему отписали, чтобы онъ тотчасъ шель съ Воронежя для встрѣчи турецкаго чеуша къ вамъ на Донъ на сѣхъ, да какъ Иванисъ Одогуровъ къ вамъ на Донъ придетъ и выбѣ съ нимъ турецкаго Чеуша встрѣтили честно, по прежнему посольскому обычаю, и почестъ ему во всемъ воздали по нашему указу, какъ къ вамъ отъ насъ писано съ Иванисомъ Одогуровымъ. А только посланники наши Соловой Протасевъ и турецкой чеушъ до сее нашей грамоты въ Азовъ небывали, и выбѣ послали отъ себя въ Азовъ провѣдати: пошляли они пзъ Кафы, и сколь давно и какъ приходу въ Азовъ чаятъ, и какъ они придутъ въ Азовъ и пзъ Азова вскорѣль пойдутъ или учнутъ за какими мѣрами въ Азовѣ зимовать, а провѣдавъ про то про все, подлинно отписали бѣ естя про то про все къ Иванису, чтобы про все ему было вѣдомо. А будетъ посланники наши Соловой Протасевъ и Дякъ Михайло Даниловъ придутъ въ Азовъ и пзъ Азова пойдутъ къ вамъ въ юрты до Иванисова прїѣзду Одогурова, и вы бѣ ихъ, дн нашего царскаго имени приняли честно и во всемъ къ чеушу честъ и береженье держали, чтобы ему ни въ чемъ бзчестья и нужды никоторыя небыло; и къ Иванису бѣ есте о томъ отписали немѣшкая ничасу, чтобы онъ шель къ вамъ на сѣхъ, а какъ Иванисъ придетъ и выбѣ съ нимъ вмѣстѣ турецкаго чеуша и посланниковъ нашихъ проводили изъ своихъ юртовъ къ нашимъ городомъ потомужъ съ великимъ береженьемъ честно. А ми васъ за вашу службу и радѣнне учнемъ держати бѣ нашимъ царскомъ жалованье на вѣки, неподвжго. А атамановъ нашихъ Петра Вострую Иглу да казака Ларю Чернышева, которыхъ прислали къ намъ отъ себя съ отпискою, пожаловавъ нашимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою и велѣли имъ ѣхати къ вамъ напередъ Иваниса, а Карпу Иванову велѣли ѣхати съ Иванисомъ съ Одогуровымъ вмѣстѣ. Писана на Москвѣ лѣта 7123 Октября въ 8 день.

водити всіми товарами, прибрѣтаемыми въ добычу отъ не-
пріятелей: государь далъ на сіе жалованную грамоту за
царскою красною печатью, которая также была первая въ
такомъ видѣ и содержаніи, полученная казаками отъ Россій-
скихъ государей. Въ грамотѣ добавлено, что нетокмо съ товара-
ми, но и просто для свиданія съ *родимцами* казаки могутъ
ѣздить свободно по всімъ украиннымъ городамъ ⁽¹⁶¹⁾.

⁽¹⁶¹⁾ Дѣла турецкія въ столбцахъ 1615 г., № 2-й, грамота на Донъ
7124
1615 года сентября

Отъ царя п в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ,
въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ п казакомъ Смагѣ Сте-
панову, да Ѳедору Татарѣ, да Епихѣ Родилову и всімъ атама-
номъ и казакомъ. Прислалаи есте къ намъ, великому государю,
бити челомъ ото всего войска, товарищевъ своихъ атамановъ и
казаконъ Исаи Мартемьянова, да Василья Чернова, да Семена
Смурьянина съ товарищи, что вы намъ великому государю служите,
по шляхомъ разѣѣзжаете и по перевозамъ лежите и ясырей от-
грамливаете и въ наши украинные города проводите душъ по сту
и по двѣсти, и струги и гребцовъ наймете и кормъ про нихъ
покупаете, и нашихъ пословъ п посланниковъ встрѣчаете и про-
вожаете въ Царь-городъ и въ Ногаи большіе и въ малые; и намъ
бы васъ за тѣ ваши службы пожаловати, велѣти вамъ выходить
въ наши украинные города со всякими товарами, которые вы до-
ставаете своею службою, повольно, и чтобъ вамъ по городамъ
отъ воеводъ нашихъ п отъ всякихъ приказныхъ людей налогу и
насилства не было и продажъ бы вамъ не чинили ни въ чемъ, и
пожаловати бъ намъ васъ, велѣти вамъ дати нашу царскую жало-
ванную грамоту. И мы васъ атамановъ п казаконъ, за ваши мно-
гія къ намъ службы, пожаловали, вамъ велѣли въ наши украин-
ные города со всякими нашими товарами и безъ товаровъ, къ родим-
цомъ вашимъ, ѣздить, и съ ними видитесь повольно и торговати
всякими товарами; и по городомъ къ воеводамъ нашимъ п въ
всякимъ приказнымъ людямъ о томъ отъ насъ писано, чтобъ они вамъ
и товарищамъ вашимъ въ города съ товары п безъ товаровъ
ѣздить велѣли повольно, и насилства бъ никому нечинили, и
сильно ни у кого ни чего неимали; а кто что возьметъ товаровъ,
и у тѣхъ съ товаровъ пошлинъ имать есмя за вашу службу не
велѣли. И вы бѣ атаманъ п казаки, по сей нашей царской жало-
ванной грамотѣ, въ наши украинные города ѣздили съ товары п
безъ товаровъ, и съ родимцы своими видѣлись повольно; и намъ
великому государю служили п прямили и впредь во всемъ на
наше царское жалованье были надежны. А сю нашу царскую жа-

Въ сіе же время государь озаботился прочнымъ устроениемъ сношеній съ Дономъ: при прежнихъ государяхъ, переписка съ Донскими казаками производилась большею частью по *Разряду*. Въ сентябрь 1614 года царь указалъ завѣдывать дѣлами сими *Посольскому приказу*, который управлялъ сношеніемъ со всѣми иностранными народами.

Связи Донскихъ казаковъ съ Запорожцами болѣе и болѣе утверждались, къ чему способствовало ихъ совокупное дѣйствіе во время російскихъ мятежей и общіе поиски по Черному морю противъ Турокъ и Крымцевъ. Еще въ концѣ предъидущаго столѣтія упомянуто о походахъ Запорожскихъ Черкасъ на Донъ для подобныхъ поисковъ: многіе изъ нихъ тогда остались жить съ казаками и устроили постоянные юрты въ нижней части Дона, между рѣчекъ Манычью и Аксаемъ. Служба Запорожцевъ подъ знаменами польскаго короля не препятствовала упоминаемому союзу: Черкасы, не бывъ безусловно подчинены Польшѣ, свободно располагали своими услугами, и сколько Сигизмундъ ни старался теперь вооружить ихъ противу Россіи, но всегда находились партіи, добротствовавшія нашему отечеству.

Впрочемъ, между Запорожцами, какъ и между Донскими казаками, были своевольцы, искавшіе только случаевъ къ грабежамъ. Партія таковыхъ Черкасъ, бывшихъ въ сіе время на Дону, услышавъ о возвращеніи Протасьева и полагая при немъ большія сокровища, бѣжала въ Запороги, въ намѣреніи соединиться тамъ съ подобными бродягами и напасть на посланника, когда онъ пойдетъ съ Дону въ Россію (162). Донскіе казаки приняли осторожность и отвратили сей разбой. Но спустя нѣсколько времени по какому-то случаю родилось у нихъ подозрѣніе, что Запорожцы хотятъ напасть на ихъ городки, и по сей причинѣ они отправили лованную грамоту велѣли есмь вамъ дать за нашею царскою красною печатью. Писана на Москвѣ лѣта 7124 сентября въ „ день.

(162) Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., отписка Ивана Ододурова, привезенная въ Москву 6 генваря 1615 г.

въ Сѣчу своихъ посланцовъ казаковъ Трубникова и Слѣпова. Черкасы отвѣтствовали, что они не нарушатъ союза съ Донцами (163).

Вскорѣ послѣ того Запорожцы отказали литовскому королю въ его требованіи воевать русскую землю и звали съ Дону къ себѣ лучшихъ старшинъ для совѣщанія о принятіи посредничества въ примиреніи короля съ Россією, съ тѣмъ, что если онъ не оставитъ Смоленскъ и не выведетъ своихъ войскъ изъ русскихъ областей, тогда всѣ они соединенно возстанутъ противъ него⁽¹⁶⁴⁾. Можетъ быть главнѣйшимъ по-

---

(163) Выписка изъ распросныхъ рѣчей казака Елистрата Савина, представленнаго государю 20 мая 1616 г., см. дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3.

. . . . . „Донскіе атаманы Смага Степановъ и Епиха Родиловъ и казаки съ азовскими людьми воюются съ тѣхъ мѣсть, какъ взяли Соловово Протасьева, а по его отъѣздѣ съ азовцы помирились.... А про Петра Мансурова и про дьяка Семейку Самсонова на Дону атаманы и казаки вѣдаютъ, что они отъ государя идутъ въ Царь-городъ, а кой часъ Петръ и Семейка на Донъ придутъ и они ихъ тотчасъ къ Азову проводятъ: то онъ слышалъ у атамановъ и казаковъ въ разговорѣ. А съ азовцы у атамановъ и казаковъ миру не чаесть, потому что азовцы на атамановъ и на казаковъ приходятъ войною зимою и въ осень, а сее зимы азовцы ночью приходили къ городку ихъ лучшему и съ казаки дрались, да и часто азовцы на казаковъ приходятъ, а осенью приходили азовцы къ тремъ городкамъ и къ нимъ приступали, не много у казаковъ городковъ не понимали.“ „Да посылали де съ Дону атаманы и казаки на Днѣпръ къ Черкасомъ казаковъ Дружинку Трубникова да Иванка Слѣпова, о томъ, чтобъ они Черкасы на нихъ не приходили, а былибъ съ ними въ миру. И Черкасы писали къ атаманомъ, что они съ ними будутъ въ миру, а отъ нихъ бы отъ казаковъ также задору не было, а говорятъ де Черкасы, что имъ однолично сее весны придти къ Азову имѣти Азова. Да и на Дону де атаманы и казаки отъ Черкасъ боятся ихъ приходу, пойдутъ ли Черкасы подъ Азовъ или не пойдутъ.“

(164) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписка Воронежскаго воеводы Никиты Борятинскаго.

..... „Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи, холопъ твой Никита Борятинской челомъ бьетъ. Октября, государь, въ 29 день пріѣхали съ Дону Донскіе атаманы Григорей Долгошея да Артемей Шлохой, а въ распросѣ, государь, мнѣ холопу твоему сказали, что прислали къ нимъ къ атаманомъ

водомъ къ сему было неудовольствіе запорожцевъ противу Польши за притѣсненіе въ вѣроисповѣданіи, отъ чего даже возгорѣлась между ними въ 1617 году явная война.

Но тогда какъ союзъ Донцовъ съ Запорожцами становился постояннѣе, азовцы не переставали заирать казаковъ. Еще въ то время, когда Протасьевъ съ турецкимъ чеушемъ зимовали въ Черкасскомъ городкѣ, они безпрестанно дѣлали на ихъ юрты воровскіе набѣги. Великій князь въ грамотѣ своей повелѣвалъ казакамъ не начинать войны съ Азовомъ дотолѣ, пока турецкій посланникъ выѣдетъ обратно изъ Россіи⁽¹⁶⁵⁾, но они не вытерпѣли, и коль скоро отпустили Протасьева изъ юртовъ своихъ, тотчасъ начали войну съ азовцами. Разоривъ предмѣстія Азова, казаки нападали на рыболововъ и промышленниковъ, отгоняли стада, громили на морѣ суда турецкія. Азовцы взаимно воровали и грабили сколько удавалось имъ и въ таковыхъ упражненіяхъ прошло лѣто 1615 года. Даже осенью и зимою, азовцы подбѣгали подъ казачьи городки, но были отбиваемы. Набѣги и грабежи производились съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ⁽¹⁶⁶⁾.

и къ казакomъ и ко всему войску запорожскіе черкасы, чтобы имъ прислать къ нимъ, въ Запороги атамана или казака добраго и говорить бы имъ о добромъ дѣлѣ; а какъ, государь, они казаки пришлютъ къ нимъ черкасомъ въ Запороги атамана или казака добраго, и черкасы посовѣтовавъ съ ними, хотятъ писать къ Литовскому королю, чтобъ ему съ тобою государемъ быти въ миру по прежнему и Смоленскъ де покннувъ, пошелъ прочь, а будетъ, государь, король не будетъ съ тобою государемъ по прежнему въ миру и Смоленска непокинеть, и мы де черкасы всѣми людьми запорожскіе черкасы въ томъ приходитъ . . . . .

⁽¹⁶⁵⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., грамота государева на Донъ 1614 г. сентября, посланная съ атаманомъ Денисомъ Ивановымъ.

.....И покаместа нашъ посланникъ будетъ въ Азовъ и покаместа турскаго посланникъ побудеть въ нашемъ государствѣ и назадъ отъ насъ поѣдитъ, и выбѣ однолично покамѣста съ Азовскими людьми жили въ миру, задоровъ и обидъ никакихъ нечинилп, тѣмъ бы есте нашему и земскому дѣлу порухи неучинили.

⁽¹⁶⁶⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, смотри выше пригѣчаніе 163.

Въ такомъ положеніи были на Дону дѣла, когда московскій дворъ нарядилъ въ Турцію новое посольство. Цѣлю онаго было то, чтобы склонить Порту помогать Россіи противъ короля польскаго, ибо при переговорахъ съ Протасьевымъ, султанъ уклонился одними обѣщаніями вѣчной дружбы; между тѣмъ какъ король усиливался и приводилъ Россію въ положеніе затруднительное. Дворянинъ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ назначены послами; вмѣстѣ съ ними отправлены обратно послы турецкіе. Государь чрезъ нарочныхъ гонцовъ повелѣвалъ казакамъ примириться для сего случая съ азовцами.

Посланникамъ даны особыя грамоты о томъ же и жалованье казакамъ⁽¹⁶⁷⁾, но Донцы не мирились съ Азовцами. Мансуровъ и Самсоновъ, принужденные по позднему времени зимовать на Воронежѣ, посылали къ казакамъ новыя убѣжденія, представляя, что успѣхъ дѣла государственнаго много зависитъ отъ ихъ замиренія и что они (посланники)

⁽¹⁶⁷⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 2, см. царскую грамоту на Донъ.

.....И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и посланники наши Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и атаманъ Исай Мартемьяновъ съ товарищи пріѣдутъ, и выѣтъ у нихъ наше царское жалованье, что съ ними къ вамъ атаманомъ и казакомъ послано, взяли и къ намъ великому государю и ко всему нашему государству службу свою и радѣнье совершали и нынѣ намъ великому государю потомужъ служили и примили, посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова отпустили отъ себя съ Дону незадержавъ, честно проводили ихъ до Азова, чтобъ имъ поспѣти до зимняго пути въ Царьгородъ а ко..... въ Кафу, и съ Азовомъ бы есте, для нынѣшняго нашего великаго дѣла, помирились и задору ни котораго азовскимъ людямъ нечинили ни которыми дѣлы, чтобъ въ томъ нашему и турецкому дѣлу порухи не было и посланнику-оу нашему у турецкаго царя въ томъ задержанья не было; а которые будутъ азовскіе люди учнутъ ходити на Донъ по прежнему, для рыбныхъ ловель и для дровъ, и выѣтъ тѣмъ людямъ потомужъ задору ни котораго нечинили, жилибъ есте съ ними по прежнему, какъ съ ними жили на предъ сего въ миру; и мы Петру Мансурову и дьяку Семейкѣ съ азовскимъ санчакомъ велѣли потомужъ накрѣпко говорити, чтобъ азовскіе люди жили съ вами въ миру и задоровъ бы межъ

какъ скоро ледъ вскроется поплывутъ въ ихъ юрты⁽¹⁶⁸⁾. Какъ васъ ни въ чемъ не было покамѣста Петръ и Семейка по нашему наказу изъ Царягорода сходятъ:

⁽¹⁶⁸⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписка посланниковъ Мансурова и Самсонова.

„Господамъ Смагѣ Степанову, Епифану Ивановичу и всему великому войску, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ челомъ бьютъ. Государь царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ всеа Россіи отпустилъ насъ, а съ нами турскаго чеуша людей къ турскому къ Ахматъ-султану для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ; да съ нами же, господа, послана къ вамъ къ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску государево цареву и великаго князи Михайла Ѳедоровича всеа Россіи великое жалованье за вашу многую службу. А велѣно намъ, да съ нами Донскимъ атаманомъ Исаю Мартемьянову, Семену Уколову, Василью Черному, Андрею Репчукову, Назару Иванову съ товарищи идти на Донъ къ вамъ до нижнихъ юртовъ, и чтобъ поспѣшити въ нижніе юрты водянымъ путемъ. И мы, господа, съ государевою казною и съ турскимъ чеушемъ и Алѣя чеуша съ людьми и съ Донскими атаманы и казаки пришли на Воронежъ ноября въ 1 д., а въ нижніе юрты дойти было невозможно сее осени что зима стала рано, и Донъ рѣка стала обтября въ 26 д. и стоимъ нынѣ на Воронежѣ; а какъ дастъ Богъ на Дону ледъ вскроется, и мы тотчасъ поидемъ къ вамъ въ нижніе юрты. А про васъ, господа, слышимъ отъ казаковъ и отъ ясирей, которые отъ васъ съ Дону выходятъ на Воронежъ, и они намъ сказываютъ, что вы съ азовцы посямѣста не въ миру, а азовцы де къ вамъ прислали, чтобъ вамъ съ ними помириться, и вы де съ ними не миритесь. И вамъ, господа, къ государю царю и велик. князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи службы своя и радѣнья совершити покамѣста мы къ вамъ придемъ, и вамъ бы до тѣхъ мѣстъ съ азовцы сослався, одно конечно помириться и жити бы съ ними въ миру и задоровъ бы никакихъ азовскимъ людямъ нечинити. А отъ государя царя и велик. князи Михайла Ѳедоровича всеа Россіи, о томъ къ вамъ писано подлинно съ атаманомъ съ Донскимъ съ Семейкою Смурыгою съ товарищи; и вамъ бы, господа, по государеву указу, о такомъ о государственномъ и о земскомъ дѣлѣ однозначно порадѣть и къ государю своя служба оказать, до нашего пріѣзду однозначно съ азовцы помириться, чтобъ намъ, приведеъ, у васъ долгаго молчанья небыло. Да и прото бъ вамъ, господа, азовскому князю и азовскимъ людямъ вѣдомо учинить вскорѣ, что великаго государя царя и великаго князи Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца посланники, мы, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ и съ нами велий чеушъ и Алея чеуша люди отъ царскаго величества къ брату его къ великому государю къ царю турскому

заки отвѣтствовали, что азовцы сами задирають ихъ⁽¹⁶⁹⁾.

Въ первыхъ числахъ мая (1616 года) Мансуровъ и Самсоновъ встрѣчены въ нижнихъ юртахъ съ честію. Казаки, принявъ отъ нихъ царскія грамоты и жалованье, начали ссылаться съ азовцами о мирѣ. По введенному обычаю, всякій разъ при заключеніи мира Азовъ давалъ на войско котлы, сѣти и соль; но казаки теперь требовали еще сверхъ того трехъ товарищей своихъ, бывшихъ въ плѣну⁽¹⁷⁰⁾. Азов-

---

Ахмать салтану отпущены, и нынѣ въ дорогѣ стоимъ на Воронежѣ; а неспѣшили къ нимъ въ Азовъ дойти что зима стала рано, а прося у Бога милости будемъ къ нимъ въ Азовъ на веснѣ, и у нихъ бы въ Азовѣ къ нашему приходу былъ корабль готовъ, на чемъ было изъ Азова въ Кафу и въ Царьгородъ итти немѣшка съ первыми корабли вмѣстѣ. А съ сею, господа, грамотою послали мы къ вамъ станицу Воронежанъ четырехъ человекъ, сынъ боярской Яковъ Кипріяновъ да бѣломѣстные атаманы Дружинка да Тимоха Бобровы, Федька Бронниковъ. А что, господа, у васъ объявится про крымскихъ или Казыева улуса и про азовскихъ людей или про черкасъ про ихъ походъ на государеву украйну, и иныхъ какпхъ вѣстей, и на чемъ съ азовскими людьми и до которыхъ мѣстъ миръ по договору межъ васъ будетъ, и вамъ, господа, о томъ о всемъ отписать къ государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Россіи подлинно, съ тѣми-жъ съ нашими станичники вмѣстѣ, а отпуща бы ихъ къ намъ не задержавъ, да и о томъ бы, господа, вамъ къ намъ отписать, котораго мѣсяца и числа станичники наши къ намъ придуть, да и послѣ, господа, вашего къ намъ отпуску что у васъ какихъ будетъ вѣстей про татарскіе или про крымскіе приходы на государевы украйны, и вамъ бы, господа, о томъ къ государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Россіи служба своя показуючи, къ нему государю писать подлинно. А отпущена, господа, къ вамъ станица декабря въ 17 день⁴.

⁽¹⁶⁹⁾ Распросныя рѣчи казака Елистрата Савина, си. примѣчаніе 163.

⁽¹⁷⁰⁾ Дѣла турецк. въ столбц. 1615 г. № 4, выписка изъ статейнаго списка посланниковъ Мансурова и Самсонова.

.....И Азовской князь Али Бей посланникомъ Петру и Семейкѣ говорилъ: прежде сего дня перемирья азовцы давали донскимъ казакамъ на войско котлы, да сѣти да соль, и нынѣ де азовцы за то не постоитъ же, а что де казаки просятъ на перемирье трехъ человекъ казаковъ, а то вчинають ново мимо прежней обычай, да и статся тому немочно.⁴

цы отказали и миръ не состоялся. Послы поспѣшая къ назначенію своему, переѣхали въ Азовъ; но князь азовскій Али Бей, не отпускалъ ихъ въ Царьградъ, дѣлалъ разныя прицѣпки и выговоры за казаковъ, требуя, чтобъ послы принудили ихъ къ миру. Тщетно Мансуровъ и Самсоповъ представляли виновность самыхъ азовцевъ и непрерывные ихъ набѣги на донскіе городки и російскую Украину. Али Бей твердилъ одно, и не выпускалъ пословъ, а азовцы между тѣмъ продолжали заирать и грабить. 9 іюня, они схватили на Мертвомъ Донцѣ 27 казаковъ и ужасными пытками (вырѣзывали спинной ремень) извлекли признаніе о привезенномъ на Донъ жалованьѣ: большую часть сихъ плѣнниковъ продали, другихъ послали къ султану, для улики російскаго царя въ покровительствѣ казакамъ, а старшаго атамана Лисишникова повѣсили на мачтѣ того корабля, который былъ приготовленъ для посланниковъ. Мансуровъ вмѣнилъ сей поступокъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился; Али Бей извинялся, что атамана повѣсили безъ его вѣдома⁽¹⁷¹⁾.

Наконецъ, по убѣжденію посланниковъ, обѣ стороны согласились на перемиріе, которое и заключено срокомъ до возвращенія посольства изъ Константинополя ⁽¹⁷²⁾. Послан-

⁽¹⁷¹⁾ Тамъ же.

„Іюня въ 9 д. 1616 г. Азовскіе люди привезли съ Донца съ Мертваго Донскаго атамана Матвѣя Лисишникова да 26 ч. казаковъ, и Матюшку съ товарищи спрашивали и пытали, и ремень изъ хребта у Матюшки рѣзали, и пытавъ повѣсили на кораблѣ на мачтѣ, на которомъ было ѣхать Петру и Семейкѣ; а съ пытки Матюшка и казаки сказывали, что прислано къ нимъ государево жалованье съ Петромъ и съ Семейкою, деньги и сукна и хлѣбные запасы и зелья и свинцу и сѣры и селитры, и азовскій князь пытавъ казаковъ, отпустилъ въ Царь-городъ въ языцехъ лучшихъ людей на томъ же кораблѣ, которой далъ Петру и Семейкѣ, а иныхъ молодыхъ казаковъ распродалъ.“ Далѣе изъ того же статейнаго списка видно, что Мансуровъ поступокъ сей вмѣнилъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился. Азовскій начальникъ далъ ему другой, говоря, что казаковъ повѣсили безъ его вѣдома.

⁽¹⁷²⁾ Тамъ же.

ники 23 іюля прибыли въ Константинополь.

Казалось согласіе между казаками и Азовцами утвердилось прочно, но едва Мансуровъ отплылъ отъ Азова какъ безпкойные жители сего города снова стали нападать на донскіе юрты: въ воровскомъ набѣгѣ разорили передовой острожекъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько казаковъ и послѣ на площади казнили 50 челов. Загорѣлась война сильнѣе прежняго; оскорбленные казаки пустились на разорѣнія: одни опустошали посады азовскіе, другіе громили корабли и каторги на морскомъ заливѣ. Осенью большая партія казаковъ отправлялась на морскіе поиски, и разоривъ по берегамъ Чернаго моря многія селенія, приступала къ Трапезонту, истребила тамъ посадъ, и съ добычею возвратились на Донъ⁽¹⁷³⁾. Въ сіе время и Запорожцы, частію вмѣстѣ

Іюня въ 14 д. по государеву цареву и в. к. Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи указу и по прошенью и присылкѣ азовцовъ, Донскіе атаманы и казаки Смага Чершенской съ товарищи прислали въ Азовъ для примиренья атамана Василья Чернаго, да Гаврила Стародуба, да Василья Болдыря, и царскаго величества по повѣленью съ азовцы помирились и аманаты разбѣжились; казаки привели къ шерти Азовцевъ лучшихъ людей, а азовцы привели къ крестному цѣлованью атамана Василья Чернаго, съ товарищи, во всѣхъ Донскихъ казаковъ мѣсто на томъ, что имъ съ Азовцы, а Азовцамъ съ ними жити смирно, и задоровъ ни въ которую сторону нечинити, покаместъ царскаго величества посланники Петръ и Семейка изъ Царя-города въ Азовъ придуть. А покаместъ азовцы съ казаки перемирья неучинили, и азовской князь держалъ Петра и Семейку за перемирьемъ пять недѣль и непомирився съ казаки, никакими мѣрами во Царь-городъ не отпустилъ.“

⁽¹⁷³⁾ Тамъ же, въ томъ же статейномъ спискѣ и распросныя рѣчи атамана Андрея Репчукова съ товарищи, пріѣхавшаго въ Москву въ челобитчикахъ, августа 1-го 1617 г., см. дѣла турецк. въ столбц. 1616 г. № 1-й.

Статейный списокъ . . . . . „Визирь говорилъ: сказываете вы, что великій государь вашъ хочетъ съ великимъ государемъ нашимъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей, и прислалъ васъ къ в. г. къ нашему къ Ахметъ салтану для братской крѣпкой дружбы и любви, а Донскихъ казаковъ сказывали вы на пріѣздѣ, что съ азовцы помирились, а нынѣ Донскіе казаки на

съ Донскими казаками, а частію отдѣльными партіями плавали по морю для войны и грабежей. Въ таксыхъ набѣгахъ казаки равномѣрно нападали и на крымскія области⁽¹⁷⁴⁾.

Князь Али Бей, по своему обыкновенію, тотчасъ принесъ Портѣ жалобу, наполненную ложными обвиненіями казаковъ въ нарушеніи перемирія. Онъ даже писалъ, что азовцы, вскорѣ послѣ отъѣзда посланниковъ, вторично предложили казакамъ миръ и заплатили имъ за оный 1000 золотыхъ; но казаки взявъ деньги мира не сдержали. Въ это время султанъ уже освѣдомился о государевомъ жалованьѣ присланномъ на Донъ. Все сіе перемѣнило расположеніе Оттоманскаго двора къ Россіи.

Посланниковъ задержали въ Константинополѣ; на ихъ предложеніе о помощи противъ Польши отвѣтствовали упреками за казачьи набѣги и требовали, чтобы великій князь свелъ казаковъ съ Дону. Мансуровъ и Самсоновъ отговаривались по заведенному порядку тѣмъ, что на Дону живутъ бродяги, которые повелѣній государя не слушаютъ; взаимно дѣлали упреки о непрерывныхъ разореніяхъ наносимыхъ російскимъ крайнаимъ крымцами, азовцами и ногами Казьева улуса, настаивали чтобы султанъ унялъ ихъ; и подъ таковымъ условіемъ давали обѣщанія, что тогда и русскій царь сведетъ казаковъ съ Дону. При переговорахъ съ визи-

Черномъ морѣ государя нашего взяли два города Синопъ да Требозанъ и города выжгли и людей многихъ побили, а иные поморскіе города и волости повоевали и запустошили; и вы приходите къ великому государю нашему съ сманю, а не съ прямою правдою, и нынѣ мнѣ про то казачье воровство слыша, в. государю своему и сказати невѣдомо какъ.“

(¹⁷⁴) Дѣла крымскія въ столбц. 1615 г., № 2. Распросныя рѣчи служилаго татарина Кулуша Кашаева и вожа Ивашка Шабанова.

„Калга да царевичъ нынѣ стоятъ, вышедъ изъ Перекопа на поле, а съ нимъ ратныхъ людей тысячъ съ пять, а оберегаются отъ Запорожскихъ черкасъ. А сказывали де ему языки у Запорожскихъ Черкасъ взятія, что въ сборѣ Черкасъ 4/т. человекъ; а хотять итти на Донъ къ Донскимъ казакомъ, а пришедъ на Донъ идти подъ Азовъ, и ссылка де унихъ о томъ съ Донскими казаками была.“

ремь Ахметъ Пашою, когда онъ въ своихъ выговорахъ посланникамъ называлъ ложнымъ ихъ начальное увѣреніе о замиреніи казаковъ съ азовцами, посланники отвѣтствовали, что перемиріе утверждено обоюдными клятвами при нихъ самихъ, и они никакъ не вѣрятъ рассказамъ о нарушеніи онаго и о набѣгахъ казачьихъ. Визирь убѣждалъ нашихъ сановниковъ поручиться за казаковъ: «тогда—говорилъ онъ—Порта исполнитъ всѣ ваши предложенія, утвердится дружба между нашими государями и султанъ дастъ вамъ помощь на Поляковъ; въ противномъ случаѣ онъ самъ пошлетъ на Донъ большую рать разорить юрты и истребить всѣхъ казаковъ». «Если казаки нарушили крестное цѣлованіе о мирѣ—отвѣчали послы—то побѣйте ихъ всѣхъ до одного, и государь нашъ доволенъ будетъ». Но посланникамъ тотчасъ представили доказательства о покровительствѣ казаковъ московскаго двора, и о присланномъ съ ними же жалованьѣ на Донъ. Мансуровъ отговаривался, что жалованье дано имъ единственно за то, что они нашего посла Протасьева вмѣстѣ съ турецкимъ чеушемъ кормили цѣлую зиму. Наконецъ турки хотѣли заставить посланниковъ написать къ казакамъ о замиреніи съ азовцами; но они не согласились на то и утверждали, что всѣ извѣстія о размирѣ сь азовцами должны быть ложны. Вообще Мансуровъ и Самсоновъ старались расположить Оттоманскій дворъ въ свою пользу, но имъ не вѣрили⁽¹⁷⁵⁾.

⁽¹⁷⁵⁾ Дѣла турецкія въ столбц. 1615 г. № 14, см. стат. списокъ посольства Мансурова и Самсонова.

.....И визирь же Петру и Семейкѣ говорилъ: добро бы вамъ Донскихъ казаковъ себѣ на души взять и только бъ вы Донскихъ казаковъ себѣ на души взяли, и великаго государя вашего всѣ дѣла по грамотѣ и по вашему Петрову и Семейкину изустному слову, что вы отъ государя своего съ нами говорили и по его приказу сдѣлались и васъ великій государь нашъ Ахметъ Салтанъ велитъ къ великому государю вашему со всѣмъ съ добрымъ дѣломъ отпустить вскорѣ, а будетъ вы казаковъ себѣ на души ни возьмете, и вамъ будетъ отъ великаго государя нашего какого добра начаться и отпуску небудетъ, а межъ обоихъ великихъ государей дружбы и любви небудетъ же, и отъ великаго государя нашего государю вашему на Польскаго короля вспоможенье нечего для

Великій князь свѣдавъ о происшествіяхъ сихъ, послалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Константинополь гонцовъ съ грамотою къ султану и съ дополнительнымъ наказомъ посланникамъ. Перваго увѣрялъ онъ, что морскіе набѣги дѣлаютъ по большей части Запорожцы, по наущенію недруга нашего польскаго короля, который, желая попрепятствовать союзу Россіи; а на Донскихъ казаковъ великій государь нашъ Ахметъ салтанъ хочетъ послать воеводъ со многими ратными людьми и великаго государя нашего по повелѣнію тѣхъ ратные люди всѣхъ казаковъ перебьютъ и юрты ихъ разорятъ.“

„И Петръ и Семейка Ахметъ пашѣ говорили: будетъ Донскіе казаки крестное цѣлованье порушили, и великій государь вашъ Ахметъ салтанъ пошлетъ на нихъ рать свою, и какой поискъ надъ Донскими казаки государю вашему учинится, или хотя до одного человѣка Донскихъ казаковъ турскіе люди побьютъ, и великій государь нашъ царское величество за то Ахметъ салтанову величеству непостоять и недружбы никоторой втомъ съ братомъ своимъ, съ государемъ вашимъ неучинить.“

„И Алей папа Петру и Семейкѣ говорилъ:—сказываете вы, что великій государь вашъ, съ великимъ государемъ нашимъ хочетъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и любви, на вѣки неподвижно, а Донскихъ казаковъ называете ворами и разбойниками; за что жъ велик. государь вашъ къ донскимъ казакамъ съ вами прислалъ зелья и свинцу и денегъ, и хлѣбные запасы многіе, то ли ваши неявна передъ государемъ нашимъ неправда?.....“

„И Петръ и Семейка Алею пашѣ говорили: мы и прежде сего тебѣ визирю Ахметъ пашѣ говорилъ, да и нынѣ вамъ говоримъ, великій государь нашъ царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ всеа Россіи самодержецъ, прислалъ къ Донскимъ казакамъ своего государева жалованья зелья и свинцу немного, для того, какъ великаго государя нашего на Украину ногайскіе и Казыева улуса люди войною ходятъ и назадъ съ полономъ изъ Руси приходятъ, и тѣхъ Донскіе атаманы и казаки великому государю нашему служатъ по рѣкѣ по Дону и по запольнымъ рѣкамъ и по перевозамъ надъ ногайскими и Казыева улуса надъ людьми поискъ чинятъ и полонъ у нихъ русской отбиваютъ и великаго государя нашего назадъ въ украинные города отсылаютъ, да и для того какъ великаго государя нашего царскаго величества посланники Соловой Протасевъ да Михайло Даниловъ были у великаго государя вашего и пошли къ великому государю нашему государя вашего посланникъ Алей чеушъ съ своими купецкими людьми, и пришедъ на Донъ зимовали у казаковъ въ Черкасскомъ городкѣ и Донскіе атаманы съ казаки великаго государя нашего посланниковъ Соловаго и Михайла и великаго государя вашего

сіи съ Портоу, склонилъ Запорожцевъ вовлечь въ сію войну и Донскихъ казаковъ, что сіи послѣдніе теперь совершенно не слушаютъ его приказаній, и что онъ, коль скоро управится съ поляками, непременно велитъ согнать съ Дону казаковъ. Посланникамъ велѣно говорить тоже самое, и они передавая сіе визирю, ссылались на своихъ гошцовъ, которые проѣздомъ отъ самаго кафинскаго паши слышали о всѣхъ набѣгахъ Запорожцевъ и были сами очевидцами ихъ похода⁽¹⁷⁶⁾. Въ сіе время великій князь неоднократно пи-

посланника жъ Ален чеуша съ товарищи встрѣчали всѣми людьми съ великою честью, и зиму ихъ всю кормили, и съ Дону весною до великаго государя нашего до украиннаго города до Воронежа проводили, отъ Ногайскихъ татаръ и отъ черкасъ многими людьми съ великою честью“.....

„И визирь Магметъ паша Петру и Семейкѣ говорилъ: прежь сего великаго государя нашего по указу азовскіе люди Донскимъ казакамъ, для перемирья, давали 1000 золотыхъ, да сѣти, и котлы и соль; и нынѣшняго лѣта, послѣ васъ Азовцы Донскимъ казакамъ для перемирья 1000 золотыхъ да сѣти, и котлы и соль по договору далижъ и съ казаки было на томъ помирилсь и крестнымъ дѣлованьемъ укрѣпились, чтобъ было имъ съ азовцы жити въ миру и никакихъ задоровъ и шкоты нечинити, и на море для воровства и добычи не ходити, и Донскіе казаки, выманивъ у азовцевъ золотыя, и сѣти, и котлы и соль и преступя крестное дѣлованіе, немного спусти, съ азовцы розмирились и подѣ Азовомъ и на Міусѣ государя нашего людямъ многіе убытки починили, и корабли погромили и людей поубѣкли, и вамъ бы казакамъ отъ себя отписати, чтобъ они съ азовцы помирилсь.“

На сіе посланникъ и дьякъ отвѣчали: что имъ писать къ Донскимъ казакамъ неприлично и при томъ отказывались, что всѣ пзвѣстія о ихъ размирьѣ съ азовцами и морскихъ набѣгахъ должны бытъ ложны.

⁽¹⁷⁶⁾ Дѣла турецкія въ столбц. 1616 г., № 1-й и царская грамота къ султану, посланная въ іюль мѣсяцѣ 1617 г.

Послѣ титула:

..... „Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что говорили нашего царскаго величества посланникомъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову ваши великаго государя ближніе люди о Донскихъ о казакѣхъ, что будто вашему украинному городу Азову тесноту чинить и на морѣ подѣ Азовомъ корабли громить и инымъ поморскимъ городомъ также чинить тѣсноту и на морѣ подѣ Азовомъ вашихъ торговыхъ людей грабятъ и разбиваютъ; а мы, будто,

салъ и къ Донскимъ казакамъ о примиреніи съ азовцами, а наконецъ, для убѣжденія ихъ въ томъ, нарочно послалъ своего дворянина Кисленскаго. Казаки всякій разъ объявля-

великій государь, къ нимъ съ нашимъ жалованьемъ присылаемъ, и въ томъ де вы, великій государь, братъ нашъ и доброй пріятель, на насъ мнѣніе держите и, для будго тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ воровства, посланникамъ нашимъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову у васъ, великаго государя, брата нашего и добраго пріятели, задержанье учинилось. И мы великій государь вамъ великому государю Ахметъ салтанову величеству, про тѣхъ воровъ про Донскихъ казаковъ объявляемъ, что тутъ на Дону живутъ изъ нашихъ російскихъ государствъ воры бѣгле люди и казаки вольные, которые бѣгають изъ нашихъ государствъ заворовавъ, отъ татбы и отъ разбою и ото всякихъ смертныхъ винъ, боясь отъ насъ смертныя казни, и тутъ на Дону живучи, ворукоуть, сложася, ссылаяся съ запорожскими черкасы, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, въ смутное время съ польскими и съ литовскими людѣми и съ запорожскими черкасы наши великія російскія государства воевали и многіе мѣста запустили и единоплеменную крестьянскую кровь многую разлили и многую смуту, тѣ воры, въ нашихъ російскихъ государствахъ, называючи воровъ свою братью казаковъ государскими дѣтьми, учинили; а наше жалованье къ нимъ посылали есьмя съ нашими посланники немного, запасъ и суена, для того, что тѣ воры Донскіе казаки посланниковъ нашихъ къ вамъ великому государю не пропускали; а только было къ нимъ нашего жалованья не послати, и они бѣ и нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю не пропустили и ихъ переграбивъ побили, про то нашимъ людѣмъ вѣдомо. И пославъ мы великій государь нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю къ Ахметъ-салтанову величеству, къ тѣмъ ворахъ на Донѣ многихъ нашихъ дворянъ съ тѣмъ посылали, чтобы они съ вашимъ городомъ съ Азовомъ помирлися, и тѣсноты ему никакія нечинили и на морѣ вашихъ людей негромилы, про то чаемъ и вашимъ азовскимъ людѣмъ вѣдомо подлинно: и тѣ Донскіе казаки воры нашего указу ни въ чемъ неслушаютъ и сложасъ вмѣстѣ съ запорожскими черкасы, на наши украинны войною и нынѣ ходять, и въ выгнѣшемъ году тѣ Донскіе воры казаки, съ днѣпровскими казаки вмѣстѣ, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, нашъ украинный городъ Осколь взяли и многихъ людей нашихъ побилл, и ни въ чемъ нашего царскаго повелѣнья тѣ воры неслушаютъ, и нашихъ служилыхъ татаръ Зянгильдея Исенева съ товарищи для того есьмя и послали къ вамъ брату нашему, черезъ Крымъ, что тѣ казаки на Азовъ не пропустили. И вамъ бы, брату нашему, о томъ воразсудити и на насъ въ томъ мнѣнья никотораго и досады не

ли совершенную готовность исполнить волю царскую, увѣряя, что азовцы сами на миръ непреклонны и непрестанно ихъ задирають⁽¹⁷⁷⁾.

держати, и посланниковъ нашихъ и служилыхъ татаръ, прежнихъ и нынѣшнихъ къ намъ великому государю отпустить незадержавъ, и своего посланика съ нашими послы вмѣстѣ къ намъ великому государю о дружбѣ и о любви прислати; а какъ же дастъ Богъ, съ недругомъ нашимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ мы великій государь твоею помощю управимся и съ тое стороны намъ недруга не будетъ, и мы великій государь на тѣхъ воровъ пошлемъ рать свою и съ Дону ихъ велимъ сбити, а которые достанутся живы, и тѣхъ велимъ казнити смертию, по ихъ винамъ кто чего достоинъ. Мы великій государь всегда того хотимъ и о томъ радѣемъ, чтобы намъ съ вами великимъ государемъ быти въ дружбѣ мимо всѣхъ великихъ государей, но всемъ безъ нарушенъ и такихъ бы ссорщиковъ воровъ впередъ межъ насъ небыло. Писана государствіа нашего... дворѣ, лѣта отъ созданія міра 7125, іюля мѣсяца.

⁽¹⁷⁷⁾ Дѣла Турецкія въ стобц. 1625 г., №-1-й, царская грамота на Донъ къ Донскимъ казакамъ отъ 29 іюля 1617 года.

„ Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ Епихѣ Родилу да Исаю Мартемьянову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Во прошломъ 124 году посланы отъ насъ великаго государя въ Царь-городъ къ брату нашему къ Ахметъ салтану въ посланникѣхъ Петръ Ивановъ сынъ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ, межъ насъ великаго государя и Ахметъ салтана царя о братственной дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государственныхъ и о земскихъ великихъ дѣлѣхъ; а на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему великому войску послано съ ними наше жалованье, деньги, сукна и запасъ, и вино, и о томъ отъ насъ къ вамъ съ нашими жъ посланники и послѣ посланниковъ нашихъ писано многожды; а послѣднее писано отъ насъ къ вамъ въ нынѣшнемъ во 125 году съ дворяниномъ нашимъ съ Еремѣемъ Кисленскимъ, чтобы вы атаманы и казаки намъ великому государю служили и принимали, и для нашего и земскаго великаго дѣла съ Азовомъ помирились и къ турецкимъ ни къ которымъ городомъ и на морѣ на турецкихъ людей войною не ходили и задору некотораго турецкимъ людемъ нечинили до тѣхъ мѣстъ, покаместа посланники наши у турецкаго царя будутъ и назадъ отъ него къ намъ придуть, чтобы въ томъ нашему и земскому дѣлу порухи и посланникомъ нашимъ у турецкаго царя задержанья небыло. И вы атаманы и казаки цышите къ намъ во всѣхъ своихъ отпискахъ, что вы намъ великому государю служите и въ нашемъ царскомъ повелѣнны быти готовы и съ

Сими пропшествіями кончилсѣ 1616 годѣ.

Взаимные набѣги казаковъ и азовцевъ продолжались:

азовцы, для нашего и земскаго дѣла, задору чинити неучнете; а нынѣшняго жѣ 125 году іюля въ 16 день писали къ намъ изъ Крыму посланники наши Ѳедоръ Челюстквинъ да дьякъ Петръ Даниловъ, которые посланы отъ насъ для нашего и земскаго дѣла въ Крымъ къ Джанбекъ Гирею царю, и прислали отписку изъ Царя-города отъ посланниковъ нашихъ отъ Петра Мансурова да отъ дьяка отъ Семейки Самсонова, какову они прислали къ намъ въ Крымъ съ полоненникомъ апрѣля въ 16-й день, и въ отпискѣ изъ Царьгорода посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейки Самсонова написано, что они пришли въ Царь-городъ и письмо и поминки отъ насъ Ахметъ-салтану отдали іюля въ 23 день 124 году и о всѣхъ дѣлѣхъ говорили, и послѣ того, какъ старой визирь Халиль и съ нимъ они о всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ говорили жѣ, и они сказали, что все наше дѣло у государя ихъ исполнится, только бѣ намъ великому государю васъ Донскихъ казаковъ унять, чтобъ вы на морѣ не ходили и торговыхъ ихъ людей не громили. Да визирь жѣ де имъ вычитали, что прислано отъ насъ къ вамъ на Донъ наше жалованье, деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, и зелье, и свинець и селитра, а вы де безирестана съ Дону съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ городомъ ихъ войной ходите и торговыхъ ихъ людей на морѣ громили и посямѣста де имъ въ Царьгородѣ многое задержанье и впередъ чають себѣ задержанье въ вашемъ, Донскихъ атамановъ и казаковъ, задорѣ, что вы съ Азовомъ немирны и съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ турецкого городомъ ходите и на морѣ торговыхъ ихъ людей громите и впередъ де себѣ вкорѣ отпуску затѣмъ нечаются. Да нынѣшняго жѣ 125 году іюля въ 29 день писалъ къ намъ съ Донкова воевода Олексѣй Чубаровъ и прислалъ къ намъ донькова полковаго казака Першика Дудедадова, а въ распросѣ тотъ Першикъ сказалъ: посланъ де онъ съ Воронежа отъ Юрья Богданова на низъ въ станицѣ съ Ельчанномъ сыномъ боярскимъ съ Меркуломъ Полосинимъ до ванихъ казачьихъ до нижнихъ юрговъ провѣдывать про нашихъ посланниковъ, и онъ де Першикъ не доѣзжая большаго нашего войска, разнемогся въ юрту у Курмана яру, и слышелъ де онъ отъ казаковъ, которые приѣзжаютъ отъ насъ атамановъ и казаковъ изъ большаго войска, что пришли къ намъ на Донъ съ Запорогъ черкасы двѣ тысячи человекъ, а были тѣ черкасы въ походѣ на море и имали многіе турецкіе города и въ нихъ имали себѣ добычу многую; да и ваши де казаки пошли на морѣ въ войну жѣ еще до велика дня, 700 ихъ человекъ, подѣ турецкаго жѣ царя города, и нынѣ де тѣ черкасы,

послѣднимъ въ началѣ сего года удалось провратиться къ казачьимъ зимовищамъ и обратить ихъ въ пепель, другія

которые пришли съ моря, стоятъ у васъ въ войску и дожидаются съ моря вашихъ атамановъ и казаковъ, которые пошли на морѣ, а дождавси де съ моря тѣхъ казаковъ, хотять съ вами вмѣстѣ итти подъ Азовъ, и азовскіе де люди о томъ писали къ турецкому государю, чтобъ онъ затѣмъ нашихъ посланниковъ къ намъ не отпускалъ и своихъ посланниковъ къ намъ не посылалъ. И мы великій государь тому дивимся, какими обычай вы атаманы и казаки такъ безъ нашего указа чините, на турецкаго царя города ходите войною, сложили недруга нашего съ людьми съ запорожскими черкасы и города его жжете и воюете и всякихъ людей со всѣми животы ихъ въ полонъ емлете, мимо нашъ указъ, и тѣмъ есте межъ насъ великого государя и турецкого Ахметъ салтана царя нынѣшней нашей ссылкѣ учинили помѣшку и нашего недруга и разорителя великаго нашего Россійскаго государства на польскаго Жигимонта короли, и на его землю турецкаго царя Ахметъ салтановымъ людямъ походъ тѣмъ помѣшали, а про польскаго Жигимонта короли и про его польскихъ и литовскихъ людей самимъ вамъ подлинно вѣдомо, какой польской Жигимонтъ король и польскіе и литовскіе люди грубители намъ великому государю и нашимъ великимъ государствамъ, чего ихъ грубостей и злыхъ злокозненныхъ дѣлъ и списать невозможно; а вы вѣдая прежнее его королевское, къ намъ великому государю и къ нашимъ великимъ россійскимъ государствамъ, такую многую грубость и невинное отъ него единокровной вашей братьи крестьянское кроворазлитие и впередъ на нашъ жъ великія россійскія государства о разоренье и на невинное крестьянское кроворазлитие злой умыслъ, втожъ время, какъ вы насъ ослушаетесь, какъ нашъ посланникъ для нашего и земскаго дѣла у турецкаго царя, а вы въ тѣжъ поры вмѣстѣ съ запорожскими черкасы сами одни подъ турецкаго города ходите войною и на морѣ торговыхъ его людей громите и тѣмъ нашему и земскому дѣлу великую помѣшку и великимъ нашимъ государствамъ многой убытокъ учинили, чего есмь отъ васъ и николи того нечаялся. И нынѣ мы великій государь послалъ есмь въ Царьгородъ къ Ахметъ салтану въ гонцахъ служилыхъ татаръ станичную голову Девлеткеи Девлетъ Козина да Салтукея Бемаева, чтобы Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова и служилыхъ татаръ, которые къ нему жъ посланы отъ насъ напередъ сего и нынѣ, къ намъ великому государю слалъ; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему вашему войску послалъ есмь съ нашею грамотою дворянина нашего Микиту Сомова. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а гонцы наши, которые посланы

паргія азовцевъ пошли разорять наши украинные горо-
въ Царьгородъ, и дворянинъ которой посланъ отъ насъ съ нашею
грамотою, къ вамъ на Донъ прїѣдутъ, и выѣ атаманы и казаки
и все наше великое войско низовое и верховое, помня Бога и
нашу истинную православную вѣру греческаго закона и помня
къ намъ великому государю свою прежнюю службу и свое обѣ-
щанье и крестное цѣлованье, какъ есте обѣщались намъ великому
государю служить, такъ бы есте и совершали, нынѣ одилично
для нашего и земскаго дѣла съ Азовомъ помирились и гонцовъ
нашихъ и служилыхъ татаръ Девлеткея и Санчукя отъ себя въ
Азовъ отпустили незадержавъ и ихъ до Азова проводили по преж-
нему, какъ есте посланниковъ нашихъ и гонцовъ до Азова про-
вожали напередъ сего; и впередъ бы есте чрезъ наше государс-
кое повелѣнье на турскаго царя города и на его людей на морѣ
и подъ Азовъ войною не ходили, городовъ его не жгли и не воевали
и людей его не побивали и въ половъ не пмали, и съ Азовомъ
бы есте помирились, чтобы затѣмъ нынѣшней нашей ссылкѣ съ
турскимъ царемъ помѣшки не было и чтобы отъ тѣхъ вашихъ
задоровъ турской Ахметъ салтанъ съ нами великимъ государемъ
братственныя дружбы и любви не нарушилъ, и съ польскимъ Жи-
гимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постано-
вленья не учинилъ и походы своихъ ратныхъ людей на его землю
не оставилъ, и надъ посланники бѣ нашими какого дурна, за ваши
задоры, не учинилъ и задержать не велѣлъ, а надъ нашими бѣ
государствы отъ польскаго Жигимонта короля какое разоренье
и крестьянское кроворазлитье не учинилось, одилично бѣ вамъ
атаманомъ и казакомъ тѣмъ намъ великому государю служба своя
и радѣнье показати для нашего и земскаго дѣла, съ азовцы о
мирѣ сослатиси и помиритиси, и служилыхъ нашихъ татаръ
Девлеткея и Санчукя въ Азовъ отпустити и до Азова ихъ про-
водити по прежнему, какъ есте на передъ сего посланниковъ
нашихъ и гонцовъ провожали, впередъ бы вамъ на турскаго
царя людей войною не ходити и задоровъ никакихъ съ азовцы
и съ турскими людьми нечинити до тѣхъ мѣстъ, покаместа турс-
кой Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да
дѣлка Семейку Самсонова и служилыхъ нашихъ татаръ къ намъ
великому государю отпуститъ; а будетъ турской съ посланники
нашими своего посла или посланника къ намъ великому государю
пришлетъ, и выѣ атаманы и казаки и все великое войско турс-
каго царя посла или посланника встрѣтили и приняли его честно
по посольскому обычаю, примѣняясь къ прежнему, съ приставомъ
съ Юрьемъ Богдановымъ вмѣстѣ, и кормъ ему дали, что у васъ
лучилося, будетъ тѣхъ кормовъ неостанеть, что про него послано.
съ Юрьемъ, и во всемъ его почитали и того берегли накрѣпко,
чтобы ему у васъ на Дону ни отъ кого никакого безчестья неу-

да⁽¹⁷⁸⁾. Донцы въ отмщеніе нападали на посады Азова. А равно весною 700 удалцовъ пустились на Черное море. На пути нападали они на рыболововъ, производили набѣги на селенія по берегамъ Азовскаго моря, но на Черномъ соединились съ Запорожцами, истребили нѣсколько каторгъ турецкихъ съ людьми и грузомъ. Кромѣ сего, здѣсь же разбѣжала еще одна партія Запорожцевъ до 3,000 чел. Султанъ, опасаясь послѣдствій отъ набѣговъ сихъ партій, послалъ на нихъ два сильные и хорошо вооруженные отряда на каторгахъ и мелкихъ судахъ. Отрядъ, напавшій на Запорожцевъ, былъ несравненно многочисленнѣе, и потому сіи послѣдніе уступили ему верхъ, потерявъ убитыми до 700 человекъ. Турки радуясь побѣдѣ, поспѣшали къ днѣпровскому устью, чтобы заслонить оное, не пропустить и остальныхъ Запорожцевъ въ Сѣчу; но сіи послѣдніе отошли на Донъ, какъ увидимъ впослѣдствіи ⁽¹⁷⁹⁾. Другой же отрядъ, встрѣтившійся съ Донскими казаками, былъ менѣе счастливъ: Донцы разбили его наголову, овладѣвши всѣми пушками; пред-

---

чинилось, и отъ себя-бъ есте съ Дону къ намъ великому государю его отпустили честно и до нашихъ украинныхъ городовъ ихъ проводили, съ приставомъ ихъ съ Юрьемъ Богдановымъ и съ тѣми ратными людьми вмѣстѣ, которымъ велѣно быти на встрѣчу съ Юрьемъ, чтобъ ихъ въ дорогѣ черкасы и крымскіе и ногайскіе татаровя не разгромили и дурна никотораго не учинили. А мы великій государь, за тое вашу къ намъ службу, наше къ вамъ жалованье деньги, и сукна, и селитры, и запасъ съ дворянникомъ нашимъ съ Юрьемъ Богдановымъ послали, и впередъ учнемъ васъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ и свыше прежняго; а дворянина-бъ есте нашего, кто къ вамъ съ сею грамотою пріѣдетъ, отпустили къ намъ незадержавъ, и противъ сее нашия грамоты и что у васъ какихъ вѣстей про турецкихъ и про крымскихъ и про ногайскихъ людей и про польскаго короля и про черкасъ будетъ, о семъ къ намъ съ ними же отнесли подлинно, чтобы намъ про все было вѣдомо. Писана на Москвѣ лѣта 7125 года іюля въ 29 день.

⁽¹⁷⁸⁾ Дѣла Турецкія, въ столбц. 1616 г., № 1, см. отписку казаконъ привезенную въ Москву августа 1.

⁽¹⁷⁹⁾ Тамъ же, выписка изъ распросныхъ рѣчей донскаго атамана Андрея Ряпчукова съ товарищи.

водительствовавшихъ пашей одного убили на мѣстѣ сраженіи, другаго взяли въ плѣнъ и торжественно привезли въ юрты свои ⁽¹⁸⁰⁾.

Между тѣмъ Московскій дворъ старался о успѣхѣ посольства своего въ Турціи. Еще въ мартѣ, по полученнымъ извѣстіямъ объ отпускѣ посольства въ Россію вмѣстѣ съ турецкими послами, былъ отправленъ на Донъ, для встрѣчи, дворянинъ Юрій Богдановъ съ жалованьемъ казакамъ, какъ всегда бывало, и съ ласковою грамотою о замиреніи съ азовцами. Извѣстія открылись невѣрными; ибо 16 іюля въ Москвѣ получено отъ Мансурова увѣдомленіе о всѣхъ неудовольствіяхъ Оттоманскаго двора за казаковъ и о томъ, что по сей причинѣ онъ задержанъ въ Царьградѣ. 30 іюля вторично отправлены гонцы къ султану, котораго политика нашего двора всячески увѣряла въ совершенномъ негодованіи своемъ на казаковъ. Великій князь въ грамотѣ къ султану называя ихъ ворами и разбойниками, исчислялъ вредъ причиненный ими въ Россіи во время самозванцевъ и заключилъ тѣмъ, что они совершенно ему не подвластны, и коль скоро окончатъ онъ войну съ Польшею, то немедленно пошлетъ войска свои на Донъ и истребитъ всѣхъ казаковъ безъ остатка ⁽¹⁸¹⁾.

⁽¹⁸⁰⁾ Тамъ же, распросныя рѣчи прибывшаго въ Москву изъ Казыева улуса татарскаго толмача Гаврилы Есинова, сентября 1617 года . . . „Да Гаврило-жь сказывалъ, что тѣ донскіе казаки, которые ходили на море 700 чел., съ моря въ свои юрты пришли и погромили 7 каторгъ и людей побили, и про то учинилась вѣсть Ахметъ салтану, и Ахметъ салтанъ послалъ на нихъ двухъ пашей лучшихъ, а съ ними ратныхъ людей на 7 же каторгахъ, съ большимъ нарядомъ, и казаки де и тѣхъ ратныхъ людей побили и нарядъ взяли, а пашу одного убили до смерти, а другаго жива взяли, и нынѣ тотъ паша сидитъ на Дону у казаковъ скованъ и ждетъ по себѣ окупу; а для окупу послали казаки въ Царьгородъ тогожь пашу двухъ человекъ, а окупу за него да за двухъ его человекъ сговорили взять 30400 золотыхъ, и паша де о томъ отъ себя къ женѣ своей и ко племени съ людьми своими писалъ, а велѣлъ за себя окупъ привести въ Азовъ съ осени.“

⁽¹⁸¹⁾ Тамъ же, грамота великаго князя къ султану, писанная въ іюль мѣсяцѣ 1617 г., см. примѣч. 176.

Гонцы отправлены чрезъ Азовъ и съ ними посланъ на Донъ дворянинъ Сомовъ, съ милостивымъ словомъ къ казакамъ и съ грамотою, наполненною убѣждениями о прекращеніи набѣговъ. Царь представлялъ имъ, что отъ того единственно зависить союзъ Россіи съ Портою и успѣхъ нашего оружія надъ Поляками. Казаки попрежнему увѣряли въ готовности служить Россіи и что съ азовцами они не воюють, а только мстятъ имъ за свои оскорбленія (182). Константинопольскій дворъ неперемѣнилъ своего расположенія и дѣла пословъ нашихъ неприяли лучшаго оборота.

Несмотря на все это, Московскій дворъ продолжалъ ласкать казаковъ и съ пользою употреблялъ ихъ для усмиренія Ногаевъ (183). Наконецъ въ августѣ мѣсяцѣ 1617 г. азовцы изъявили согласіе на миръ и начались переговоры; между тѣмъ въ Москву дошли слухи, что сынъ польскаго короля Владиславъ, прислалъ на Донъ возмутительныя письма, и царь упогребилъ случай сей для увѣренія Порты, что казаки воюють по смутѣ Поляковъ; ибо въ сентябрѣ мѣсяцѣ, получивъ извѣстіе о содержащемся у казаковъ въ плѣну турецкомъ пашѣ, за котораго они требуютъ окупу 30,400 золотыхъ, и опасаясь, чтобы сіе непроизвело конечнаго разрыва съ Портою, государь отправилъ въ третій разъ гонцовъ къ султану съ рѣшительными увѣреніями, что Сигизмундъ причиною безпокойства казаковъ, которые вовсе неслушаютъ Россійскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ на Донъ дворянинъ Несмѣянъ Ивановичъ Чаплинъ, которому

(182) Тамъ же, царская грамота къ казакамъ и отписка сихъ послѣднихъ къ государю въ 1617 г., см. примѣч. 177.

(183) Тамъ же, царская грамота на Донъ, 2 августа 1617 г.

....., Да вы же намъ били челомъ и прислали съ атаманомъ съ Ондреемъ Репчуковымъ челобитную о Никольскомъ монастырѣ, что у того монастыря земли монастырскія отняты, и намъ бы васъ пожаловать, велѣтъ тѣ земли отдать назадъ къ Никольскому монастырю; и мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, тѣ монастырскія земли назадъ къ монастырю отдать велѣли и жалованную грамоту на ту землю къ вамъ пришлемъ съ атаманомъ вашимъ съ Ондреемъ Репчуковымъ съ товарищи.....

велѣно непремѣнно уговорить казаковъ примириться съ Азовомъ, и плѣннаго пашу выдать безъ окупу. Сверхъ того Чаплину поручено подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть свиданіе съ самымъ пашею и всически стараться внушить ему о сказанныхъ умыслахъ Сигизмунда, изъяснивъ при томъ, что государь крайне сожалѣеть о положеніи его пашы и принимаетъ мѣры къ освобожденію изъ плѣна; велѣно также увѣрить пашу, что самъ Чаплинъ теперь же, по приказанію государя, усмиряя казаковъ, сгонялъ ихъ съ Дону, но они едва его не убили, и за сіе царь Россійскій, по окончаніи войны съ Поляками, непремѣнно оружіемъ очиститъ Донъ. Все сіе подробно прописывалось въ наказѣ данномъ Чаплину, въ заключеніе коего сказано, чтобы Чаплинъ постарался склонить пашу донести точно такъ султану, когда пріѣдетъ въ Царьградъ. Равномѣрно велѣно подобныя разглашенія разсѣять и между азовцами, но съ величайшею тайною отъ казаковъ, дабы они никакъ о томъ неprovѣдали (184). Чап-

---

(184) Тамъ же, наказъ дворянину Несмѣяну Чаплину, отправленному изъ Москвы на Донъ, 26 сентября 1617 г.

..... „Несмѣяну пріѣхавъ на Донъ, къ атаманомъ и къ казакомъ говорити. .... Они бѣ атаманы и казаки съ Азовомъ однолично помирились и Азову тѣсноты не чинили, и на ныне турскаго царя города войною не ходили и городовъ его не жгли и не воевали, и людей его не побивали и въ полонъ не имали; а котораго пашу они нынѣ на море взяли и сидятъ у нихъ скованъ, а ждутъ за него окупу, и они бѣ того пашу отпустили въ Царьгородъ безъ окупу, и тѣмъ бы они однолично къ государю службу свою и радѣнье и правду показали, того пашу отдали безъ окупу и виредъ задоровъ никакихъ съ турскими людьми не чинили, чтобы за тѣмъ нынѣшней государевѣ ссылкѣ съ турскимъ царемъ помѣшки и посланникомъ государевымъ и гонцомъ, которые нынѣ у Ахметъ салтана, задержанья не было, и чтобы по ссорѣ Запорожскихъ черкасъ, а отъ ихъ задоровъ, турской Ахметъ салтанъ съ царскимъ величествомъ братственныя дружбы и любви не нарушилъ и съ польскимъ бы Жигимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постановленья неучинилъ и походу бѣ своихъ ратныхъ людей на его землю не оставилъ, и надъ посланники нашими и надъ гонцы какаго дурна неучинилъ и задержатъ ихъ у себя не велѣлъ, и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ на государя не учалъ стояти. ....

линь совершилъ дѣла сіи съ должнымъ усилѣхомъ, и по его донесенію, что „казаки служатъ Россіи прямо и впрѣдъ хо-

.....
..... и что какихъ вѣстей провѣдаетъ, и то ему все записать себѣ пмянно, и провѣдавъ про все подлинно, ѣхать къ государю къ Москвѣ тотчасъ; а пріѣхавъ къ Москвѣ явиться въ посольскомъ приказѣ къ дьякомъ думному Петру Третьякову да Савѣ Романчукову; а одилично бѣ ему о томъ атаманомъ и казакомъ говорить накрѣпко и угроваривать пхъ на то всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ они съ Азовомъ помпрились и на море подъ турскаго города и на торговые люди ихъ не ходили и ихъ негромили и задоровъ никакихъ съ турскими людьми не дѣлали . . . .

..... какъ придетъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ, а казаки будутъ на море ходили и турскаго каторги разгромили и людей побили и пашу въ полонъ взяли, и инѣтъ будетъ паша у казаковъ на Дону въ полону, и Несмѣяну говорить атаманомъ и казакомъ, чтобъ ему дали видѣться съ пашою; а ему Несмѣяну велѣно паше распросити по государеву наказу о вѣстяхъ, которыя вѣсти надобны царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи. Да какъ ему атаманы и казаки съ пашею видиться дадутъ, и Несмѣяну идти къ паше съ толмачемъ, а пришедъ говорити паше: вѣдомо государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи учинилося, что польскій Жигимонтъ король хотя великаго государя цари и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, съ великимъ государемъ съ братомъ его, съ Ахметъ салтаномъ, ссорити, прислалъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ своихъ казаковъ запорожскихъ съ Днѣпра, многихъ людей, и велѣлъ пхъ казаковъ наговаривати, чтобы они вмѣстѣ съ ними шли на турскаго Ахметъ—салтана города и на море на каторги, и турскому салтану, городамъ его и людѣмъ тѣсноту учинили; а и такъ, и безъ того Донскіе казаки у царскаго величества въ непослушани; и тѣ воры Донскіе казаки, по совѣту съ Днѣпровскими съ запорожскими черкасы, по повелѣнью польскаго Жигимонта короля, ходили на море, турскаго Ахметъ салтанова величества корабли погромили, людей побили, и животы и товаръ разграбили, и его пашу взяли; и царское величество о томъ поскорбѣлъ, что тотъ его царскаго величества недругъ польской король, ища себѣ помощи, царское величество съ братомъ его, съ Ахметъ салтановымъ величествомъ, въ ссору приводитъ и дружбѣ и братству и ссылкѣ помѣшку чинитъ, и по его злому умыслу и велѣнью Донскіе казаки вмѣстѣ съ запорожскими черкасы такое зло починили, царскаго величества брата, Ахметъ салтанова величества, брата, на море каторги погромили и его пашу взяли въ полонъ, и прислалъ царское величество его дворянина своего Несмѣяна нарочно о томъ на Донъ къ тѣмъ ворами, къ атаманомъ

тятъ служить нещадя головъ своихъ“, государь писалъ ка-
закамъ милостивое обѣщаніе содержать ихъ въ царскомъ
жалованьѣ свѣше прежняго. Въ сихъ произшествіяхъ ми-

и къ казакомъ говорити, чтобъ они отъ того воровства отстали, запорожскихъ черкасъ отъ себя выслали вонъ и впередъ къ себѣ не пускали, и польскаго Жигимонта короля ни въ чемъ не слушали, и на турскаго салтана города и каторги не приходили и людемъ салтановымъ никакія обиды и тѣсноты и задоровъ не чинили, и сами бѣ съ Дону шли доловъ, него пашу отпустили въ его землю къ салтану безъ окупы, чтобъ ихъ вражью ссорю межъ царскаго величества и турскаго салтана ссора и нелюбие не были и дружбѣ и ссылкѣ государскоѣ помѣшка не учинилась. И онъ Несмѣянъ о томъ имъ говорилъ съ великимъ запрещенъемъ и съ вычетомъ, и царское величество ево государеву грамоту о томъ съ нимъ Несмѣяномъ къ нимъ прислалъ, и тѣ воры казаки царскаго величества грамоты и его Несмѣяновыхъ рѣчей не слушаютъ, на него шумѣли и хотѣли его самаго убить. А на передъ его Несмѣяна присылалъ царское величество къ тѣмъ воруемъ о томъ дворянъ трожды: первое Ивана Опухтина, въ другорядѣ Еремѣя Кисленскаго, въ третью Никиту Сомова, чтобъ тѣ воры польскаго короля не слушали, Запорожскихъ черкасъ къ себѣ не пускали и Азову тѣсноты нечвнили, и на море не ходили, салтановыхъ людей не громили, тѣмъ межъ царскаго величества и межъ салтанова величества ссоры, а дружбѣ и любви и ссылкѣ помѣшки, не чинили, и они ихъ одва до смерти нешибили и отпустили съ великимъ безчестьемъ, а государева указа не слушали. А то вѣдомо ему паше, что на Дону живутъ воры, бѣглецы изъ Московскаго государства, которые бѣгають отъ смертныя казни, и прежде того они воры Донскіе казаки съ польскимъ королемъ и съ польскими и съ литовскими людьми вмѣстѣ Московское государство разоряли и кровь христіанскую единовѣрную и одноплеменную собою проливали, а нынѣ впедавнѣ съ тѣмижъ воры съ Запорожскими черкасы царскаго величества украинный городъ Осколь взяли и людей побили и высѣкли и городъ сожгли, и нынѣ всякое зло дѣлають, и онъ Несмѣянъ нечаеть отъ нихъ здорово отѣхатъ; а царскому величеству съ ними управитися нельзѣ, что нынѣ царское величество съ польскимъ королемъ войну ведетъ, а они отъ Московскаго государства по—отдалѣли; а какъ оже, дастъ Богъ, царское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ управитися, и царское величество и надъ тѣми воры по ихъ вишѣ велитъ учинить и на Дону ихъ не будетъ, и какъ оже, дастъ Богъ, онъ паша будетъ у государя своего, и онъ бы про то про все великому государю своему Ахметъ салтанову велчеству и пашамъ разсказалъ. Да только будетъ втѣ поры у казаковъ какія азовскіе

нуль 1617 годъ (185).

Выше упомянуто, что казаки своими морскими наѣздами иногда разоряли и крымскія селенія, нерѣдко также и на степяхъ они громили ихъ улусы. Посольскія сношенія нашего двора съ Тавридою возобновлены тотчасъ по возшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича и продолжались каждый годъ непрерывно. Ханъ, по зависимости его отъ порты, столько же недоволенъ былъ казакими за разореніе турецкихъ областей, какъ и своихъ собственныхъ, а потому, при переговорахъ, крымцы дѣлали всегда упреки и требованія на счетъ казаковъ. Онѣ были одинаковы съ тѣми, кои предлагались со стороны Турціи, т. е. чтобы Россія удержала казаковъ отъ набѣговъ и согнала ихъ съ Дона. Начиная съ 1615 г. сіи требованія постоянно каждый разъ включались во всѣ переговоры и письменныя сношенія; а Россія всегда уклонялась тѣми же отвѣтами, какими хотѣла успокоить порту. Ханъ понималъ политику московскаго двора, но, по собственнымъ расчетамъ, въ 1618 г. согласился отправить войска на Поляковъ, и посоль его, прибывшій въ Москву въ августъ мѣсяцъ, извѣщая о томъ государя, непроницую повторить требованія объ удаленіи казаковъ съ Дона (186).

люди для миру, или въ полону, или для какихъ дѣлъ, а мочно съ ними видитися, и Несмѣлану то всякимъ азовскимъ людямъ рассказывати по сему государеву наказу тайно, чтобъ казакѣмъ отнюдь про то не увѣдать и не пронеслося бѣ имъ ни отъ кого.“

(185) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 г., грамота на Донъ, отъ 21 юля 1618 года.

. . . . . „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакѣмъ и всему великому войску Донскому. Въ выишнемъ въ 126 году...въ 14 день вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣлана Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всѣмъ сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служить, нещади головъ своихъ, и мы великій государь за вапу службу и радѣнье хотимъ васъ содержать въ нашемъ царскомъ жалованьѣ свѣше прежняго.“

(186) Крымскія посольскія дѣла, въ столбц. съ 1615 по 1619 г.

Напротивъ Мансуровъ и Самсоновъ, никакъ не успѣли склонить Порту къ союзу противъ Польши. Султанъ добивался за свою помощь, кромѣ удаленія казаковъ, еще Казани и Астрахани; но болѣе всего нашему дѣлу вредилъ польскій при Портѣ посланникъ Кохановскій. Послѣдовавшая въ сіе время перемѣна властители османскаго (за смертью бывшаго тогда султана Магмеда, вступилъ на тронъ сынъ его), не была выгодна для Русскихъ и въ 1618 г. султанъ, отпустивъ наше посольство въ Россію, не прислалъ въ Москву своихъ пословъ, какъ то обыкновенно бывало.

Порта, желая какимъ-нибудь образомъ воспрепятствовать казакамъ проходить въ море, рѣшилась отнять у нихъ тѣ два рукава Дона, кои были судоходны для другихъ и коими казаки наиболѣе выходили на морскіе поиски, т. е. Мертвый Донецъ и Каланчу; для сего положено было Донецъ совершенно засыпать, а при началѣ Каланчи поставить башню и снабдить ее артиллерією и людьми; тогда казакамъ оставался бы только одинъ путь самымъ Дономъ, который протекалъ мимо стѣнъ азовскихъ. Для совершенія дѣла сего отправлены изъ Царьграда 300 янычаръ, кои должны были поступить подъ начальство вафинскаго паши и идти къ Азову. Послы наши, по прибытіи въ Кафу, были задержаны тамъ нашею, подъ предлогомъ казачьихъ набѣговъ и терпѣли много непріятностей; но настоящая причина ихъ задержанія была совсемъ иная: наша хотѣла, дождавшись изъ Константинополя янычаръ, взять пословъ съ собою въ Азовъ и чрезъ нихъ заставить казаковъ не мѣшать его войскамъ производить работы на Мертвомъ Донцѣ и Каланчѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ они всѣ вмѣстѣ приплыли къ Азову, съ которымъ казаки были уже въ миру; посланники уговорили сихъ послѣднихъ дать Туркамъ волю кончить ихъ планъ, и янычары, работая совокупно съ азовцами, осенью засыпали Донецъ и воздвигли башню. Посланниковъ держали въ Азовѣ дотолѣ, пока все совершенно было устроено. Но сіи затѣи нимало не остановили Донскихъ казаковъ отъ любимыхъ морскихъ

поисковъ, какъ увидимъ впоследствии (187).

Между тѣмъ отправленъ былъ отъ государя на Донъ дворянинъ Юрій Захаревичъ Богдановъ, дабы склонить казаковъ къ посылкѣ въ Москву изъ своего войска тысячъ пять или больше, или сколько можно собрать конныхъ и пѣшихъ людей, на помощь противъ Поляковъ, кои тогда, подъ предводительствомъ Владислава, вторглись въ Россію. Послано съ нимъ и жалованье казакамъ: деньги, сукна, провіантъ, вино, порохъ и свинець. Положеніе Россіи было тогда весьма затруднительное: войска Владиславы разорили многіе украинные города и уже танулись къ Москвѣ. Богданову велѣно употребить всевозможное стараніе о семъ дѣлѣ и самому поспѣшно провожать казачье войско до Москвы, при-

---

(187) Дѣла крымскія, въ столбц. 1618 г., № 3, см. выписку изъ донесенія Россійскаго посланника Лодыженскаго, бывшаго тогда въ Крыму.

Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 1618 г., отписка дворянина Богданова, отправленнаго изъ Москвы на Донъ къ казакамъ съ государскою грамотою и въ то время находившагося въ Воронежѣ.

. . . . . „Да августа, государь, въ 6 день, пріѣхалъ на Воронежъ съ Дону изъ нижнихъ юртовъ воронежець сынъ боярскій Богданъ Кренковъ, а сказалъ мнѣ, государь, холопу твоему, что твои государевы посланники Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и два турскаго чеуша въ Азовъ пришли и паша де, государь, отъ турскаго царя въ Азовъ пришелъ засыпать Донца Мертваго, и атаманы де, государь, и казаки Епиха Родиловъ и Исакъ Мартемьяновъ отъ себя на Воронежъ къ воеводамъ писали жъ:“

Тамъ же, распросныя рѣчи пріѣхавшаго изъ Воронежа въ Москву, въ 24 день ноября 1618 г., донскаго казака Федора Резваго.

„А Петръ де Мансуровъ и дьякъ Семейка Самсоновъ нынѣ въ Азовѣ, а турской де чеушъ пришелъ въ Азовъ съ Петромъ вмѣстѣ для того, чтобы ему Донецъ засыпать, да на Каланчи башни поставить, чтобы на море атаманомъ и казакомъ проходу не было, а какъ де Донецъ закрѣпить и чеуша отпустить назадъ изъ Азова на море, и тогда де и Петра хотѣли изъ Азова отпустить, а къ государю де съ Петромъ чеуша вѣту.

„И Донецъ де турскіе люди засыпали при нихъ в башню поставили; и они де чаютъ того, что посямѣста и Петръ изъ Азова на Донъ отпущенъ ничто не будетъ, зимуетъ на Дону:“

сылая государю донесеніе изъ важдаго города о маршахъ. Весьма убѣдительную рѣчь онъ долженъ былъ говорить въ войсковомъ кругу, по наказу: „Поляки замыслили попать законъ христіанскій и ввести латинскую ересь во всемъ государствѣ московскомъ. Государь нашъ ополчился всею землею и въ великое войско Донское, помня Бога и обѣтъ вашъ усердствовать Россіи, поревнуйте вашимъ предкамъ, станьте за православную вѣру противу враговъ отечества. Если же попустите злодѣямъ, то по городамъ истребятся церкви и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами для душъ своихъ вкладчики“. Для большаго убѣжденія Богдановъ долженъ былъ представить казакамъ, что если разорены будутъ украинные города, тогда прекратится привозъ изъ оныхъ на Донъ товаровъ. А ежели король одержитъ верхъ надъ Россіею, то безъ сомнѣній, онъ нестаетъ столько браниться за нихъ съ Туреами, какъ Россія, и непременно, въ угожденіе порты, сгонитъ ихъ съ Дону. Почти теми же словами и самъ государь писалъ казакамъ въ грамотѣ своей отъ 21 іюля. Но Богданову велѣно просить казаковъ, чтобы они отнюдь не-сказывали..... (Окончаніа главы въ подлинникѣ рукоисп нѣтъ; примѣчанія же, относящіяся къ этой главѣ, отъ 188 до 196 включительно, помѣщаются ниже).-

(188) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 годовъ. Наказъ отправленному изъ Москвы на Донъ дворянину Юрію Богданову, чтобы склонить казаковъ послать изъ войска въ Москву *тысячъ пять или сколько мочно* конныхъ и пѣшихъ людей на помощь противъ Поляковъ . . . . „Да какъ атаманы и казаки государеву грамоту вычтутъ, и Юрью говорить атаманомъ и казакомъ: великого государя царя и великаго князя Михаила Теодоровича всеа Русіи недругъ и разоритель всего великаго Россійскаго государства польскій Жигимонтъ король умыслилъ московское государство воевати и разорити, и хочетъ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона попати и святія церкви Божіи осквернити и разорити, а свою проклятую

латынскую вѣру во всемъ московскомъ государствѣ утвердить и всѣхъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую латынскую вѣру привести. И нынѣ польскаго Жигимонта короля сынъ Владиславъ съ польскими и съ литовскими людьми пришелъ въ московское государство и великимъ российскимъ государствамъ утѣсненіе чинитъ и всякимъ злымъ своимъ умысломъ домышляется какъ бы ему великое Российское государство ослепить и разорить, и многія безчисленныя крови на обѣ стороны разливаются; а запорожскихъ черкасъ полковника Саадашнаго со многими людьми прислалъ въ польскіе государевы города и пришедши искрадомъ городъ Ливны взяли и Елецъ взяли, людей выскли и города и остроги сожгли, и посланника нашего Степана Хрущева да подъячего Семейку Бредихина и казну, что было послано къ царю и къ калѣ поминковъ, взяли; а крымскыхъ пословъ и гонцовъ побили, и хотятъ идти подъ всѣ польскіе города, которые стоятъ по Дону и Донцу и по Осколу, подъ Воронежъ и подъ Валуйку и подъ Осколь и подо всѣ наши польскіе города и хотятъ также до конца всѣ польскіе города разорить. И великій государь нашъ царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ всеа Росіи, видя польскаго Жигимонта короля превознесенную гордость и на нашу истинную православную христіанскую вѣру греческаго закона и на святыхъ Божіи церкви похвалу и посягательство, на разореніе государства и на крестіанское кроворазлитіе желанье, прося у милосердаго Бога помощи и вооружаяся силою честнаго и животворящаго креста Господня, противъ польскаго короля со всѣми своими ратями, за истинную нашу православную христіанскую вѣру и за святыхъ Божіи церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ стать сколько ему, государю, Богъ помочи подастъ. И выбѣ атаманы и казаки и все великое войско, вѣдая польскаго Жигимонта короля на великаго государя нашего царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Росіи и на его великія государства на всѣхъ православныхъ крестьянъ, злой умыслъ и посягательство, помни Бога и истинную нашу православную христіанскую вѣру и царское къ себѣ жалованье и къ нему великому государю свою службу и прежней обѣтъ свой, какъ вы обѣщалися великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи служить и ирямити, поревновали бѣ есте братье своей прежнимъ атаманомъ и казакомъ, которые за нашу православную христіанскую вѣру стояли и головъ своихъ противъ всѣхъ враговъ нашей христіанской вѣры нещадили, потомужъ бы есте службу свою и радѣнье къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи и ко всему российскому государству показали, противъ того царскаго величества недруга и на нашу истинную христіанскую вѣру посягателя и разорителя, польскаго короля, и на польскихъ и литовскихъ людей и на запорожскихъ черкасъ стояли со всѣми царскаго величества ратными людьми

за одно, илибъ есте нынѣ къ государю на помочь противъ польскихъ и литовскихъ людей и запорожскихъ черкасъ всѣ, или отпустили бы многихъ ратныхъ людей, тысячь пять или больши, или сколько мочно войска послати, братью свою, атамановъ и казаковъ, выбравъ добрыхъ конныхъ, вскорѣ покаместа злой умыслъ царскаго недруга не совершился. А тобъ есте разсудили, только запорожскіе черкасы польскіе города разорять, и вамъ къ государевѣ украинѣ прибѣжища не будетъ, и зашась и товары къ вамъ изъ польскихъ городовъ не пойдуть, и вѣра наша христіанская въ тѣхъ мѣстехъ пошрана будетъ и церкви Божіи и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами, для душъ своихъ, вкладчики, всѣ разорятся и будетъ безпамятно. . . . .
А какъ оже и дасть Богъ, буде у царскаго величества будите я очи царскіе увидите и службу свою покажите и царскому величеству послужите, и царское величество васъ пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ; а нынѣ государь, жалуючи васъ, прислалъ къ вамъ своего государева жалованья съ нимъ съ Юрьемъ. Да отдати имъ государево жалованье по росписи . . . . .
А самому ийти со всѣми людьми къ Москвѣ, на которыя мѣста лутче, и ко государю писати по часту изъ всѣхъ городовъ, на которые города съ ними поидеть, чтобъ государю ежечасъ про него, гдѣ онъ съ Донскими атаманы и казаки будетъ, было вѣдомо, а съ Дону тотчасъ прислати съ вѣстью полемъ или водою какъ скорѣе, чтобъ было государю вѣдомо.

А о томъ ему атаманомъ и казакомъ, будучи на Дону, говорити, чтобъ атаманы и казаки межъ себя о томъ во всѣ люди заказъ учинили, чтобъ про то изъ нихъ ни кто турскимъ людямъ не разсказывали, что онъ присланъ звати ихъ на Донъ къ государю на помочь противъ польскаго короля, для всякія мѣры, и что съ нимъ государево жалованье прислано, чтобъ то дѣло нигдѣ было не явно, и запорожскіе черкасы, которые у нихъ живутъ на Дону, про то не вѣдали. . . . .

Грамота на Донъ отъ 21 іюня 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Россіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Въ нынѣшнемъ во 126 году іюня въ 14 день, вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣяна Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всемъ сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служить нещадя головъ своихъ; и мы великій государь за вашу службу и радѣнье, хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованье свыше прежняго. А нынѣ мы, великій государь, вамъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску объявляемъ: недругъ нашъ и разоритель всего нашего Россійскаго государства польской Жигимонтъ король умыслилъ. . . (далѣе слѣдуютъ точ-

ныя слова наказа даннаго дворянину Богданову).

(¹⁸⁹) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ привезенная въ Москву генваря 6-го 1619 года Донскими атаманами Гавриломъ Стародубовымъ съ товарищи.

На сей отпискѣ помѣта положена такъва: „государь указаль и бояре приговорили атаманомъ и казакомъ давати корму атаманомъ лутчему по два алтына, а другому по два алтына безъ дещьги, рядовымъ по десяти денегъ на день.“

(¹⁹⁰) Тамъ же, царская грамота на Донъ отъ 30 декабря 1618 г.

(¹⁹¹) Тѣхъ же турецкихъ дѣлъ 1618 г., предъидущая грамота и слѣдующая окружная грамота къ воеводамъ украинскихъ городовъ отъ 30 декабря 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи, на Воронежъ, воеводѣ нашему Ортемыю Васильевичу Лодыгину. Били намъ челомъ Донскіе атаманы Ондрей Репчуковъ да Мартынъ Горской съ товарищи отъ всего Донскаго войска, что они намъ великому государю служатъ по шлехомъ разъѣзжаютъ и по перевозамъ лежатъ, и исырей отграмливаютъ и въ наши украинныя города проводятъ душъ по сту и по двѣсти и струги и гребцовъ наймуютъ, и кормъ про нихъ покупаютъ, и пословъ и посланниковъ нашихъ встрѣчаютъ и провожаютъ въ Царьгородъ и въ Ногаи въ большіе и въ малые, и за ту де ихъ службу пожалованы они: велѣно имъ выходитьъ въ наши украинныя города со всякими товары и пошлинъ съ товаровъ ихъ имать невелѣно, и наша де жалованная грамота за нашею красною печатью къ нимъ прислана, и они де по той нашей жалованной грамотѣ учали въ наши украинныя города пріѣзжать съ товарами и безъ товаровъ, къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ своихъ, и по нашимъ де украиннымъ городамъ въ воеводы и дьяки тѣмъ атаманомъ и казакомъ чинять обиды и насильства великія: товары ихъ, лошади, и ковры, и софьяны, и всякіе ихъ товары емлютъ у нихъ безденежно и управы имъ на стороннихъ людей недаютъ. И намъ бы ихъ пожаловать, по нашей жалованной грамотѣ велѣти имъ въ наши украинныя города съ товарами и безъ товаровъ къ родимцомъ своимъ и для своихъ дѣлъ ѣздити позволить и обидъ имъ и насильствъ никакихъ чинить невелѣти. И мы Донскихъ атамановъ и казаковъ, за ихъ многія службы, пожаловали, по прежней нашей жалованной грамотѣ, въ наши украинныя города ѣздити имъ съ товарами и безъ товаровъ, и къ родимцомъ своимъ и для всякихъ дѣлъ, позволили и всякими ихъ товары торговать велѣли безошлинно, и ото всѣхъ обидъ и насильства велѣли ихъ вамъ воеводамъ оберегати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и которые атаманы и казаки учнутъ впередъ пріѣзжать къ вамъ на Воронежъ съ товары и безъ товаровъ, къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ, и выбъ имъ всякими товары велѣли торговати“.

(¹⁹²) Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1615 г., № 6, грамота Султану Мурзы сына Юсуфова къ великому князю.

(¹⁹³) Тамъ же, связка 2-я, 1616—1617 г., № 3-й, см. выписку о возмущеніи Ногайскаго князя Иштерека и о покореніи его опять подъ Россійскую Державу (1616 года іюля 16 дня).

(¹⁹⁴) Тамъ же, 1617 г., № 4, выписка изъ наказа даннаго Матвѣю Зубову и Прокофію Враскому.

... „А будетъ ногайскіе мурзы учнутъ говорити: они государю шертуютъ и изъ земли идутъ вонъ и полонъ, что есть, отпустятъ, а государь бы велѣлъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ имъ впередъ Донскіе казаки обидѣ и тѣсноты не чинилп.

„И Матвѣю и Прокофію говорити: дѣло нестаточное говорите, знатно нехотите царскому величеству служить, что казаковъ съ Дону велите сводити, казаки на Дону живутъ за много лѣтъ, самямъ вамъ вѣдомо, только вы предъ царскимъ величествомъ рукою учинитесь, и правду ему государю дадите шерть на куранѣ передо мною учините и полонъ нынѣшней весь отпустите и изъ государевы земли выйдете вонъ тотчасъ, смирно безъ войны, и пословъ своихъ къ царскому величеству пришлете, и великій государь нашъ, его царское величество, пословъ вашихъ пожаловавъ, тотчасъ отпустить и своихъ дворянъ съ своимъ царскимъ жалованьемъ пошлетъ, и учнетъ васъ держати въ своемъ царскомъ крѣпкомъ милостивомъ жалованье. . . . а только предъ царскимъ величествомъ вашего исправленья не будетъ, и царское величество велитъ на Донъ атамановъ и казаковъ еще прибавить:“

(¹⁹⁵) Тамъ же, въ столбц. 1619 г., № 20, связка 1-я, отписка астраханскихъ воеводъ князей Андрея Хованскаго и Алексѣя Львова и дьяковъ Ивана Тимофеева и Ивана Грязева, въ посольскій приказъ.

..... „Что когда де они ногайцы, по недружбѣ своей, съ обѣихъ сторонъ, другъ на друга собрався со всѣми людьми, къ бою стоятъ на готовѣ, и только де, государь они хотѣли вмѣсто твоихъ государевыхъ людей послати къ намъ холопемъ твоимъ закладъ Шайтерека Мурзу и улусныхъ людей, и маія, государь, въ 12 день, въ ночи, пришли на нихъ безвѣстно вору волжскіе казакъ атаманъ Петрушка, Иванъ, Максимко Лысой съ товарищи, и улусы ихъ погромили. и взяли де у нихъ въ полонъ Каракельмаметъ Мурзину мать Улуханымъ, да тетку его Наанза, да сестру его, да дочь дѣвку, да брата ихъ Алеѣ Мурзы Урмаметова жену, да дву сыновъ, да дву дочерей, да лучшихъ улусныхъ людей Набая да Клеула и иныхъ многихъ людей съ женами и съ дѣтьми сто шестьдесятъ человекъ и ихъ де и совсѣмъ разорили, и сборъ ихъ и дѣло на Иштерка князя и на Таймаметевыхъ дѣтей помѣшали и погромя де, государь, ихъ казаки, съ тѣмъ полономъ пошли на Бухвостову отъ Астрахани вверхъ съ полтора ста верстъ. и проч.

(¹⁹⁶) Выписка изъ крымскихъ дѣлъ, въ столб. 1620 г., № 3, ста-

тейный списокъ околыничаго князя Волконскаго, бывшаго въ Волуѣнкѣ на размѣнномъ мѣстѣ.

Г Л А В А V I I I .

Разореніе азовцами казачьяго городка.—Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и пораженіе ихъ на возвратномъ пути.—Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ Персидскимъ и султаномъ Турецкимъ.—Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подъ знаменами Польскаго короля, совокупно воевать иrogивъ султана.—Запорожцы небольшими партіями переходятъ на Донъ.—Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско.—Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ.—Поиски казаковъ на сухомъ пути и на морѣ.—Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузена и бытность съ нимъ на Дону российскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова.—Притязанія и притѣсненія посланникамъ за казаковъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ на пути въ Царьградъ.—Бытность российскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополь.—Оскорбленія, причиненныя посланникамъ за казаковъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда.—Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами.—Азовцы разрываютъ миръ.—Казакъ разоряютъ старый Крымъ и улусы близъ Керчи.—Приступъ Донскихъ казаковъ къ г. Трапезонту.—Междоусобіе казаковъ съ черкасами.—Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ.—Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Трапезонта и Синопа.—Они вторгаются въ улусы крымскіе и отгоняютъ крымскихъ лошадей.—Негодование крымскаго двора на пословъ нашихъ за разоренія причиняемыя казаками крымцамъ и туркамъ и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону.—Заключеніе пословъ въ Крыму.—Гнѣвъ за сіе царя; станція казаковъ бывшая въ Москвѣ послана въ заточеніе.—Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ Волжскими казаками.—Наказаніе за сіе.—Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ.—Разореніе казаками Карасубазара, Балаклары и многихъ деревень въ Крыму.—Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намѣревается казнить смертію.—Поиски казаковъ въ 1629 году: взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бахчи-сарая, греческаго монастыря Сизобоза и битва ихъ въ семь послѣднемъ съ инычарами.—Прибытіе на Донъ 500 человекъ запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокупно съ Донскими казаками на море.

Разореніе азовцами казачьяго городка. Въ предыдущей главѣ видѣли мы, что вражда между казаками

и азовцами началась снова. Зимой 1620 года, азовцы разорили казачій на Дону городокъ находившійся ниже Манычи, взяли болѣе ста человекъ казаковъ въ плѣнъ и разные съѣстные припасы⁽¹⁹⁷⁾.

Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и поражение ихъ на возвратномъ пути. Скорбя о собратяхъ своихъ въ рабствѣ томившихся, казаки горѣли мщеніемъ противъ азовцевъ и созвавши изъ верховыхъ городковъ всѣхъ товарищей своихъ, намѣревались разорить Азовъ; но удерживаемые твердынями азовскими, 1300 человекъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Василя Шалигина, соединясь съ 400 человеками Запорожскихъ черкасъ, за три дня до пасхи, поплыли чрезъ моря Азовское и Черное къ берегамъ турецкимъ и приставъ къ онымъ вознамѣрились овладѣть городомъ *Ризою*; распорядились и пошли на него приступомъ, но неимѣли желаемого успѣха и съ чувствительною потерей принуждены были оставить это предпріятіе. На возвратномъ пути постигло ихъ новое несчастье: сильная буря разбила нѣсколько струговъ и потопила людей; а гнавшіеся за ними на 27 каторгахъ турки пользуясь попутнымъ вѣтромъ, настигли, многихъ побили, потопили и взяли въ плѣнъ казаковъ и черкасъ запорожскихъ до 800 человекъ⁽¹⁹⁸⁾.

⁽¹⁹⁷⁾ См. ниже примѣч. 198.

⁽¹⁹⁸⁾ Изъ вновь найденнаго турецкаго дѣла, въ столбц. 1621 г., № 3, распросныя рѣчи Семена Опухтина, посланнаго на Донъ съ царскимъ войску жалованьемъ, для встрѣчи турецкаго посла Оомы Контакузена.

„Да Ивашко жъ въ распросѣ сказалъ, что турецкіе люди изъ Азова взяли у нихъ на Дону городокъ, а казаковъ побили, а иныхъ въ полонъ поймали, и съ Дону де казаки послали по всѣмъ рѣкамъ и по малымъ рѣчкамъ къ казакѣ же, а велѣли имъ всѣмъ сходится на Дону, а съ Дону всѣ идутъ подъ Азовъ и надъ Азовомъ промыслить и Азовъ бы взять и разорить, также какъ азовцы Донскихъ казаковъ городокъ разорили..... Семень же Опухтинъ сказалъ: ходили де съ Дону на море на добычу атаманы и казаки атаманъ Василей Малыгинъ, а съ нимъ 1300 человекъ, да съ ними-жъ запорожскихъ черкасъ 400 человекъ;

Въ этомъ походѣ главными предводителями были черкасы Сулима, Шило и Яцко. Неменьше сего несчастливъ былъ и другой ихъ походъ подь ногайскіе Казыевы улусы, изъ 400 человекъ (конныхъ казаковъ) едва возвратилось въ войско 100 человекъ.

Возвратившіеся съ морскаго похода казаки извѣстили войско, что султанъ турецкій съ персидскимъ шахомъ заключилъ миръ.

Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ персидскимъ и султаномъ турецкимъ. По словамъ вѣкоаго Семена Опухтина, съ коимъ послано было на Донъ царское жалованье, казаки не безъ смущенія и страха смотрѣли на союзъ сей, но всего болѣе они страшились, чтобы султанъ турецкій не заключилъ тѣсной дружбы и съ царемъ Московскимъ, и чтобы соединенными силами не сбили ихъ съ Дону⁽¹⁹⁹⁾.

Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подь знаменами польскаго короля совокупно воевать противъ Султана. Въ сіе время запорожскій гетманъ Бородавка присылалъ на Донъ атамана Соколку съ двумя запорожскими черкасами и съ на-

---

атаманы были у всѣхъ у черкасъ и у казаковъ большіе черкашаня Сулимъ, да Шило, да Яцко, а пошли до его Семенова приѣзду за долго, еще до велика дни за три дни; а ходили за Черное море и приступали къ городу Ризѣ и къ пашину двору, и тутъ имъ учинилась шкота великая—на приступѣ побили многихъ людей, а какъ пошли отъ города прочь, и на море пришло на нихъ погодье и струги ихъ многіе на море разбило и людей потопило, а за остальными де пошли турецкіе люди 27 каторгъ и шедчи казаковъ, побили всѣхъ, а убили казаковъ и черкасъ 300 человекъ да въ осьми стругахъ казаконъ человекъ по 40 и 50, а всего только при немъ при Семенѣ пришло на Донъ съ моря казаконъ человекъ съ 300, да съ 30 человекъ черкасъ. А на Донъ де пришедши, тѣ казаки сказывали, что они за моремъ имали турецкіе языки многіе, а въ распросѣ имъ тѣ языки сказывали, что турецкой царь съ шахомъ помирился на пятнадцать лѣтъ!"

(¹⁹⁹) См. вышеприведенныя распросныя рѣчи Опухтина.

ставленіемъ: склонить Донскихъ казаковъ, соединись съ ними Запорожцами, идти подъ знамена короля польскаго, противъ общаго врага султана турецкаго. Соколка показаль и списовъ съ королевской грамоты, коею король убѣждалъ запорожцевъ идти всѣмъ войскомъ, обѣщая платить имъ жалованья по 30 рублей на человѣка. Донскіе атаманы и казаки отозвались на сіе тѣмъ, что на Дону ихъ судовыхъ и конныхъ не болѣе 7/т. человѣкъ; что большое войско ихъ пошло на море, и что по сей причинѣ они на предложеніе гетмана согласиться не могутъ, развѣ тогда, когда товарищи ихъ возвратятся съ моря. Опухтинъ въ то время еще находился на Дону и потому Соколку съ товарищи проводили хотя и съ честію, но безъ дальняго, казалось, успѣха; послѣ отъѣзда же Опухтина съ Дону въ первую ночь 200 человѣкъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ запорожскихъ отиравились въ Запороги пѣшіе.

Въ семь же году, по сказанію Опухтина, пришли на Донъ въ верхніе казачьи городки изъ разныхъ украинскихъ російскихъ городовъ бѣглецы: ломы и боярскіе люди до 500 человѣкъ и оттуда пошли на Волгу и Яикъ для разбоевъ⁽²⁰⁰⁾.

Запорожцы небольшими партіями переходятъ на Донъ. Несогласіе въ Польшѣ и утѣсненія причиняемыя поляками запорожскимъ черкасамъ, были поводомъ, что сіи послѣдніе оставляя жилища свои, восною 1622 года ватагами человѣкъ по 15, по 20 и 50 переходили на Донъ для сообщества и добычъ съ Донскими казаками. Сіи пришельцы увѣряли, что вскорѣ за ними будутъ на Донъ 500 человѣкъ однородцевъ ихъ и казаки полка Заруцкаго бывшіе въ Литвѣ(*). Російскій дворъ, неизвѣстно по какой причинѣ, но всегда взираль на сіе съ неудовольствіемъ и

(²⁰⁰) Посольскія дѣла двора турецкаго, книга № 1, 1622 г., отписка Валуевскихъ воеводъ Вутурлина и Леонтьева. Дѣла крымскія, въ столб. 1622 г., № 2.

(*) Дѣйствительно ли въ сіе время приходили на Донъ 500 запорожцевъ и казаки полка Заруцкаго, о томъ акты того и послѣдняго времени умалчиваютъ.

потому въ 29 д. апрѣли написана была отъ государя и по-
слава къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ грамота, коею
запрещалось принимать Запорожцевъ на Донъ и давать у
себя мѣста для ихъ поселенія⁽²⁰¹⁾. Султана же турецкаго и
Хана крымскаго сіе переселеніе ужасало, и для того ханъ
съ нарочнымъ гонцомъ своимъ Мустафою—мурзою писалъ къ
великому князю, убѣждая его строго подтвердить казакамъ,
дабы Запорожцы на Дону отнюдь принимаемы не были⁽²⁰²⁾.

(²⁰¹.) Дѣла турецкія книга № 1-й грамота царская на Донъ отъ
20 сентября 1622 г.

. . . . „А которые гонцы пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ наши
утрапные города съ Дону, и тѣ всѣ сказываютъ, что вы на море
товарищей своихъ посылали послѣ нашего государскаго указу и
одинова, и корабли и каторги, которые шли въ Азовъ, громили;
и то есте учинили негораздо мимо нашего царскаго повелѣнья, а
нашъ указъ посласть къ вамъ и не одинъ да съ вашими жъ де
товарищами ходили вмѣстѣ запорожскіе черкасы, которые къ вамъ
пришли изъ Литвы изъ запрогъ и нынѣ у васъ на Дону черкасы
многіе, и будучи у васъ на Дону съ турскими и съ крымскими
людьми чинятъ задоры многіе, а по нашему указу запорожскихъ
черкасъ принимать вамъ къ себѣ не велѣно, потому, что они при-
ходятъ къ вамъ по наученью польскаго короля, для того, чемъбы
межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссору учинити
и войну всчать. Да и самимъ вамъ то вѣдомо, что турецкой сал-
танъ и крымской царь приходили на польшу и на лятву зато,
турскаго и крымскаго воевали запорожскіе черкасы и неодинова, и
города у нихъ имали а нынѣ васъ на тоже наводятъ, чтобъ имъ
турскаго и крымскаго съ нами ссорити и войну всчать . . . . .
А учнете дѣлать противъ нашего указу, и подъ турскаго и подъ
крымскаго города и улусы учнете ходити войною и корабли и
каторги грамитъ, и черкасъ запорожскихъ учнете къ себѣ при-
мать, а что въ томъ учинится межъ насъ и турскаго и крымскаго
ссора и война и то все будетъ отъ насъ, и выѣтъ въ томъ на себя
нашего государскаго гнѣва не наводили и нашия къ себѣ милости
не теряли.“

(²⁰².) Дѣла крымскія въ столбц. 1622 г. № 4-й.

„И мы великій государь вамъ брату нашему объявляемъ: въ
нашемъ государствѣ, во всѣхъ нашихъ городѣхъ, велѣли есмя
заказъ крѣпкой учинити, гдѣ тѣ воры общаго нашего недруга
польскаго короля люди Дибровскіе казаки объявятся, и мы ихъ
въ наше государство принимать невелѣли, а велѣли надъ ними про-
мышляти и велѣли ихъ побивать; а про Донскихъ казаковъ вамъ
брату нашему объявляемъ, что на Дону казаки живутъ воры, сбѣ-

Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско. Вскорѣ послѣ того послалъ вспомогательное къ Азову войско, въ числѣ 2/т. человекъ подъ начальствомъ Бей—мурзы.

Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ. Отрядъ сей пришелъ въ Азовъ мая въ 27 день. Спустя послѣ того недѣлю, Бей—мурза согласясь съ азовцами, вышелъ со всѣми ратными людьми на Окупной Ярѣ и послалъ въ войско объявить, что азовцы просятъ мира и разглашаютъ оное для заключенія условій. Казаки, не подозрѣвая обмана, чистосердечно повѣривши азовцамъ и выслали изъ войска на Окупной Ярѣ 30 человекъ для переговоровъ о мирѣ и объ окупѣ плѣнныхъ. Варвары, выждавъ приближеніе казаковъ, мгновенно ринулись на безпечныхъ, всѣхъ ихъ побили и вскорѣ послѣ того пошли на украинные города.

Поиски казаковъ на сухомъ пути и на морѣ. Варварскій поступокъ азовцевъ и крымцевъ раздражилъ казаковъ: они полетѣли карать вѣроломныхъ; стерегли ихъ и поражали на переправахъ чрезъ рѣки, когда тѣ, обремененные добычею и плѣномъ, возвращались изъ украинъ российскихъ. Такимъ образомъ войсковою агамацъ Исай Мартемьяновъ съ 600 челомъ на Мертвомъ Донцѣ (на верхнемъ перевозѣ) разбилъ партію Татаръ изъ 50 человекъ состоявшую: 10 человекъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, 5 человекъ взялъ въ плѣнъ и отгромилъ Русскихъ плѣнниковъ 105 человекъ (203).

жавъ изъ нашего государства во многихъ винахъ отъ смертнаго казни, а съ ними виѣстѣ на Дону живутъ воры Днѣпровскіе казаки, и нашего государскаго повелѣнія неслушаютъ и проч.

(203.) Дѣла турецк. книга № 1-й отписки Донскихъ казаковъ полученная въ Москвѣ іюля 16-го.

„ Маія государь въ 27 д. пришелъ изъ крымю Бей—Мурза крымской а съ нимъ пришли 2/т. человекъ крымскихъ воинскихъ людей, и стоворясь съ азовскими людьми за миромъ пришли подъ войско на окупной ярѣ съ задними людьми, а сказали что будто пришли съ окупомъ для размыны русскихъ полоняниковъ; и мы холопи твои, повѣря ихъ безвѣрной вѣрѣ и мирному поставленью пришли на окупной ярѣ, в той Бей Мурза съ Азовскими и крымскими людьми казаковъ многихъ побили, и животовъ поймали, а хочеть идти въ русь съ азовскими людьми на твои государевы

Въ тоже время другіе товарищи ихъ побили татаръ на Казанскомъ перевозѣ (204). Многіе на легкихъ стругахъ плавали по водамъ Азовскаго и Чернаго морей, внезапно нападали на корабли и каторги турецкіе, тѣснили азовцевъ, жгли и опустошали селенія крымскія и турецкія; селенія: Балыклейское, Кафа, Транезонгъ и другія приморскія мѣста были свидѣтелями отважности и мужества казаковъ (205).

украинные города. И мы холопи твои, задору и обиды азовскихъ людей немогли терпѣти: на перевозѣ мертваго Донца, лежали и дожидались изъ руси азовскихъ людей Бехтемуръ Агусъ съ товарищи, погромили и отбили твоихъ государевыхъ людей, украинныхъ городовъ полоняниковъ 105 человекъ. . . . .

(204.) Дѣла турецкія въ столбцѣ 1622 г. № 1-й отписка Кондырева и Бармасова привезенная въ Москву іюля 16-го.

. . . . . „Сказывали казаки, атаманъ Ивашка Козыревъ, что шли изъ руси на казанской перевозѣ татаровѣ, и казаки де государь на томъ перевозѣ ихъ громили, іюня въ 24 д. (1622 г.) и въ изыдехъ взяли татарина одного человекъ а въ распросѣ имъ тотъ татаринъ сказалъ, что они Азовскіе люди, а пошло ихъ въ русь человекъ 500 и больши, анынѣ де ихъ назадъ воротилось человекъ съ 70, а иные де государь съ пономомъ идутъ изъ руси за ними а достальныи де татаровѣ дожидаются въ руси жнитвы и сѣнокосу, и казаки де государь, собрався изъ городковъ человекъ со сто и больши, пришли на Казанскій перевозъ и ждали татаръ, которые идутъ изъ руси съ пономомъ, ждаты на перевозѣ чтобъ ихъ погромить и пономъ отбить.“

(205.) Дѣла турецкихъ: распросныя рѣчи въ Москвѣ Царицынскаго стрѣльца Алешки Васильева 1622 г. № 1-й.

Въ распросѣ Царицынской стрѣлецъ Алешка Васильевъ сказалъ: былъ онъ на Дону въ нынѣшнемъ во 130 г. послѣ свѣтлаго воскресенья о Николинѣ дни, и да его де прїѣзду ходило на море Донскихъ атамановъ и казаковъ съ 1500 человекъ а черкасы де запорожскихъ ходило съ ними вмѣстѣ на море человекъ съ 300, и они де на морѣ въ томъ походѣ позамѣшались и къ нимъ де навстрѣчу для обереганья ходили черкасы жъ съ пяти стругахъ а въ стругѣ во всякомъ человекъ по 30. . . . .

И крымскихъ дѣлъ въ столбц. 1622 г. № 6, 14 и 15 выписка изъ статейнаго списка отправленныхъ въ Крымъ посланниковъ Усова и Уютскаго.

Да іюня въ 20 день прїѣзжалъ отъ царя Ибреямъ паша и говоритъ имъ Андрею и подъячему Степану, велѣлъ де вамъ царь говорити съ великимъ гнѣвомъ, межъ де великаго государя вашего и Джанъ Бекъ Гпрея царя правда стара, не въ правду, и

Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузина и бытность съ нимъ на Дону Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова. Между тѣмъ, какъ морскіе поиски казаковъ еще продолжались, и прибрежные жители полуострова Таврическаго, оставляя жилища свои, укрывались отъ нападений ихъ, въ то время возвращался изъ Москвы въ Царьградъ турецкій посолъ *Өма* Контакузинъ, сопровождаемый отпращенымъ къ султану русскими посланниками Кондыревымъ и Бормасовымъ, Донскимъ атаманомъ Епифаномъ Родиловымъ, бывшимъ въ Москвѣ съ станицею.

Изъ Воронежа посланники плыли Дономъ и на пути у Клѣцкаго городка узнали о походѣ 1000 Донскихъ казаковъ и 300 человекъ Запорожскихъ черкасъ на море, о взятіи и разореніи Трапезонта и другихъ приморскихъ селеній на Цареградской сторонѣ, о возвращеніи съ моря на Донъ 200 человекъ Черкасъ съ богатою добычею. Въ городахъ Пашинѣ и Голубыхъ атаманъ Епифанъ Родиловъ взялъ съ собою въ нижнее войско до 50 человекъ Волжскихъ казаковъ, разбивавшихъ на Волгѣ персидскіе бусы и прогнанныхъ оттуда астраханцами. Это произвело опасеніе въ посланникахъ Кондыревѣ и Бормасовѣ: они, боясь, чтобы волжскіе разбойники не возмутили Донскихъ казаковъ и не причинили бы имъ и турецкому послу какого зла, убѣждали Родилова не только не брать ихъ съ собою, но и запретить имъ жить въ городкахъ казачьихъ; сей отвѣтствовалъ: если войско ихъ не приметъ, *то они пойдутъ въ чужую землю* (206). Такой отвѣтъ Родилова и слухи о пребываніи на Дону Запорожскихъ чер-

шертъ не въ шертъ; ссылается де государь съ царемъ о братской дружбѣ и любви, а донскихъ де казаковъ посылаетъ моремъ крымскихъ улусовъ воевать, тому де два дни, подъ Кафою Донскіе казаки взяли два корабля, а нынѣ де пришли въ Булуьлы и многую де крымскимъ де людямъ шкоту подѣлали людей, въ полонъ по ямали:⁴

(206.) Дѣла турецк. въ столбц. 1622 г. № 1-й отписка Донскихъ казаковъ, полученная въ Москвѣ 16 іюля и отписка Кондырева и Бормасова привезенная въ Москву августа 23 дня.

кась усугубили опасеніе пословъ; они остерегались продолжать путь въ главное войско. Войсковой атаманъ Исай Мартемьяновъ, извѣстясь о томъ, послалъ къ нимъ нарочнаго, прося ѣхать въ войско безъ опасенія и увѣряя, что на Дону безопасно.

12 іюля посланники прибыли въ Монастырскій городокъ, въ казачьи юрты, и расположились станами: Турецкіе посланники особо, а російскіе также особливо. Въ городкѣ находилось весьма мало казаковъ, всѣ они были съ атаманомъ своимъ въ походѣ на морскомъ поискѣ, куда отправился онъ 7 іюля. На другой день по прибытіи посланниковъ, т. е. 13 іюля, пошли на море къ войсковому атаману и остальные казаки (кои были тогда въ городкѣ и кои съ атаманомъ Епихою Родиловымъ прибыли изъ Москвы) въ пяти стругахъ мимо стана Турецкихъ посланниковъ, которые, увидяши сіе, говорили приставамъ съ упрекомъ: „въ проѣздѣ нашъ изъ Азова въ Москву встрѣча намъ отъ казаковъ была великая; шибѣ же въ войскѣ никого нѣтъ и встрѣчи намъ никакой не было; всѣ пошли на море даже и тѣ, которые изъ Москвы пришли съ нами!“ Посланники въ оправданіе казаковъ отвѣчали, что азовцы съ ногайцами улуса Казыева вторглись въ Російскіе украинные города и нанесли многимъ значительное разореніе, возвращаются изъ Россіи съ плѣномъ и что казаки пошли противъ татаръ на перевозки, для отнятія онаго.

Между тѣмъ, того же 13 іюля, Російскіе посланники писали къ войсковому атаману Мартемьянову о прибытіи своемъ въ Монастырскій городокъ съ царскимъ жалованьемъ войску и просили увѣдомить ихъ о мѣстѣ нахождения войска; кому во время отсутствія онаго должны они сдать государено жалованье и скоро-ли ихъ отпустить въ Азовъ?—Въ слѣдствіе сего атаманъ Исай Мартемьяновъ 19 числа отправилъ въ Монастырскій городокъ Тихона Чулкова, поручивъ ему сказать посланникамъ, что атаманы и казаки стоятъ въ морскомъ устьѣ, ждутъ турецкихъ казаковъ, чтобы

не пропустить оные въ Азовъ, что въ Монастырской городокъ они возвратятся вскорѣ, чтобы посланники дождались ихъ въ ономъ и царское жалованье никому безъ нихъ не отдавали.

Наконецъ 20 числа пришли съ моря въ Монастырской городокъ войсковой атаманъ Исая Мартемьяновъ съ атаманомъ и казаками до 800 человекъ, оставивъ въ устьѣ Дона небольшой караулъ; въ тотъ же день составили, по обычаю своему, кругъ. Кондыревъ и Бормасовъ вручили имъ царскія грамоты и объявили о томъ, чтобы атаманы и казаки внявъ волѣ царской, съ азовцами поспѣшили заключить миръ, прекратили-бы поиски свои по морю, и ихъ, посланниковъ и пословъ турецкихъ, нисладо не удерживая, проводили бы до Азова честно, а присланное къ нимъ царское жалованье приняли-бы безъ малѣйшей огласки и между собою раздѣлили-бы послѣ ихъ отъѣзда, дабы посоль турецкій о томъ не увѣдалъ, и чрезъ то не подвергнулъ-бы ихъ (посланниковъ) какимъ обидамъ и притѣсненіямъ въ турецкой землѣ. Атаманъ Исая Мартемьяновъ со всѣмъ войсковымъ кругомъ, выслушавъ рѣчи посланниковъ и съ благоговѣніемъ въ кругу прочтя грамоты царскія, отвѣчалъ: „миръ съ азовцами у васъ нишѣ разорванъ и къ восстановленію онаго безъ отмщенія врагамъ своимъ приступить намъ невозможно!“ Едва только атаманъ окончилъ слова сіи, какъ явился гонецъ съ извѣстіемъ, что турецкіе корабли уже показались. Мартемьяновъ съ войскомъ своимъ тотчасъ сѣлъ на струги и отправился на встрѣчу къ врагамъ, а казну поручилъ принять послѣ себя Тихону Чулкову и Василью Чернову, которые, приплавъ отъ посланниковъ государево жалованье, состоявшее въ деньгахъ, сукнахъ, хлѣбныхъ и пушечныхъ запасахъ и вишѣ, одну часть онаго, какъ-то: деньги, сукна и пушечные снаряды положилъ въ часовнѣ, а запасы и вино на площади.

Между тѣмъ атаманъ Исая Мартемьяновъ, на морѣ встрѣтилъ плывшій въ Азовъ турецкій караванъ, стремительно

ударилъ на него, овладѣлъ однимъ непріятельскимъ кораблемъ съ находившимися на немъ тремя пушками и пушечнымъ снарядомъ и двумя косягами; 26 числа возвратился опять въ войско (Монастырскій городокъ). Хвально сею побѣдою, они шли изъ струговъ своихъ съ добычею мимо становищъ россійскихъ и турецкаго посланниковъ и въ виду ихъ раздѣляя оную между собою.

Со времени прибытія посольства въ Монастырскій городокъ протекло двѣ недѣли, но казаки ни мира съ азовцами не заключили, ни пословъ не отпустили. Кондыревъ и Бормасовъ непрестанно напоминали атаману и казакамъ о заключеніи мира съ азовцами; но они отвѣчали: „мы не можемъ рѣшиться на миръ дотолѣ, пока товарищи наши не возвратятся съ поисковъ морскихъ въ войско; если же хотите заключить миръ съ азовцами, то ведите съ ними переговоры сами (безъ насъ)“⁽²⁰⁷⁾.

⁽²⁰⁷⁾ Тѣхъ же дѣлъ и таже описки посланниковъ Кондырева и Бармасова, полученнаи въ Москвѣ августа 23 дня.

„И іюля, государь, въ 12 день, атаманъ Епиха Родиловъ изъ Монастырскаго городка пріѣхалъ къ намъ холопомъ твоимъ на встрѣчу съ ними жъ людьми, что съ ними было послано, да съ ними же, государь, пріѣхали въ другомъ стругу на встрѣчу Донскихъ казаковъ челоуѣкъ съ 15, а сказали что у нихъ больши того изъ Монастырскаго городка на встрѣчу никого не собралось; и мы холопи твои, съ тѣми людьми, что съ нами были, пришли въ казачьи юрты, въ Монастырскій городокъ іюля въ 12 день, а на завтра, государь, того и достальныя казаки всѣ, которые оставлены были въ городкѣ, и которые пришли съ Москвы съ Епихою Родиловымъ, струговъ съ пять, пошли на море къ Исаю жъ Мартемьянову, мимо становъ турецкихъ посланниковъ, и турецкіе, государь, посланники, видя то, что казаки пошли на море, говорили приставомъ съ великимъ шумомъ: какъ де они шли изъ Азова къ тебѣ, государю, къ Москвѣ и казаковъ де въ войску было много и встрѣча имъ была великая, а нынѣ де въ войску казаковъ никого нѣтъ, пошли де всѣ на море и встрѣчи имъ никакія не было, а которые де казаки Донскіе и провожатые пришли съ нами холопи твоими, и будто мы холопи тѣхъ достальныхъ казаковъ и провожатыхъ много отпустили на море жъ, и мы холопи твои посылали къ турецкимъ посланникомъ говорить толмачей, что съ азовцы собрався въ ногай Кезыева улуса пошли на твои, госу

Наконецъ въ 8 д. Августа пришли на Донъ и ожидаемыя съ моря казаки, кои еще весною сего года на 40 стругахъ отъехали для поисковъ, опустошивъ многія села и деревни при берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, они распространили смятеніе и страхъ даже и въ самомъ Константидаревы украинныя города и многіе мѣста посвоявали. и людей въ полонъ поймали и съ полопомъ изъ Руси идутъ назадъ; п атаманы и казаки изъ войска пошли лежать на перевозы подъ татаръ, чтобъ у татаръ полонъ отгромить. И того жъ, государь, дни іюля въ 13 день писали мы, холопи твои къ атаманомъ и казакомъ, къ Исаю Мартемьянову съ товарищи, что по твоему государеву указу, пришли мы холопи твои въ Монастырскій городокъ, и твое государево жалованье къ нимъ привезли, и они бѣ отписали, гдѣ они нынѣ стоятъ и долго-ль имъ въ походѣ быть и кому намъ холопомъ твоимъ, безъ нихъ твое государево жалованье, что къ нимъ прислано въ войско, отдать и много-ль государь нашего житья у нихъ будетъ? И іюля, государь, въ 19 день, пріѣхалъ къ намъ холопомъ твоимъ отъ атамановъ и отъ казаковъ, отъ Исаи Мартемьева съ товарищи Тихонъ Чулковъ, а сказалъ что атаманы и казаки стоятъ нынѣ на морскомъ устьѣ и дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобъ ихъ въ Азовъ не пропустить; а въ Монастырской де, государь, городокъ будетъ вскорѣ и намъ бы ихъ дожидаться въ Монастырскомъ городкѣ!“

. . . . . „И іюля въ 20 день, атаманы и казаки Исай Мартемьяновъ съ товарищи, человекъ ихъ съ 800 государь дни прислали къ намъ холопомъ твоимъ, чтобы намъ быть у нихъ въ кругу; и мы холопи твои къ атаманомъ и казакомъ въ кругъ ходили, и твои грамоты имъ отдали, и про твое государево жалованье, то что къ нимъ прислано сказали и по наказу имъ говорили, чтобъ они съ азовцы помирлись и жили бѣ въ миру, и на море бѣ не ходили и задоровъ бы никакихъ не чинили, и насъ бы холопей твоихъ, и турецкихъ посланниковъ отпустили въ Азовъ не задержавъ, и проводили бѣ до Азова честно, а что къ нимъ прислано съ нами, холопи твоими, твое государево жалованье деньги и сукно и хлѣбныя и пушечныя запасы, и они бѣ то у насъ взяли тайно и раздѣлили по себѣ послѣ нашего отпуску, а межъ бы себя о томъ не славили, чтобы про то въ Азовѣ не пронеслось и турецкому бѣ посланнику про то не свѣдать для того, чтобъ намъ холопомъ твоимъ, въ турецкой землѣ задержанья не было. И атаманъ, государь, и казаки, Исай Мартемьяновъ съ товарищи, твои государевы грамоты въ кругу чли и намъ холопомъ твоимъ сказали, что они твоему государеву жалованью ради; а съ азовцы де мы живемъ не въ миру, и нынѣ де намъ съ азовцы неуправясь помириться нельзя, и васъ въ Азовъ отпустить вскорѣ немочно. А

полѣ, отъ когo въ сіе время находились только за полтора
дня плываніи⁽²⁰⁸⁾ Между тѣмъ и сами понесли большой
твое государево жалованье, деньги и сукна и хлѣбные и пушеч-
ные запасы, и вино и суды, въ которыхъ была твоя государева
казна, у насъ взяли . . . . .
прислано несполна, и были государь атаманы и казаки въ Мона-
стырскомъ городкѣ, пришедъ съ моря, всего однѣй день, а на
завтре государь того іюля въ 21 д. атаманы и казаки Исай Мар-
темьяновъ съ товарищи, да къ тому государь къ нимъ въ при-
бавку изъ городовъ изъ Бѣла-города, изъ Курска и изъ пныхъ
украинныхъ городовъ всякіе пріѣзжіе люди, которые пріѣхали къ
нимъ въ войско съ товары, изъ Монастырскаго городка пошли къ
Азову и на морское устье, и были государь въ походѣ пять день
и сошлись съ турецкими коровапы, которые шли въ Азовъ и съ
ними билися, и взяли корабль да двѣ кояги, и пришли государь,
съ моря въ Монастырскій городокъ іюля въ 26 д., а съ собою
привезли наряду, что взяли на кораблѣ, три пушечки, да погром-
ной рухляди. Сафьяновъ, дороговъ, киндяковъ, бязей, луковъ не-
мало, а шли государь съ добычею къ себѣ въ курени мимо ста-
новъ турецкихъ посланниковъ, и погромную государь, всякую рух-
лядь изо всѣхъ струговъ турецкимъ посланникомъ оказывали и изъ
ружья противъ ихъ становъ стрѣляли. А нынѣ государь, Донскихъ
казаковъ на море что пошли съ весны, послѣ Николаина дни, 1000
человѣкъ, и тѣ государь казаки на Цареградской сторонѣ многие
мѣста повоевали и съ моря государь, со многою добычею идутъ
назадъ; а въ войско государь еще Августа по 15 число небывали;
а казаки государь намъ говорятъ, что у товарищей ихъ срокъ
положенъ съ моря быть въ войско послѣ Семени дни, какъ мор-
ской ходъ учнетъ миноваться, а вамъ де до тѣхъ мѣсть въ
Азовъ небывать . . . . .
И мы, холони твои, атаманомъ и казакомъ говорили: по многіе
дни, чтобъ по твоему государеву указу съ азовцы помирились, и
жилбѣ въ миру, и насъ бы, холоней твоихъ, отпустили въ Азовъ
незадержавъ, неиспустя нынѣшнего лѣтняго времени, пока мѣста
морской ходъ не миновался . . . . .
(²⁰⁸) Дѣла турецкіи, въ столб. 1622 г., № 1, см. распросни
рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго
казака Казьмы Ильина. . . . .

Да они же де Ларя и Куземка слышали у азовца у Мустуфы
Картаваго, который пріѣзжалъ въ казачьи юрты изъ Азова мпря-
ти казаковъ съ азовцы, что ходило де на море казаковъ подъ
Царьгородъ 40 струговъ, а въ нихъ 1150 человѣкъ и взяли бы-
ло деревню жидовскую, въ которой жили жида, а та де деревня
отъ Царьгорода всего полднища и на тѣхъ де казаковъ подъ ту

уронъ, такъ что изъ 1500 человекъ Донцовъ и Запорожцевъ, подъ чачальствомъ атамана Черкашенина Шило въ семь походъ бывшихъ, возвратилось на Донъ только съ небольшимъ 700 человекъ. Турки, извѣстясь о взятіи и разореніи казаками Жидовской деревни, недалеко отъ Цариграда лежащей выслали, а противъ нихъ 16 ваторгъ. Тутъ произошло между казаками и Турками жаркая сѣча.... Послѣдніе предложили за плѣнныхъ дорогою выкупъ; неосторожные и алчные къ добычѣ казаки немедленно на то согласились, пристали къ берегу и цѣлые три дня переговаривались съ хитрыми врагами своими о цѣнѣ выкупа; напоследокъ Турки, замѣтивъ ихъ оплошность, собрались съ силами, неожиданно напали на казаковъ и многихъ изъ нихъ побили⁽²⁰⁹⁾.

Какъ оставшіеся отъ сего пораженія Донскіе казаки возвратились въ войско, Кондыревъ и Бормасовъ опять возобновили настоятельства свои о заключеніи между казаками и азовцами мира. Послѣ сего казаки рѣшились заключить миръ;

деревню ходило турецкихъ людей 16 ваторгъ, и тое деревню взяли у нихъ назадъ и казаковъ побили съ половиною, а побили де ихъ обманомъ; заслали къ нимъ напередъ отомъ чтобы казаки дали имъ полонъ, что они поймали на окупѣ и будто ихъ хотѣли покупать дорогою цѣною, и манили ихъ окупомъ три дни, и собрався въ тѣ дни, пришедъ на нихъ безвѣстно и ихъ побили и полонъ свой отгромили, а половиною де казачовъ ушли на море въ стругахъ и полону съ собою увезли не маложъ, а на Дону Донскіе атаманы и казаки говорили про нихъ въ разговорехъ и ясыри многіе оказывали, что де тѣхъ атамановъ и казаковъ побили на морѣ турецкіе люди всѣхъ . . . . .

(²⁰⁹) Дѣла турецкія въ столб. 1622 г., № 2, см. статейный списокъ посольства въ Царьградъ Ивана Кондырева и дьяка Тихона Бормасова.

. . . А августа въ 8 д. пришли на Донъ съ моря Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ 25 струговъ атаманъ черкасской Шило съ товарищи человекъ съ 700 и больше, а сказывали что они были за моремъ отъ Царьгорода за полтора днища, и повоевали въ Царьгородскомъ уѣздѣ села и деревни и многихъ людей посѣкли и на нашихъ де изъ Царьгорода приходили ваторги и убили у нихъ казаковъ человекъ съ 400 и больше. . . . .

Смотри слѣдующее примѣчаніе.

но только до тѣхъ поръ пока посланники дойдутъ до Царьграда⁽²¹⁰⁾.

13 августа посланники изъ Монастырскаго городка пошли въ Азовъ. Версты за двѣ не доѣзжая до Азова, встрѣтили ихъ азовцы въ 30 стругахъ; тутъ Данило Яблочновъ и Донскіе атаманы Исая Мартемьяновъ и Епифанъ Родиловъ передали пословъ азовцамъ со всѣми правожатыми и возвратились назадъ.

Притязанія и притѣсненія посланникамъ за казаконъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ нанути въ Царьградъ. Аги азовскіе требовали отъ посланниковъ, чтобы они поручились въ томъ, что Донскіе казаки послѣ отъѣзда ихъ въ Царьградъ, плавать по морю и турецкіе корабли разбивать не будутъ. Но посланники ствѣчали, что они такового обязательства на себѣ дать не могутъ, потому что *на Дону живутъ воры, бѣлые холопы боярскіе*, и на море ходятъ самовольно, что подобныя бѣды терпитъ и Россія отъ Азовцевъ, которые хотя живутъ и въ устроенномъ городѣ, но ежегодно приходятъ на украины и жителямъ оныхъ причиняютъ великія разоренія. Въ Кафѣ принуждены были посланники слышать упреки на заморскіе поиски казаконъ, и едва только подобнымъ же сему отзывомъ успѣли успокоить тамошняго Пашу, какъ снова поставлены были въ затруднительное положеніе: къ нимъ привели въ оковахъ болѣе 20 человекъ плѣнныхъ Черкасъ и Русскихъ. Тутъ паша говорилъ посланникамъ російскимъ, что „это люди російскіе, что они ходятъ на море и нападаютъ на карабли и каторги турецкіе ежегодно, что хотя многихъ изъ нихъ убиваютъ, однако-жь число ихъ не уменьшається, а всякій годъ возрастаетъ. Посланники отвѣчали, что это не Донскіе казаки, а Черкасы-подданные короля Литовскаго, а еслибъ и подлинно были

⁽²¹⁰⁾ Дѣла турецкія, въ столб. 1622 г. № 1, см. распросныя рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго казака Казьмы Ильина.

между ими Донскіе казаки, то уже извѣстно пашѣ, что на Дону живутъ люди такіе, за которыхъ государь нашъ не стоитъ⁽²¹¹⁾. Послѣ сего Кондыревъ и Бормасовъ изъ Кафы были отпущены въ Царьградъ, но на пути семь претерпѣли сильную бурю 28 сентября, въ разстояніи ста верстъ отъ Царьграда, вышли на берегъ въ лиманѣ при селѣ Кандрѣ, которое въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года было все выжжено казаками. Тутъ стояли десять турецкихъ кораблей укрываясь отъ бури; Турки, на сихъ корабляхъ находившіеся, увидѣвъ ихъ приближеніе и почти ихъ за Донскихъ казаковѣ, въ великомъ страхѣ стали метаться съ кораблей и оставивъ оныя, побѣжали по селамъ и деревнямъ, разглашая повсюду о нашествіи казаковѣ. Испуганные жители сначала повѣрили симъ вѣстовщикамъ, но усумнившись въ справедливости разглашеній ихъ, собрались изъ окрестныхъ деревень до 300 человекъ съ Кадьемъ, пришли къ посланникамъ въ се-
⁽²¹¹⁾ Тѣхъ же дѣлъ, см. вышенриведенный статейный списокъ Кондырева и Бормасова.

„Что имъ за казаковъ въ томъ иматься нельзя, что имъ на море неходить, самимъ имъ вѣдомо, что на Дону живутъ воры, бѣглецы холопи боярскіе, которые утекаютъ изъ московскаго государства отъ винъ своихъ, а на море ходятъ самовольствомъ, а государя вашего азовскіе люди живутъ и въ городѣ и тѣ по вся дни, въ лѣто и въ осень и въ зиму приходятъ на государя нашего украины и великаго государя нашего землю воютъ и люди въ полонѣ емлютъ. . . . .

Привели къ пашѣ Кафинскому на дворъ полоняниковъ черкасы и русскихъ людей человекъ съ 20 и больша на цѣпяхъ и перекочаны всѣ. И паша Ивану и Тихону говорили: вспрашивайте де сами своихъ казаковъ, почѣму они приказу на море ходятъ и корабли и каторги громятъ и людей побиваютъ и землю государя нашего пустошатъ.

И Иванъ и Тихонъ пашѣ говорили, что имъ до нихъ дѣла нѣтъ и вспрашивать ихъ нечего для, а то они видятъ что приведены всѣ черкасы, литовскаго короля люди, а что въ нихъ русскіе люди есть и тѣ государя нашего измѣнники, служатъ литовскому королю съ черкасы вмѣстѣ, а хотябъ въ нихъ были и прямые Донскіе казаки, и на Дону живутъ воры, бѣглецы холопи боярскіе и всякіе схожіе вольные люди и на море ходятъ самовольствомъ безъ повѣленія великаго государя нашего, а великій государь нашъ за воровъ не стоитъ.“

ло Кандру и съ великимъ азартомъ говорили, что они жизнью своею должны заплатить за тѣ раззоренія, которыя нанесены жилищамъ ихъ Донскими казаками. Посланники отвѣчали, что они посланы отъ царя къ Султану по дѣламъ важнымъ государственнымъ, и потому не оскорбленія и обидъ, но защиты и безопасности ожидаютъ, ибо они находятся во владѣніи государя союзнаго и Россіи доброжелательнаго, и утверждали, что на море ходятъ черкасы Запорожскіе, подвластные королю Литовскому, а не Донскіе казаки, которымъ ходить на морскіе поиски государь запретилъ весьма строго. Турки доказывали, что Донскихъ казаковъ отъ черкасъ Запорожскихъ они различаютъ и что опустошеніе сіе произвели дѣйствительно Донскіе казаки; впрочемъ, повѣривши посланникамъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ запретилъ Донскимъ казакамъ ходить на море, обѣщали имъ не дѣлать ни малѣйшаго зла, дали свободу продолжать путь далѣе.

Отсюда посланники отпрагились въ Царьградъ, ночью 8 октября, а 12-го пришли въ предмѣстье столицы Оттомановъ бывъ сопровождаемы великимъ страхомъ, опасаясь чтобы за раззоренія, причиненныя казаками въ тѣхъ мѣстахъ въ минувшемъ лѣтѣ, не сдѣлаться жертвою мщенію раздраженныхъ жителей; но къ счастью ихъ, всѣ селенія, чрезъ которыя проходили они на пути отъ Кандры до Царьграда, были совершенно безлюдны; ибо жители оныхъ укрывались въ лѣсахъ, боясь новаго нашествія Донскихъ казаковъ⁽²¹²⁾.

⁽²¹²⁾ Продолженіе того же статейнаго списка.

„А до ихъ пріѣзду въ томъ лиманѣ стоятъ отъ погоды корабли съ десять, а которые турскіе люди были на тѣхъ кораблехъ и тѣ увиди ихъ учали съ кораблей метаться на берегъ и корабли покинули и побѣжали по селомъ и по деревнямъ, для того, почаяли приходу Донскихъ казаковъ что прежде сего въ 130 году въ іюлѣ приходили на тѣ мѣста Донскіе казаки и село Кандру и иные селы и деревны пожгли и людей въ полонъ поимали.

А какъ пришелъ въ село Кандру, и то село возжено все, а всемъ было дворовъ съ 500 и больши, и къ нимъ въ село въ Кандру приходили Кадый и тутошныя торговые желецкіе и уѣздныя люди, человекъ съ 300 и больши, и говорили, что усей Кандру и иные селы и деревны нынѣшняго лѣта повоевали и по-

Бытность Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополь. Въ Константинополь въ предметъ переговоровъ входили между прочимъ и Донскіе казаки. Визирь посланникамъ нашимъ дѣлалъ упреки за казаковъ и требовалъ ихъ унять, но посланники и тутъ отрицаясь отъ казаковъ, говорили по обыкновенію, что они *воры, холопы бѣлые* и тому подобное, и взаимно настаивали о запрещеніи азовцамъ грабить Россійскіе укранны(²¹³).

Оскорбленія, причененныя посланникамъ за казаковъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда. Весною 1623 года посольство Россійское отпущено было изъ Царьграда въ Россію. По

жгли государя вашего Донскіе казаки и людей многихъ побили а иныхъ живыхъ поймали, и мы де за то нынѣ хотимъ учинить надъ вами тоже что Донскіе казаки надъ ними учинили.

Иванъ и Тихонъ имъ говорили, чтобы они надъ ними некотораго дурна неучинили, идуть они отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи къ великому государю ихъ къ Муфастъ Салтанову величеству о ихъ государскихъ великихъ дѣлѣхъ. А Донскимъ казакомъ отъ великаго государя нашего заказъ отомъ крѣпкой, что на море ихъ ходитъ невелѣно, а ходять на море и корабли и каторги громять литовскаго короля Запорожскіе черкасы, а не Донскіе казаки.

И села Кандры всякія люди говорили, что они Донскихъ казаковъ съ черкасы знаютъ. Нынѣшняго де лѣта приходили къ нимъ въ село въ Кандру и выжгли Донскіе казаки, а не черкасы; и будетъ де Донскимъ казакомъ впередъ на море ходить невелѣно, и мы де за то надъ вами ни котораго дурна неучинимъ.

И Иванъ и Тихонъ и турскіе посланники Гореченилъ Ѳома и Чеуши, дождався ночи изъ села Кандры пошли къ Царьгороду сухимъ путемъ, и шли дорогою до морскія протоки, четыре дни съ великою боязнію, чтобы надъ ними въ дорогѣ уѣздные люди за казачьи погромы котораго дурна неучинили, а которыми мѣсты ѣхали, и въ тѣхъ мѣстахъ по селомъ и по деревнямъ всякія люди разбѣжались отъ казаковъ и живутъ по лѣсомъ.

А они морскую протоку пришли октября въ 12 д. и стали недоходя Царьгорода за 10 верстъ въ селѣ въ Бейкусѣ и корабль ихъ пришелъ къ нимъ на завтрее ихъ приходу октября въ 13 д.⁴

(²¹³) Это примѣчаніе см. выше. Продолженіе статейнаго списка Кондырева и Бормасова.

прибытіи онаго въ Кафу, пропеслись слухи, что Донскіе казаки вышли въ море: всѣ жители сего города бѣжали изъ онаго въ отдаленныя села и деревни, а иные выѣзжали въ Крымъ; оставались только весьма немногіе. Царь Крымскій извѣстясь въ то время отъ азовскаго Аги, что казаки дѣйствительно уже вышли въ море, писалъ о томъ въ Кафу, повелѣвая тамошнему пашѣ имѣть должную осторожность, и о появленіи казаковъ извѣстить его со всевозможною скоростію; посланниковъ же московскихъ приказалъ держать за крѣпкимъ карауломъ. Получивъ таковое предписаніе, кафянцы пришли къ посланникамъ съ великимъ шумомъ, заперли ихъ въ дворъ и хвалилися побить. Послы содержались въ Кафѣ нѣсколько времени, но какъ казаки нигдѣ не появлялись, то и дозволено имъ было отправиться далѣе.

По прибытіи отсюда въ Керчь, послы принуждены были терпѣть за казаковъ новыя непріятности. Въ то время около 1000 человекъ казаковъ, разѣзжавшихъ по морю на 30 стругахъ, близъ Керчи завладѣли одною комягою(*), людей на оной частію побили, а частію взяли въ плѣнъ, и остановились въ виду города.

Встревоженные появленіемъ казаковъ, жители керченскіе схватили посланниковъ, заперли ихъ въ башню, поставили надъ ними стражу, и въ буйствѣ грозили лишить ихъ жизни, требуя, чтобы они удержали казаковъ отъ нападенія на городъ. Посланники рѣшились убѣдить казаковъ чрезъ посольныхъ своихъ, чтобы они ни мало не мѣшкая, отошли отъ города не дѣлая ни малѣйшаго вреда и возвратились бы на Донъ. Казаки послушались и поплыли мимо Керчи въ Черное море за Кафу. О успѣхахъ сихъ удалцовъ на Черномъ морѣ заподлинно ничего не извѣстно. Изъ Керчи привезли посланниковъ въ Темрюкъ, гдѣ они должны были переносить за казаковъ новыя непріятности: червеса темрюцкіе, въ отмщеніе за взятіе въ плѣнъ казаками сына тамошняго воеводы, сперва хотѣли ихъ умертвить, потомъ требовали возвратить имъ 2/3 золотыхъ, взятыхъ казаками за плѣнника сего

и потомъ заперли въ башню. Воевода азовскій Асаиъ-Бей и турецкій посланникъ Ахметъ Ага хотѣли было російскихъ посланниковъ защитить и уговорить черкесь, чтобы ихъ немедленно отпустили въ Азовъ, но за посредничество сіе сами едва не заплатили жизнью и принуждены были дать на себя (память въ подаркахъ) обязательство и тѣмъ успокоили буйныхъ черкесь темрюцкихъ. Отсюда отправили пословъ въ Азовъ чрезъ рѣку Кубу (вѣроятно Кубань); на пути семъ не доходя р. Еи ограбилъ ихъ ногайскій мурза Видей, мстя за казаковъ. Наконецъ, августа 3 пришли въ Азовъ. Въ сіе время возвратившіеся съ моря казаки стояли въ устьяхъ Дона, ждали изъ Кафы турецкихъ кораблей и намѣривались напасть на оныя. Едва только посланники вѣхали въ Азовъ, то буйная толпа азовцевъ съ великимъ шумомъ ворвалась на дворъ: одни хотѣли лишить ихъ жизни, а другіе съ дерзостію выговаривали, что казаки за моремъ причинили имъ убытки многіе, хлѣба жать не дали и тѣсноту имъ чинить великую, что царь московскій покровительствуетъ казаковъ и ежегодно присылаетъ къ нимъ жалованье, деньги, сукна и запасы всякіе, потомъ настоятельно требовали водворить между ними и казаками миръ попрежнему и поставили надъ посланниками стражу.

Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами. Кондыревъ и Бормасовъ неоднократно посылали къ казакамъ переводчика своего склонить ихъ къ заключенію мира съ азовцами: переговоры о мирѣ были трижды, но несоглашались въ условіяхъ. Прежде сего условія мира большею частію распространяемы были на всѣ казачьи городки нижніе и верхніе, но въ сіе время азовцы хотѣли включить въ оный только тѣ городки, кои находились отъ нижнихъ юртовъ вверхъ до городка Пятиизбянскаго, а прочіе пять городковъ, выше Пятиизбъ, оставить попрежнему въ размирьи. Наконецъ казаки согласились на всѣ условія азовцевъ, заключили миръ съ намѣрешемъ разорвать

онный колъ скоро послы отпущены будутъ изъ Азова и выйдутъ изъ войска. Такимъ образомъ 20 сентября Кондыревъ и Бормасовъ прибыли въ нижніе казачьи юрты, бывъ встрѣчены на рѣчкѣ Каланчѣ атамачомъ Исаемъ Мартемьяновымъ п 500 казаками конными и судовыми, а при въѣздѣ въ первый казачій городокъ—пушечною и ружейною стрѣльбою⁽²¹⁴⁾.

(²¹⁴.) Тѣхъ же дѣлъ и тотъ же статейный списокъ Кондырева п Бормасова.

„И послыша такіа вѣсти про казаковъ, кафипскіе всякіе жилищкіе люди изъ города изъ Кафы съ женами п с дѣтьми п со всѣми животы побѣжали по селамъ п по деревнямъ, а иные поѣхали въ Крымъ, а въ Кафѣ остались не многіе люди, и ихъ Ивана п Тихона за казаковъ, что казаки вышли на море, хотѣли побить п съ двора ни кого ни куда п людей ихъ не пускали п дворъ заперли совсемъ п сторожей къ нимъ приставили.“

„А какъ въ Крымъ крымскому царю отъ азовскаго жъ Аги про казаковъ учинилась вѣсть, что казаки вышли на море, п крымской царь писалъ въ Кафу, къ Пашѣ п ко всякимъ кафипскимъ людямъ, чтобъ они московскихъ пословъ берегли накруѣпко п съ двора ихъ самихъ п людей ихъ ни куда не пускали, чтобъ они изъ Кафы не ушли, а сами бѣ де ушли бережно п про казаковъ провѣдывали, а будетъ де казаки придутъ подъ Кафу, п они бѣ къ нему о томъ прислали вѣсть наскоро п онъ по той вѣсти придетъ къ нимъ въ Кафу изъ Крыму самъ со всѣми людьми тотчасъ.“

„И послѣ того про Донскихъ казаковъ въ Кафѣ вѣсти никакіа не объявлялись.“

„Юля въ 24 день пришли съ Дону подъ Керчь Донскихъ казаковъ 30 струговъ, а въ нихъ съ 1000 человекъ казаковъ, п стали противъ города п взяли камягу п людей побили, а иныхъ живыхъ повмали съ собою. И того жъ часу, какъ казаки объявились подъ Керчью, учалъ быти въ городѣ въ Керчи вселохъ великій, п керченскіе всякіе люди п рейзы, которые на кораблехъ пришли съ ними изъ Кафы, пришли къ Ивану п къ Тихону на корабли п Ивана п Тихона съ кораблей взяли п повели въ городъ п посадили въ башню п хотѣли побить, а людей ихъ оставили на кораблехъ, п корабли всѣ отвезли подъ городъ, п съ вѣстью про казаковъ послали къ крымскому царю въ Крымъ п въ Кафу къ кафипскому пашѣ тотчасъ. А послѣ того рейзы п керченскіе всякіе люди приходили къ Ивану п къ Тихону п говорили, чтобъ они послали отъ себя къ казакѣмъ говорить, чтобъ казаки подъ городъ Керчь п на корабли не ходили . . . . .“

И того жъ дни Иванъ п Тихонъ посылали изъ Керчи къ Дон-

Тутъ посланники пробыли двѣ недѣли, настаивая, чтобы имъ и турецкимъ посламъ даны были отъ войска суда, гребцы и провожатые; но казаки по недостатку у себя первыхъ, дали имъ только 8 стружковъ, въ гребцахъ отказали, а въ провожатыхъ послали есаула Ивана Васильева и 80 чело-вѣкъ казаковъ и сверхъ того снабдили окружною войсковою грамотою, чтобы отъ городка до городка провожали всѣ на-личныя казаки. Наконецъ посланники занявъ изъ войсковой казны нѣкоторую сумму денегъ и прикупивши еще 10 стру-говъ, 6 октября отправились изъ Монастырскаго городка, въ сопровожденіи атамановъ Исая Мартемьянова, Епифана Ро-дилова и достаточнаго числа казаковъ до городка Черкас-каго ⁽²¹⁵⁾.

Между тѣмъ султанъ и царь крымскій, чрезъ пословъ

скимъ казакомъ говорить кречетнина Истому Бакина да толмоча Григорья Бидлова, къ казакомъ писали и приказывали чтобъ они подъ городъ подъ Керчь и на корабли не приходили и поворотились бы назадъ на Донъ.“

И Донскіе казаки отказали . . . . . и пошли мимо Керчи на Черное море за Кафу.

„А на завтрѣ того, какъ изъ Темрюка хотѣли было ѣхать впередъ, собрався Черкасы многіе люди пришли къ нимъ къ Ива-ну и къ Тихону и привели въ городъ и хотѣли побить; а говори-ли, что Донскіе казаки вышли на море и шли мимо Темрюка и погромили многія камаги и взяли въ полонъ томанскаго города воеводскаго сына и отдали его на окупъ, а взяли за него 2000 золотыхъ, и они бѣ Иванъ и Тихонъ золотыя заплатили тотчасъ.“

„И азовской воевода Асанъ-Бей и турецкой посланникъ Ахметъ Ага говорили Черкасомъ, чтобъ они надъ Московскими послы ни-котораго дурна не учинили и изъ Темрюка бы ихъ отпустили не-мѣшкая. И Черкасы азовскаго воеводу Асанъ-Бея и турецкаго по-сланника Ахметъ-Агу хотѣли перерѣзать ножи и поворотили ихъ назадъ и велѣли имъ ѣхать въ Кафу, а ихъ Ивана и Тихона оста-вили въ городъ въ Темрюкѣ и посадили въ башню“ . . .

См. далѣе продолженіе сего списка.

Также см. распросныя рѣчи атамана Карна Горожанкина, при-бывшаго въ Москву въ октябрѣ 1623 года.

⁽²¹⁵⁾ Дѣла, турецкія въ столбц. 1622 г. № 2, отписка Конды-рева и Бормасова, привезенная въ Москву 30 октября 1623 года.

своихъ безпрестанно настаивали о унятїи казаковъ отъ набѣговъ на ихъ подданныхъ. Еще до возвращенїя посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Царьграда, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда въ Москвѣ извѣстно стало о враждѣ между казаками и азовцами, государь послалъ на Донъ князя Михайла Васильевича Бѣлосельскаго съ жалованьемъ и съ грамотою, отъ 10 марта, слѣдующаго содержанїя: „желая добраго согласїя и дружбы съ султаномъ турецкимъ и царемъ крымскимъ, мы неоднократно писали къ вамъ, повелѣвая жить съ азовцами мирно, на море не ходить, людей и городовъ турецкихъ и улусовъ крымскихъ не разорять и въ всегда удостовѣряли насъ, что велѣшїя наши исполнить будете свито. Полагаясь на обѣщанїя ваши, мы ежегодно посылали къ вамъ наше царское жалованье болѣе прежнихъ лѣтъ; а присылаемыхъ отъ васъ атамановъ и казаковъ жаловали деньгами, камками, тафтами, сукнами добрыми, милостиво внимали всѣмъ прошенїямъ вашимъ. Но извѣстно намъ, что и послѣ того, невзирая на толикїя наши къ вамъ милости, вы посылали войско свое подъ Азовъ и на море, нападали на турецкіе корабли, города и улусы крымскїе; на каковыя поступки ваши и султанъ турецкій и ханъ крымскїй и нынѣ жалуются, угрожая за то государству нашему войною (далѣе писаны поступки ихъ въ бытность на Дону Кондырева и Бормасова). „За своевольства ваши посланники наши отъ султана и хана подвергаются различнымъ оскорбленїямъ и безчестїю; а азовцы и ногайцы раззоряють крайны наши. Если султанъ и царь крымскїй пошлютъ рати на крайны наши, то за раззоренїе и пролитїе крови христіанской вы одни будете отвѣтствовать. Внявъ сей и прежнимъ нашимъ грамотамъ, живите съ азовцами мирно, на море для добычи не ходите; князю Бѣлосельскому будьте всецѣмъ послушны; посланниковъ нашихъ, которые будутъ возвращаться изъ Царьграда, и турецкаго чеуша примите честно и проводите до Воронежа; исполненїемъ сей воли нашей покажите намъ вашу службу и вѣрность; а мы васъ за то будемъ

жаловать ⁽²¹⁶⁾

Сверхъ того особымъ наказомъ Бѣлосельскому предписано было стараться убѣждать казаковъ жить съ азовцами въ согласіи и прекратить набѣги на улусы крымскіе и города

⁽²¹⁶⁾ Тѣ же дѣла, въ столбц. 1623 г. № 1, грамота на Донъ 10 марта 1623 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссїи на Донъ въ нпжніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Исаю Мартемьянову съ товарищи и всему войску. Писано отъ насъ къ вамъ многожда съ посланники нашими и съ дворяны и съ вашими атаманы и казаки, которые прїѣзжали къ намъ отъ васъ бити челомъ, какъ мы великій государь учинились на нашихъ великихъ государствахъ, и мы съ турскимъ съ прежнимъ Ахметъ салтаномъ, а послѣ того съ сыномъ его съ Асманъ салтаномъ были въ дружбѣ и въ ссылкѣ, и посланники наши, великихъ государей, о дружбѣ и о любви межъ насъ ходили многожда, а крымской Джанбекъ Гирѣй царь потомужъ съ нами въ ссылкѣ и въ любви, и на наши украины крымскіе люди не ходятъ и земель нашихъ невоюютъ и на нашихъ недруговъ стоятъ съ нами вмѣстѣ, а вамъ бы атаманомъ и казакомъ намъ великому государю служити и прѣмнѣти и для нашего земскаго дѣла съ Азовомъ быти мирнымъ и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на море на турскихъ людей и на крымскіе улусы неходить и задору нпкотораго турскимъ и крымскимъ людямъ нечинити. И вы атаманы и казаки и все войско пишнѣте къ намъ великому государю во многнхъ своихъ отпскахъ, что вы намъ великому государю служите и въ нашемъ царскомъ повеленїи во всемъ быти готовы и съ азовцы воеватися и на море ходитъ и турскихъ городовъ и крымскихъ улусовъ громить не будите; а намъ бы великому государю васъ атамановъ и казаковъ, за ваши службы, жаловать. И мы великій государь, какъ учинились на нашихъ великихъ государствахъ, посылали къ вамъ на Донъ, съ посланники нашими и съ дворяне ваше царское жалованье, деньги и сукна и хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, свыше прежняго мало неужелѣтъ чего при прежнихъ государехъ нпколи не бывало коли было московское государство невоевано и всѣмъ полно, а которые ваша братья, атаманы и казаки, прїѣзжали къ намъ отъ васъ съ Доуу бити челомъ о вашихъ нуждахъ, и мы великій государь потомужъ ихъ жалуетъ на прїѣздѣ и на отпускѣ нашимъ царскимъ жалованьемъ камками и тафтами и сукны добрымъ, и поденные кормы имъ давали и отпускаемъ ихъ къ вамъ милостиво и во всемъ челобитья вашего не оставляли есьмя. И послѣ того вѣдомо намъ было ото многнхъ людей, что вы атаманы и казаки послали войско подъ Азовъ и подъ турскаго города и на море для кораблей и на крым-

турецкіе; но говорить о томъ со всевозможнымъ снисхожденіемъ и обѣщать имъ царскую милость и жалованье. Далѣе велѣно ему тайно развѣдать: сколько въ то время находилось на Дону въ свѣздѣ атамановъ и казаковъ изъ всѣхъ верх-

скіе улусы, и ихъ громил; и турецкіе прежніе Ахметъ салтанъ и Асманъ салтанъ съ нашими посланники и съ своими чеуши и крымской Джанбекъ Гирей царь, съ посланники нашими и съ посылы своими и съ гонцы писали къ намъ безпрестанно, и нынѣ крымской царь пишетъ жалуючи на васъ, нашихъ людей, что вы турскаго города и на море корабли и каторги и крымскіе улусы громите безъ пристави и въ томъ межъ насъ великаго государя и турскаго салтана и крымскаго цари чините многоую ссору и любви нашей нарушеніе. Да крымской же царь пишетъ къ намъ, а къ нему де пишетъ новой Мустафа салтанъ, чтобъ мы вамъ заказали накрѣпко, и на море подъ турскаго города и на крымскіе улусы ходить невелѣли; а учпете ходить и турской салтанъ и крымской царь дружбу и любовь съ нами хотять нарушить и своихъ людей на наши украины хотять послать войною и впередъ на нашихъ недруговъ помогать намъ нехотять. Да крымской же царь пишетъ къ намъ, только де турской царь противъ вашихъ задоровъ велить ему птти войною на наши украины, и ему его послушатись нельзе. Да и самимъ вамъ вѣдомо, что въ прошлыхъ годѣхъ турской Асманъ салтанъ ходилъ на Польшу и Литву за то, что Запорожскіе черкасы ходили на море и воевали турецкіе города и польской и литовской землѣ турецкіе и крымскіе люди много зло учинили. А въ прошломъ во 130 году писали есмь къ вамъ съ посланники нашими съ Иваномъ Кондыревымъ да съ подъячимъ съ Тихономъ съ Бормасовымъ, чтобы вы на море однолично не ходили и турскаго городомъ войны не чинили и кораблей и каторгъ не грамили: и вы нашего указу не послушали, на море ходили да съ собою жъ имали въ неволю торговыхъ людей, которые прѣзжаютъ къ вамъ съ торгомъ изъ польскихъ городовъ; да и при посланникѣхъ нашихъ при Иванѣ Кондыревѣ да при Тихонѣ Бормасовѣ и при турскомъ посланникѣ въ то время, какъ они шли отъ насъ во Царьгородъ и стояли у васъ на Дону, на море ходили есте всѣма людьми и каторги погромили и добычу межъ себя дѣлили при турскомъ посланникѣ, и то все турскому посланнику было ясно. Въ прошломъ же во 130 году, смотря на то, что вы, атаманы и казаки, на море ходили и турскаго и крымскаго городомъ тѣсноту учинили, азовскіе и ногайскіе люди много ходили на наши украины и многихъ нашихъ людей въ полонъ поймали, а вы нашимъ украинамъ помочи некоторые не учинили. А послѣ того, писали къ намъ съ Дону посланники наши Иванъ Кондыревъ да подъячій Тихонъ Бормасовъ, что вы атама-

нихъ и нижнихъ городковъ; сколько между ними живетъ запорожскихъ черкасъ и давно ли пришли они изъ Запорогъ. Потомъ если откроется, что черкасъ находится на Дону выше двухъ или трехъ сотъ человекъ, говорить *атаманамъ Исаю Мартемьянову и Епифану Родилову*, чтобы они, зная ны и казаки съ азовскими людьми, для ихъ посланниковъ нашихъ ходу помирились, и то есте учинили добро, исполняя нашъ государскій указъ. А то вамъ самимъ вѣдомо, что нашимъ посланникомъ въ Царегородъ, за то, что вы ходите подъ турецкіе города и корабли громите, бываетъ многое задержанье и неволя; а азовскіе люди и ногайскіе, противъ того воюютъ нашу украйну, и только впередъ турецкой салтанъ и крымской царь, видя отъ васъ своимъ людямъ и землямъ тѣсноту и войну, пошлютъ на наши украйны воинскихъ людей, и та кровь и ссора будетъ отъ васъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ по прежнему и по сему нашему указу съ Азовцы однолично были въ миру и на море для добычъ, подъ турецкаго и подъ крымскаго города и улусы не ходили и каторгъ не громили и никакихъ задоровъ имъ не чинили и всемъ съ ними были мирны, тѣмъ бы есте намъ службу свою показали и межъ насъ великаго государя и турецкаго салтана и крымскаго царя ссоры единолично не учинили, и въ недружбу насъ не вводили. А только вы впередъ учнете дѣлати мимо нашего указа, подъ турецкаго и подъ крымскаго города и улусы учнете ходити войною и корабли и каторги громити, а тѣмъ своимъ непослушаньемъ межъ насъ и турецкаго салтана и крымскаго царя учните ссору, а которая война нашимъ украинамъ будетъ отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей или посланникомъ нашимъ въ Цареградъ учинится задержанье и тѣснота и то будетъ отъ васъ. Да въ нынѣшнимъ но 131 году писалъ къ намъ крымскій Джанбекъ Гирей царь, что посылали есте съ Дону воевать Черкасъ взяли на Кубѣ царевыхъ Черкасъ и выбъ атаманы и казаки похотя къ себѣ нашего царскаго жалованья тѣхъ черкасъ велѣли въ войску сыскать, а сыскавъ, прислали ихъ къ намъ съ дворянномъ нашимъ или съ своимъ атаманы и казаки, а мы великій государь васъ пожалуемъ, велимъ вамъ за тѣхъ черкасъ заплатить окупъ, а однолично бы есте тѣхъ черкасъ сыскавъ, къ намъ прислали, тѣмъ бы есте къ намъ службу свою показали. А нынѣ послали есмь къ вамъ на Донъ для нашего государскаго дѣла, дворянина нашего князя Михаила Васильевича Бѣлосельскаго, а съ нимъ послали есмь къ вамъ нашего жалованья 1000 руб. денегъ да хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ противъ прежнихъ лѣтъ. А велѣли есмь князю Михаилу говорить вамъ о нашихъ дѣлахъ и что онъ отъ насъ будетъ вамъ говорить, и выбъ его въ томъ во всемъ слушали и во всемъ ему вѣрили и его къ намъ отпу-

недоброжелательство польскаго короля Сигизмунда къ Рос-
сiи, черкасъ Запорожскихъ, какъ лвныхъ недоброхотовъ, къ
себѣ не принимали, и старались бы ихъ отъ себя выслать.
Наконецъ князю Бѣлосельскому поручено было то же тайно
развѣдать: нѣтъ ли у казаковъ какого посольства отъ коро-
ля литовскаго, и, если есть, то о чемъ, съ котораго времени
и какъ казаки о томъ мыслятъ (217).

стили не задержавъ, и впредь бы есте на море подь турскаго ца-
ря города и на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ
не грамили и улусовъ не воевали и тѣмъ межъ насъ и турскаго
салтана и крымскаго царя ссылкѣ и любви не мѣшали и ссоры
не чинили; а мы васъ за то будемъ жаловати. А какъ къ вамъ
на Донъ придуть наши посланники, которые были въ Царьгородѣ,
а съ ними будетъ турецкой чеушъ и выѣтъ посланниковъ нашихъ и
турскаго чеуша приняли честно и проводить ихъ послали до Во-
ронежа атамановъ и казаковъ сколько пригоже, чтобъ имъ до на-
шихъ украинныхъ городовъ дойти здорово. Писанъ на Москвѣ лѣ-
та 7131 марта въ 10 депь.

(217.) Тамъ же, указъ данный князю Бѣлосельскому, 10 марта
1623 года . . . . .

„А покажѣста онъ князь Михайло у атамановъ и у казаковъ въ
нижнихъ юртехъ побудеть и ему призывать къ себѣ въ станъ
лутчихъ атамановъ, Исаю Мартемьянова и Епиху Родилова и
иныхъ атамановъ и есауловъ и казаковъ старыхъ и лутчихъ, ко-
торыхъ войско слушаеть и разговаривать имъ и разсуждати всл-
кими мѣрами, чтобъ они государскаго повелѣнья не ослушались, съ
Азовомъ были смиренны и на море подь турскаго царя города и
на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ не громили и
улусовъ крымскихъ не воевали, и тѣмъ бы межъ государя и турскаго
салтана и крымскаго царя, ссылки и любви не мѣшали и ссоры
не чинили; а себя тѣмъ отъ государскія милости не отгоняли. И
о всемъ дѣлати и промышляти всякими мѣрами, чтобъ атамановъ и
казаковъ привести ко всякому добру и къ послушанью и отъ тур-
скія и отъ крымскія войны отвести, и разсужати имъ и государ-
скую милость вычитати съ радостью, чтобъ ихъ не ожесточить; а
только они будутъ въ послушанье и турского городовъ и на море
кораблей и каторгъ и крымскихъ улусовъ впредь воевати не-
учнуть, и государь ихъ будетъ жаловати, смотря по ихъ службѣ;
а только имъ государскаго повелѣнья ослушатся, и имъ впредь
какъ будетъ и зрѣтъ противъ государской милости и къ Москвѣ
будетъ пріѣхать нельзѣ и впередъ о государской никакой мило-

Князь Бѣлосельскій 25 апрѣля, по предварительному извѣщенію казаковъ о прибытіи своемъ, остановился по теченіи побити челомъ будетъ нельзѣ.—А выговаривая покрывать гладостью.

А многихъ рѣчей съ казаки неплодить, чтобъ ихъ не ожесточить и отъ государскія милости не отогнать, да разсматривати и развѣдывати князю Мпхайлу, будучи на Дону, всякими мѣрами, себѣ тайно, сколько нынѣ на Дону будетъ при немъ въ стѣздѣ изовсѣхъ верхнихъ и нижнихъ городковъ всѣхъ атамановъ и казаковъ и сколько у нихъ добрыхъ и среднихъ и худыхъ и сколько у нихъ на Дону нынѣ живетъ запорожскихъ черкасъ и въ которыхъ юртехъ живутъ, въ нижнихъ ли или въ верхнихъ и съ казаки въ однихъ ли юртехъ живутъ, или, побывъ у нихъ, назадъ отъѣзжаютъ, и нѣтъ ли у нихъ нынѣ на Дону многихъ запорожскихъ черкасъ, и будетъ есть, и про то ему провѣдать подлинно сколь они давно изъ заporогъ къ нимъ въ юрты пріѣхали и для чего пріѣхали и нечаятъ ли въ нихъ на Дону какія ссоры.

Да будетъ у Донскихъ атамановъ и у казаковъ нынѣ живутъ многіе запорожскіе черкасы человекъ до 200 или до 300 и больше, и пріѣхали къ нимъ изъ Запорогъ недавно въ прошломъ лѣтѣ или зимѣ, а прежде того съ ними нешвали, и князю Михайлу Васильевичу призвавъ къ себѣ лутчихъ атамановъ Исаю Мартемьянова да Епиху Родилова и иныхъ атамановъ и есауловъ и казаковъ, лутчихъ же не многихъ, и говорити имъ: писано къ нимъ отъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи во многихъ его государевыхъ грамотахъ, чтобъ они вѣдая польскаго Жигимонта короля и пановъ рады къ государю и ко всему московскому государству многія неправды и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и отъ Запорожскихъ черкасъ Россійскому государству многое разоренье, запорожскихъ черкасъ къ себѣ въ юрты не принимали и ни о чемъ съ ними не ссылались; а нынѣ живутъ у нихъ въ юртехъ многіе черкасы, а впредъ на то смотря учпуть къ нимъ въ юрты прибывать изъ Запороговъ черкасы многіе люди, а то имъ самимъ вѣдомо каковъ польскій Жигимонтъ король великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Руссіи злой недругъ и разоритель Россійскому государству, и какъ по его жъ королевскому злому умыслу и велѣнью запорожскіе черкасы приходили въ Россійское государство на государевы украинные города войною и многіе города и мѣста повоевали и крестьянскую кровь многую пролили, и церкви Божіи обругали, да и впредъ то мочно знати, что литовскіе люди и запорожскіе черкасы къ государю и великому государству недоброхоты и кромѣ всякаго зла и ссоры никакого добра въ нихъ впоколи нечаятъ, да и къ нимъ они нынѣ въ юрты пріѣзжаютъ по злому умыслу и по засылкѣ польскаго жъ короля, хо-

пію Дона, ниже городка Маньчи, на урочищѣ Три—Острова. 26 Апрѣля выѣхало туда все войско на многихъ стругахъ и конные атаманы и казаки встрѣтили князя Бѣлосельскаго и съ довлеемою честію проводили въ нижніе юрты, гдѣ въ то время казаки были въ сѣздѣ изъ всѣхъ городковъ и указали мѣсто для его стана.

Узнавъ, что въ то время находилось на Дону до 300 чел. Запорожскихъ Черкасъ, князь Бѣлосельскій, въ слѣдствіе наказа государева, требовалъ, чтобы при отдачѣ казакамъ царской грамоты и жалованья Черкасы въ кругу не были. На сіе атаманы и казаки объявили ему, что въ прошломъ (1622) году пришло къ нимъ изъ Запорогъ черкасъ до 300 челсвѣкъ, что въ началѣ весны настоящаго (1623) года около ста человекъ изъ нихъ тайно ушли на море, что оставшіеся ихъ товарищи въ кругъ не ходятъ.

27-го ч. былъ войсковою кругъ, въ коемъ атаманы и казаки царскую грамоту и жалованье приняли отъ князя Бѣлосельскаго съ благоговѣніемъ, выслушали съ почительностію рѣчь, говоренную имъ по наказу, увѣрили его, что они согласно съ волею государевою живутъ съ азовцами мирно и для добычъ на море и подъ крымскіе и турскіе города не ходятъ и кораблей и каторгъ ихъ не громятъ, что такъ жить и впередъ даютъ обѣщаніе; а въ прежнихъ поступкахъ сво-

---

таци ихъ съ Дону стѣснигъ, а они ихъ лъсти вѣрятъ и держатъ ихъ у себя въ юртахъ мимо государскаго повелѣнья и они бѣ атаманы и казаки учипили о томъ со всѣмъ войскомъ своимъ совѣтъ и Черкасъ отъ себя изъ юртовъ выслали и у себя ихъ не держали и тѣмъ на себя государскаго гнѣва не наводили. Да одноплично князю Михайлу о томъ говорить атаманомъ лутчимъ на крѣпико, чтобъ атаманы и казаки Запорожскихъ черкасъ отъ себя выслали и на Дону имъ съ собою быть не велѣли и чтобъ отъ нихъ ссоры не было . . . . .

. . . . . И пѣтъ ли къ казакомъ присылки отъ литовскаго короли, и будетъ есть и о чемъ и сколько давна, и что о томъ казаки мыслятъ въ каковѣ мѣрѣ впередъ хотятъ быти съ литовскимъ королемъ и съ казаки и Запорожскими и нѣтъ ли у казаконъ съ Запорожскими черкасы ссылки и какого умышленія, а что провѣдасть, и то себѣ записати.“

ихъ приносятъ государю повиную; и что по возвращеніи посланниковъ Ковдырева и Бормасова изъ Константинополи встрѣтятъ и до украинныхъ городовъ проводятъ ихъ съ честію.

Наконецъ атаманы и казаки извѣстили князя и о разнесшемся между ними слухѣ, что будто азовцы близъ нижнихъ ихъ юртовъ на крымской сторонѣ при рѣчкѣ Темерникѣ хотятъ поставить городъ и промыслы у нихъ отнять, и что они, если слухи сіи окажутся справедливы, будутъ вслѣски стараться до того ихъ не допустить ⁽²¹⁸⁾. Болѣе сего о бытности князя Бѣлосельскаго на Дону и о дѣйствіяхъ его ничего неизвѣстно.

---

^(218.) Тамъ же, донесеніе, поданное княземъ Бѣлосельскимъ въ Посольскій приказъ . . .

. . . И апрѣля въ 26 д. атаманы и казаки всѣмъ войскомъ пріѣхали къ князю Михайлу къ тремъ островамъ на встрѣчу во многихъ стругѣхъ, а иные атаманы и казаки и татаровъ многія люди пріѣхавъ съ нимъ въ нижніе юрты, гдѣ ему стоять—мѣсто указали, а въ тѣ поры атаманы и казаки изъ верхнихъ изъ всѣхъ городковъ всѣ были въ нижнихъ въ юртехъ въ сѣздѣ . . .

И атаманы и казаки сказали князю Михайлу, что во 130 году пришли къ нимъ атаманомъ и казакомъ въ нижніе юрты изъ Запорогъ черкасъ челов. съ 300 и въ нынѣшнемъ де 131 г. нынѣ по веснѣ тѣхъ Запорожскихъ черкасъ человекъ со 100, взявъ суды таемъ, и пошли на море; и которые черкасы остались въ нижнихъ юртехъ, и тѣ у нихъ въ кругъ не ходятъ.

Да они жъ атаманы и казаки сказали, что есть у нихъ въ нижнихъ юртехъ черкасы не многіе люди, oprичъ тѣхъ, которые пришли на Донъ во 130 году, а живутъ де у нихъ давно и имъ во всемъ вѣрны и дурна отъ нихъ никакого нечаютъ; и они и тѣмъ черкасомъ, по государеву указу, вто время, какъ князь Михайло государеву грамоту имъ отдасть, быти не велѣли.

„И апрѣля въ 27 день, атаманы и казаки учинили кругъ всѣмъ войскомъ. . .

. . . И атаманы и казаки государеву грамоту приняли и рѣчь у кн. Михайла слушали, и выслушавъ рѣчь, кн. Михайло сказали, что они по государеву указу съ азовцы въ мпру и на морѣ для добычъ подъ крымскаго и къ турецкимъ ни къ которымъ городомъ не ходятъ и кораблей и каторгъ не громятъ и никакихъ задоровъ нечипятъ.“

„А что они напередъ сего на море ходили и корабли и каторги громили, и въ томъ они передъ государемъ виноваты, а все-

Азовцы разрываютъ миръ (1624 г.) Еще во время возвращенія посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Константинополя, когда они встрѣчены были (на рѣкѣ Каланчѣ) казаками, провожавшіе пословъ азовцы завели съ сими послѣдними ссору и на оной умертвили двухъ человекъ; казаки принуждены были, хотя и съ негодованіемъ, оставить сіе безъ отмщенія единственно въ угодность посламъ. Впрочемъ, казаки и по отъѣздѣ пословъ съ Дону, еще желали продолжать миръ съ азовцами; но они въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1623 года, въ числѣ 620 человекъ (вмѣстѣ съ ногайцами), подъ начальствомъ турчанина *Асанбея*, внезапно напали на городокъ ихъ *Манучь*. Близость враждебнаго Азова и нѣкоторыхъ улусовъ ногайскихъ заставляла казаковъ быть всегда готовыми къ оборонѣ, потому жители сего городка по первому сигналу немедленно соединились, отразили враговъ, многихъ побили и преслѣдовали ихъ до рѣки Аксай.

Казаки раззоряютъ старый Крымъ и улусы близъ Керчи. Пылая мщеніемъ за нарушеніе мира, казаки съ нетерпѣніемъ ожидали весны, и по наступленіи ея, около 1500 отважнѣйшихъ изъ нихъ, соединясь съ Черкасскими Запорожскими на 55 стругахъ, подъ начальствомъ *Черкашина Демьяна*, вышли на море, раззорили городъ старый Крымъ и многіе улусы близъ Керчи, раздѣлили добычи и возвратились одни на Донъ, а другіе въ Запороги; но у первыхъ на возвратномъ пути 12 струговъ разбило бурю.

Въ сіе же время казаки, пользуясь смутными обстоятельствами крымскаго царя *Джанъ-Бекъ-Гирея*, соединясь съ редь на море и къ турскимъ и къ которымъ городомъ и на крымскіе улусы воевать ходить не хотять и во всемъ государское повелѣнне исполнять хотять . . . . .

„Да атаманъ жъ и казаки сказывали, что ихъ слухъ есть, азовскіе де люди близко ихъ нижняго городка на крымской сторонѣ на рѣкѣ на *Темерникѣ* хотять поставить городъ, и имъ атаманомъ и казакомъ тѣсноту учинитъ и промыслы у нихъ отнять и имъ того азовцомъ не терпѣтъ и города ставить давать не хотять. (дальше утрачено)

Занарожцами всего до ста человекъ, пристали къ Шангирею Каляѣ и способствовали низверженію перваго. Не менѣе того Донскіе казаки страшны были и ногайскимъ татарамъ улуса Казиева ⁽²¹⁹⁾

^(219.) Дѣла крымскія, въ столбц. 1624 г., № 2-й, см. отписку Валуйскихъ воеводъ окольникьяго Измайлова и дьяка Степанова, привезенною въ Москву 8 мая 1624 г.

„Донскіе де, государь, казаки съ азовцы не въ миру въ нынѣшнемъ де 132 году о Николинѣ дни зимнемъ, приходили изъ Азова на Донъ къ казачью городку къ Манычу, Асанбей турчинъ съ азовцы, и съ ногайцы и были де, государь, съ Асанбеемъ татаръ 620 человекъ и у казаковъ де государь съ тѣми татары бой былъ и многихъ татаръ казаки побили, и изъ Маныча де городка вышедъ казаки гонили за татары да Оксай, а въ нынѣшніе де, государь, великіе говейна за полтретьи недѣли до велика дни пошли съ Дону на море казаковъ 55 струговъ.“

Тѣхъ же дѣлъ, № 3-й, см. статейный списокъ того же окольникаго Измайлова и дьяка Степанова.

„Ибрагимъ паша окольникему Артемию Васильевичу да дьяку Федору говорилъ: было до сего лѣта такъ какъ де калга Шангирей царевичъ былъ сего лѣта подъ кафою бился съ прежнимъ Джанбекъ Гиреемъ царемъ и съ Дону де къ нему подъ Кафу пришло Донскихъ казаковъ человекъ съ 50, да черкасъ съ 60 человек., съ нимъ де и на бою были. Только де на Дону не только воровъ, что къ Калгѣ подъ Кафу пріѣхали.“

Они де посланники Яковъ Дашковъ и Василей Волковъ Калгѣ говорятъ на посольствѣ, чтобъ Калга великому государю шертъ учинилъ, а къ Калгѣ де въ тѣ жь поры вѣсть пришла, что Донскіе казаки Старой Крымъ разорили и выграбили и онъ де мало посланниковъ за то не побилъ. Да и нынѣ де ему Ибрагиму Магметъ Гирей царь и Калга Шанъ Гирей царевичъ о Донскихъ казакѣхъ приказали говорить накрѣпко, чтобъ государь велѣлъ съ Дону казаковъ свести.“.....

Тѣхъ же дѣлъ, № 6-й, въ статейномъ спискѣ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Процищцева и Волдырева, между прочимъ, написано.

„Апрѣля во 2-й день прислать царь къ Осипу и къ Рахманну Ибраима князя Сулемева, а говорилъ отъ царя пришли де Донскіе казаки подъ Керчь и могіе де улусы повоевали и вамъ бы де дать толмача и хочеть де царь послать ево съ своими татарами къ казакомъ, а вы де прикажите ему говорить отъ себя, что государь съ царемъ въ миру и они бы де улусовъ не воевали и шли прочь—и Осипъ и Рахманнъ говорили Ибраиму князю про казаковъ по государеву наказу: царю и имъ ближнимъ людямъ сами томъ

Приступъ Донскихъ казаковъ къ г. Трапезонту. Весною слѣдующаго (1625) г. 2030 человекъ казаковъ и Черкасъ Запорожскихъ опять пустились въ море, раздѣлясь какъ бы на двѣ эскадры: Донскіе казаки особливо, а Запорожскіе особо, но согласились пристать къ берегамъ Анатолійскимъ и дѣйствовать совокупно. Казаки плыли впереди и къ условленному мѣсту достигли прежде. Взору ихъ представился городъ Трапезонтъ и алчные къ добычамъ, не дождавшись товарищей своихъ Запорожцевъ, пристали къ берегу, вышли на сушу, стали приступать къ городу сему, и, по четверодневной упорной битвѣ овладѣли первыми укрѣпленіями онаго. Потомъ соединились съ ними и Запорожцы, но уже не могли войти въ самый городъ и съ чувствительнымъ урономъ принуждены были отступить.

Междуусобіе казаковъ съ Черкасами. Запорожцы приписывали неудачу сію Донскимъ казакамъ, обвиняя ихъ въ опрометчивости и въ нарушеніи договора. Вспыхнула междуусобная брань и Донскіе казаки лишились въ оной вождя своего *лучшаго атамана*. Наконецъ возвратились не сдѣлавъ ничего важнаго (220).

вѣдомо, что казаки воры живутъ на Дону, холопы бѣглецы у бѣжавъ отъ смертныхъ казней и проч.

Тѣхъ же дѣлъ № 7, смотри отписку Россійскихъ посланниковъ Дашкова и Волкова, бывшихъ въ Крыму.

„ Апрѣля государь въ 7 день посылалъ мнѣ холопы твои къ ближнимъ людямъ переводчика Сюнален да служилаго татарина Янгильдея, а велѣли имъ ближнемъ людямъ о шертной грамотѣ говорить то жъ, что и прежде сего приказывали; и Ангазы де и казначей мусаферъ Ага съ ними приказывали сердитца, какъ де имъ о твоихъ государевыхъ делехъ радѣть и промыслять, а а съ твоей де государевой стороны учинилось царевы правде и шертн нарушеніе; приходили де съ моря на Крымской юртъ казаки полторы тысячи человекъ и украдомъ пришли межъ горъ и Старой Крымъ взяли и татаръ многихъ побили и въ полонъ поимали; и то де наша холопей твоихъ какая правда.

(220.) Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 11-й, вѣстовой списокъ посланниковъ Осипа Прочинцева и подъячаго Рахманна Болдырева.

„ Черкасы де Запорожскіе и казаки Донскіе приступали къ тур-

Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ. Между тѣмъ азовцы, узнавъ объ отплатѣ сихъ казаковъ на море, тайно прошли въ ихъ юрты и сожгли пять городковъ почти безлюдныхъ, ибо большая часть казаковъ въ сихъ городковъ были на морскихъ понскахъ. Войсковою атаманъ приказалъ немедленно возобновить городки сіи, и дождавшись товарищей своихъ съ моря, предложилъ въ войсковомъ кругу отмстить азовцамъ. Всѣ единодушно одобрили намѣреніе сіе и около 2500 человекъ, лѣтомъ сего же года, подъ предводительствомъ опытнаго вождя атамана Епифана Родилова, пошли къ Азову; дважды пристунали къ оному, взяли одну башню и уже взопли было на крѣпостную стѣну, но встрѣтивъ сильный отпоръ турокъ, защищавшихъ оную и видя раненаго храбраго атамана Родилова, отступили. На другой день казаки всѣми силами устремились на каланчическую башню, завладѣли оною и, умертвивъ всѣхъ бывшихъ въ оной турокъ и татаръ, взяли 9 пушекъ и укруп-

сковую городу Трапезону четыре дни и большаи городъ взяли; а въ маломъ городѣ отсидѣлись и у пристуновъ де и черкасъ и казаковъ побили многихъ, и отшедши дале отъ города у черкасъ съ Донскими казаками былъ бой межъ себя за то, что казаки де Донскіе воспѣшили придти подъ городъ преже ихъ и атамана де Донскова лучшево убили, и послѣ де бою разошлись.“

Дѣль Донскихъ въ столбцахъ 1625 года. Смотри распросныя рѣчи Донскаго атамана Алексѣя Старова съ товарищи пріѣхавшихъ въ Москву 9 октября 1625 года.

„А нынѣшняго де лѣта ходилъ на море атамановъ и казаковъ 2030 человекъ и были подъ турскаго городомъ подъ Трапезономъ и первый городъ взяли, а въ другомъ отсидѣлись; а въ то время безъ нихъ приходили азовскіе люди и пожгли казачьихъ 5 городковъ безвѣстно, что людей въ нихъ не было и казаки де изъбы опять ставили и плетень хотятъ около ихъ плести по прежнему. А нынѣ де на море атамановъ и казаковъ 27 струговъ, а людей въ нихъ 1300 челов. и чають ихъ съ моря къ Покрову, а то де атаманы и казаки говорятъ Калга и придетъ и они противъ его хотятъ стоять и биться, и чають того, что пмѣ Калга неучинять ничего; а всѣхъ де ихъ на Дону и съ верхними городки есть съ 5000 челов., а только пмѣ будетъ прямиа вѣсть, что Калга идетъ и они и изъ верхнихъ городковъ будутъ всѣ вмѣстѣ.“

леніе сіе, препятствовавшее свободному выходу ихъ въ море, срыли до основаніи, ибо крѣпостца сія построена была Турками на устьѣ одного изъ рукавовъ Дона, по коему казаки плавали въ море. Сверхъ упомянутыхъ 9-ти пушекъ тутъ же взято ими нѣсколько пушекъ поврежденныхъ, вѣсомъ въ 117 пудъ и мѣдь сію раздали потомъ въ монастыри: Воронежской, Шацкой, Лебедянской и Святогорской ⁽²²¹⁾.

Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Транезонта и Синопа. После сего, спустя нѣсколько времени, казаки вздумали вознаграждать неудачу весенняго похода новымъ нападеніемъ на турецкіе приморскіе города, и въ семь намѣреніи собравшись до 2 /т челов., въ слѣдующую осень отправились въ море. На пути сошлись съ ними 300 струговъ на коихъ находилось около 10 /т. человекъ Запорожскихъ Черкасъ; согласились опять дѣйствовать совокупно и предметомъ поисковъ назначили тѣ самыя мѣста, на кои ходили весною того же (1625) года.

⁽²²¹⁾ Дѣль Донскихъ въ столбц. Октября 9 дня 1625 г. распросныя рѣчи Донскаго атамана Старова съ товарищи.

А нынѣшняго же де лѣта, какъ первыя атаманы и казаки пришли съ моря ходили они къ азову съ приступомъ, а было ихъ у приступа съ полъ 5000 челов. и приступали къ городу дважды, и башню было наугольную взяли и на городъ люди взошли, и въ тѣ де поры башня завалилась и имъ помѣшала, а атамана ихъ Епиху Родилова ранили и азовцы ихъ вто время отъ города отбили. А на завтрее де того дни приступали къ башнѣ, что на Каланчѣ и тое башню взяли и наряды 9 пушекъ поимали, а людей которые на той башнѣ сидѣли, побили, а башню раскопали всю до основаніи и камень въ воду потопили, а иные пушки поимали разбиты, и они тое медь послали по убогимъ монастыремъ, на Воронежъ, въ Шацкой, на Лебедянь и къ Святымъ горамъ на колокола, и всее де тое мѣди послалъ 117 пудъ, а были изъ тѣхъ монастырьковъ имъ о томъ челобитчикъ, что имъ взять негдѣ. А ходили де они къ азову съ приступомъ и на Каланчѣ башнѣ взяли, для того, какъ атаманы и казаки были на морѣ и въ тѣ поры безъ нихъ азовцы выжгли на Дону пять городковъ и людей которые были на кораблехъ побили, и имъ то стало досадно, да и для того, что на Каланчѣ поставили башню и ходъ у нихъ на море помѣшала, а иные они ходъ на море оурастали.

По кратковременномъ плаваніи они достигли Трапезонта, взяли оный и потомъ уже два города. *Симоъ и Самсоновъ*; но скоро опять были вытѣснены изъ оныхъ пришедшими туда на каторгахъ турками подъ предводительствомъ *Илезъ* паши, посланнымъ съ 100 /т. противъ персидскаго шаха, овладѣвшаго Богдадомъ. Въ семь дѣлъ Донскіе казаки потѣряли 500, а Запорожцы 800 человекъ (222).

Отсюда они поплыли къ берегамъ Тавріи и близъ Козлова погромивъ нѣсколько деревень, возвратились въ жилища свои. Озлобленные неудачами казаки въ послѣднемъ нападеніи были весьма жестоки и кровожадны (223).

Они вторгаются въ улусы Крымскіе и от-
(222.) Дѣла ногайскихъ въ столбцахъ 1626 г. № 1-й, смотри отписку астраханскихъ воеводъ Петра Головина и Алексѣя Зубова.

„Въ нынѣшнемъ во 134 году въ осень ходили на море Донскихъ казаковъ тысячи съ двѣ да съ ними же де на море пристали въ трехъ сотъ стругехъ съ десять тысячъ Запорожскихъ черкасъ и тѣ де государь Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы ходили въ моремъ въ судехъ войною подъ турскіе города и взяли турскихъ три города Трапизонъ, а иные городомъ имятъ неупоминать, и тѣхъ де Донскихъ казаковъ на море турскіе люди пришедъ на каторгахъ побили съ пять сотъ человекъ лучшихъ людей, да Запорожскихъ черкасъ побили съ восемь сотъ человекъ и съ моря де государь Донскіе достальныи казаки пришли на Донъ къ себѣ въ городки, да послѣ де государь ихъ въ скорѣ пришли на Донъ къ казакомъ съ моря жъ Запорожскихъ черкасъ съ пять сотъ человекъ, зазимовали у казаковъ на Дону; да они жъ де государь слышели въ разговорѣ отъ казаковъ на Дону, какъ въ прошломъ во РЛГ году по лѣту пошли изъ Запорогъ на море Запорожскіе черкасы войною подъ турскіе города и въ тѣ де государь поры собрався польскіе многіе люди приходили войною на Днѣпръ на городки Запорожскихъ черкасъ и многіе черкаскіе городки разорили и Запорожскихъ черкасъ побили.“

(223.) Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 8-й, смотри статейный списокъ бывшихъ въ крымъ посланниковъ Скуратова и Поникова.

„И казаки де съ Дону и на море ходятъ и сложасъ съ черкасы крымскіе улусы воюють и въ полонъ людей емлютъ; и сего же де лѣта приходили подъ *Козловъ* и многіе деревни воевали и въ полонъ многихъ людей поимали, а у нихъ де жонокъ брюха пороли.

гоняють Крымских лошадей. Враждуя непрестанно съ азовцами и крымцами, казаки иногда бывали въ дружескихъ связяхъ съ татарами погайскими, кочевавшими по степямъ астраханскимъ на правой сторонѣ Волги и соединясь съ ними не рѣдко громили крымцовъ. Такъ осенью 1625 года казаки съ астраханскими татарами ходили къ Черекони и отогнали тамъ 300 лошадей ⁽²²⁴⁾.

Негодование крымскаго двора на пословъ нашихъ за разореніи, причиняемыя казаками крымцамъ и туркамъ, и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону. Столь частые набѣги Донскихъ казаковъ на крымскія и турецкія владѣнія съ моря и съ суши возбудили сильное негодование двора крымскаго на пословъ нашихъ. Имъ выговаривали, что казаки, получая отъ государя московскаго ежегодно жалованье и разные припасы, безъ сомнѣнія во всемъ отъ него и зависятъ, и ходятъ на море и улусы крымскіе громить по его велѣніямъ. Посланники старались всячески доказать, что на *Дону живутъ люди вольные* въ мѣстахъ отдаленныхъ, переходя съ одного мѣста на другое, какъ воры и разбойники; что жалованья къ нимъ посылаются изрѣдко малое и единственно для того, чтобы послать російскимъ и турецкимъ, къ султану отправляемымъ, никакого задержанья и обидъ отъ нихъ не было; что государь запрещалъ имъ громить улусы крымскіе; что они вопреки велѣніямъ царскимъ отъ своевольства и дерзостей не только не унимались, но не рѣдко и бояръ оскорбляли, и что нако-

^(224.) Тамъ же № 1-й, смотри распросныя рѣчи присланнаго въ Москву отъ посланниковъ нашихъ въ Крыму находящихся, толмача Мясоѣдова.

„Что передъ его приходомъ приходили подъ Перекопъ Донскіе казаки и астраханскіе татарови и отогнали подъ Перекопью 300 лошадей . . . . и за то де велѣлъ царь у нихъ у посланниковъ лошади поимать всѣ и прислати къ себѣ въ походъ, а ихъ де велѣлъ царь и съ казною отвезть въ жидовской городъ въ Калгу, а тамъ де пмъ быть до указу аягговори де лошади всѣ у нихъ повмалъ. а взялъ всѣхъ 91 лошадь.“

нецъ и рать была послана для наказанія ихъ; но она свѣдавъ о томъ расходилась врознь, а по возвращеніи рати и они возвращались на прежнія мѣста и опять начинали жить и своевольствовать по прежнему. Потомъ говорили, что и азовцы ни чѣмъ не лучше казаковъ: ежегодно вторгаются въ украины російскія, великіе въ оныхъ раззоренія и убытки причиняютъ и множество людей въ плѣнъ уводятъ.—Но посламы не внимали и настоятельно требовали, чтобы казаки съ Дону были изгнаны (225).

З а к л ю ч е н і е п о с л о в ъ в ъ К р ы м у. Послѣ сего царь приказалъ: отобрать отъ нихъ всѣхъ лошадей, самихъ заключить въ городъ Чуфутъ—Кале и держать тамъ подъ стражею впредъ до его повелѣнія (226).

Г и ѣ в ъ з а с і е ц а р я. Станица казаковъ, бывшая въ Москвѣ, послана въ заточеніе. Такое безпокойное поведеніе Донскихъ казаковъ, а особливо оскорбленія претерѣваемые за нихъ посланниками російскими въ Бакчи—Сараѣ и Константинополь, подвигло на гнѣвъ кроткаго царя Михаила Ѳеодоровича. 9-го октября прибыла въ Москву легкая станица казаковъ съ атаманомъ *Александромъ Старымъ* и съ отпискою, въ коей доносилъ о полученныхъ въ войскѣ извѣстіяхъ, что крымскій калга *Шамш-Гирей* съ сильнымъ войскомъ и съ 80 пушками намѣреваетъ (225.) Дѣла крымскія въ столбцахъ 1624 г. № 9-й, отъ царя крымскаго Карачей Ибреймъ паша князь въ грамотѣ своей къ великому князю съ царевымъ гонцомъ Магмутомъ, обѣщався во всемъ усердно служить великому князю просить:

„И бытъ бы съ царевымъ величествомъ Магметъ Гиреємъ въ дружбѣ и въ любви навѣки неподвижно, и Донскихъ бы казаковъ и которые Ногаи съ ними живутъ на Дону и которые Ногаи живутъ въ вашемъ повелѣнн въ Астрахани, велѣтъ бы имъ учинить заказъ крѣпкой, чтобы они государя нашего на улусы не ходили . . . а я холопъ вамъ государю и велик. кн. всѣмъ сердцемъ служу“. . . .

Такіе же упреки за Донскихъ казаковъ отъ двора крымскаго и тѣ жъ оправданія съ нашей стороны повторяются и въ прочихъ сношеніяхъ сего года (1624).

(226.) Дѣла крымскія въ столбц. 1621 года № 1-й, смотри примѣчаніе 224.

ва лѣвою стороною Дона идти къ Астрахани, а оттуда на Донъ для раззоренія казачьихъ городковъ, — казаки жаловались на воеводу украинскихъ городовъ, что они задерживаютъ ихъ станичниковъ, посылаемыхъ съ вѣстями въ Москву. *Старого* и станичниковъ его распрашивали въ посольскомъ приказѣ какъ о всемъ происходившемъ на Дону, такъ и о дѣйствіяхъ казаковъ противъ азовцевъ, крымцевъ и турокъ; увидѣли, что показанія ихъ совершенно согласны съ извѣстіями, полученными прежде отъ посланниковъ и воеводъ украинскихъ городовъ и представили о томъ государю. Выслушавъ отписку казаковъ и показанія станичниковъ ихъ, царь Михайль Ѳеодоровичъ, огорченный ихъ непослушаніемъ и своевольствомъ, приказалъ атамана Алексѣя Старого съ четырьмя челобѣками станичниковъ послать въ заточеніе на Бѣло-Озеро и содержать ихъ тамъ до указа за крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе сего Старый съ товарищи отправлены на Бѣло-Озеро 21 октября 1625 года; 22 послана на Донъ грамота съ атаманомъ Ѳеодоромъ Ханевымъ. Сею грамотою гнѣвный царь, взчисливъ всѣ своевольства казаковъ и произшедшій отъ того вредъ государству, упрекалъ ихъ въ неблагодарности къ милостямъ его и требовалъ немедленнаго допесенія: какія причины побуждаютъ ихъ вопреки повелѣніямъ его ходить на море, громить корабли, города турецкіе и улусы крымскіе? ⁽²²⁷⁾

^(227.) Дѣла Донскія изъ вновь найденнаго столбца 1625 года, смотри отписку Донскихъ казаковъ привезенную въ Москву атаманомъ Алексѣемъ Старовымъ 9 октября 1625 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи, холопи твои Донскіе атаманишка и казачишка Ениха Рудиловъ и все Донское войско челомъ бьютъ; въ нынѣшнемъ государь въ 134 году пошли нашего войско на Черное море и какъ они пришли между Керчи и Тамани и къ нимъ выбѣжалъ Ясырь съ таманской стороны и они того ясыря распроща прислали къ намъ въ войско съ стругомъ, а въ распрощь намъ холопомъ твоимъ, тотъ ясырь сказывалъ, что де Шингерей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ большимъ снарядомъ, съ пушками, а пушекъ 80, а хочетъ идти подъ твою государеву вотчину подъ асторохань и бывъ подъ астороханью, хочетъ идти на

Чѣмъ отозвались казаки и какое дѣйствіе имѣла эта гра- твою государеву рѣку, на Донъ, и насъ холопей твоихъ хочеть съ рѣки согнать. И мы тому не имя вѣры послали подъ азовъ, для языковъ поимали: а въ распросѣ намъ языки сказывали слово въ слово, что де Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ нарядомъ и идетъ подъ асторохань, да къ намъ же холопемъ твоимъ, вышелъ изъ азова три ясыри, а сказывали намъ въ распросѣ тѣ же рѣчи слово въ слово, что Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ снарядомъ, а идетъ подъ асторохань, а бывъ подъ астороханью бытъ хочеть на насъ холопей твоихъ, и къ намъ холопей твоихъ сего году твоего царскаго жалованья, пороху и свинцу не бывало, а которыхъ, государь, мы холопи твои, посылаемъ къ тебѣ государю съ твоимъ дѣломъ, атамановъ и казаковъ и наукраинныхъ городѣхъ твои государевы воеводы побиваютъ и къ москвѣ не пропускаютъ; а которые государь, выѣзжаютъ наша братья на украинныя города, для ради своей нужи, и воеводы имъ не велеть купить, ни свинцу ни пороху. А съ сею государь, отпискою послали атамана Алексѣя Старого да казаковъ: Терентья Мещерева, Леонтя Карпова, Степана Васильева, Федора Григорьева, Тимофѣя Яковлева, Ивана Амельянова, Спиридона Иванова, Салтанова, Азовскаго переѣзчика, да Ивана Михайлова, да Афонасы Бороду.

134 года Сентября въ 10 день, писали къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи, съ Дону Донскіе атаманы Епиха Родиловъ съ товарищи и все Донское войско въ нынѣшнемъ де во 134 г. пошло ихъ войска на Черное море, и какъ де они пришли межъ Керчи и Тамани, и къ нимъ выбѣжалъ съ таманской стороны полонянинъ, и они того полонянина спрашивали, а въ распросѣ де имъ тотъ полонянинъ сказывалъ, что будто крымской калга Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ большимъ нарядомъ и наряду съ нимъ 80 пушекъ, а хочеть де итти подъ асторохань, и бывъ подъ астороханью хочеть итти къ нимъ на Донъ; и они де посылали подъ азовъ для языковъ, и языковъ поимали, и тѣ языки въ распросѣ имъ сказали то же, что калга Шингирей перевезся съ крымской стороны съ снарядомъ и идетъ подъ асторохань. Да казаки жъ съ Дону писали къ государю, которыхъ де они атамановъ и казаковъ посылаютъ съ себя, для государевыхъ дѣлъ, въ украинныя города и тѣхъ де ихъ атамановъ и казаковъ въ городѣхъ воеводы побиваютъ и къ москвѣ не пропускаютъ, и свинцу и зелья въ городѣхъ купить имъ не велѣтъ. А на москвѣ атаманъ Алексѣй Старой съ товарищи, которые пріѣхали съ Дону сказывали жъ то.

А изъ крымѣ посланники Осипъ Прончищевъ да подъячей Рах-

мота—не извѣстно; видно только, что они и въ слѣдующемъ манинѣ Болдыревъ писали ко государю, что имъ въ крымѣ отъ царя и отъ калги были выговоры многіе и неволи и хотѣлъ калга итти сего лѣта на государевы украины, за то, что казаки Донскіе ходятъ на море подъ турскаго города и на крымскаго улусы. а города и села громятъ и людей побиваютъ; а сего де лѣта взяли на море городъ Трапезонъ и къ Азову приступали приступомъ, и на каланчѣ, на Донскомъ проливѣ, гдѣ Донъ подеть въ море, башню каменную, что поставили турецкіе, взяли. Только государь казаковъ унати не велитъ и съ Дону песведеть и межъ крымскаго царя и калги чають нелюбви и на государевы украины войны.

Грамота на Донъ отъ 22 октября 1625 года отъ царя и великаго князя Михаила Фёдоровича всеа Россіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Епифану Родилову съ товарищи и всему Донскому войску. Въ прошломъ во 133 году, присылали есте къ намъ съ грамотою и съ вѣстями атамана Фёдора Хаиева съ товарищи семь человекъ; а въ нынѣшнемъ во 134 году присылали есте къ намъ съ грамотою жъ и съ вѣстями атамана Алексѣя Старова съ товарищи одиннадцать человекъ, а въ грамотѣ своей вы Атаманы и казаки съ атаманомъ Алексѣемъ Старомъ съ товарищи, къ нашему царскому величеству писали, что будто крымской калга Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону, со многими людьми и снарядомъ, а хочеть де будто итти подъ асторохань или къ вамъ на Донъ и хочеть надъ вами промыслить, а атаманъ Алексѣй Старой съ товарищи на Москвѣ нашимъ приказнымъ людямъ сказывали тѣ же рѣчи: а изъ крымѣ посланники наши Осипъ Прончищевъ да подъячій Рахманинъ Болдыревъ писали къ намъ въ отпискахъ своихъ и пришедъ изъ крымѣ и сами на Москвѣ въ распросѣ боиромъ нашимъ сказывали, что имъ въ крымѣ отъ царя и отъ калги были многіе выговоры и неволи и во всемъ утѣсненъ было великое и хотѣлъ де калга и крымскіе люди сего лѣта итти на наши украины и впередъ на наши украины итти хотять за то, что вы ходите на море подъ турскаго города и на крымскіе улусы и города и села громите и людей побиваете и сего де лѣта взяли турскаго городъ Трапезонъ и къ Азову приступали, и на каланчѣ башню взяли и нарядъ поимали и людей побили. Да и въ грамотѣ своей крымской магметъ Гирей царь и калга Шаагирей царевич и Нурадинъ къ намъ писали и съ послы своими приказывали, только мы не велимъ васъ унати и они собравши съ турецкими и съ крымскими людьми, хотять воевати наши украины. Да къ вамъ же на Донъ приходитъ и съ вами вмѣстѣ турскаго города и села и крымскіе улусы громить Запорожскіе черкасы.—Да вы жъ де въ прошломъ году взяли Старой Крымъ и

(1626) году ходили на море для поисковъ, разорили нѣ-людей высѣкли, и за то де на цари приходили всѣмъ крымскъ, чтобы онъ послалъ воевати наши украинны. А прежде того писали къ вамъ во многихъ нашихъ грамотахъ съ посланники нашими и съ вашими атаманы и казаки, чтобъ вы подъ турскаго города не ходили, и на море судовъ и каторгъ не громили и крымскихъ улусовъ не воевали, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крымскимъ не ссорили, и войны на наши украинны не наводили, и вы то наше царское повеленье поставили шивочто и нашего повеленья не слушаете; и намъ то въ великое подивленье, что вы такъ дѣлаете нашего государскаго повеленья не слушаете, на море ходите и турскаго города и каторги громите и крымскаго улусомъ тѣсноту чините и тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя дѣлаете ссору и нелюбие; и вамъ было пригоже памятовать какая вамъ неволя была при прежнихъ государѣхъ царехъ московскихъ, а послѣднее при царѣ Бориси, невольно вамъ было не только къ москвѣ приѣхать, и въ украинныя города къ родимцомъ своимъ, придти и купити и продати вездѣ заказано, а а сверхъ того во всѣхъ городѣхъ васъ имали и въ тюрьмы сажали, а иныхъ многихъ казнили; вѣшали и въ воду сажали. А какъ мы учинились на нашихъ государствахъ и мы къ вамъ многое наше государское милосердые и жалованье показали и прежнихъ вашихъ грубостей, которые есте учинили московскому государству, ничего не попамитовали, и учили васъ жаловать какъ есть вѣрныхъ нашихъ слугъ и которые атаманы и казаки приѣзжаютъ отъ васъ съ Дону намъ бити челомъ о вашихъ дѣлахъ и о своихъ нуждахъ, и мы ихъ жалуетъ и велимъ имъ видити наши царскія очи, бываютъ у насъ у стола и на приѣздѣ и на отпускѣ жалуетъ ихъ нашимъ жалованьемъ камками и тафтами и сукны добрыми, и поденной кормъ и питье даютъ имъ довольно, и отпускаемъ ихъ во всемъ милостивно, и челобитья ихъ не ставливаемъ. Да къ вамъ же посылаемъ наше жалованье, деньги и сукна и запасы всякя мало не желѣть, и изъ городовъ наши торговые люди ѣздеть къ вамъ со всякими торги и запасы и во всемъ есмь къ вамъ наше жалованье и милость и вольность вамъ учинили, чего изъ начала ни при которыхъ государехъ не бывало; а то есмь все чинили для того чтобы вы нашего повеленья слушали и на турскаго города и земли и на крымскіе улусы не ходили, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крымскимъ не ссорили и войны на наши украинны не наводили и Запорожскихъ черкасъ къ себѣ не пускали и сами къ нимъ и съ ними на море не ходили. И вы то все наше жалованье и повеленье поставили шивочто и вмѣсто того, что было вамъ за наше государское жалованье намъ служить и на недруговъ нашихъ стоять, показываете противъ насъ супротивленье и не послушанье, а про Запорож-

сколько деревень въ окрестности Козлова, взяли множество сѣвхъ казаковъ самимъ вамъ вѣдомо, какія они грубости починили нашему государству города многіе поймали и людей побили; да нетокмо что нашему государству зло починили, и всю землю разоряютъ, недавно то было что они у турскаго на море города повоевали и попмали, а турской асманъ салтанъ противъ того пришедъ въ польшу и въ литву, многія земли разорилъ и въ тѣ поры побито казаковъ Запорожскихъ болѣе 30 тысячъ. А отъ васъ къ намъ помочи ни какія не бывало: одинакова есмь къ вамъ посылали, чтобы вы прислали къ намъ тысячу человекъ въ то время, какъ есмь вели вонну съ польскимъ королемъ, и кормъ имъ былъ готовъ и вы въ тѣ поры намъ помочи нѣкоторые не учинили; и натоли ваша къ намъ служба и радѣнье, въ отнисканъ своихъ пишите къ намъ всегда, что вы намъ служите и впередъ хотите служить, а повелѣнья нашего николи не слушаете и съ сторонними государя которые съ нами въ ссылкѣ и въ дружбѣ, насъ ссорите да отъ васъ же многіе атаманы и казаки ходятъ на волгу и на лѣкъ, и на море и на волгѣ суды и бусы громить и многую шкоту дѣлаютъ; а вы ихъ отъ того не унимаете, а въ прежнія лѣта на Дону у васъ бывалъ о томъ крѣпкой заказъ, кто куды пойдетъ безъ вѣдома войскового и тѣмъ казнивали смертью. Да атаманы же и казаки преже того намъ служивали, коли пойдутъ на наши украины какіе воинскіе люди, и они по всѣмъ рѣкамъ и перевозамъ ставили и тѣхъ людей громили и языковъ имывали и полонъ отбивали, а московскому государству тѣмъ чинили помочъ не малую; а нынѣ казыева улуса ногайскіе люди на наши украины приходятъ и воюютъ мало неажѣлѣтъ, а отъ васъ къ намъ помочи нѣтъ нѣкоторые, только лише насъ съ турскимъ и съ крымскимъ ссорите: и только за такую вашу ссору турской салтанъ и крымской царь взочнуть съ нами не дружбу и пошлютъ своихъ воинскихъ людей на наши города воиною, и то все изочнется и кровь крестьянская прольется отъ васъ. И мы великій государь несмотря на ваши многія грубости прежнихъ вашихъ посланниковъ атамана Федора Ханева съ товарищи 7 человекъ, пожаловалъ нашимъ жалованьемъ и камками и тафтами и сукны, на прѣздѣ и на отпускѣ и поденнымъ кормомъ отпустили къ вамъ на Донъ да съ ними жъ вмѣстѣ отпустили Алексѣя Старого товарищей 6 чел. казаковъ, а атамана Олексѣя Старого съ товарищи 5 человекъ велѣли есмь оставить на москвѣ до нашего указу, до тѣхъ мѣстъ, покаместа вы къ намъ отпустите для чего вы нашего государскаго повелѣнья неслушаете, на море подъ турскаго города воиною ходите и города турскаго салтана и на море корабли и каторги громите и крымскіе улусы воюите, и тѣмъ межъ насъ и турскаго солтана и крымскаго царя ссору учинили великую, и Запорожскихъ чер-

илѣна и завладѣли тремя турецкими кораблями на азовскомъ морѣ ⁽²²⁸⁾ и что весною того же года, соединясь съ Запорожскими черкасами, осаждали Азовъ, выжгли предмѣстїя онаго и разорили отводныя башни ⁽²²⁹⁾.

касъ къ себѣ пускаете и сами къ нимъ ходите, а наказанья есмя надъ вашими атаманы и казаки нынѣ учинити не велѣли для того, ожидаючи отъ васъ къ намъ обращенья и службы. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ къ намъ отписали на скоро для чего вы нашего повелѣнья не ослушаете, и съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ насъ ссориваете и Запорожскихъ черкасъ къ себѣ пускаете и сами къ намъ ходите и съ ними на море ходите и турецкаго салтана города и села крымскаго царя улусы громите и задоры чините и почѣму веленью вы такъ дѣлаете, о томъ бы естя о всемъ отписали къ намъ на скоро; а впередъ бы есте однолично нашего повелѣнья не слушались, подъ турецкаго города и на крымскіе улусы не ходили и ссоры не чинили, и воровъ бы есте атамановъ и казаковъ, которые ходять на волгу и на яикъ, отъ воровства уймали и учинили имъ наказанье по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось и впередъ бы ихъ на волгу и на яикъ не пускали, и черкасовъ Запорожскихъ къ себѣ на Донъ не пускали и къ нимъ не ходили и съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ насъ не ссорили; а какъ вы въ томъ предъ нами справитесь, и мы васъ нашихъ людей учнемъ жаловати и въ нашей милости имѣти по прежнему и выше. А будетъ вы впередъ учвете нашего повелѣнья ослушаться и межъ насъ и турецкаго салтана и крымскаго царя учнете ссору чинить, а по той вашей ссорѣ турецкой и крымской пришлютъ на наши украинны воинскихъ людей и которое дурно отъ того учинится, и то будетъ отъ васъ; а намъ вамъ за такія грубости жалованье довать не за что и въ города въ некоторыя васъ пускать и запасы ни съ какими изъ городовъ къ вамъ ѣздить не велимъ, и то вамъ будетъ отъ себя, а не отъ нашего гнѣву. Писанъ на Москвѣ лѣта 7134 Октября въ 22 день.“

^(228.) Дѣла крымскія въ столбцахъ 1627 года № 1-й, отписка бывшихъ въ крыму посланниками Скуратова и Посникова.

„А князь Кантимировъ братья Антимиръ да Селменшахъ мурзы побѣждали изъ крыму; а съ нами пошло двѣ тысячи крымскихъ людей, а пошли за казаками Донскими, которые пошли за князь Кантимиромъ, а повороту тѣмъ крымскимъ людямъ и Донскимъ казакомъ не бывало; въ походѣ за крымомъ.“

^(229.) Дѣла ногайскія въ столбц. 1627 г. № 1-й, смотри отписку астраханскихъ воеводъ Головина и Зубова въ посольскій приказъ.

„Въ прошлое де государь во 134 г. по лѣту съ Дону ѣздили

Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ волжскими казаками и наказаніе за сіе. Въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ Донскихъ казаковъ, верхнихъ городковъ прельщенные молвою о богатыхъ добычахъ, приобретаемыхъ казаками волжскими на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, — самовольно ушли на Волгу и вмѣстѣ съ тамошними разбойниками грабили купеческія и казенныя суда персидскія и русскія. Но такое своевольство не было общимъ всѣмъ Донскимъ казакамъ и строго наказывалось: уличенныхъ въ участіи съ волжскими казаками въ разбояхъ, по приговору главнаго войска, били ослопьемъ и грабили; нещадили даже и людей торговыхъ, кон покупали у нихъ ясирь, а имъ продавали свинець и порохъ ⁽²³⁰⁾.

на Черное море Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы, которые на Дону зимовали, многіе люди и на Черномъ де, государь, море казаки и черкасы ничего не добыли, а пныхъ де, государь, казаковъ и черкасъ турецкіе люди, пришедъ на каторгахъ, побили; да въ прошломъ же, государь, во 134 году на веснѣ Донскихъ казаковъ и черкасъ съ двѣ тысячи человекъ ходили подъ Азовъ и къ Азову приступали и около Азова города пожгли и отводные башни разломали и былъ у нихъ съ Азовцы подъ городомъ бой, и бився пришедъ назадъ въ свои городки.“

⁽²³⁰⁾. Тѣхъ же дѣлъ въ столбц. 1627 г., № 1-й, отписка астраханскихъ воеводъ Буйносова, Ростовскаго и Волынскаго съ товарищи.

„И атаманъ де Епиха Родплонъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманомъ, съ которыми въ городѣхъ тѣ казаки, что нынѣ вооружаютъ на Волгѣ, атаманъ Данилко съ товарищи зимовали, а велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобъ имъ стати въ войскѣ на яру на урочище Монастырскомъ; а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ вооружаютъ и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочище Монастырскомъ въ сѣздѣ, и ихъ де государь атаманъ Епиха Родплонъ съ товарищи били ослопьемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, государь, людей, которые съ тѣми жъ ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали ясирь, а казакотъ продовали зелье и свинець, а тѣхъ де, государь, торговыхъ людей Донскіе казаки били жъ и грабили и о томъ учинили заказъ кружкой, чтобъ отнюдь ни кто съ Дону на Волгу для воровства не ходили, а тотъ-ко де, государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ обя-

Со времени заточенія Старово, казаки посла на себѣ опалу цареву два года съ половиною не имѣли никакихъ сношеній съ Москвою; они искали случая заслужить прощенія въ винахъ своихъ, и случай этотъ скоро имъ представился. Султанъ турецкій, несмотря на обиды и разоренія, претерпѣваемые подданными его отъ казаковъ, не хотѣлъ прервать дружественныхъ сношеній съ Россіею потому болѣе, что въ государѣ ея видѣлъ ясныя доводы благорасположенія къ себѣ; въ 1627 г. султанъ вторично отправилъ въ Москву посланника своего Оому Контакузина, поручивъ ему ходатайствовать и объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ на его владѣнія. Казаки обрадовались, извѣстясь о прибытіи Контакузина въ Азовъ, встрѣтили его и проводили до украины съ честію. Послѣ сего адали возвращенія Контакузина изъ Москвы и милостивой грамоты и не обманулись въ надеждѣ. Государь отпуская этого посла съ новымъ увѣреніемъ въ доброжелательствѣ своемъ къ повелителю оттомановъ и въ томъ, что Донскіе казаки живутъ вольно, повелѣній его не слушаютъ, въ тоже самое время отправилъ къ султану и своихъ пословъ (Яковлева и Евдокимова), поручивъ имъ доставить казакамъ денежное и хлѣбное жалованье, сукно, селитру и порохъ, свинець и милостивую грамоту. Казаки снова встрѣтили все посольство съ отличною почестію, принесли государеву грамоту и дары съ радостію, славя милость и щедрость монарха, и родители его, святѣйшаго патріарха Филарета на Дону, и тому быть казнену смертію; да казаки жъ де, государь, 60 челов. ѣздили подъ Казиевъ улусъ для конскаго отгону и въ тѣ де, государь, поры изъ Азова ѣхали въ казиевъ улусъ Казиевскаго Касая князи внукъ Би-Арасланъ Мурза Канаметевъ, а съ нимъ де, государь, было 33 челов. татаръ, а Донскіе де, государь, казаки на переѣздѣ того мурзу погромали и десять челов. татаръ убили, а 10 челов. ушли; а Би-Арасланъ мурзу, да съ нимъ 13 челов. татаръ взяли въ лзыцѣхъ и привезли на Донъ, и нинѣ де государь тотъ мурза и татаровѣ у казаковъ на Дону; да послалъ де, государь, было изъ Крыму Шанъ Гирей царевичъ, въ Казиевъ улусъ къ Касая князю съ грамотою татарина и что де татарина казаки взяли и послали съ Дону въ тебѣ къ государю къ Москвѣ.“

рета,—и наконецъ проводили посланнѣ въ въ Азовъ безъ малѣйшаго задержанія. Увѣдомленный объ этомъ государь прислалъ въ войско похвальную грамоту, повелѣвалъ жить съ азовцами мирно, не громить ни судовъ, ни городовъ турецкихъ (²³¹).

(²³¹.) Дѣла Донскія съ 1623 по 1652 г., книг. № 1, см. грамоту на Донъ 2 Сентября 1628 года.

„Отъ царя и великаго князя Мпханла Ѳеодоровича всеа Русіи, на Донъ въ верхніе и нижніе юрты атаманомъ и казакомъ и всему войску. Въ вышшемъ во 136 году августа въ 20 день писали къ намъ изъ Азова послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ и турецкій посоль Тома Контакузень, что вы атаманы и казаки, по нашему указу встрѣтили ихъ и приняли честно, а послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ нашу грамоту и наше жалованье, что съ ними къ вамъ послано, деньги и сукна и зелье и свинець и селитру и хлѣбныя запасы вамъ отдали и вы атаманы и казаки грамоту нашу вычли и жалованье наше приняли и рѣчи у пословъ нашихъ выслушали, и нашему жалованью обрадовались и за наше и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, многолѣтнее здоровье молили Бога и пѣли молебны зъ звономъ и учинили стрѣльбу, и пословъ нашихъ и турецкаго посла съ Дону въ Азовъ отпустили и проводили до Азова честно, и мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ за ту вашу службу похваляемъ, что вы намъ службу свою показали пословъ нашихъ приняли и въ Азовъ отпустили и проводили честно, и впредь бы ести намъ великому государю служили и радѣли и нашего царскаго ука у и повелѣнья ни въ чемъ неослушались, и на море турецкаго Муратъ салтана судовъ не громили и городовъ и селъ и мѣстъ не воевали и съ Азовцы жили смирно задоровъ никакихъ не чинили, тѣмъ бы есте ссоры не дѣлали для того, что турецкой Муратъ салтанъ съ нами великимъ государемъ учинился въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви свине прежнихъ великихъ государей и чтобъ въ томъ межъ насъ и турецкаго салтана нелюба не было, и вамъ атаманомъ и казакомъ къ нашему царскому величеству служба своя совершить, ссоры межъ насъ съ турецкимъ салтаномъ нечинити, чтобъ нашему царскому п земскому дѣлу порухи, а съ посломъ нашимъ во Царь городѣ вычетовъ и мѣшканья и тѣсноты не было; а какъ послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ пойдутъ изъ Царь города назадъ, а съ ними будетъ пойдутъ турецкіе послы, и вы бѣ атаманы и казаки пословъ нашихъ и турецкихъ пословъ встрѣтили и приняли потому жъ во всемъ честно и отпустили ихъ къ намъ къ Москвѣ не задержавъ, и суды подъ нихъ и гребцовъ имъ дали

Когда дворъ російскій въ посольскихъ сношеніяхъ своихъ съ крымцами и турками утверждалъ, что Донскіе казаки изстари люди своевольные, что царь указалъ воеводамъ всѣхъ украинныхъ городовъ своихъ захватывать ихъ и казнить смертію, въ то время, на размынномъ мѣстѣ, въ приѣздъ крымскаго посланника князя Сулешева, печальный случай едва было нарушилъ согласія россиянъ съ крымцами, хотя съ обѣихъ сторонъ и не искренняго. Осенью того же (1627) года, 10 казаковъ съ атаманомъ Степановымъ отправлены изъ войска въ Москву легкою станицею съ какимъ-то весьма важнымъ донесеніемъ; съ ними 47 человекъ промышленниковъ изъ разныхъ Русскихъ городовъ гнали съ Дону купленныхъ ими 150 лошадей. Близъ Валукъ съѣхались они съ крымскими посольскими людьми, кои почти ихъ всѣхъ за Донскихъ казаковъ, а лошадей за отбитыхъ въ улусахъ крымскихъ, завязали съ ними бой, взявъ двухъ человекъ въ плѣнъ, извѣстили объ этомъ на посольскомъ размынномъ мѣстѣ околыничаго Льва Карпова и просили отъ него помощи. Послѣ сего возникли уверки со стороны крымцевъ, что государь явно потворствуетъ казакамъ, дозволяя имъ ѣздить свободно въ Россію съ отбитыми лошадьми.

Противъ сего околыничій Карповъ увѣрялъ крымскаго посланника князя Сулешева, что виденные имъ люди не Донскіе казаки, но разныхъ Россійскихъ городовъ промышленники, ходившіе вопреки повелѣніямъ царскимъ на Донъ и позапольнымъ рѣчкамъ для звѣриныхъ промысловъ; что онъ донесетъ объ нихъ государю и они за своеволія свои неми-

какъ мочно поднятся, а на передъ ихъ отпуску прислали бы есте къ намъ станицу, кто именовъ турскихъ посолъ будетъ и многоль съ нимъ будетъ всякихъ людей, чтобъ намъ про нашихъ и про турскихъ пословъ было вѣдомо, а мы великій государь учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованье, въ томъ бы есте на наше жалованье были надежны; да по вѣстяхъ бы есте, которые намъ надобны про крымскаго и про литовскаго и про иныя, что у васъ объявятся, къ намъ писали, чтобъ намъ крымскіе и литовскіе вѣсти были вѣдомы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7136 сентября въ 2 день.“

нуемо будутъ казнены смертію. Таковыя увѣренія успокоили посла. Благоразуміемъ Карпова возстановлено прежнее спокойствіе и взаимное доброжелательство между довѣренными російскимъ и крымскимъ на размѣнномъ мѣстѣ (232).

(232.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1627 г., № 3-й, отписка околичнаго Льва Карпова изъ Волуйки въ посольскій приказъ, получ. 14 октября 1627 года.

„Сентября, государь, въ 29 день часу въ 4 дни прислали къ намъ холопомъ твоимъ на рѣчку на Ураеку на станъ крымской встрѣчника Мустафа князь Сулешевъ, пріѣхавшаго отъ крымскаго царя посломъ съ товарищи, татарина, а сказалъ намъ, государь, тотъ татаринъ: появились де изъ стени отъ Дону многіе люди, а чаютъ они, что вору Ногаи или Черкаси и намъ бы государь холопомъ твоимъ послать людей къ нимъ въ прибавку, чтобъ отвѣдать какіе люди. И мы государь послали головъ съ сотнями Рахманина Вышеславцова съ мещарины да Мпхайловскаго сотника казачья Микиту Раздеришпина съ казаки, а велѣли итти на то мѣсто гдѣ объявились вору. И того, государь, часу Мустафа князь Сулешовъ прислалъ къ намъ холопомъ твоимъ другога татарина, что вору Донскіе казаки итуть на Волуйку, а гонять съ собою ихъ крымскіе отгоныве лошади, и сѣли де въ кустахъ и съ ними бьются, и намъ бы, государь, холопомъ твоимъ помочь учинити. И мы государь холопи твои посылали волуйскаго голову казачья Юрья Чуфаровскаго, а велѣли ихъ спроситъ, какіе люди и гдѣ были и куда идуть; спроси велѣли сказать намъ холопомъ твоимъ, а головамъ, государь, съ сотнями Рахманину и Микитѣ велѣли стоять наготовѣ, для того, либо учинитъ, съ твоими государевыми людьми бой; и Юрій, государь, Чуфаровскій пріѣхавъ намъ холопомъ твоимъ сказалъ, что люди русскіе изъ разныхъ городовъ были на Дону, а съ ними есть и Донскіе казаки, а сказывались татарамъ, что они не Донскіе, изъ городовъ Камышенки ходили за звѣремъ, а иные для рыбныхъ ловель и съ татары хотѣли битца, а Донскіе казаки, какъ Юрій къ нимъ подъѣхалъ отъ татаръ подалъ, сказали ему не въ слухъ, что они ѣдутъ къ тебѣ государю съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ, и намъ бы холопомъ твоимъ, имъ помочь учинитъ, или велѣть у нихъ грамоты взять, чтобъ съ тѣмъ дѣломъ ихъ татаровѣ не взяли, а про то бѣ дѣло въ Крымъ не вѣдомо было.— А Мустафа, государь, князь Сулешевъ присылалъ къ намъ Устижири мурзу Сулешева, а съ нимъ ясауловъ и говорили, что вору Донскіе казаки идуть на Волуйку съ крымскими погромными лошадьми, и съ ними бьются, и намъ бы на тѣхъ воровъ съ ними стоять за одинъ, а будетъ на тѣхъ воровъ не дадимъ людей, и имъ де съ ними битца хотя многимъ побитымъ бытъ, а ихъ не упустишь. И мы, государь,

Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на крымъ. Ханъ крымскій не переставалъ настаивать о унятіи Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на улусы его: «если хочешь быть другомъ мнѣ» — писалъ ханъ къ релизому князю въ

холопи твои, къ Мустафѣ кн. Сулейсву приказали, чтобъ онъ самъ со всѣми татарами отшелъ прочь и съ ними не бился, чтобъ тѣ воры на бою татары не побили и ссоры бы въ томъ межъ тобою, государемъ, и крымскимъ царемъ не учинили; а мы съ тѣми ворами битца учнемъ сами; и какъ ихъ ищемлемъ и то объявитца съ Дону казаки воры ли или иные люди и съ нимъ втомъ обоплемся и учнемъ надъ тѣми ворами, только будетъ Донскіе казаки, по твоему государеву указу, и въ томъ бы Мустафа князь въ закладъ аманатовъ, втомъ какъ твои государевы люди тѣхъ воровъ поймають и пойдуть съ ними въ наши станы и на тѣхъ бы людей не приходыва и съ твоими государевыми людьми не ссоритца и драки не учинити, и Мустафа, государь, князь въ томъ прислалъ въ закладъ Сулеймана мурзу Алѣева, да Ага Качыка да Баранчу, и самъ Мустафа князь со всѣми крымскими людьми и ногак отшелъ прочь въ свои станы. И мы государь холопи твои послали къ казаконъ волуйскаго голову казачьи Юрья Чуваровскаго и велѣли ему говорить, чтобъ они съ твоими государевыми людьми не билась и шли къ намъ холопомъ твоимъ въ станъ, а дурна надъ ними ни какого учинити не велѣмъ; и послѣ государь, того часа съ два, а съ собою привелъ русскихъ людей разныхъ городовъ, которые ходили на Донъ съ запасы 47 человекъ да Донскихъ казаковъ Андрей Степанова съ товарищи 9 человекъ, а съ ними 34 лошади, а въ распросѣ, государь, намъ холопомъ твоимъ Донскіе казаки сказали, что они ѣдутъ съ Дону ого всѣхъ казаковъ съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ. И мы холопи твои тѣ отписки съ чѣмъ они къ тебѣ къ государю ѣдутъ чли и про лошади, и чѣмъ они прѣхали, спрашивали сколько съ ними крымскихъ лошадей и Донскіе, государь, казаки атаманъ Андрей Степановъ съ товарищи сказали: лошади де, которые съ нами, ихъ казачьи, а не крымскіе, а имали де ихъ они на боехъ у ногайскихъ людей, а иные де лошади писали за ногайскихъ татаръ, которыхъ они имали на боехъ за округъ, и иные, государь, люди оказались разныхъ городовъ Воронежцы, Вѣленцы, Ельчанѣ, Ряшене, Калужане вслѣдкіе люди, были на Дону съ провозанымъ запасомъ и съ виномъ и съ иными товары, а съ ними крымскихъ и ногайскихъ 122 лошади, и сказали, государь, про тѣ лошади, что покупали на Дону у казаковъ и на запасы имали, и того жъ, государь, часу ни помѣшавъ ни мало прѣзжалъ къ намъ отъ Мустафы князь Иліисъ Уланъ-Мурза Алгари Агитъ братъ и

1627 году, — «то поспарайся унять Донскихъ казаковъ, чтобы они на море не ходили и азовцамъ и моимъ подданнымъ не дѣлали обидъ и раззореній. . . . . Смиь только докажишь что искренне желашшь покоя и тишины» (233). Подобнымъ образомъ убѣждалъ онъ великаго князя и другою грамотою привезенною послемъ его Селеманъ Агою въ сентябрѣ мѣсяцѣ, присовокупивъ что раззоренія произведенныя во владѣнiяхъ его Донскими казаками столь ужасны, что подобныхъ не было (234).

говорилъ намъ холодемъ твоимъ что воры Донскiе казаки воруютъ и приближаютъ со всякимъ воровскимъ грабежомъ въ твои государевы въ украинные города, а государь ихъ отъ воровства унять не велеть. . . . . и мы государь холопи твои говорили: Донскiе казаки прямые воры и за тѣхъ воровъ государь не станетъ и стоять не будетъ; а тѣ люди, которые нынѣ объявились ворами, камышняки гулящие люди, ходили на Донъ украдомъ не по государеву указу и утайся государевыхъ воеводъ, и тѣ люди у насъ перевязаны и пишемъ нынѣ объ нихъ государю, что государь объ нихъ укажетъ, а чаемъ того, что государь — велить ихъ казнить смертию, чтобы нимъ не повадно на Донъ ходить и съ Дону воры съвзжатца и торговать, а Донскихъ казаковъ съ ними никою вѣтъ, и Уляисъ Улапъ говорилъ, государь, то де добро, что государь велить отъ воровства уяить, а говори, государь, съ нами о томъ, поѣхалъ въ свои станы. . . . . А какъ, государь, первая сѣйна была у казаковъ съ татарами, и въ ту, государь, пору татаровѣ взяли русскихъ двухъ человекъ Ельчанъ. . . . . А Донскихъ, государь, казаковъ атамана Андрея Степанова съ товарищи, девять человекъ, со всемъ и съ лошадыми отпустили къ тебѣ къ государю къ Москвѣ.“

(233.) Дѣла крымскiя въ столбц. 1627 г., № 4-й, смотри грамоту хана, присланную съ гонц. Доюнъ Алеи Аталыкомъ.

„И вамъ бы брату нашему Донскихъ казаковъ велѣть унять, чтобы они въ судѣхъ на море не ходили и азовскимъ людемъ тѣсноты и убытковъ не чинили, а только отъ вашихъ людей нашимъ людемъ тѣсноты и убытки учинятца, или отъ нашихъ людей вашимъ людемъ какiе убытки учинятца и то не добро будетъ, и вамъ бы брату нашему о добромъ дѣлѣ о покое и о тишинѣ порадыть прiмымъ сердцемъ своимъ.“

То же писали и Калга Шангирей и прочiе царевы ближнiе люди и мурзы въ своихъ грамотахъ.

(234.) Тамъ же, № 8-й, см. грамоту крымскаго Хана къ великому князю.

„И нынѣ мы повелѣваемъ, будетъ съ нами похотите быти въ

Раззореніе казаками Карасу—Базара, Балаклавы и многихъ деревень въ Крыму. Но эти требованія хана и мѣры какія принимало російское правительство для унятія казаковъ, были не дѣйствительны: не взирая на запретительныя грамоты въ этомъ году, изъ посольскаго приказа писанная на Донъ и на предосторожности турокъ и крымцовъ, казаки не отставали отъ любимыхъ своихъ морскихъ поисковъ. Пользуясь бывшимъ въ Крыму въ 1628 г. междоусобіемъ, они соединились съ Запорожцами, приплыли къ берегамъ крымскимъ, опустошили многія села и деревни, выжгли городъ Карасу (нынѣшній Карасу—Базаръ), и наполнивъ струги свои добычею и плѣномъ, стояли тутъ нѣсколько времени отдавая на окупъ плѣнныхъ; а осенью того же года громили Балаклаву и отсюда возвратились въ войско (²³⁵).

дружбѣ и вамъ бы съ нами слова выслушати и къ намъ свое прямое слово писати, а воровъ, которые приходятъ съ вашіе стороны степью и водянымъ путемъ, тѣхъ велѣти уняти, а будемъ молите не такъ, и вамъ бы потому объявити, и мы себѣ также учнемъ промыслити, а уже дастъ Богъ хотимъ быти другу другомъ, а не другу не другомъ, а съ тѣхъ мѣстъ какъ мы учинимся съ вамъ братомъ нашимъ и сколько учинили намъ Донскіе казаки и астраханскіе воры убытковъ, и мы такихъ убытковъ и отъ днѣпровскихъ казаковъ не видали. . . . и казаковъ бы вамъ уняти, чтобъ они крымскому юрту и Азову убытковъ не чинили и на Черное море въ стругахъ не ходили, и только похотите быть въ дружбѣ и вамъ бы однолично тѣхъ казаковъ уняти въ скорѣ.

(²³⁵). Дѣла крымскія въ столбц. 1628 г., № 10, см. грамоту волуйскимъ воеводамъ окольнику Бутурлину и дьяку Тракину.

Въ грамотѣ изъ посольскаго приказа отъ 24 іюли окольнику Федору Бутурлину и дьяку Тракину, бывшемъ на Волуйкѣ для посольской размѣны, извѣщаютъ ихъ, что посланники наши Тарбѣевъ и Басовъ доносятъ государю, что новой царь Джанбекъ Гирей на отпускѣ говорилъ имъ, „что онъ съ нами въ братствѣ и дружбѣ и на своей правдѣ стоитъ крѣпко, а съ нашей стороны дѣлается не потому, какъ де онъ велѣ войну съ прежнимъ Магметъ Гирѣемъ царемъ и съ калгою Шангирѣемъ царевичемъ и ходилъ противъ ихъ, а мы будто въ то жъ время прислали на крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и тѣ де казаки ихъ крымскіе улусы повоевали и деревни пожгли и лутшеі городъ Карасовъ

Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намъ брѣвается выжгли и вынѣ де казаки стоятъ въ крымскихъ улусѣхъ и шкоты людемъ ихъ чинять, и то будто съ наше стороны дѣлается неправда.“

Дѣль Донск. см. въ книгѣ содержащей въ себѣ отпуски, грам. на Донъ 1629 г. октября 6-го.

„Отъ царя и великаго князя Михапла Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, Волоките Ѳролову съ товарищи. По нашему указу писано къ вамъ отъ насъ напередъ сею многожда и дворняи посланы къ вамъ на рочно, многіе, чтобъ вы на море не ходили и турскаго салтана судовъ не громпили и людей не побивали, и на крымскіе бѣ улусы не ходили и шкоты пмъ никакіе не чинили, тѣмъ межъ нашего царскаго величества и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили, и чтобъ за то украинамъ нашимъ отъ турскаго и крымскаго войны и разоренья не было; а въ прошломъ въ РЛС (136) году присылалъ къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русіи, турской Муратъ салтанъ посла своего Гречанина Ѳому Каптакузена зъ грамотою о великихъ дѣлѣхъ, а писалъ къ намъ, что онъ съ нами, великимъ государемъ, хочетъ быть въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви, свыше прежняго, а намъ бы великому государю потому жъ быти въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви, и васъ бы казаковъ унять, чтобъ вы на море не ходили и людемъ его тѣсноты не чинили; и мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи къ турскому Муратъ салтану посла его Ѳому Каптакузину отпустили, съ нимъ вмѣстѣ послали есмь къ турскому салтану пословъ нашихъ дворняина Семена Яковлева да дьяка Петра Овдокимова, а съ ними писали есмь къ турскому Муратъ салтану, что вы Донскіе атаманы и казаки по нашему указу на море ходите и судовъ громпите и мѣстѣ и селѣ воевать не учнете, а къ вамъ атаманомъ и казакомъ писали есмь съ великою опалю и укрѣпленіемъ, чтобъ на море не ходили и судовъ не громпили и городовъ и селѣ турского не воевали и съ азовцы помирлись и были бѣ въ миру и задоровъ бы никакихъ не чинили, тѣмъ межъ насъ и турского салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу помѣшки, а посламъ нашимъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ Царегородѣ за то вычетовъ и задержанья не было, и наше бѣ царское и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи слово иноко не было, и наше жалованье къ вамъ съ послы нашими послали есмь для того, во всемъ по прежнему, да и то къ вамъ въ

казнить смертію. Раздраженный симъ нападеніемъ

нашей грамотѣ съ послы нашими писано и атаманомъ вашимъ и казакомъ на Москвѣ сказано, только вы атаманы и казаки мимо нашъ царской указъ учнете на море ходить и турскаго людемъ тѣсноту чинить и села и деревни воевать, и вамъ атаманомъ и казакомъ отъ насъ великаго государя быти въ великой опалѣ и въ великомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссіи быти въ вѣчномъ запрещеніи и въ отлученіи; а послѣ пословъ нашихъ послали есмь къ вамъ съ нашею грамотою Афонася Блохина, а послѣ Афонася послали есмь къ вамъ дѣтей боярскихъ Данила Везенина да Сидора Маслова, съ нашими грамотами; а послѣ того послали есмь атамана Федора Родіонова, а писали есмь къ вамъ, чтобы вы про пословъ нашихъ про Семена Яковлева, да про дьяка про Петра Овдокимова провѣдывали, да какъ они придутъ въ Азовъ, и вамъ велѣно ихъ съ тою вѣстью прислати къ намъ не вдругъ, чтобъ намъ про нашихъ и про турецкихъ пословъ было вѣдомо, и самимъ бы вамъ съ азовцы жить смирно и задоровъ никакихъ не чинити и на море однолично не ходити и турскаго селъ и деревень и и крымскаго улусовъ не воевати, и ни чѣмъ ни задиратися, и вы атаманы и казаки указъ нашъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссіи поставили ничто, и на море ходили и турскаго Муратъ салтана суды громили и на крымскіе улусы ходили и воевали; а въ прошломъ во РЛЗ (137) году писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Иваномъ Косымъ съ товарищи и прислали дву человекъ татаръ, что отгромили у Шангирея царевича, и тѣ товарищи ваши атаманъ Косой съ товарищи въ распросѣ сказывали, что вы атаманы и казаки нынѣшнее весны съ азовцы учинились въ розмирье и сходства у васъ на обѣ стороны нѣтъ, а по нашимъ грамотамъ къ намъ къ Москвѣ ни о какихъ вѣстехъ не пишете и по сіе время РЛИ (137) года октября по 6 день, и что сами вѣдаете, что турской Муратъ салтанъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви и послы наши у него во Царьгородѣ были и отпущены къ намъ; да и тотъ слухъ есть отъ полоняниковъ, что нынѣ наши послы и турскаго посоль въ Кафѣ съ воровствомъ вашимъ учинился, что вы задоровъ учинили и съ азовцы задралъ и на море ходили и села и деревни воевали, и то мѣшканье и задержанье учинилось послѣ отъ вашего воровства; а крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь къ намъ великому государю писалъ, что онъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ крѣпкой дружбѣ и любви и на своей правдѣ стоятъ крѣпко и неподвижно, и отъ людей его украинамъ нашимъ убытковъ нѣтъ никакихъ, и вы де атаманы и казаки на крымскіе улу-

казаковъ Джанбекъ Гирей въ пылу гнѣва приказалъ было сы приходите, села и деревни воюете и грабите, людей побиваете; а въ прошломъ де году ходили они противъ недруговъ своихъ Магметъ Гирей царя и калги Шангирей царевича и безъ нихъ де въ то время приходили вы атаманы и казаки на крымскіе улусы и лутчее мѣсто городъ Карасовъ выжгли и высѣкли людей и корысти многіе поимали, и они де того съ нашей стороны нечаялись и чаютъ того, что вы то сдѣлали съ нашего повелѣнья, и намъ бы отъ того васъ велѣтъ унять и громленные животы и полонъ поверотить имъ назадъ, а только мы то не същемъ и отъ того васъ унять не велимъ, и они съ нами въ дружбѣ и въ любви быти не хотятъ и противъ того также нашимъ людямъ терпѣти не хотятъ и хотѣли было за то на наши украинны послати войною; а посланники наши Степанъ Тарбѣевъ да подъячей Иванъ Басовъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, сказывали тожь, что вы атаманы и казаки въ прошломъ году на крымскіе улусы приходили въ то время, какъ царь и калга ходили противъ прежняго Магметъ Гирѣя царя и Шангирей царевича и Карасовъ разорили и людей побили и животы поимали, да иные де многіе мѣста повоевали и за то имъ въ Крымъ отъ царя и отъ калги и отъ Нурадына и отъ ближнихъ людей былъ шумъ великой и вычеты были большіе, и отпустить ихъ изъ Крыму не хотѣли; а какъ ихъ царь велѣлъ отпустить, и на отпускъ имъ говорили, что они больше того терпѣти не хотятъ, будетъ мы того не същемъ и отъ того унять васъ не велимъ, и они правду свою нарушать и учнутъ ходитъ на наши украинныя города войною, и то вы атаманы и казаки дѣлаете воровствомъ и измѣною и отъ Бога отступленіемъ, забываете наше государское жалованье и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха благословенье и запрещенье, и хотите своимъ воровствомъ и лакомствомъ на крестьянскіе души московскаго государства кровь неповинную и разоренье наводити, отъ чего Богъ пощадилъ и удержалъ десницею своею праведною, и такого мусульманскаго народа на крестьянство не попустилъ, а вы злодѣи враги креста Христова то все нарушаете и кровь не повинную наводите и наше государское слово, что мы пишемъ къ турскому Муратъ салтану и крымскому царю про васъ, что по нашему царскому указу впредъ воровать не будите и задоровъ никакихъ чинить не учнете, и то слово наше государское отъ вашего не послушанья стало пнако и не вѣрно; а вѣдаете сами, что турской Муратъ салтанъ и крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь съ нами великимъ государемъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и украиннамъ нашимъ дурна отъ нихъ никакова нѣтъ, и войны на наши украинны не бывало, а вы дѣлаете все самовольствомъ, нашъ царскаго величества указъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи

передать смерти Россійскихъ посланниковъ Кологривова и ставите нивочто, и будетъ вы тѣхъ воровъ не сыщете, которые ходили на море и на крымскіе улусы, и къ намъ имяна тѣхъ воровъ не пришлете, и мы вамъ за такое ваше не послушанье больши для того тѣрпѣти не будимъ, и нынѣ по нашему указу посланъ на Дону къ вамъ,.... а велѣно ему про пословъ нашихъ развѣдать, естли на Дону про нихъ какой вѣдомъ и гдѣ нынѣ и какъ ихъ чалтъ. въ Азовъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ п вы бѣ атаманы и казаки однолично съ азовцы помирились, и на море не ходили, и турскаго салтана городовъ и сель и деревень и крымскихъ улусовъ не воевали и не задирались ничѣмъ, а что на семь лѣтъ взяли есте турскаго Муратъ салтана на море и въ селахъ и въ крымскихъ улусехъ животовъ и асырю, то бѣ есте все сыскали однолично безо всякаго отговору, чтобъ наше государское слово пноко не было, и о томъ бы есте вскоре отписали, а мы о томъ хану крымскому Джанъ-Бекъ Гирею царю и хану калгъ писали, что мы то все сыскавъ велимъ отдати, что вы поимали въ Карасовѣ и въ улусехъ и впередъ оттого велимъ унять, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ нашего государскаго слова инако не учинить, а впредъ бы отъ такого воровства унитца и тѣмъ своимъ воровствомъ межъ насъ великихъ государей ссоры и нелюба не чинили, а кроворазлитыя и разоренія на крестьянство не наводили.—А какъ. . . . . нма рекъ . . . . . на Дону развѣдавъ про пословъ нашихъ, поѣднть назадъ, и вы бѣ съ нимъ отпустили изъ прежнихъ дѣтей боярскихъ одного, котораго нибудь и отписали съ нимъ къ намъ подлинно о всемъ, что у васъ дѣлается и какъ впредъ у васъ укрѣпитца, и сами бѣ есте жили съ азовцы однолчно смирно и задоровъ никакихъ не чинили и на море не ходили, тѣмъ межъ васъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюба не чинили и вину бѣ есте свою покрыли тѣмъ по прежнему нашему указу, и по сей нашей грамотѣ съ азовцы помирились тотчасъ, и жили съ ними смирно, задоровъ бы никакихъ не чинили и на море бѣ есте однолично не ходили и судовъ не громили и сель и мѣста турскаго не воевали, и тѣсноты не чинили, и ссоры межъ насъ и турскаго и крымскаго тѣмъ не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу нарушенья и посломъ нашимъ задержанья и украинамъ бы нашимъ отъ крымскаго за то утѣсненья не было. А какъ послы наши Семенъ Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ плп съ нимъ турскаго Муратъ салтана послы придуть, и вы бѣ ихъ приняли честно и отпустили по прежнему съ Дону, не задержавъ тотчасъ, и суды имъ и провожатыхъ дали какъ бы имъ пройти безстрашно; а будетъ вы атаманы и казаки и черезъ сей нашъ указъ учнете дѣлати, воровствомъ на море ходити, и турскіе мѣста и крымскіе улусы воевать, и мы великій государь больше того вамъ терпѣти не уч-

Дурова; но смягченный мольбою матери и совѣтниковъ своимъ, однолично бѣ есте атаманъ и казаки отъ такова дурна отстали, ссоры и нелюбви межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя не чинили, чтобъ намъ великому государю было васъ за что жаловать, а будетъ вы не узнаете и отъ такого дурна не отстанете и что надъ вами велимъ за то учинить и то вамъ будетъ отъ себя и отъ своего воровства.“

Такову грамоту чернилъ самъ великій государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русси.

Дѣлъ крымскихъ книга № 23, листъ 29.

„Октября въ 1-й день, какъ посланники шли изъ Перекопа крымскими улусы и къ посланникамъ пріѣзжалъ царевъ ближній человекъ Алеѣ князь Сулешевъ и говорилъ посланникамъ, что они посланники отъ царскаго величества къ Джанбекъ Гирею царю не правдами, обманомъ, какъ посланники пришли въ Перекопъ, а отое жъ де пору сентября въ 24 день пришелъ Донскіе казаки на крымскіе улусы на Балыклейскія мѣста войною и многихъ людей въ полонъ поймали и повоевавъ тѣ казаки отошли отъ тѣхъ мѣстъ не сомною, учали крымской полонъ продавать и прощать окуповъ, и Джанбекъ Гирѣй царь ему Алею князю приказалъ, чтобъ посланники избравъ отъ себя добраго толмача, послали къ тѣмъ казакомъ къ морю для того, чтобъ тѣ Донскіе казаки тотъ балыклейской полонъ дали безъ окупы.

„И посланники Лаврентей и Александръ Алею князю говорили: самимъ вамъ вѣдомо, что на Дону живутъ воры, холопи бѣглеы, бѣжавъ отъ смертной казни и не одни Русскіе и Запорожскіе черкасы и татарови, столько русскіхъ людей, сколько литвы и черкасы и татары, и государева повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а царское величество за тѣхъ воровъ не стоитъ хотя бѣ всѣхъ ихъ вдругъ побилы и царскому величеству то будетъ не досадно, да и то вамъ объявляемъ, что царское величество къ тѣмъ ворами посылаетъ отъ себя на Донъ дворянъ и съ тѣми дворяне царское величество къ тѣмъ ворами приказываетъ съ великою грозой, подъ смертною казнью, чтобы они не воровали, крымскихъ улусовъ не воевали, тѣмъ межъ царскаго величества и Джанбекъ Гирѣя царя коры и любя не чинили, и тѣ воры дворянамъ сказываютъ, что они того дѣлать не учнутъ, а отпустить дворянъ тѣ воры опять тожъ дѣлаютъ; и съ тѣми воры, что дѣлать коли они царскаго величества не слушаютъ, а дурна царское величество Джанбекъ Гирѣю царю и крымскому юрту нѣкоторо не хочетъ и въ толмачѣ, что послать къ казакомъ, посланники, Алею князю отказалъ, потому что посланниковъ безъ царскаго величества указу къ тѣмъ казакомъ послать немочно.“

Листъ 32, 39. Въ томъ же спискѣ написано:

„А какъ Алеѣ князь съ перекопи пріѣхалъ къ царю и отъ по-

ихъ, друзей Россіи, дарами прибрѣтенныхъ, оставилъ это на-
мѣреніе безъ исполненія и освободилъ пословъ ⁽²³⁶⁾.

ры на Балыклейскія мѣста войною пришли Донскіе казаки, и
Джанбекъ Гирѣй царь ему Алею своихъ царскихъ очей видѣти
ни даль, и своимъ царскимъ жалованьемъ ни чѣмъ его царь не
пожаловалъ за казачью войну, что Донскіе казаки повоевали ба-
лыклейскія мѣста.

„А говорилъ царь Алею князю, что онъ Алей съ посланникъ
къ нему Джанбекъ Гирѣю царю пришли будто о добромъ дѣлѣ и
съ любительными поминки, а государевы де люди Донскіе казаки
того жъ часу пришли на крымскіе юрты войною и то де межъ
царскаго величества Джанбекъ Гирѣя царя, какая братская друж-
ба и любовь, не дружба де то, а развратъ. Да отое жъ пору, какъ
Донскіе казаки подъ Балыклей войною, били челомъ Джанбекъ
Гирѣю царю карасовскіе и балыклейскіе жители и пные улус-
ные татаровѣ, что онъ царь имъ крымскимъ людямъ сказываетъ,
что онъ Джанбекъ Гирѣй царь съ царскимъ величествомъ живетъ
въ братской дружбѣ и въ любви и въ ссылѣ, и послами и по-
сланники межъ себя государей ссылаются и любительныя помин-
ки царское величество къ нему царю присылаетъ, а государевы
де люди Донскіе казаки крымскіе юрты воюють безпрестанно, и
людей въ полонъ емлютъ, и отъ казаковъ де они крымскіе люди
разорены безъ остатку.“

Листъ 99—103 тѣхъ же дѣлъ.

Далѣе крымскаго царя ближніе люди говорили посламя:

„Отое де пору, какъ всѣ ратные люди вышли изъ Крыму про-
тивъ Магметъ Гирѣя царя (бывшаго крымскаго царя,—по власти
султана турецкаго низвержень) и калги Шингирея, пришли Дон-
скіе казаки многіе люди на крымскіе юрты войною и крымской
городъ Карасовъ повоевали и многихъ людей въ полонъ повмали
безъ остатку, и Джанбекъ Гирѣй царь о томъ царскому величе-
ству писалъ, чтобъ тотъ карасовской полонъ и ихъ карасовскихъ
людей и живогы, сыскавъ, велѣлъ прислать въ Крымъ, а за тое бъ
войну царское величество надъ тѣми казаки велѣлъ учинить
наказанье. А нынѣ де царскаго величества посланники Лаврентей
и Александръ нынѣ пришли въ Крымъ, и отое де пору опять
приходили на крымскіе юрты Донскіе казаки войною и воевали
балыклейскія мѣста и въ полонъ многихъ людей повмали, и толь-
ко де царское величество тѣхъ Донскихъ казаковъ отъ тово,
чтобъ они на крымскіе улусы войною не приходили, впредъ уня-
ти не велить, и съ великимъ государемъ у Джанбекъ Гирѣя царя
за тое казачью войну чаеть братской дружбѣ и любви нарушенью.“

⁽²³⁶⁾ Дѣла крымскія книга № 23, статейный списокъ Россійск.
посланникъ. Кологривова и Дурова листъ 32—39, См. примѣч.
235.

Поиски казаковъ въ 1629 г., взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бакчи-Сарая, греческаго монастыря Сизобола и битва ихъ въ семь послѣднемъ съ янычарами. Огорченный столь буйнымъ поведеніемъ казаковъ, противнымъ дружественнымъ сношеніямъ нашимъ съ ханомъ крымскимъ и сулганомъ турецкимъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ угрожали имъ первый опалою, а послѣдній отлученіемъ отъ церкви⁽²³⁷⁾. Это произвело между казаками распрю: одни страшились гнѣва государева и отлученія отъ церкви, совѣтывали прекратить на время поиски; другіе, не столь разсудительные, не слушали первыхъ, и собравшись около 2/т. человекъ (въ числѣ коихъ была знатная часть черкасъ, татаръ), выбрали изъ среды себя атамана и отправились въ море; тамъ соединились съ Запорожскими казаками, и въ 1 день мая 1629 года приплывъ къ Карасову, разграбили оный, многія окрестныя селы выжгли, взяли плѣнныхъ и значительную добычу и оттуда поплыли къ Бакчи-Сараю. Жители этого города, узнавъ о наѣздѣ казаковъ на Крымъ, были поражены такимъ страхомъ, что многіе спасались изъ Бакчи-Сарая бѣгствомъ и вывезли изъ онаго лучшее имущество въ городъ Мамкулъ. Казаки заняли сперва Бакчи-Сарай, а потомъ и Мамкулъ безпрепятственно, (ибо въ сіе время была въ Крыму междуусобная

---

^(237.) Дѣла Донскія, книг. содержащ. отпуски грамотъ. Грамота на Донъ 1629 г. іюля 2 дня.

„А будетъ вы атаманы и казаки нашего указу не послушаете, съ азовцы тотчасъ не помиритеся, а на море впередъ учнете ходить и тѣсноту турскимъ людямъ чинить, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ великомъ наказаньѣ, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссїи быти въ вѣчномъ запрещеньѣ и жаловати намъ будетъ васъ не за что, и выѣ атаманы и казаки однолично съ азовцы помирилися, чтобъ посламъ нашимъ во Царегородѣ задержанья и дѣлу нашему поруки не было, и мы великій государь, увиди вашу службу, васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7637 Іюля во 2-й день.“

война). Между тѣмъ, однако жъ, собралось татаръ до 5/т. челов., стали они нападать на казаковъ и произошла жестокая драка. Два дня казаки упорно стояли противу татаръ, но принуждены были уступить превосходству силъ непріятельскихъ, отошли къ берегу и отплыли въ море, потерявъ до 100 челов. убитыми и въ плѣнъ взятыми; съ непріятельской же стороны въ семь дѣлъ пало до 200 челов. (238).

Отсюда одна часть казаковъ возвратилась на Донъ, а другая на 6 стругахъ совокупно съ черкасами вышла въ Черное море и направила путь свой къ Румелійскимъ берегамъ; около Петрова дня сіи послѣдніе достигли Сизополя. Приставъ къ берегу немедленно разсѣлились для грабежа, оставивъ струги у берега почти безъ всякаго храненія. Въ тотъ

(238.) Дѣла крымскія, въ столбц. № 9, стат. списокъ бывшихъ въ Крыму російск. посланник. Тарбѣева и Басова.

„Маія въ 10 день, прибѣжалъ въ Бакчи-Сарай вожъ Сафонка Игнатовъ и сказывалъ намъ холопомъ твоимъ, что ему отъ Бакчи-Сарай за полверсты въ встрѣчу пріѣхалъ татаринъ Яшловскій, а велѣлъ ему Сафонки воротница, а сказалъ ему пришли въ Бакчи-Сарай съ моря многія люди Запорожскіе черкасы; и мы, холопи твои, послали въ Бакчи-Сарай толмоча да вожей провѣдывать тѣхъ вѣстей и что въ Бакчи-Сараехъ дѣлаетца; и толмачъ и вожя пріѣхавъ къ намъ холопомъ твоимъ, сказывали, что изъ Бакчи-Сарай царицы и всякіе люди бѣгутъ въ жидовской городокъ, а сказывали имъ татарова, что съ моря пришли черкасы многіе люди въ ночи и взяли жидовской городокъ Мамкутъ и высѣкли и полонъ многой и животы многіе поймали, что въ тотъ городокъ для вѣрности цареви животы и ближнихъ людей были перевезены; и пріѣзжаючи къ намъ, холопомъ твоимъ, татарова и полоняники сказывали, что татаръ собралось съ тысячъ съ пять и съ Запорожскими черкасы билась два дни и убили черкасъ и живыхъ поймали человекъ со ста, а черкасы убили татаръ съ двѣсти челов., а приходило де черкасъ съ пять сотъ человекъ, а иные сказываютъ въ семь сотъ и пошли опять на море и изъ всѣхъ селъ въ тѣ поры татарова съ женами и съ дѣтьми разбѣгались по лѣсамъ въ горы; а послѣ того на третій день тѣ черкасы приходили въ крымскіе селы и деревни, для своего корму по четыре дни и изъ Бакчи-Сарай и изъ жидовскаго городка царицы и всякіе люди бѣгали въ полявыя села и деревни къ перекопи, а татарова въ тѣ поры не пошли, ужастъ въ тѣ поры на татаръ былъ великій.“

же день чрезъ нѣсколько часовъ по удаленіи казаковъ и черкасъ отъ берега пришла къ тому мѣсту турецкая эскадра, состоящая изъ 15 каторгъ, изъ коихъ каждая вмѣщала въ себѣ 300 челов. янычаръ. Турки видя у берега казачьи струги стали на якорь, немедленно завладѣли оными и сдѣлавъ высадку захватили въ плѣнъ 150 челов. казаковъ и черкасъ, возвращавшихся съ добычею; другая же часть казаковъ и черкасъ 150 челов., видя предъ собою сильнѣйшаго непріятеля, составили плотно соединенный строй и защищаясь отошли въ находившійся тамъ греческій монастырь и заперлись въ ономъ. Восемь дней продолжалась осада, но безъ успѣха; наконецъ сверхъ всякаго чаянія приплыли въ Сизополию на 80-ти стругахъ Запорожскихъ черкасъ болѣе 2/т. челов. Коль скоро узнали о семъ турки нимало не медля оставили осажденныхъ и въ великомъ страхѣ бросились на каторги; но вновь прибывшіе казаки и черкасы ударили на нихъ стремительно, взяли двѣ каторги и съ янычарами, отбили плѣнныхъ своихъ товарищей и заставили турокъ искать спасенія въ бѣгствѣ. По возвращеніи этой эскадры въ Константинополь, султанъ послалъ въ поговю за казаками 14 каторгъ, которыя между Варною и Коварною встрѣтили другую партію черкасъ, на 8 стругахъ, изъ 260 челов.; вступили съ казаками въ бой; многихъ изъ нихъ побили, а нѣсколькихъ привезли живыхъ въ Царьградъ ⁽²³⁹⁾.

(²³⁹) Дѣла крымскія, книга № 23, листъ 260.

„Турской же салтанъ во 137 о Петровѣ дни, послалъ на Черное море янычанъ 15 каторгъ, а на всякой де каторгѣ янычаръ по 300 челов., для черкасъ и Донскихъ казаковъ, которые ходятъ на море и корабли и каторги громить, и тѣ де турецкіе янычане у моря на пристапи у греческаго монастыря у Сезеболя у самова берега нашли три струга черкасъ да три жъ струга Донскихъ казаковъ, а черкасъ де и казаковъ на тѣхъ стругѣхъ было 300 человекъ и тѣ де турецкіе янычане у тѣхъ черкасъ и казаковъ отбили всѣ струги, да черкасъ и казаковъ на берегу поимали 150 челов., а другая половина тѣхъ черкасъ и казаковъ же 150 человекъ отъ нихъ отошли боемъ пеши въ тотъ греческій монастырь и сели въ томъ монастырѣ въ осадѣ, и тѣ де турецкіе янычани, къ тому монастырю приступали, былъ у нихъ бой и приступъ 8

Прибытіе на Донъ 500 человекъ Запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокупно съ Донскими казаками на море. Достоинно замѣчанія, что Запорожскіе черкасы съ начала XVI столѣтія были въ непріятельскомъ сношеніи съ Донскими казаками и ежегодно приходили на Донъ небольшими партіями человекъ по 10, по 15 и 20, а иногда и по 50. Весьма не многіе изъ нихъ водворялись тутъ на жительство, болѣе же приходили для участвованія въ морскихъ поисвахъ; но въ 16 день марта мѣсяца 1630 года пришло ихъ въ одинъ разъ 500 челов., объявили войску о намѣреніи своемъ идти на море для добычи и приглашали къ тому Донскихъ казаковъ. Войсковою атаманъ Епифанъ Родилловъ предложилъ казакамъ о желаніи Запорожцевъ идти на море. Безъ дальняго разсужденія тысяча человекъ казаковъ присоединились къ Запорожцамъ и 5 апрѣля на 28 стругахъ въ числѣ 1500 челов. пустились въ море, а 29 числа сего мѣсяца приступили къ Керчи; но бывъ отсюда отражены и потерявъ около 100 челов., поплыли далѣе; спустя послѣ того недѣлю били на крымскія и греческія деревни и потомъ съ значительною

день, и послѣ де того пришли подъ тотъ монастырь 80 струговъ черкасъ, а на стругу де было по сороку челов., и какъ де черкасы подъ тотъ монастырь пришли, и тѣ де турскіе янычане отъ тѣхъ черкасъ отъ того монастыря побѣжали, и тѣ де черкасы съ тѣми турскими людьми билися и взяли де черкасы у тѣхъ турскихъ людей двѣ каторги съ янычане; а тѣхъ де черкасъ и казаковъ 150 челов., которыхъ было тѣ янычане взяли съ стругами, отбили, а 13-ть де каторгъ турскихъ янычанъ отошли отъ нихъ боемъ и пришли во Царь-городъ, и послѣ де того турской салтанъ послалъ за тѣми черкасы другую посылку турскихъ янычанъ 14 каторгъ и тѣхъ де, турскіе янычане у того монастыря, тѣхъ черкасъ не нашли, а встрѣтились де они на море межъ города *Варны* и *Коварны* съ нными черкасы, а черкасъ де было восемь струговъ, а людей де въ тѣхъ стругѣхъ было 260 челов. и тѣ де турскіе янычане тѣхъ черкасъ всѣхъ поймали и побили, а нныхъ живыхъ привезли въ турскую землю и тѣхъ де черкасъ турской взялъ всѣхъ на себя.“

Тѣхъ же крымскихъ дѣлъ, въ столбц. 1630 г., № 1-й, отписва посланниковъ Кологривова и Дурова.

добычею возвратились въ жилища свои. Лѣтомъ того же года одна партія Донскихъ казаковъ разорила нѣсколько другихъ греческихъ деревень подвластныхъ султану турецкому, вакъ то: *Айсересъ*, *Арматы* и *Небола* за три дни ѣзды отъ Царьграда отстоящее и иныя ⁽²⁴⁰⁾, а другая изъ 40 челов.

⁽²⁴⁰⁾ Тѣхъ же Крыскихъ дѣлъ, № 1-й, въ другой отпискѣ писано:

„Послѣ де, государь, тѣхъ гонцовъ 138 года въ апрѣлѣ приходили твои государевы люди Донскіе казаки приступали къ городу въ Керчи и нине крымскіе юрты тѣ казаки повоевали . . . . И тѣхъ де, государь, Донскіе казаки, которые приходили подъ Керчь и воевали крымскіе юрты, взяли на бою въ языцѣхъ, въ крымскихъ улусѣхъ, дву человекъ и тѣ дву человекъ казаковъ прислалъ царь съ ними къ намъ холопомъ твоимъ на станъ, а царь де велить насъ холопей твоихъ съ тѣми казаки поставити передъ собою съ очей на очи, и хочеть царь тѣхъ казаковъ послати къ тебѣ великому государю къ Москвѣ для увѣренья. . . .

„И тѣхъ, государь, Донскихъ казаковъ дву челов. въ Бакчи-Сараехъ продали и изъ Бакчи-Сараи приходили къ намъ холопомъ твоимъ тѣ Донскіе казаки на станъ тайно, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалп, что они русскіе люди, Васька Ивановъ, Ѳедька Семеновъ, Бѣлогородца, сына Боярскаго, Ивановы люди Маслова; а прѣехали де, государь, они на Донъ во 137 г. въ осень, съ Иваномъ Масловымъ вмѣстѣ; а какъ де Иванъ Масловъ поѣхалъ съ Дону и ихъ съ Дону Иванъ съ собою не взялъ, а оставилъ ихъ Иванъ на Дону у попа Григорья, и въ прошломъ де, государь, во 138 году марта въ 16 д. пришло на Донъ Запорожскихъ черкасъ 500 челов. и учали на Дону атаманомъ и ясауломъ и казакомъ тѣ черкасы говорить, чтобъ идти на море для добычи, и на Дону де, государь, атаманъ Епиха Родиловъ велѣлъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ сбратца и собралось де, государь, на Дону атамановъ и ясауловъ и казаковъ 1,000 челов. и апрѣля де, государь, въ 5 д. Донскіе казаки и черкасы пошли и попъ Григорей Ваську и Ѳедьку послалъ съ тѣми жъ черкасы и съ казаки съ Дону на море для добычи, а пошло де, государь, черкасовъ и казаковъ съ Дону 28 струговъ, а черкасъ и казаковъ въ тѣхъ стругѣхъ было 1,500 челов., а атаманомъ де, государь, и ясауломъ, которые у нихъ были въ старшинахъ, нимаъ они не упомяатъ, и апрѣля де, государь, въ 29 д. тѣ черкасы и казаки и они Васька и Ѳедька приходили подъ городъ подъ Керчь и къ Керчи де они, государь, приступали, и у Керчи де, государь, черкасъ и казаковъ поббли и переранили человекъ со ста и больши и они де отъ Керчи побѣжали и шли де, государь, они отъ Керчи моремъ недѣлю и приходили де, государь, они на крымскіе и

совокупно съ Запорожскими казаками, бывъ подъ Трапезонтомъ, взяли множество плѣнныхъ, въ числѣ коихъ Донскимъ казакамъ досталась дочь трапезонтскаго кадыя и восемьдесятъ человекъ (²⁴¹).

греческіе деревни, и въ тѣхъ де, государь, деревняхъ ихъ Ваську и Оедьку взяли и привели въ Крымъ, и въ Крыму де царь и ево царевы ближніе люди ихъ спрашивали и пытками всякими тращали . . . . и они де, государь, царю и ево царевымъ ближнимъ людемъ сказывали, что они приходили собою безъ твоего царскаго величества повелѣнья, а присылки де отъ тебя великаго государя о томъ къ нимъ на Дону не бывало.“.....

Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ, квиг. № 23, л. 225—229, статейный списокъ послаг. Кологривова и Дурова.

„Да и послѣ того Донскіе казаки приходили моремъ на крымскіе на многіе мѣста и въ полонъ многихъ людей поимали и животы пограбили и воевали крымскіе юрты Донскіе казаки съ черкасы во все лѣто.

„Да Донскіе казаки воевали въ 138 году весною турскаго салтана греческія села и деревни, которые сѣдять близко Крыму, села Айсересъ, села Арпаты и инья села и деревни, и пмали у нихъ войною животы и животину, а гречанъ въ полонъ казаки не имали; да въ турской же землѣ Донскіе казаки повоевали и Небола, и многихъ людей въ полонъ и животы поимали и издобылись де они въ той войнѣ гораздо, а то де село подлѣ моря близко города Синяны, отъ Царьгорода въ трехъ днишахъ.

„Да во 138 году поимали турскіе люди въ турской землѣ близко города Синяны, Донскихъ казаковъ 8 струговъ, а казаковъ было въ тѣхъ стругѣхъ 300 человекъ, и привели тѣхъ казаковъ во Царьгородъ и турской салтанъ тѣхъ казаковъ поималъ на себя на катроги.“

(²⁴¹.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1631 г., № 1, отписка Россійск. посланник. Воейкова и Звѣрева, присланная въ Москву генваря 4 дня, съ толмачемъ Алмашкомъ Алышевымъ.

„Въ нынѣшнемъ, государь, во 140 году, октября въ 14 день, пріѣзжалъ къ намъ холопомъ твоимъ на станъ разиѣнной подьячей Ансеметъ Калфа и намъ холопомъ твоимъ сказывалъ, былъ де онъ Ансеметъ за Перекопью, у царева сына у Муборекъ Гирел царевича и при немъ де пріѣхалъ къ Муборекъ Гирею царевичу тому пятой день пзъ Бѣлогорода крымской татаринъ Иммаметка Тевкелевъ, и царевичъ де ево про турскіе вѣсти спрашивалъ и онъ де ему сказывалъ: приходили де нынѣшняго лѣта турскаго царя подъ Трапезонтъ городъ Запорожскіе черкасы 150 струговъ, а Донскихъ было съ ними 40 челов., и поимали де подъ Трапезонтомъ полонъ многой, а Донскимъ де казакомъ тому полону дос-

ГЛАВА IX

Опала царская на казаковъ.—Заточеніе зимовой станицы.—Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу.—Умерщвление Карамышева.—Легкая станца съ повинною отпискою къ государю.—Поиски казаковъ по Каспійскому морю.—Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ Запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ разореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклавой.—Разбитіе Запорожцами татаръ подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана.—Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая.—Казаки извѣщаютъ воеводу царскихъ о намѣреніи крымцевъ и азовцев.—Разореніе Донскими казаками и Запорожскими черкасами Синопа (въ 1632 г.).—Царь Михайль Ѳедоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту съ радостію.—Они посылаютъ отрядъ казаковъ въ армию въ Смоленску и разбиваютъ крымцевъ и казыевыхъ татаръ на р. Быстрой.—Ногайцы возмущаются противъ Россіи.—Казаки разрываютъ миръ съ азовцами.—Разореніе казаками ногайскихъ улусовъ кочевавшихъ близъ Азова.—Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ.—Партія Донскихъ казаковъ изъ 500 челов. идетъ на Куму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ Казыевскихъ татаръ.—Новое жалованье войску.—Поиски казаковъ по Каспійскому морю.—Морскіе поиски Донскихъ казаковъ.—Сношенія по сему случаю о казакахъ между портою и Россійскимъ дворомъ.—Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ къ оному на казаковъ сильное войско.—Большой Ногай отлагается отъ Россіи.—Поиски казаковъ надъ ногайцами и крымцами.—Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ.—Казаки отправляютъ на море сильную партію.—Они намѣриваются осадить Азовъ.—Казаки возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани.—Междоусобіе въ ногайскихъ улусахъ.—Походъ казаковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногая на улусы Большаго Ногая.—Мурзы Большаго Ногая даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю.—Нарушаютъ присягу и съ улусами своими уходятъ въ Крымъ.

Опала царская на казаковъ. Заключеніе талосъ трапезонскаго кадыя дочь, а съ нею 80 челов. полону, и она де тотъ полонъ промѣнили Запорожскому татарину Нураю, взяли де за него 80 коней лудчихъ, и пошли де они на Донъ и царевичъ де послалъ за ними погону 300 челов. татаръ. И трапезонтской де кадый со многими людьми били челомъ турецкому царю, что де онъ съ московскимъ царемъ и съ литовскимъ въ дружбѣ, а Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы приходятъ войною, животы и полонъ многой емлютъ, и турецкой де царь въ Бѣлгородъ къ Муртазѣ паше, да къ Кантемирю князю Дивееву (прислалъ) грамоту недѣль съ шесть, а велѣлъ де имъ со всѣми ратными людьми къ зимнему пути готовитца на литовскаго короля зслю.“

Зимовой станицы. Снова возникли жалобы на казаков: султанъ и ханъ болѣе прежняго угрожали царю московскому за разоренія нанесенныя казаками подданнымъ ихъ, притѣсняли посланниковъ нашихъ въ Коцстантинополь, Кафѣ, Бакчи-Сараѣ, Керчи и Азовѣ и подвергали ихъ немилосерднымъ ругательствамъ и жестокостямъ. Разгнѣванный царь наложилъ на казаковъ грозную опалу: присланныхъ въ Москву съ Дону въ зимовой станицѣ съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ 70 казаковъ велѣлъ разослать въ темницы по разнымъ городамъ; а на Донъ въ войско послать знатнаго сановника своего Ивана Карамышева, поручивъ ему проводить до Азова турецкаго посла Оому Контанкузина и своихъ пословъ Андрея Савина и дьяка Михайлу Олфимова, отправленныхъ къ султану, и стараться вразумить атамановъ и казаковъ, вручивъ имъ опальную грамоту, заключавшую и клятву патриаршую и отлученіе всего войска отъ православныя церкви. Атаманы и казаки 28 августа 1630 года встрѣтили пословъ, приняли отъ Карамышева грамоту и велѣли пѣть благодарственный молебенъ за здравіе государя и патриарха, въ знакъ всеподданнической покорности, не взирая на то, что сею грамотою валагалась на нихъ *государева грозная опала*.

Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу. Государь требовалъ, чтобы все войско соединялось съ турецкими пашами Муртозою и Абазою, или всевать земли польскаго короля; но казаки рѣшительно отъ того отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что не было доселѣ примѣра, чтобы они съ врагами христіанства служили за одно, и что слава и честь за ихъ службу огнесется не къ нимъ, но къ врагамъ ихъ мусульманамъ. Карамышевъ, вѣроятно, убѣждалъ казаковъ непротивиться велѣніямъ монарха; но когда увидѣлъ, что мѣрами кротости нельзя превратить ихъ къ покорности, сталъ угрожать казнію смертною, говоря, что онъ будетъ ихъ вѣшать, сажать въ воду и бить кнутъямъ, а имущество и жилища ихъ жечь.—Казаки про-

или Карамышева показать имъ наказъ или грамоту, или иное что, которое бы доказывало, что столь не ограниченная власть дана ему отъ государя, общаясь быть безмолвными и покорными волѣ царевой, въ чемъ бы оная ни состояла, но Карамышевъ въ томъ отказалъ имъ. Между тѣмъ казаки развѣдали, что онъ имѣлъ сношенія съ крымцами и ногайцами будто бы для того, дабы съ помощію сихъ непримиримыхъ ихъ враговъ показать на опытѣ то, чѣмъ прежде угрожалъ имъ.

У м е р щ в л е н і е К а р а м ы ш е в а. Это до того раздражило казаковъ, что отважные изъ нихъ рѣшились умертвить Карамышева: схватили его, били, обезглавили и тѣло бросили въ воду; имущество же Карамышева и государеву казну, порохъ и свинецъ и прочее отдали посланникамъ Савину и Игнатьеву по описи.

Л е г к а я с т а н и ц а с ъ п о в и н н о ю о т п и с к о ю къ г о с у д а р ю. Сверхивъ это злодѣяніе пожилые казаки живо почувствовали всю важность преступленія и приговорили послать въ Москву легкую станицу съ повинною и просить у государя прощенія въ винахъ своихъ. Благоразумный совѣтъ этотъ былъ принятъ единодушно: написали отписку, изложили въ ней несчастное происшествіе во всей подробности и причины къ такому преступленію ихъ побудившія, а усердную службу свою изъяснили такъ: *мы, государь, не отступники, неизмѣнники и нелакомцы: служимъ тебѣ государю вѣрно. . . . Государь! Если мы тебѣ и всей земль Русской ненадобны,—не воспроти вимся—Донъ рѣку отъ низу и до верху и рѣки запольная, отъ самыхъ украинныхъ городовъ, крымцамъ и ногайцамъ очистимъ и съ Дону—если укажешъ—сойдемъ.*

Ни кто не хотѣлъ ѣхать въ Москву съ этою отпискою. Наконецъ едва нашлись двое отважнѣйшихъ казаковъ, именно Денисъ Парфеновъ и Кирей Степановъ (242).

(242.) Дѣла турецкія, 1630 г., № 5, повинная отписка Дойскихъ

Поиски казаковъ по Каспійскому морю.
По отправленіи этой легкой станицы съ повинною, ужасъ казаковъ 6 октября 1630 года.

„въ грамотѣ твоей государевой написана къ намъ холопомъ твоимъ, твоя государева грозная опала смертною казнью, а достальнымъ намъ холопомъ твоимъ, по твоей государевѣ грамотѣ, велѣно ити на твоего государева недруга на польскаго короля землю, съ турскими пашами съ Муртузою да съ Абазою вмѣстѣ, а нынѣ де тѣ паша съ турскими людьми стоятъ на Узѣ. И мы, государь, отъ Божьей милости не отступники, а тобѣ, государь, твоему царскому величеству неизмѣнники и нелакомцы, служимъ тебѣ государю съ травы да съ воды, и къ твоему государеву величеству языки и всякими вѣстями обсылаемси, и твоихъ государевыхъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турецкую землю и тебѣ государю назадъ къ Москвѣ, и турецкаго посла для твоего государева дѣла встрѣчаемъ и провожаемъ, и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ, и истинную православную крестьянскую вѣру по преданію Святыхъ апостолъ, въ которой предкове наши православные крестьяне и мы холопи твои породались и возрасли, помнимъ и крѣпко держимъ и впередъ хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стоять крѣпко и неподвижно до конца живота своего, за тебя государя умпраемъ, вся лубимая свѣта сего отставя и тѣлеса свои презрѣвъ, и на всѣ твои государевы недруги и непріатели побѣды и одоленія желаемъ, а николи, государь, во крестьянствѣ кроворазлитія, какъ прежде сего, и такъ и нынѣ, не хотимъ и не желасмъ, и сами холопи твои мы, прирожденные православные крестьяне, мимо своей крестьянской вѣры и мимо твоего Россійскаго московскаго государства въ бусурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь, на литовскую землю ити не хотимъ, потому что наша истинная православная крестьянская вѣра турчанамъ непріятна, давно они хотятъ нашу крестьянскую вѣру погнати и разорить, а свою бусурманскую вѣру утвердить, и насъ холопей твоихъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую въ богоненавистную въ бусурманскую вѣру ласкосердствомъ и мучительствомъ привести; а другая статья, мы тебѣ государю послужимъ съ турскими людьми подъ Литвою, хоти и повсканье учинимъ, а слава будетъ турецкаго Мурата салтана и турскихъ людей, а не твоя, государева, и не насъ холопей твоихъ служба прославится, за то намъ холопомъ твоимъ къ турскимъ людямъ мимо твоего царскаго величества на службу не хаживать. Въ прежнія, государь, лѣта блаженныя памяти ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы Донскіе атаманы и казаки Мурата салтанамъ не служивали и чрезъ турецкую землю не хаживали, а бывали на многихъ службахъ, при

овладѣлъ духомъ казаковъ, они съ безпокойнымъ петербургскимъ ожиданіемъ возвращенія изъ Москвы своихъ посланцовъ бывшихъ государехъ, посланы съ Москвы съ русскими людьми и съ бояры и воеводы; а нынѣ, государь, по тому жъ мы того сердечно радѣемъ и промышляемъ, чтобъ твое великое московское государство твоимъ государскимъ осмотрѣньемъ и промышленьемъ и защищеньемъ было въ покоѣ и тишинѣ, а намъ бы холопемъ твоимъ тебѣ государю служить посылаемымъ съ Москвы противу твоего государева всякаго недруга, за тебя государя стоять и умирать безо всякія шатости по прежнему; а въ нынѣшнемъ, государь, во 139 году сентября въ 18 день, по твоему государеву указу, мы для твоего государева посольскаго дѣла, во всемъ на себя поступая, съ азовскими людьми помирлись и твоихъ государевыхъ пословъ Андрея Савина да дьяка Михаила Алфимова и турскаго Мурата салтанова посла Тому до Азова проводили, а въ Азовъ отдали по прежнему честно сентября въ 22 день; да въ прошломъ же, государь, во 138 году августа въ 27 день, съ твоими государевыми послы по твоему государеву указу въ провожатыхъ присланъ Иванъ Карамышевъ къ намъ на Донъ въ Войско, и пріѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ холопей твоихъ, хотѣлъ казнить казнью смертною, вѣшать и въ воду сажать и кнутыями достальныхъ бить, и мы холопи твоего государева указу и грамоты у Ивана Карамышева не поединожды спрашивали и почему ему насъ вѣшать и кнутомъ бить и въ воду сажать, и тотъ Иванъ Карамышевъ ту рѣчь намъ сказалъ, что нету де у меня государевой грамоты, ни наказу, ни какого твоего государева указу намъ не сказалъ, а насъ холопей твоихъ своимъ злохитрствомъ и умышленьемъ безъ винной вины хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутыями бить и пожами рѣзать, а сверхъ того Иванъ Карамышевъ учалъ съ крымскими и съ ногайскими людьми ссылатся, чтобъ насъ холопей твоихъ всѣхъ побить и до конца погубить и разорить и пскорепить, и городки наши безъ остатку пожечь, чтобъ наша Донскихъ атамановъ и казаковъ, холопей твоихъ, на Дону и по заполью вездѣ имя казачье неименовалось, и мало, за грѣхи наши, поущеніемъ Божиимъ, а дѣйствомъ діаволинымъ, того своего злоумысла—не совершилъ было, но благій, всецелый, челоуѣколюбивый и въ тройцѣ славимый Богъ нашъ неостави достоянія своего до конца, и молитву и смрненіе рабъ своихъ услыша, и къ тебѣ государю правую нашу службу видѣвъ, прорѣченную пророкомъ „посещу жезломъ беззаконія и равнами неправды ихъ, милость же свою не отгнму отъ нихъ.“ И помилова Богъ насъ грѣшныхъ, объявилъ намъ Христосъ то злоумышленіе Ивана Карамышева, что онъ безъ твоего государева указу, насъ холопей твоихъ умыслилъ всѣхъ на Дону низовыхъ и верховыхъ побить и городки наши пожечь, и мы холопи твои, ви-

и на время прекратили набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Наступила весна 1631 года, а на Донъ не возвращались дя его Иваново надъ собою злоухищренье, отъ горести душъ своихъ, за его великую неправду, того Ивана Корамышева обезглавили; а если бы тотъ Иванъ Корамышевъ объявилъ намъ твою государеву грамоту или наказъ, или сказалъ намъ твой государевъ пмяинной о нашемъ безглавіи ему приказъ, и мы твоему государеву указу несильники, и чтобъ намъ по твоему государеву нечинилъ будучи на Дону: какъ противу солнца зрѣть нельзя, такъ противу тебя великаго государя намъ холопомъ твоимъ безстрашнымъ быть нельзя. Ты, государь, воленъ въ головахъ нашихъ, кого ты невелишиъ послать съ своимъ государевымъ указомъ, что государь укажешъ ты, мы холопи тому повинны, а безъ твоего, государь, указу Ивану Корамышеву насъ холопей твоихъ всякою казнью казнить было незачто, потому, что мы спрашивали про твой государевъ указъ, и тотъ Иванъ неединныя строки намъ твоего государева указу, неединаго слова твоего государева прикѣзу намъ холопомъ твоимъ несказалъ; а хотѣлъ насъ всѣхъ на голову безъ твоего государева указу побивать. И будетъ, государь, мы тебѣ на Дону рѣки негодны и великому твоему государеву Россійскому Московскому государству неприятны, за то что мы на море ходимъ, и на крымскіе и ногайскіе улусы ходили, и намъ холопомъ твоимъ такъ неходить и пытаться нечѣмъ, твоимъ государевымъ жалованьемъ денежнымъ и порохомъ и сукны и хлѣбными запасы не пожалованы ничѣмъ, наги и босы и голодны,— потому, государь, на море ходимъ и крымскіе и ногайскіе улусы громимъ, отчаявъ своего живота на семь свѣтѣ, забывъ свои головы, что и службами своими у тебя государя невыслужили Божіей милости, твоего государскаго жалованья, которые наши Донскіе атаманы и казаки Наумъ Васильевъ, съ нимъ 70 человекъ, посланы отъ насъ отъ Войска къ тебѣ государю пословъ провожать къ Москвѣ, и тѣ всѣ погородомъ разсожаны и показаны, а иные перекованы, пометаны въ заключенье, помиравтъ голодною смертью, то мы у тебя государя дослужились, что и съ твоею государевою службою къ тебѣ государю впередъ выходить невозможно, а будетъ мы тебѣ государю и всей землѣ ненадобны, и мы тебѣ государю не сопротивники: Донъ рѣку отъ низу и до верху, и рѣки занольныя всѣ тебѣ государю до самыхъ украинныхъ городовъ крымскимъ и ногайскимъ людямъ распространимъ, все очистимъ, съ Дону съ рѣки и со всѣхъ занольныхъ рѣкъ всѣ холопи твои, сойдемъ, по твоему государеву указу, и о томъ, государь, намъ холопомъ твоимъ какъ укажешъ; а что, государь, съ Иваномъ Корамышевымъ твоей государевой казны было пороховой и свинцовой и всякой, къ той мы ни къ чему и близко не приближались и къ Ивану живесту ни къ какому не прикасались,

Парфеновъ и Степановъ, и казаки не знали какъ принята ихъ повинная отписка. Царь наложилъ на казаковъ опалу, прекратилъ съ ними всякое сношеніе. Въ этомъ положеніи благоразумные изъ казаковъ ожидая, что государь и святѣйшій патріархъ, какъ чловѣколюбивые отцы, простятъ вину и по прежнему стануть къ нимъ милостивы, совѣтовали прекратить набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Но дерзновенные роптали, не хотѣли оставаться въ бездѣйствіи; возмущали молодыхъ казаковъ обратиться къ обычнымъ морскимъ поискамъ; и такъ вмѣстѣ съ наступленіемъ весны болѣе тысячи казаковъ и запорожскихъ черкасъ, пристали къ этимъ возмутителямъ, однакожь боясь раздражить еще болѣе гнѣвнаго царя не хотѣли уже идти на Азовское море, а обратились на Волгу: перешедъ Донъ поплы къ устьямъ Волги, соединились тамъ съ 250 яицкими казаками, разграбили учуги и рыбныя ловли; потомъ вышли въ Каспійское море и громили персидскія купеческія суда. Воеводы астраханскіе посылали на нихъ стрѣльцовъ неоднократно, но тѣ возвращались безъ всякаго успѣха⁽²⁴³⁾.

при послахъ Ивану безглавіе учинилось самому отъ своего умышленья, а не отъ насъ холопей твоихъ, и твои государевы послы Андрей Савинъ да дьякъ Михайла Игнатьевъ твою государеву казну, что была съ Иваномъ Корамышевымъ, и его Ивановъ вслкой животь взяли себѣ на руки, все переписали; а съ сею отпискою къ тебѣ, государь, къ Москвѣ на великую силу послали неволею отъ себя съ Дону отъ Войска двухъ молодцовъ Донскихъ казаковъ Дениса Парфенова, Кирея Степанова, октября въ 6 день.

⁽²⁴³⁾ Дѣла ногайскія, отписка въ Посольскій приказъ астраханскихъ воеводъ Куракина, Коробина, Подлѣсова и Бормасова, 1631 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, холопи твои Федька Куракинъ, Ивашко Коробинъ, Андрюшка Подлѣсовъ, Тишка Бормасовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 139 году въ великой постъ и на святой недѣли, перешли съ Дону на Волгу воровъ *Донскихъ казаковъ и черкасъ* чловѣкъ съ тысячу и больше, а шли, государь, межъ Чернаго яру и Царпщина, а ише шли межъ Астороханн и Чернаго яру, да съ *Яика*, гисударь, перешли на Волгу-жъ воровскихъ казаковъ 250 члов и приходятъ по учугамъ и по рыбнымъ лов-

Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ раззореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклавою. Между тѣмъ другая партія Донцовъ изъ 200 челов. пошла въ запороги, и узнавъ тамъ, что черкасы готовили струги къ отплытію въ море, изъявила желаніе раздѣлать съ ними опасности и добычу; это желаніе было принято съ радостію и чрезъ нѣсколько дней Донцы вмѣстѣ съ запорожцами въ числѣ 1500 челов. отправились къ берегамъ Таврическимъ въ намѣреніи раззорить Козловъ.

лямъ и на учугехъ учужныхъ промышленниковъ и плавщаконъ и дровниконъ грабятъ и татаръ, которые работаютъ на учугехъ, побиваютъ, и учуги хотятъ жечь, и мы холопи твои по учугомъ и по рыбнымъ ловлямъ и по протокамъ и въ морскіе косы, для поиску воровскихъ казаковъ, носылали головы стрѣлцкихъ съ приказы и сотниковъ и неодиновъ. и головы, государь, стрѣлцкіе и сотники, пріѣхавъ изъ посылокъ, намъ холопомъ твоимъ сказываютъ, что онѣ воровскихъ казаковъ не найдутъ нигдѣ, потому что воры казаки ходятъ отъ нихъ по протокамъ и въ морскихъ косахъ укрываясь, а утеклцы, государь, которые отъ казаковъ приходятъ въ Асторохань, въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказываютъ: а слышали они отъ казаковъ, что казаки хотятъ итти на море на Шаховы города войною, которые сидятъ близко моря и на море хотятъ громить Казыльбаскіе бусы, которые найдутъ въ Асторохань съ товары; а маія, государь, въ 21 день пріѣхали въ Асторохань отъ рыбныхъ ловель съ белуа ильмена рыбные ловцы Олешка Степановъ съ товарищи 3 человекъ, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказали, что межъ Асторохани и Янка, отъ Асторохани въ трехъ днищахъ, принесло моремъ двѣ бусы Гилянскіе съ товары и на тѣ, государь, бусы приходили воры казаки и бусы взяли и пошли моремъ къ яццкому устью, да маія же, государь въ 22 день пріѣхалъ въ Асторохань съ моря Тезикъ громленный Миръ магометъ Миркетесейтовъ, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалъ, что онъ ѣхалъ изъ заморя въ Асторохань на бусѣ съ товаромъ и какъ де, государь, будетъ межъ Тврка изъ Асторохани на половинѣ противъ урочища Иванова Караула и на его де, государь, бусу пришли моремъ воровскіе казаки многіе, и его ранили и бусу взяли и выграбя товары отпустили въ Асторохань на той же бусѣ.“

(Окончаша нѣтъ).

Въ исходѣ іюля мѣсяца эта партія появляется въ Таврическомъ проливѣ и неподалеку отъ Керчи громить улусы татарскіе. Ханъ крымскій извѣстясь отъ взятыхъ тамъ въ плѣнъ двухъ человекъ запорожцевъ и Донскихъ казаковъ о ихъ намѣреніи, немедленно посылаетъ изъ Бакчи-Сарая на защиту Козлова 400 челов. своего охраннаго войска, повелѣвъ сверхъ того собрать всѣхъ ближайшихъ улусныхъ татаръ, оставшихся отъ похода на російскія украинны. Въ полдень 8 августа запорожцы приплыли къ Козлову, вышли на берегъ, сдѣлали рѣшительный къ оному приступъ; овладѣли большею частію города. Татары присланые ханомъ для защиты этого города, бывъ несравненно въ меньшихъ силахъ и немогли противиться запорожцамъ, засѣли въ маломъ городѣ. Запорожцы разграбивъ дома, лавки и погреба, а остальное истребивши огнемъ и мечемъ, сѣли опять на струги; пристали къ г. Сары-Керменю (Инкерману) и вышедши опять на сушу опустошили татарскіе улусы въ 10 и въ 15 верстахъ находившіеся.

Разбитіе запорожцами татаръ, подъ предводительствомъ самого крымскаго хана. Джанбекъ Гирей, извѣстясь о раззореніи Козлова, велѣлъ 12 августа приближеннымъ къ себѣ Маметшѣ и Канту агамъ, какъ можно поспѣшнее собрать людей изъ ближайшихъ улусовъ ногайскихъ и крымскихъ и идти на запорожцевъ наступательно. Царедворцы эти едва могли собрать около 500 челов. улусныхъ татаръ, сошлись съ царемъ, у коего было 300 челов. лучшихъ татаръ и двѣ пушки. Казаки опустошивъ нѣсколько улусовъ близъ города Мангута, шли тогда къ Инкерману. Джанбекъ Гирей, встрѣтивъ ихъ на этомъ пути 16 августа, велѣлъ агамъ Маматше и Канту ударить на нихъ, а самъ только съ 30 тѣлохранителями своими остался въ 3 верстахъ. Сперва татары напали на запорожцевъ съ ожесточеніемъ, но казаки выдержавъ первое нападеніе, стремительно ударили на татаръ, обратили ихъ въ бѣгство и взяли обѣ пушки. Въ этомъ бою убиты ближній царевъ Ка-

зы-ага и множество татаръ, а ранены Кантъ-ага и многіе передворцы. Царь бывши очевидцемъ пораженія татаръ, бѣжалъ въ Бакчи-Сарай.

Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая. Ободренные этимъ запорожцы и Донскіе казаки, 18 августа пошли къ Бакчи-Сараю: въ 12 верстахъ отъ онаго раззорили жидовскія и греческія селенія и такой произвели страхъ, что не только жители изъ жидовскаго города, но и царь съ женами, дѣтьми и вельможами своими изъ Бакчи-Сарая ушелъ въ степь. Наконецъ августа 20 запорожцы, раззоривъ Инкерманъ, поплыли въ запороги съ добычею и плѣномъ ⁽²⁴⁴⁾.

⁽²⁴⁴⁾ Дѣла крымскія въ столбц. 1631 г., № 9, изъ стат. списка Россійск. послан. Соковнина и Голосова.

„Августа въ 8 день, Запорожскіе черкасы пришли къ Козлову, въ полдни и почали къ Козлову приступать жестокимъ обычаемъ и въ Козловѣ де большой городъ взяли, а козловскіе люди, которые отъ царя присланы Семени и Тюфякчею, заперились въ маломъ городкѣ и черкасы де, пограбля лавки и подворамъ выграбля лавки и дворы пожгли, безъ остатка и пошли на море и стали, пристали къ берегу подъ Сарый Керменемъ межъ Козлева и Балыкны и почали воевать крымскіе улусы, отходя отъ моря верстъ по 10 и по 15.“

„Августа въ 12 день, прислалъ Джанбекъ Гирей царь ближнихъ своихъ людей Маметку-агу да Кантакъ-агу и иныхъ ближнихъ людей, и велѣлъ имъ въ улусехъ собрать крымскихъ и ногайскихъ людей, которые не пошли въ войну, и велѣлъ имъ придти на запорожскихъ черкасъ и отпустя ближнихъ людей, и самъ царь пошелъ изъ Бакчи-Сарай на запорожскихъ черкасъ со всѣми своими дворовыми людьми, а дворовыхъ де его людей собралось съ нимъ всего съ 300 человекъ, и ближніе де его люди Маметша-ага и Кантъ-ага, собрався съ крымскими съ улусными людьми пришли къ нему-къ царю подъ городокъ подъ Манчунъ, а всего де съ ними съ Маметшою-агою и съ Кантъ-агою собралось татаръ съ 500 человекъ.

„Августа въ 16 день воевали запорожскіе черкасы крымскіе улусы, и пришли отъ городка отъ Манчунъ версты за три, гдѣ царь стоитъ и Джанбекъ Гирей царь послалъ на нихъ всѣхъ своихъ ближнихъ людей Маметшу-агу и Кантъ-агу и дворецково свое и конюшева, и стрелецково голову Шахеваръ-агу и всѣхъ

Казаки извѣщаютъ воеводъ царскихъ о намѣреніяхъ крымцевъ и азовцевъ. Впрочемъ опальные казаки не преставали быть полезными Россіи. Они развѣдывали о тайныхъ замыслахъ азовцевъ и крымцевъ и

своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, и улусныхъ татаръ, которые съ ними собрались, а съ царемъ де осталось всего человекъ съ 30 и былъ де у татаръ съ запорожскими черкасы бой жестокой, застали де татарови черкасы отъ моря и пришли на нихъ жестокимъ обычаемъ, и на томъ де бою запорожскіе черкасы многихъ крымскихъ людей побили и переранили, и раппли царева ближнево челоуѣка Кантъ-агу, да убили царева дворецкова Казы-агу и многихъ де царевыхъ ближнихъ людей побили и переранили; да съ царемъ же привезено было изъ Бакчи-Сарая двѣ пушки и тѣ де пушки черкасы у нихъ отбили и Маметши-аги черкасы у нихъ немного не взяли сбили де ево Маметши-агу съ лошади, и Джанбекъ Гирей царь отъ нихъ неустоялъ, отшелъ со всѣми людьми въ Бакчи-Сарай.

„Августа въ 18 день, пришли Запорожскіе Черкасы отъ Бакчи-Сарая версты за 12 на жидовскіе де и на Греческіе Белбеки и въ Бакчи-Сараяхъ учинился великій вспологъ, царь и съ царцами и совсѣми ближними людьми побѣжалъ изъ Бакчи-Сарая въ степь изъ жидовскаго городка жиды и съ женами и съ дѣтьми побѣжали было вонъ, а остались навѣстяхъ жиды немногіе люди.

Истояли тѣ Запорожскіе Черкасы въ Сарый Керменъ Августа съ 8 числа Августа жъ по 20 число и Крымскіе улусы воевали, да тутъ же взяли городокъ Инкермень.“

„Августа въ 22 день, пріѣхалъ изъ царягорода отъ турскаго Муратъ султана въ Крымъ къ Джанбекъ Гирѣю царю Чеушъ-Мустафа, а прислано съ нимъ отъ турскаго Муратъ салтана къ Джанбекъ Гирею царю кафтанъ да сабля, да повелѣнье де ево Муратъ салтаново, что велѣно Джанбекъ Гирѣю царю со всѣми крымскими и съ погайскими людьми итти на польскаго короля; а тотъ де Чеушъ мустафа Джанбекъ Гирѣй царь почестъ ему учинилъ великую и по вся дни ко царю пріѣзжалъ и Джанбекъ Гирей ему Чеушу говорилъ, что у него Джанбекъ Гирѣя царя съ великимъ Московскимъ государемъ было братство и дружба и сылка и государь де съ нимъ царемъ сылка итвалъ и не присылаеть де къ нему пословъ и казны третій годъ; а онъ де Джанбекъ Гирей царь къ царскому величеству пословъ отъ себя и говцовъ отпускалъ, и царское де величество его Джанбекъ Гиревыхъ царевыхъ пословъ на Москвѣ засадилъ и ему Джанбекъ Гирею ни очемъ вѣдома не учинилъ и прислалъ де царское величество на ево крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и Донскіе де ка-

извѣщали о томъ воеводѣ царскихъ, а эти доносили царю. Такъ, въ началѣ 1632 года казаки Войсковою отпискою предварили царицынскаго воеводу боярина князя Мещерскаго о перемѣнѣ крымскаго царя, о походѣ крымцевъ на Россію, о состоянннхъ россійскаго посланника Соковнина при дворѣ крымскомъ, о желаніи запорожскихъ казаковъ отдаться подъ покровительство Россіи и наконецъ о намѣреніи Шангирея съ азовцами согнать ихъ (Донскихъ казаковъ) съ Дону⁽²⁴⁵⁾.

Раззореніе Донскими казаками и запорожскими черкасами Синопя (въ 1632 г.). Успѣхъ и добычи, пріобретенныя Донскими казаками и запорожцами въ этомъ походѣ произвели и удругихъ желаніе послѣдовать имъ. Лѣтомъ слѣдующаго года отправились съ Дону въ запороги около 100 человекъ казаковъ подъ начальствомъ заки взяли у него городъ *Козловъ* да городъ *Инкермень* и улусы крымскіе развоевали, а астраханскіе де татарова безпрестанно у крымскаго урта лошадей отгоняють и татаръ побивають и крымской юрты раззоряють, и онъ Джанбекъ Гирей царь послалъ за то на государевы украины сына своего Нурадына Мубшрекъ Гирей царевича съ крымскими и съ ногайскими людьми войною:“

⁽²⁴⁵⁾ Дѣла Крымскія въ столбц. 1632 г., № 13, см. отписку въ посол. прик. царицынск. воеводы боярина князя Никфорова Мещерскаго.

И сотникъ стрѣлецкой Данило Арсеньевъ пріѣхалъ съ Дону на царицынѣ, мнѣ холопу твоему подалъ отъ казаковъ отписку, а въ отпискѣ ихъ написано: то де имъ атаманомъ и казаккомъ вѣдомо, что крымскіе и азовскіе и малаго ногаю люди подымаются на русскіе твои государевы города, а иные и пошли, а про запорожскихъ людей вѣсти нечего мнѣ холопу твоему не писали потому, что де имъ отъ запорожскихъ людей вѣстей и слуху никакова не бывало; а что, государь, сотникъ Данила Арсеньевъ и стрѣльцы мнѣ холопу твоему на царицынѣ про казачьи вѣсти въ распросѣ.

„А нынѣ де изъ Крыму вышли на степи многіе люди, а ожидаютъ весны и тою какъ будетъ у государевыхъ людей бой съ литовскими людьми, и имъ де приходили въ ту пору на государевы украинные города войною.

..... А турецкой де царь прислалъ къ нему Шингирею, чтобъ онъ къ нему ѣхалъ въ царь городъ и прислалъ къ нему въ дарѣхъ 40 дѣвокъ и сказать онъ ему, тогда онъ къ нему будетъ и вину свою принесетъ, какъ Донъ очистить:“

Донскаго атамана Павлина; и вмѣстѣ съ Запорожцами ходили на море, разорили городъ Синоцъ и съ плѣнными возвратились въ Запороги; одна часть съ атаманомъ Павлинымъ осталась тутъ зимовать, а другая уже глубокою осенью пришла на Донъ⁽²⁴⁶⁾.

Впрочемъ своеволие нѣкоторыхъ казаковъ участвовавшихъ въ это время въ поискахъ морскихъ съ Запорожцами, не должно относить ко всему войску, ибо въ послѣдніе два года Донскіе казаки, находясь подъ гнѣвомъ государя уже неосмѣливались явно ходить для поисковъ по морямъ Азовскому и Черному. Такое бездѣйствіе Донскихъ казаковъ противъ враговъ ихъ продолжалось до 1635 года.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту и жалованье. Два года Донскіе казаки послали на себѣ гнѣвъ царскій и проклятіе патріарха. Наконецъ въ исходѣ 1632 года или въ началѣ 1633 г. (ибо достовѣрнаго о семъ свидѣтельства нѣтъ) царь Михаилъ Ѳедоровичъ простилъ ихъ вины и содержав-

---

⁽²⁴⁶⁾ Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ въ столбц. 1632 г.. № 11, отписка бывшихъ въ Волуйк. окольничаго князя Семена Прозоровскаго и дьяка Ѳедора Степанова.

„Да полбра, государь, въ 19 день, пріѣхалъ на Волуйку съ Донца изъ Святыхъ горъ чернецъ Александро, а въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказалъ: сее де осени ноябри въ 13 день были у нихъ въ Святогорскомъ монастырѣ Донскихъ казаковъ человекъ съ 60, а ѣхали отъ черкасъ изъ Запорогъ телѣгами, и отъ Святыхъ де горъ поѣхали казаковъ на Донъ 20 человекъ на лошадахъ верхи, а 40 человекъ сѣли подъ Святими горами въ дву бударахъ, а будари отишли у нихъ монастырскіе; а везуть де съ собою тѣ казаки полонъ дѣвокъ и робятъ татарченковъ; а говорили де межъ себи казаки, что онѣ сего лѣта ходили съ запорожскими черкасы въ войну и воевали городъ Синоцъ, а атаманъ де съ ними былъ Донской казакъ Павлинаъ и низи де тотъ ихъ атаманъ съ достальными казаками остался зимовать у черкасъ въ Запорогѣхъ, а сколько съ нимъ осталось казаковъ про то де, государь, онѣ подлинно отъ казаковъ не слышали имянно, а турскаго-ли или крымскаго городъ Синоцъ, про то, государь, онѣ отъ казаковъ не слышали.“

шихся въ заточеніи казаковъ въ Москвѣ и другихъ городахъ повелѣлъ освободить, указалъ дать имъ жалованье и послать на службу съ боярами и воеводами подъ Смоленскъ, а на Донъ послалъ милостивую грамоту и жалованье⁽²⁴⁷⁾.

---

(247) Дѣла Донск., въ столбц. грамота па Донъ 15 апрѣля 1633 г.
„Отъ цари и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Ивану Каторжному и всему Донскому войску. Писали есте къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руссіи, съ атаманомъ съ Федоромъ Васильевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ 141 году писано къ вамъ въ нашей грамотѣ; а велѣно вамъ приходити на крымскихъ и на казневскихъ татаръ, которые приходятъ войною на наши украинны и надъ ними велѣно вамъ промыслати на походѣ и на перелазѣхъ и на перевозѣхъ, чтобъ надъ ними поискъ учинити, и языковъ добыть, и русской бы полонъ у нихъ отгромити гдѣ мочно, а которые атаманы и казаки съ Дону пришли къ Москвѣ съ княземъ Иваномъ Дашковымъ, а которые казаки были въ нашей опалѣ, и тѣ всѣ взяты къ Москвѣ, и наши государскіе очи видѣли и у отца нашего у великаго государя святѣйшаго патріарха у благословеніи были, и нашимъ государскимъ жалованьемъ пожалованы, и посланы на нашу службу подъ Смоленскъ съ бояры нашими и воеводы; а съ тою нашею грамотою присланъ къ вамъ на Донъ атаманъ Наумъ Васильевъ съ товарищи, и вы тоѣ нашу грамоту вычли и слыша то, что мы атамановъ и казаковъ, которые были въ нашей опалѣ, пожаловали, тому всемъ войскомъ обрадовались, и нашему царскому и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха жалованью ради; и въ нынѣшнемъ во 141 году февраля въ 22 день вѣдомо вамъ стало, что крымскіе и ногайскіе казыева улуса многіе вопнскіе люди идутъ въ Русь на наши украинны войною, и вы слыша тѣ вѣсти, нехотя видѣти православнымъ христіаномъ отъ татаръ илѣпеніе, спедчвса вмѣстѣ межъ собою говорили и помия православную христіанскую вѣру и наше къ себѣ жалованье, за тѣми вопнскими людьми ходили и сошли татаръ на крымской сторонѣ на рѣкѣ на *Быстрой* и съ ними бились, и Божіею милостію, а нашимъ царскимъ счастьемъ, и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Руссіи молитвою, татаръ побили, и языки поимали, а иныхъ многихъ переранили, и тѣхъ языковъ спрашивали, а въ распросѣ вамъ сказывали, что идутъ на наши украинны многіе крымскіе и ногайскіе люди, а быти имъ въ украинны наши города на Святой недѣли или напередъ святыхъ недѣли; да выжъ ходили подъ ногайскіе

Казаки приѣмлютъ милостивую грамоту съ радостію. Съ неизъленною радостію казаки приняли гра-

улусы для языковъ и взяли дву татариновъ и изъ тѣхъ языковъ, которыхъ взяли на крымской сторонѣ и которыхъ взяли подъ ногайскіе улусы, дву челоуѣкъ прислали къ намъ къ Москвѣ, а многихъ языковъ послати есте ка намъ не смѣли, что путь дальшой и проѣздъ тяжолъ. И мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Фларетъ Никитичъ московскій и всеа Русси, васъ атамановъ и казаковъ за вашу службу, что вы намъ служите надъ татары, которые ходятъ на наши украинцы войною, промышляете и поискъ чините, похваляемъ и за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ, и выбъ атаманы и казаки и впредъ намъ служили и надъ татары, которые пойдуть въ Русь на наши украинцы войною, промышляли и поискъ надъ ними чинили, сколько вамъ Богъ помочи подасть. А прежь сего въ прошломъ 135 году писали къ намъ изъ Асторохани бояринъ нашъ и воеводы Петръ Головинъ съ товарищи, что присылалъ къ нимъ въ Астороханъ казиевской Касай князь Исламовъ людей своихъ съ грамотою, а писалъ къ нимъ и приказывалъ, что онъ съ братьею своею и съ дѣтьми и съ племянниками и съ улусными людьми отставъ отъ крымскаго царя и учиняся Казиева улуса Уракова и Мамаева родства съ мурзами въ недружбѣ, учинились подъ нашею царскою високою рукою въ холопствѣ; а послѣ того прислалъ въ Астороханъ сына своего Наврусъ мурзу и улусныхъ лутчихъ людей, и сынъ его Наврусъ мурза за отца своего и за братью и за себя и за улусныхъ людей въ Асторохани намъ правду далъ, шерть учинилъ, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступнымъ, и на наши украинцы самымъ войною не ходити и вонскихъ людей не посылати и аманаты на томъ въ Асторохани дали, и отпущенъ Наврусъ мурза изъ Асторохани къ отцу его и наше жалованье къ отцу его Касаю князю послано. Да подъ нашею жъ рукою учинились Казиева улусы мурзы Алей мурза Ураковъ, да Бей мурза Мамаевъ, да Алла Гувать мурза Азаматовъ и правду намъ дали на томъ же, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ холопствѣ и лиха украинцамъ нашимъ никакова нечинити и амнаты было имъ давати въ Асторохани добрые, изъ братьи своей и изъ дѣтей и изъ племянниковъ, и они Касай князь и мурзы забывъ свою правду и шерть прислали въ Астороханъ аманаты худые, которымъ вѣрять немочно и ихъ отступились и не постоявъ въ своей правдѣ нисколько, приходили на наши украинцы войною много жда, и убытки украинцамъ нашимъ починили многіе. А въ прошломъ въ 140 году въ августѣ приходили въ наше государство крымскіе и многіе люди, а казиева улуса мурзы и улусные многіе

моту царскую и во свидѣтельство цокорности своей, сперва назначивъ знатное число лучшихъ атамановъ и казаковъ от-

люди приходили въ наше государство съ ними жъ вмѣстѣ и украинны наши воевали и въ полонъ многихъ поймали людей и убытки многе украинавъ нашимъ починили. А въ нынѣшнемъ во 141 году писали къ намъ изъ Асторохани воеводы наши Иванъ Салтыковъ съ товарищи, что сказывали имъ въ вѣстехъ дѣти боярскіе и толмачи, которыхъ посылали они въ Ногаи, что въ прошломъ во 140 году ходили въ наше государство казиевскіе мурзы со многими людьми войною вмѣстѣ съ крымскими людьми, и украинны наши воевали и полонъ многой поймали и продавали дешевою цѣною, выбирая молодыхъ, пмали за нихъ за человѣка почомѣ проси, а старыхъ сѣкли, что купити ихъ было некому, да и въ зиму де многіе казиевскіе люди татарови зазимовали на степи, а нынѣ де пошли къ нимъ въ прибавку и многіе люди, и хотятъ приходити на наши украинны на веснѣ рано и хотятъ украинны наши воевать и пустошить, да къ нимъ же де приходили Большаго Нагаю Канаи князь съ братьею и съ племянники и со всѣми ногайскими и съ едисанскими и юртовыми мурзами и говорил имъ, что Касаи князь и мурзы казиевскіе въ правдѣ своей нестоятъ, приходятъ на наши украинны войною всегда и въ прошломъ во 140 году сложася съ крымскими людьми, на наши украинны ходили и полонъ имали многой. и впередъ хотятъ тожь чинять, и только ихъ немирить и тѣспоты имъ неучинить, и имъ впередъ тожь дѣлать, а имъ, только де мы укажемъ на нихъ послати нашихъ ратныхъ людей и ему Канаю князю съ улусными его людьми велимъ нашихъ идти, и съ ними де будетъ въ сборѣ на казиевскихъ татаръ нашихъ ратныхъ людей Большаго Нагаю и едисановъ, и юртовскихъ татаръ съ 20 т. человѣкъ и больше, и тѣми де они людьми улусы ихъ новоюютъ и раззорять, и впередъ они на наши украинны войною ходить нестануть. Да въ нынѣшнемъ де во 141 году отпущенъ отъ насъ съ Москвы турецкой посоль Гречанинъ Тома Контакузинъ, да съ нимъ же вмѣстѣ послали есмь къ турецкому салтану пословъ нашихъ Якова Дашкова да дьяка нашего Матвѣя Сомова, а послы наши съ нашими ратными людьми отпущены на Волуйку, а съ Волуйки до Азова степью, и какъ они пошли съ Волуйки и отошли динца съ два и приходили на нашихъ и на турецкихъ пословъ казиевскіе воинскіе многіе люди и съ ними билася и по одинъ день и отошли отъ нихъ послы наши насилу съ великими убытками. И мы великій государь, видя отъ Касая князи и отъ казиевскихъ мурзъ такіе многіе неправды и грубости, государства нашего украиннымъ городомъ многіе убытки и волю, говорили съ бояри нашими и указали есмь и бояри наши приговорили послати на казиевъ улусъ вой-

правили къ Смоленску въ составъ войскъ приготовленныхъ къ походу въ Литву, а потомъ февралѣ въ 22 день 1633 г.,

ноу воеводѣ нашихъ князя Васпльи Туренина, да князи Петра Волконскаго, а ратнымъ людямъ указали есмь съ ними быти и съ Казани и съ низовыхъ городовъ дѣтемъ боярскимъ и проземцомъ, которые живутъ на корму, да изъ Асторохани дѣтемъ боярскимъ и головамъ стрѣleckимъ и стрѣльцомъ, да Канаю князю и ногайскимъ и едисанскимъ мурзамъ и тибуннымъ головамъ и юртовскимъ татаромъ и едисаномъ, да вамъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, да терскимъ служилымъ людямъ и новокрещеномъ и черкасскимъ и кумыскимъ княземъ и мурзамъ и узденемъ ихъ и черкасомъ, и терскимъ и гребенскимъ казакомъ, съ головамъ, и сходитца всѣмъ тѣмъ людямъ и вамъ атаманомъ и казакомъ съ воеводы нашими указалъ есмь, ссылаясь съ воеводы нашими гдѣ мочно, о томъ воеводамъ нашимъ велѣно на Терекъ и къ вамъ на Дону писать ямяно о которую пору и въ которое время и въ которыхъ мѣстахъ вамъ съ нимъ сходитца. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а воеводы наши князь Васплей Туренинъ да князь Петръ Волконской къ вамъ отпишуть, чтобъ вы шли на вашу службу на Казневъ улусъ къ нимъ всходъ, и выбъ атаманъ и казаки службу свою къ намъ и радѣніе совершили, отобрався многими людьми, шибъ естя на нашу службу на Казневъ улусъ въ сходъ къ воеводамъ нашимъ, не мѣшкал, въ то мѣсто, гдѣ вамъ воеводы наши отпишуть, и надъ казневскимъ мурзами промышляли и улусы ихъ раззоряли и улусныхъ людей побивали, и женъ и дѣтей въ полоня имали, чтобъ вамъ Казневъ улусъ, за ихъ предъ нами многіе неправды и раззоренья государства нашего, до конца раззорить и искоренить, чтобъ имъ не повадно было впередъ воровать, на наши украинны войною приходить, и государство наше опостошить; а будетъ казневскіе люди будутъ въ войнѣ въ нашемъ государствѣ и тогобъ войною изъ Московскаго государства и ихъ поворотить, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично къ намъ служба своя показать и итти на Казневъ улусъ всходъ къ воеводамъ нашимъ не мѣшкал, а сойтитца вамъ съ воеводами нашими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они къ вамъ отпишуть, чтобы однолично Казневъ улусъ повоевать и раззорить, чтобъ отъ нихъ впередъ государству нашему убытковъ небыло. А какъ вы съ воеводы нашими надъ казневцы повскъ учините, и улусы ихъ раззорите, и мы великій государь за тою службою пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью; а которые изъ васъ атаманъ и казаки останутца на Дону во всѣхъ городехъ за казневскимъ походомъ, и выбъ будучи на Дону намъ служили и нашимъ дѣломъ промышляли, провѣдывали бѣ есте на крѣпко про крымскаго царя и про

извѣстия, что крымскіе и Казыева улуса татары во множествѣ идутъ на російскія украины, послали на татаръ сильную партію, которая догнала ихъ на рѣч. Быстрой, разбила, многихъ положила на мѣстѣ, многихъ ранила и нѣсколько чело-
вѣкъ взяла въ плѣнъ; изъ плѣнныхъ этихъ двухъ и кромѣ того двухъ взятыхъ вскорѣ послѣ сего подѣ ногайскими улусами, отправили въ Москву съ легкою станицею^(248 и 249).

Ногайцы возмущаются противъ Россіи. Плѣнники эти объявили что ногайцы и крымцы въ большихъ силахъ готовятся къ походу на російскіе украинные города. Это обстоятельство, а болѣе измѣна владѣтеля казыевскихъ улусовъ [князя Касая Исламова, нарушившаго присягу на вѣчное подданство російскимъ государямъ, данную за него въ 1627 году въ Астрахани сыномъ его Навризь мурзою, а потомъ и прочими мурзами, и разорившаго въ августѣ мѣсяцѣ 1632 г. наши украины, побудилъ государя послать подѣ предводительствомъ воеводы князя Василія Туренина и князя Петра Волконскаго сильную рать, составивъ оную изъ дѣтей боярскихъ и иноземцовъ въ Казани и другихъ низо-

---

царевичей и про всѣхъ крымскихъ воинскихъ людей, что ихъ умысленье, гдѣ нынѣ царь и царевичи въ Крымѣ ли или гдѣ въ походѣ нынѣ, и неимуть ли ихъ походу въ наше милостивое государство войско, и будетъ чають и самъ ли царь и царевичи пойдуть или кого мурзъ съ воинскими людьми пошлетъ, и выбѣ однолично прямую службу свою и радѣнье къ намъ показали, за такіе многіе крымскаго царя неправды къ намъ нашему государству или на тѣ мѣста къ рѣкамъ, и къ ихъ татарскимъ сакмамъ, на которыя мѣста чають походу, и на тѣхъ бы есте мѣстахъ на ихъ савмахъ и на рѣкахъ и на перелазѣхъ, надѣ царемъ и надѣ воинскими людьми, проси у Бога милости, промышляли съ великимъ радѣньемъ сколько Богъ помочи подасть, чтобъ вамъ службою своею и радѣньемъ крымскаго царя и его воинскихъ людей походу и войнѣ помѣшка учинить; а что у васъ учнетъ дѣлаться и что какихъ вѣстей про царя и про нынѣ какихъ воинскихъ людей вѣдомо будетъ и сколькихъ людей на нашу службу на казевъ улусъ пошлете, и выбѣ отомъ отписали къ намъ къ Москвѣ на скоро. Писанъ на Москвѣ лѣта 1633 года апрѣля въ 15 день.

^(248 и 249) Дѣла Донскія въ столбц. 1633 года. Грамота на Довъ 15 Апрѣля 1633 года, см. примѣчаніе 247.

выхъ городахъ, изъ 20/г. едисанскихъ и ногайскихъ татаръ, черкасъ и кумыковъ преданныхъ росіи, и наконецъ изъ Терскихъ, Гребенскихъ и Донскихъ казаковъ.

Казаки разрываютъ миръ съ азовцами. Между тѣмъ какъ по этому случаю дѣлались надлежащія распоряженія, Донцы проводивъ съ честію изъ юрговъ своихъ ѣзжавшихъ въ Царьградъ російскихъ пословъ Якова Дашкова и Матвѣя Сомова, а съ ними и турецкаго посланника Оому Кантакузина, малъ 22 разорвали съ азовцами миръ и все вниманіе обратили на татаръ казиевскихъ. Предварительно освѣдомившись, что татары эти кочуютъ по рѣчкѣ Еи, казаки пошли на нихъ, погромили улусы Келмаметъ мурзы, брата Салтанъ Муратова, и мать сына дочерей и сестръ Муратовыхъ съ ихъ ближайшими до 30 человекъ и татаръ обоего пола до 700 взяли въ плѣнъ.

Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ. Вскорѣ послѣ того казаки ходили подъ Азовъ, въ отмщеніе за дозволеніе казиевскимъ татарамъ кочевать близъ Азова. Между Донцомъ и Каланчею напали они на этихъ татаръ и многихъ изъ нихъ побили, отняли лошадей и рогатаго скота болѣе 2000 штукъ и до 200 человекъ взяли въ плѣнъ⁽²⁵⁰⁾.

Партія Донскихъ казаковъ изъ 500 человекъ идетъ на Куму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ казиевскихъ татаръ. Столь быстрыми нападеніями на татаръ обеспечивъ на нѣкоторое время городки свои отъ азовцевъ и казиевцевъ, казаки по

⁽²⁵⁰⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1633 г., № 5, распроснилъ рѣчи толмача Михаила Деякова, ѣздившаго въ Азовъ по государеву дѣлу.

„Казаки при немъ Михаилъ изъ нижнихъ городковъ ходили подъ Азовъ, на казиевцовъ, которые хотѣли кочевать промежъ Донца и Каланчи, и тѣхъ казиевцовъ пограбили, многихъ побили, а живыхъ взяли всякаго человека, человекъ съ 200, да лошадей съ 150, да коровъ съ 2000, и съ Азовомъ де они размирлись, для того, что они казиевцомъ позволяли кочевать подлѣ Азова.“

грамотѣ царской и по предварительномъ сношеніи съ воеводами, предводительству коихъ вѣрено было войско для навазанія казневскихъ татаръ, послали на р. Куму къ Мажарскому городищу отрядъ изъ 300 человекъ казаковъ и 200 татаръ, подъ начальствомъ атамана Ивана Каторжнаго. Недошедши двумя днями соединеннаго войска, Каторжный встрѣтился на вершинахъ р. Чеусбишъ съ татарами ногайскими (возвращавшимися къ Астрахани) и вѣротно пояти ихъ за татаръ казьева улуса, непріятелей нашихъ, разбилъ, отнялъ много русскихъ плѣнныхъ, взялъ у нихъ до 1500 человекъ и болѣе 2/3 штукъ лошадей и рогатаго скота и, по совѣтовавшись въ кругу съ лучшими казаками, возвратился на Донъ. Съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи тогда же послана была въ Москву легкая станица: ожидали благоволенія царскаго, но вмѣсто того получили грамоту, которою повѣлено все отнятое у покорныхъ Россіи татаръ немедленно возвратить, русскихъ же плѣнныхъ отослать въ украинные города или въ Москву, а роспись о томъ, куда кто посланъ также доставить въ Москву⁽²⁵¹⁾.

---

(251) Дѣла турецк. двор. въ столбц. 1634 г., № 1. Грамота на Донъ 28 Февраля 1634 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, всему Донскому войску. Писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Макаромъ Степановымъ съ товарищи, что по нашему указу, велѣно вамъ атаманомъ и казакомъ итти всходъ къ стольнику нашимъ и воеводамъ ко князю Василью Туренину да князю Петру Волконскому, въ то мѣсто, гдѣ они къ намъ отпишуть, и итти съ ними войною на нашихъ ослушниковъ на Казневъ улусъ и надъ крымскими мурзами промыслати и ихъ и улусныхъ ихъ людей побивати и жепъ и дѣтей въ половъ ямать, и улусы ихъ, за ихъ предъ нами великимъ государемъ многіе неправды, до конца раззорити и искоренити, чтобъ имъ неповадно было впередъ воровать и на наши украинны войною приходять и государство наше пустошить; и вы атаманы и казаки писали отъ себя къ стольникамъ нашимъ и воеводамъ съ станицею, чтобъ они къ вамъ отписали, гдѣ вамъ сини и въ которыхъ мѣстехъ и окою пору сходитъ и станичники ваши стольниковъ нашихъ

Новое жалованье войску. В тоже самое время прислано войску царское жалованье: 2000 руб. денег, и воеводъ въ Асторохани не застали, а встрѣтились съ ними на степи, а про князя Василья Туренина сказали имъ, что его не стало, и стольникъ нашъ кн. Петръ Волконскій писалъ къ вамъ атаманомъ и казавомъ съ своею станицею, съ астороханцы, дѣтьми боярскими да съ стрѣльцы; а велѣлъ вамъ сходитья съ собою на Можарскомъ городищѣ; а пришли тѣ станичники къ вамъ на Донъ августа въ 9 день. И вы, атаманъ и казаки, собрався многіе люди, пошли на нашу службу, на Казмевъ улусъ съ большымъ нарядомъ августа въ 15 д., а которые атаманъ и казаки остались на Дону, и вы тѣхъ приказали послѣ себя по Дону по перевозомъ и по скамамъ оберегати того, чтобы крымскіе воинскіе люди за Донъ на ногайскую сторону, на помочъ къ казиевскимъ мурзамъ, неперешли; а казиевскихъ бы мурзъ, потому жъ, на крымскую сторону не перепустити. А вы, атаманъ и казаки, шли степью недѣлю, и, недомедъ стольника нашего и воеводу, и ратныхъ нашихъ людей, августа въ 21 д. сошлися съ казиевскими мурзами и съ ихъ улусы, съ Отмонаемъ—мурзою, да съ Казиемъ—мурзою, да съ Мамаемъ—мурзою, да съ Исламомъ—мурзою, да съ Исмаилъ—мурзою, да съ Оллатомъ—мурзою, да съ Шанмомъ—мурзою, и съ ихъ улусными людьми, и тѣхъ казиевскихъ людей—татаръ побили, а мурзы сами ушли, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ поимали, а всего полону взяли тысячи съ двѣ и больши. А въ распросѣ вамъ тѣ полоняники, улусные люди, сказывали, что тѣ де казиевскіе мурзы съ улусными своими людьми шли подъ Азовъ, а подъ Азовомъ де перевозиться было имъ на крымскую сторону. А стольникъ нашъ и воевода кн. Петръ Волконскій къ намъ писалъ: въ прошломъ де во 141 году іюля въ 30 д., приѣхали къ нему отъ васъ съ Дону станичники, а астороханцы дѣти боярскіе Василій Усовъ, да Дмитрій Онбаровъ; а съ ними прислали къ нему вы, Донскіе атаманъ и казаки, казавомъ Ивашка Тимофѣева съ товарищи 5 человеками на рѣку Куму, на урочищѣ на карауголь, недоходя Можарскаго городища, съ отицскою; а въ отицкѣ своей писали, что вы нашу службу къ нему всходѣ ѣдете, а будете на Можарскомъ городищѣ вскорѣ; и онъ де тѣхъ вашихъ казавомъ отпустилъ къ вамъ отъ себя станицу сына боярскаго Ивана Колодичи и писалъ къ вамъ, чтобы вы атаманъ и казаки на нашу службу къ нему всходѣ шли на Можарское городище, не мешкая; и вы де атаманъ и казаки къ нему въ сходѣ августа по 16 число небывали, и онъ де стольникъ нашъ и воевода съ нашими ратными людьми, и недождався васъ въ Козиевъ улусъ, приходилъ, и Божію милостію, а нашимъ царскимъ счастьемъ, Казмевъ улусъ повоевали и раззорили, и полонъ многой поимали, и пошла къ Асторохани разными дорогами; и онъ де князь Петръ пришелъ.

10 поставовъ сукна на страфилю лучшихъ , 13 поставовъ суконъ среднихъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, на рѣку Чабашъ августа въ 27 д. и прѣхалъ де къ нему отъ васъ Донскихъ казакомъ станчиникъ его Иванисъ Колодничъ, а сказалъ, что идетъ къ нему съ атаманомъ Иваномъ Каторжникомъ 600 человекъ—казаковъ, а пришли де вы на чербашскія вершины отъ него въ дву днищахъ и августа жъ де въ 29 д. прѣхалъ къ нему отъ васъ атаманомъ и казакомъ, казакъ Якушко Назаровъ и сказывалъ ему, что пошло было на нашу службу къ нему всходъ съ атаманомъ, съ Иваномъ Каторжникомъ, 300 челов. казаковъ, да 200 человекъ татаръ, и на чепбашскихъ де вершинахъ сошляся съ ногайскимъ съ Кейкуватъ—Янмаметь—мурзою—Янмаметевымъ, съ братьею и дѣтьми и съ племенники и съ ногайскими людьми, которые пошли отъ него назадъ въ Астороханъ, и съ ними де у васъ былъ бой; и вы де, атаманы и казаки, тѣхъ мурзъ и татаръ, которые намъ служили, побили и взяли у нихъ татарскаго ясырю съ 1500 челов. и русской многой полонъ отгромили, да лошадей у нихъ взяли тысячи съ двѣ и больши, и иную многую животину поймали; и послѣ де того погрому былъ у васъ кругъ; и, договорясь, пошли назадъ на Донъ. А Кейкуватъ—Янмаметь—мурза съ братьею, съ дѣтьми и съ племенники, намъ великому государю были челомъ и прислали челобитную за своими руками; и въ той ихъ челобитной написано какъ они съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со кн. Петромъ Волконскимъ, казыевъ улусъ погромили и татарской многой ясырь поймали, и русской полонъ отгромили; и они де, убоясь недруговъ своихъ, Гинбаевыхъ и Урмаметевыхъ и Урусовыхъ дѣтей, Канал—князя съ братьею и съ племенники, пошли къ Астороханъ напередъ, стольника нашего и воеводу, князя Петра Волконскаго стороинею дорогою къ рѣкѣ Машицѣ и какъ де пришли на нихъ вы, Донской атаманъ Иванъ Каторжниковъ, съ товарищи, и ихъ де пограмили и побили и татарской ясырь, и турской полонъ у нихъ отгромили, и животь многой, и лошади, и иную всякую животину поймали. И вы, атаманы и казаки, то учинили негораздо, сами на нашу службу, на нашихъ не послушниковъ притти не порадили и приходомъ, своимъ замѣшкали; а которые люди намъ служили на казыевъ улусъ съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со княземъ Петромъ Волконскимъ, на . . . . . пришли и казыевъ улусъ погромили, и вы тѣхъ ногайскаго Кейкуватъ—Янмаметь—мурзу, съ братьею и съ племенники, и улусныхъ его людей ногайскихъ татаръ, которые были съ ними, многихъ побили и животныхъ поймали; а что у нихъ было взято на томъ погромѣ, казыевскаго ясырю, и рускомъ полону и животини, и всякия животини, то все у нихъ поймали, и тѣмъ вы дѣлу нашему учинили многую поруху; а къ намъ писали есте ложно, будто вы намъ служба, погромили казыевъ улусъ, и

30 четвертей толокна, 100 ведръ вина, 60 пудъ пороху и 30 пудъ свянцу. При этомъ особою грамотою строго подтверждалось, чтобы казаки съ азовцами жили мирно, на море не ходити и жилищъ подданныхъ турецкаго салтана

вы побили и въ полонъ понмали нашихъ же людей Большаго нагаю, и тѣмъ своимъ приходомъ и помѣшкою истокмо къ намъ великому государю службѣ своей не показали, но еще, нашимъ непослушникомъ, козиева улуса мурзамъ и татарамъ тѣмъ большую помочь учинили; и вамъ было, атаманомъ и казакомъ, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, надобно намъ великому государю служити и о своей службѣ писати къ намъ правдою. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ, атаманы и казаки, нынѣ однолично вину свою покрыли, въ томъ предъ нами, великимъ государемъ, исправилсь; и что вы въ томъ погромѣ взяли въ полонъ нашихъ людей большаго нагаю татаръ Кейкувать—Ямаметъ—мурзина и его братья, и племянниковъ улуса, и ихъ погрому казыевского ясырю, и всякаго живота, и лошадей, и всякия животины, чтобы есте все отдали или отослали къ нимъ подъ Асторохань, немѣшкал; а русской полонь, которой у нихъ отгромили, прислалъ-бѣ есте въ наши украшенные города или къ Москвѣ, и тѣмъ людемъ прислалъ къ намъ роспись; а того бѣ есте однолично не учинили, что тѣхъ нашихъ ногайскихъ татаръ продати или на помѣну отдати нашимъ непослушникомъ, а ихъ недругомъ козиева улуса татаромъ или въ Азовъ; тѣмъ бѣ вы отъ насъ великаго государя и до конца на себя большія опалы не навели, и впередъ бы намъ великому государю служили, гдѣ намъ наше государское повелѣнье будетъ, и о своей службѣ писали къ намъ правдою; а то мы, великій государь чаемъ, что вы, атаманы и казаки, вину свою нынѣ покроете и передъ нами великимъ государемъ, исправитесь, наше государское повелѣнье исполните, нагайскаго—Кейкувать—Ямаметъ—мурзина и его братья и племянниковъ, улуса татаръ, которыхъ вы пограмили и пограбили и ихъ погрому казыевской ясырь и всякие животы и лошади, и всякую животину отдадите, или къ нимъ подъ Асторохань отошлите; а русской полонь, который у нихъ отгромили, и тотъ полонъ, и тому полону роспись пришлете въ украшенные наши города или къ намъ къ Москвѣ. А какъ вы, атаманы и казаки, по нашему государскому повелѣнью то все учините и впередъ учнете намъ великому государю, служити, гдѣ намъ наше государское повелѣнье будетъ, и мы великій государь насъ атамановъ и казаковъ пожалуемъ и передъ учнемъ васъ держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи; и служба ваша у насъ великаго государя забвенна николи не будетъ. Писанъ на москвѣ лѣта 7142, февраля въ 28 день”.

и хана крымскаго не грамили; возвращавшихся же изъ Москвы въ Царьградъ посланниковъ турецкаго Алей—Агу и генгерскаго повелѣно проводить въ Азовъ съ честію ⁽²⁵²⁾.

Поиски казаковъ по Каспійскому морю. Получивъ эту грамоту и жалованье, Донскіе казаки не смѣли возобновить по Азовскому и Черному морямъ поисковъ, оставленныхъ ими съ 1632 года, со времени снятія съ нихъ одалы; но вмѣсто того нѣкоторая часть ихъ весною 1634 г. отправилась на Волгу и за тѣмъ въ Каспійское море; тамъ пограмила персидскія суда съ товарами; потомъ, соединясь съ яицкими казаками, разграбила нѣсколько приморскихъ селеній въ нынѣшнихъ Дербентской и Бакинской провинціяхъ и возвратилась на Донъ съ богатою добычею ⁽²⁵³⁾.

⁽²⁵²⁾ Дѣла донскія № 1-й, грамота на Донъ отъ 28 февраля 1634 года, въ коей сказано:

„А мы, великій государь учнемъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, за вашу службу, держать наше царское жалованье незабвенно; а нынѣ послали есми къ вамъ атаманомъ и казакомъ нашего жалованья, съ послы нашими, съ Иваномъ Коробинимъ да съ Дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ, 2000 руб. сереб. денегъ, десять поставовъ суконъ на страфилю доброю, 13 поставовъ суконъ среднихъ; да запасовъ: 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокны, 100 ведръ вина, 60 п. велья, 30 пудъ свинцу; и какъ послы наши и турецкой посоль Алей-ага къ вамъ на Донъ придутъ, и вы-бъ встрѣтили и приняли и въ Азовъ ихъ, и митрополитовъ, и архимандрита, и старцовъ, и гречанъ, которые съ ними, отпустили, незадержавъ, и проводили до Азова во всемъ честно, по прежнему нашему указу и наше жалованье у пословъ нашихъ, что къ вамъ съ ними послано деньги, и сукна, и зелья, и свинець, и хлѣбные запасы, и вино приняли.“

⁽²⁵³⁾ Дѣлъ Крымскихъ въ столбц. 1634 г. № 16 статейный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Провчищева и Бормасова.

„Слышела де они отъ посла Ахметъ-аги, что Донскіе казаки проплаго и нынѣшняго лѣта ходили въ Казылбашскую землю войскою и издобилиеъ гораздо, и товары казылбашскіе на Дону продавал дешвою цѣною, только невѣдаетъ, кон мѣста воевали.

И послы говорили, что Донскіе атаманы и казаки, исполняя царское повелѣнье на Черное море не ходили и салтановыхъ городовъ, селъ и деревень, и крымскихъ и ногайскихъ улусовъ не воевали; а ходили на Япъ и съ яицкими казаки собрався, ходи-

Таковыя разбѣды казаковъ по Каспійскому морю продолжались цѣлые два года. Между тѣмъ подъ Азовъ приходили Запорожскіе черкасы моремъ въ 30 стругахъ; къ нимъ присоединились сто человѣкъ Донскихъ казаковъ, безъ вѣдома Войска, ибо въ то время между казаками Донскими и азовцами существовалъ миръ. Имѣя съ собою нѣсколько пушекъ малаго калибра, запорожцы держали въ осадѣ Азовъ четверо сутокъ, разрушили часть городской стѣны, и, нанеся значительный вредъ азовцамъ, пошли обратно на море. Азовцы думали, что Запорожцы приходили къ городу ихъ, съ согласія съ Донскимъ войскомъ, и потому какъ бы въ отмщеніе за это, не объявля казакамъ о разрывѣ мира, въ числѣ 1500 чел. приступили къ казачьимъ городкамъ къ Нижнему, Черкасскому и къ Манычу, угнали множество разнаго скота и лошадей, и до 30 человѣкъ казаковъ порубили ⁽²⁵⁴⁾.

ли на Хвалынское море; и шаховы города и уѣзды, которые близко моря, повоевали, и на Хвалынскомъ море бусы погромили многіе, и приниши назадъ на Донъ, и продавали всякіе казылбашскіе товары дешевою цѣною; то видѣлъ посоль Ахметъ-ага, какъ ѣхалъ къ Москвѣ и съ Москвы въ Царь-городъ.

„И визирь говорилъ посломъ: сколь давно Донскіе казаки учали ходить въ казылбашскую землю войною и въ казылбашехъ которы мѣста воевали.

„И послы говорили, какъ они и турецкой посоль Ахметъ-ага отъ царскаго величества съ Москвы отпущены, и пришли на Донъ и видѣли у казаковъ многіе казылбашскіе товары, продаютъ всякимъ людямъ дешевою цѣною; а сказываютъ, что они, исполняя царскаго величества повелѣнныя, на Черное море не ходили и салтацовыхъ городовъ и селъ, и деревень, и крымскихъ улусовъ не воевали; и съ Дону ходили по два года на Хвалынское море и воевали подъ Дербенью и подъ Низовою, и подъ Бакою, и глянскую землю; и на Хвалынскомъ морѣ погромили многіе бусы со многими товаромъ.“

⁽²⁵⁴⁾ Дѣла Турецкія 1635 г., № 5. Распросныя рѣчи атамана Богдана Конинскаго, пріѣхавшаго въ Москву 30 января 1635 г.

„Въ прошломъ де во 142 году, послѣ Успенья Пресвятыя Богородицы, приходили подъ Азовъ запорожскіе черкасы въ 30 стругѣхъ, а сколько людей, того онъ подлинно невѣдаетъ, а съ ними де были и пушечки, и къ Азову приступали, и азовцы черкаст

Морскіе поиски Донскихъ казаковъ. Оскорбленные нарушеніемъ мира и этимъ набѣгомъ азовцевъ, Донскіе казаки, дождавшись весны 1635 года, пустились въ море. Какое число ихъ было въ этомъ походѣ, неизвѣстно. На морѣ съѣхались они съ запорожскими черкасами, овладѣли четырьмя купеческими крѣпостями со всѣми находившимися на нихъ людьми, товарами и запасами; два дни приступали къ Керчи и потомъ разорили нѣсколько деревень, лежащихъ между этимъ городомъ и Кафою ⁽²⁵⁵⁾. Послѣ этого близъ Карасова захватили въ плѣнъ до 30 человекъ татаръ, отсюда поплыли къ берегамъ Румелійскимъ и Ана-тольскимъ, тамъ разорили многія селенія, сожгли городъ Каюнь или Коню, убили тамошняго воеводу и многихъ жителей. Султанъ турецкій, получивъ объ этомъ извѣстіе, выслалъ противъ нихъ нѣсколько военныхъ судовъ, но казаки.

на приступѣхъ побѣди. А стояли черкасы подъ Азовомъ 4 дни, да къ черкасомъ же де пришли воры Донскіе казаки, утался Войска, человекъ со ста, и отъ Азова поплы съ черкасы вмѣстѣ въ стру-гѣхъ, а на Донъ назадъ пѣти не смѣли потому, что въ войскѣ была заповѣдь—съ азовцы задираться не велѣно. А только бѣ они пришли на Донъ, и ихъ бы де Донскіе атаманы всѣхъ побѣди. А изъ атамановъ де и изъ казаковъ иныхъ никто подъ Азовъ не-ходили, потому что у нихъ съ азовцы миръ былъ.

„И послѣ де того азовцы, человекъ съ 1500, за миромъ приходи-ли подъ ихъ казачьи городки: подъ Нижней, да подъ Черкасской, да подъ Манычъ, безвѣстно, и стада конскія отгоняли, да каза-ковъ съ 30 порубили, а атаманы де и казаки въ тѣ поры были подъ улусы на ногайской стени. А говорили азовцы, будто черка-сы приходили къ нимъ подъ Азовъ и съ ихъ вѣдома, а только бѣ де не съ ихъ вѣдома, и они бѣ де къ нимъ въ Азовъ по чер-касъ вѣдомо учинили и размыренье на Донъ прислали; и атаманы де и казаки, собрався всѣмъ войскомъ, приходили къ Азову и улусныхъ людей казыева улуса погромил, и пришли назадъ на Донъ, а ожидали къ себѣ изъ Азова мировщиковъ, а по его де побѣдѣ, мировщики изъ Азова не бывали, а что послѣ его учини-лось, того онъ не вѣдаетъ“.

⁽²⁵⁵⁾ Дѣла крымскія 1634 и 1635 г., въ столбц. № 5, статей-ный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Дворяннова и Непейцова, и дѣла турецкія 1634 г., № 5, въ столбц., распроснныя рѣчи атамана Богдана Капинскаго.

свѣдавъ о томъ, отошли назадъ, не потерпѣвъ ни малѣйшаго вреда.

Сношенія по сему случаю о казакахъ между Портою и Россійскимъ Дворомъ. Не взирая на драки между азовцами и Донскими казаками и на разоренія этими послѣдними жилищъ крымскихъ и турецкихъ, дружественныя сношенія Двора Россійскаго съ Портою и ханомъ крымскимъ не прекращались: наши послы ежегодно посылаемы были въ Крымъ и Константинополь и почти каждый годъ Дворъ нашъ принималъ посланниковъ и гонцовъ отъ хана крымскаго и султана. Въ этихъ отношеніяхъ переговоры о Донскихъ казакахъ занимали, кажется, первое мѣсто. Ханскіе и султанскіе послы упрекали Дворъ нашъ въ неискренности и совершенномъ нехотѣнн укротить своевольство казаковъ, и настоятельно требовали согнать ихъ съ Дону, а городки раззорить до основанія, обѣщая сильное въ томъ содѣйствіе со стороны ихъ государей, и наконецъ грозили истребить ихъ собственными силами, если царь московскій откажется отъ исполненія такихъ требованій; но Михаилъ Ѳеодоровичъ и въ грамотахъ и чрезъ посланниковъ старался увѣрить хана крымскаго и султана турецкаго, что Донскіе казаки повелѣніямъ его противятся, что они много разореній нанесли московскому государству, живутъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и, не имѣя постоянныхъ жилищъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по обстоятельствамъ и опасностямъ имъ угрожающимъ; но минованіи же оныхъ опять возвращаются на прежнія мѣста; что по этой причинѣ, нѣтъ возможности удержать ихъ отъ своевольства; затѣмъ предоставлялъ обимъ право управляться съ ними по собственному произволенію, обѣщаясь смотрѣть на то безъ неудовольствія. Но въ тоже самое время посылалъ на Донъ грамоты, убѣждалъ казаковъ жить съ азовцами мирно, прекратить набѣги на Крымъ и турецкія владѣнія; повелѣвалъ развѣдывать о замыслахъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ,

отражать, если они пойдутъ въ предѣлы россійскіе; почти ежегодно посылалъ войску жалованье: деньги, камки, сукна, вино, хлѣбные запасы и военные снаряды; а въ 1635 году пожаловалъ оному знамя ⁽²⁵⁶⁾. Михаилъ Федоровичъ, безъ сомнѣнія, убѣжденъ былъ въ пользѣ для Россіи отъ казачковъ, бывшихъ ей надежнымъ оплотомъ на югѣ отъ хищныхъ ея сосѣдей; но дабы отвратить отъ себя подозрѣніе въ послабленіи казакамъ и чрезъ то продолжать дружественную связь съ Россіею крымскаго хана, угрожавшаго

⁽²⁵⁶⁾ Дѣла Крымскія 1635 г, № 9, см. наказъ, данный околицнику кн. Григорію Волкопскому, а потомъ Льву Далматову-Карпову и дьяку Мохову, отправленнымъ въ Волуйку на размѣнное мѣсто.

„И будетъ Алей-князь учнетъ говорити: сказываете, что на Дону живутъ воры—холоши бѣгле, убѣжавъ отъ смертна казни безъ государева повелѣнья, а имъ то самимъ вѣдомо, что государь прислалъ и недавно къ казакамъ *знамя* свое, и запасы и деньги, и сукно, и зелье, и селитру, и свинець; то они вѣдаютъ подлинно; и въ украинные города казаки съ добычею прѣзжали безпрестанно и по тѣмъ мѣстамъ живутъ казаки съ государева повелѣнья; и государь бы съ Дону казачковъ однолично велѣлъ свести, и тѣмъ бы турскому салтану и крымскому царю нелюбви не оказывалъ.

„И околицнику князю Григорію Константиновичу да дьяку Венедикту Мохову говорити: вѣдомо имъ самимъ, что тѣ воры казаки Донскіе отъ московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевнымъ обычаемъ, а не городовымъ житьемъ, переѣзжая по рѣчкамъ; да и то имъ вѣдомо, какъ въ прошлыхъ годѣхъ тѣ воры, и къ нимъ прибрався, такіе жъ воры казаки и запорожскіе черкасы, по злому заводу польскаго короля и пановъ Рады, пристали къ воровъ, которые сказывались государскими дѣтьми ложно, и съ ними многую кровь въ московскомъ государствѣ проливали и воевали что иновѣрные; а какъ царское величество въ прошлыхъ годѣхъ посылалъ къ турскому салтану посланниковъ своихъ государство свое обестить и польскаго Жигимонта короля неправды объявить, и царское величество для своего государева дѣла къ Донскимъ казакамъ послалъ своего государева жалованья, сукна, да запаса, да денегъ отъ невелка для того, чтобъ ихъ тѣмъ отъ воровства поунять и съ азовскими людьми помиричь, и чтобъ они государева посланника и турскаго чеуша пропустили, неограбя; а знамени къ нимъ государь непосылывалъ ни коли, то нѣкто сказывалъ на ссору“.

тогда опустошеніемъ казачьихъ на Дону жилищъ и разореніемъ російскихъ украинныхъ городовъ, въ 1634 году писалъ къ хану, что по случаю войны, которую Россія имѣла тогда съ Литвою, онъ не можетъ дать ему никакой помощи въ предпріятіи его на казаковъ, утверждалъ во мнѣніи, что поискъ его едва ли будетъ успѣшенъ, ибо казаки, провѣдмъ о томъ, навремя сойдуть съ Дону; и увѣрялъ, наконецъ, что онъ за нихъ нимало не постоитъ и тогда, когда бы всё они истреблены были (257).

Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ въ оному на казаковъ сильное войско. Султанъ турецкій и ханъ крымскій отчасти вѣрили этому и полагали, что, по окончаніи войны, царь къ смиренію казаковъ приметъ рѣшительныя мѣры; но видя, что и въ слѣдующемъ году Донцы по прежнему плавають по морю, производятъ грабежи и разоренія подданнымъ ихъ, снова домогались, чтобы они были сведены съ Дону; а для приведенія Азова въ лучшее оборонительное состояніе султанъ послалъ въ Азовъ пашу и потребное число людей, повелѣвъ укрѣпить оной; и въ тоже время далъ крымскому хану повелѣніе: немедленно собрать изъ подвластныхъ ему крымцевъ и ногайцевъ сильное войско, идти къ Азову, и совокупно съ азовцами дѣйствовать на казаковъ; но о дѣйствіихъ и успѣхахъ войска сего ничего неизвѣстно.

(257) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1634 г., № 4, см. грам. царя Михаила Федоровича къ Жанбекъ-Гирею, крым. царю, отправленную съ посломъ Борисомъ Дворяниновымъ и подьячимъ Андреемъ Непейцынымъ.

„А что вы, братъ, писали къ намъ о Донскихъ казакахъ, только будутъ намъ Донскіе казаки непослушны, а управиться намъ съ ними будетъ неволи потому, что мы слышѣ съ литовскимъ войну ведемъ и намъ бы къ вамъ, брату нашему, отписать, и вы для нашего слова на Донскихъ казаковъ пойдете съ своей стороны; а намъ бы послать на нихъ съ своей стороны; и чается, что ихъ на томъ мѣстѣ не будетъ,—и мы къ вамъ, брату нашему, о томъ, какія они люди и какое отъ нихъ дѣлается воровство, напередъ сего писали и неединова; а хотя бы вы ихъ и всёхъ любили, и намъ стоять за нихъ не за что

Большой Ногай отлагается отъ Россіи. Около сего времени владѣтели и мурзы Большаго Ногай, кочевавшаго около Астрахани, подогреваемые крымскимъ ханомъ и князьми Казыева улуса, всегда в аждебными Россіи, возмутились. Можетъ быть, единство вѣры ихъ съ крымцами, а можетъ быть, и неумышленное разбитіе (какъ видѣли мы выше сего) Донскими казаками одного изъ улусовъ были побудительными къ сему причинамъ. Къ возмущившимся улусамъ Большаго Ногай пристали въ послѣдствіи улусы Малаго Ногай. Увѣдомленный объ этомъ, турецкій султанъ послалъ въ Большой Ногай крымскаго хана. Ханъ до того успѣлъ въ намѣреніи своемъ, что отложившіеся ногайскіе владѣльцы дали ему присягу на вѣрность подданства; обѣщали стараться перейти со всѣми улусами своими на правую сторону Дона, а оттуда въ Крымъ; въ доказательство же непоколебимой преданности своей хану, отдали ему присланнаго къ нимъ въ 1634 году отъ государя съ грамотою, для убѣжденія ихъ возвратиться на прежнія кочевья къ Астрахани и быть въ покровительствѣ Россіи, російскаго дворнина Тимофея Желябужскаго и до 100 человекъ стрельцовъ, съ нимъ бывшихъ; и наконецъ, одарили хана подарками богатыми.

Объ успѣхахъ посольства Желябужскаго не было въ Москвѣ никакого извѣстія, и потому поручено было Донскому войску развѣдать объ этомъ и войти въ сношеніе съ возмущившимися улусами и стараться склонить ихъ къ возвращенію подъ російскую державу, на прежнія кочевья; а въ случаѣ непослушанія, дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ непріятелей отечества.

Казаки начали эти сношенія въ 1634 году, но не имѣли желаемаго успѣха; ибо ногайскіе мурзы не хотѣли слушать убѣжденій ихъ; посылали сильныя партіи на російскія украины и неоднократно намѣревались переправиться черезъ Донъ и уйти въ Крымъ.

Нонски казаковъ падъ ногайцами и крым-

дами. Но казаки дѣлательно наблюдали всѣ ихъ движенія, препятствовали переправѣ чрезъ Донъ и преслѣдовали партіи ихъ, также азовцевъ и татаръ крымскихъ, ходившія для грабежей на украины. Такимъ образомъ, въ 30 день іюля 1634 года на правой сторонѣ Донца, въ вершинахъ рѣчки Кундрючи, встрѣтили они возвращающихся изъ Россіи ногайцевъ, разбили ихъ, отбили русскихъ плѣнныхъ 94 челов. и 60 челов. татаръ. 6 сентября на рѣчкѣ Быстрой разбили партію, изъ азовцевъ и ногайскихъ татаръ состоящую; 22 человекъ взяли въ плѣнъ и много положили на мѣстѣ. 26 числа того же мѣсяца, освѣдомившись, что Большаго Ногай татары разныхъ улусовъ собрались во множествѣ, хотятъ переправиться чрезъ Донъ близъ Азова и идти въ Крымъ,— казаки отправились къ мѣсту переправы на судахъ, напали на татаръ ночью, болѣе 1500 челов. побили, 1305 челов. взяли въ плѣнъ. Декабря 25 того же 1634 года ходили на улусы Большаго и Малаго Ногай, и на ногайской степи, при урочищѣ Чубурѣ, погромили улусъ, болѣе нежели изъ 2000 семействъ состоявшій; 153 человекъ взяли въ плѣнъ и отбили 800 челов. плѣнныхъ Россіянъ. Въ 1635 году февраля въ 25 день на Очаковской косѣ разбили множество Большаго и Малаго Ногай татаръ разныхъ улусовъ, намѣревавшихся оттуда перейти въ Крымъ; многихъ побили на мѣстѣ и 935 чел. взяли въ плѣнъ. На возвратномъ пути казаковъ, на рѣчкѣ Кагальникѣ, встрѣтили ихъ азовцы, вышедшіе противъ нихъ всѣмъ городомъ съ пушками; но казаки отошли отъ нихъ въ войско безъ всякаго урона.

Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ. Эти дѣйствія казаковъ сильно обезножили султана. Будучи занятъ тогда войною съ шахомъ персидскимъ, онъ не могъ послать къ Азову столь сильнаго войска, которымъ бы (какъ хвалился въ грамотахъ своихъ), разорить жилища казаковъ и согнать ихъ съ Дону, навсегда обезопасить бы Азовъ отъ поисковъ ихъ. Но дабы, хотя нѣсколько, подкрѣпить этотъ городъ и вспомошествовать ногайцамъ переправиться чрезъ

Казаци отправляют на море сильную партию. Въ самое это время пронесся слухъ, что будто султанъ отправилъ на корабляхъ въ Азовъ многочисленное войско для разоренія казачьихъ городковъ. Чтобы предупредить этотъ замыселъ и недонустить турецкіе корабли къ

бой; и, милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, твоя государская рука возвысилась: тѣхъ татаръ побили, и русской полонъ отгромили, а живыхъ татаръ взяли 70 человекъ и два; и, приведчи къ себѣ въ юрты, всѣхъ порубили, и ясирю, государь, русскаго отгромили 94 челов. Да въ нынѣшнемъ, государь, во 143 году сентября въ 6 день вѣстно намъ, холопамъ твоимъ, учинилось, что пошли азовскіе и ногайскіе люди въ Русь, человекъ съ 200 и больши, подъ твои государскіе города; и мы, холопи твои, переговоры межъ собою, чтобъ тебѣ, государю, послужить, пошли за ними и сошли тѣхъ, государь, татаръ на Быстрой рѣкѣ и, милостію Божіею и твоимъ государскимъ счастіемъ, побили ихъ, и живыхъ поимали; а живыхъ взяли 22 человекъ и, приведчи къ войску, и тѣхъ всѣхъ порубили. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 143 году сентября въ 26 день, намъ же холопамъ твоимъ вѣстно учинилось, что пришли Большаго Ногаю многие люди черные мужики разныхъ улусовъ, а хотѣли лѣзть Донъ подъ Азовомъ на большомъ перевозѣ на крымскую сторону, и мы, холопи твои, тожъ переговоры межъ собою, чтобы тѣхъ татаръ на крымскую сторону не перепустить, пошли за ними судами и, пришедъ въ ночи, на большомъ перевозѣ, тѣхъ татаръ порубили тысячи съ полторы и больши, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а полону, государь, взяли татарскаго 1305 челов. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 143 году декабря въ 25 день ходили, государь, мы, холопи твои, на ногайскую степь войскомъ, и созгли улусы Большаго Ногаю и Малаго черныхъ мужиковъ, разныхъ улусовъ на Чубурѣ дворовъ тысячи съ двѣ и больши, и на тѣ, государь, улусы били, и милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, и тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а живыхъ, государь, татаръ взяли 153 человекъ, а полону 800, и приведчи къ себѣ въ юрты, и тѣхъ порубили жъ; а къ тебѣ, государю, къ Москвѣ послать не почто, что была, государь, зима студеная, а снѣги глубокіе. Да въ нынѣшнемъ же государь, во 143 году февраля въ 25 день вѣстно жъ намъ, холопамъ твоимъ, учинилось, пришли Большаго Ногаю черные мужики, разныхъ улусовъ на взморья, на Очаковскую косу, а хотѣли лѣзть съ Очаковской косы за море, въ Крымъ; и мы, государь, холопи твои, переговоры межъ собою, пошли войскомъ и, пришедъ на Очаковскую косу, и тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а полону привезли 935 челов. А какъ, госу-

Азову, казаки послали охотниковъ на стругахъ на море, приказавъ имъ стоять въ проливѣ Азовскаго моря, ждать тамъ непріятеля, а потомъ воротиться назадъ къ войску: покрайней мѣрѣ, такъ донесли объ этомъ государю. Въ самомъ же дѣлѣ, около 2/3, человекѣвъ казаковъ, подь предводи- дарь, были мы, холопи твои, съ тѣмъ татарскимъ полономъ на Кагальнику, и тутъ, государь, вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ напередъ съ пушками и погайскіе люди съ ями жъ, и съ нами, холопи твоими, дрались весь день, и твоимъ государскимъ счастьемъ яичего не учинили намъ, холопямъ твоимъ. И марта, государь, въ 30 день прибѣжали изъ Ногаю твои государскіе и астороханскіе стрѣльцы, три человекѣ--десятикъ Яковъ Ивановъ съ товарищи, и мы, государь, холопи твои, тѣхъ стрѣльцовъ спрашивали, коимъ мѣрами вы съ Ногаю зашли; и въ распросѣ, государь, намъ, холопомъ твоимъ, тѣ астороханскіе стрѣльцы сказали: приславъ де былъ отъ тебя государя съ Москвы посланникъ дворянинъ Тимофей Желябужской въ Ногаю, Большаго Ногаю къ мурзамъ; а ихъ де стрѣльцовъ послано было по твоему государеву указу съ Тимофеемъ Желябужскимъ 100 человекѣвъ стрѣльцовъ, а указано де, государь, было ему Тимофею Желябужскому по твоему государскому указу говорить мурзамъ, чтобъ они мурзы пошли подь твою государскую высокую руку подь Астороханъ въ старши свои кочевья, и они, государь, ему Тимофею Желябужскому отказали, итти де не хотимъ подь Астороханъ, пойдемъ де мы въ государевы города войною съ царемъ крымскимъ. И мы, государь, холопи твои стали у нихъ стрѣльцовъ спрашивать, что за царь откудъ взялся? И тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что тотъ царь пришелъ изъ Крыму Большаго Ногаю мурзь къ себѣ призвати и къ шерти приводити; а указалъ де ему крымскому царю, Турской царь итти къ войску Казылбажскаго съ крымскими и съ погайскими людьми; и мы холопи твои стали имъ стрѣльцамъ говорить: для чего вы побѣжали, посланника государева покинули, и тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что посланника твоего государства хотятъ мурзы отдать Крымскому царю, а насъ стрѣльцовъ всѣхъ дуванить по себѣ, да за море продавати; и мы де, государь, отъ того и побѣжали; а мы государь холопи твои слышедши такія отъ стрѣльцовъ вѣсти послали изъ войска своихъ Донскихъ казаковъ на погайскую степь подь улусы, для языковъ; и тѣ наши Донскіе казаки пришедъ подь улусы, взяли двухъ человекѣвъ погайскихъ татаръ, и мы холопи твои спрашивали гдѣ царь крымской, нечаеть ли ему куды въ войску итти, и гдѣ нашего государя посланникъ Тимофей Желябужской, и въ распросѣ, государь, тѣ татарове намъ холопомъ твоимъ сказали, что крымской царь за Кубаномъ, а указалъ де ему турской царь бити къ себѣ

тельствомъ атамана Алексѣя Лома, на 34 стругахъ, въ соединеніи съ находившимися въ то время на Дону запорожскими черкасами, подъ начальствомъ полковника Сулимы, 20 апрѣля, вышедъ въ Азовское море, встрѣтились еще съ черкасами на 20 стругахъ,—и въ общемъ совѣтѣ положено было: сперва ударить на Керчь, а потомъ на возвратномъ пути осадить Азовъ и взять оный приступомъ. Время приступа назначили Пегровъ день и стали готовить дѣйствицы; но предпріятіе это въ томъ же году не было приведено въ дѣйствіе, изъ опасенія навлечь на все войско Донское гнѣвъ государя (259).

Казакѣ возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани. Донскіе казаки, не смотря на непріятельскія дѣйствія свои противъ ногайцевъ, снова стали убѣждать Царьгородъ; а на царствѣ ему въ Крыму небыть; а слухъ, государь, до насъ холопей твоихъ доходить, что турецкой царь посадилъ на царство въ Крыму царевича и посланника твоего Тимофея Желибужскаго и стрѣльцовъ отдалъ мурзы царю крымскому; а сами де мурзы учинилась у крымскаго царя въ подданствѣ; а Малаго, государь, Ногаю, Касаю мурза и иные мурзы всѣ кочуютъ за Кубаномъ по ту сторону.

... и апрѣля, государь, въ 20-й день приходили тѣ крымскіе и азовскіе люди, къ намъ холопей твоимъ на островъ въ ночи, и намъ холопямъ твоимъ учинили шкату великую лошадей съ 500 съ острова согнали. Да апрѣля жь, государь, въ 24 день отпущалъ тотъ же наша кафинской своихъ ратныхъ людей, которые съ нимъ пришли и азовскихъ людей многихъ, а приказалъ имъ у насъ холопей твоихъ подъ войскомъ побрать языковъ и табуны лошадиные согнать съ острова. И какъ они на островъ влѣзли, а нашъ, государь, караулъ взялъ и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастьемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей чловѣкъ со сто порубили, а живыхъ взяли 31 члов. и приведчи къ войску и тѣхъ всѣхъ порубили безъ остатку.»

(259) См. ту же отписку.

«Да слухъ, государь, тотъ у насъ есть холопей твоихъ, что турецкой царь пошелъ войною на Казылбажскаго; а на насъ, государь, холопей твоихъ турецкой царь указалъ своимъ пашамъ съ ратными людьми турецкими и съ крымскими и съ азовцами и ногайскими мурзами итти войною каторгами и коннымъ на Донъ и пани

дать ихъ . возвратитсѣ къ Астрахани на прежнія кочевья. Для лучшаго въ этомъ содѣйствіи и успѣха государь прислалъ на Донъ дворянина Ѳедора Алябьева съ полномочіемъ и милостивою грамотою къ ногайскимъ мурзамъ.

казачьи городки разорять. И мы, государь, холопи твои переговоры межъ собою, чтобъ намъ отъ тѣхъ турецкихъ и крымскихъ и азовскихъ и ногайскихъ какого дурна не учинилось, не дожидаясь твоихъ государевыхъ грамотъ, пошли, государь, наши Донскіе охотншіе стругами на море. А приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ, оберегать чтобъ каторги съ турецкими ратными людьми съ Чернаго моря въ Азовъ не пришли, и намъ холопемъ твоимъ шкоты никакой не учинили, а приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ не выходи на Черное море шесть недѣль, и шесть недѣль отстоявъ, приказали воротитсѣ опять назадъ къ войску на Донъ. Да и о томъ, государь, къ намъ холопямъ твоимъ отъ тебя государя въ твоей государственной грамотѣ написано: давно ль у насъ съ азовцы размирье стало? И у насъ, государь, размирье съ ними учинилось отъ ихъ задору. — Запорожскіе, государь, казаки стругами пришли изъ Запорогъ, и къ Азову, государь, городу приступали въ августѣ въ 10 день, и Азова, государь, не взяли и отшедъ отъ Азова, въ Донцѣ стали, и къ намъ, государь, холопямъ твоимъ запорожскіе казаки вѣсти не подавали. А мы, государь, холопи твои того и не вѣдали какъ они къ Азову приступали и Азова не взявъ, отошли прочь. И они, государь, азовскіе люди умысливъ надъ нами холопи твоими, размириемъ къ намъ холопямъ твоимъ не приславъ, августа въ 11 день согнали у насъ холопей твоихъ съ острова лошадей тысячи съ двѣ и большіи. И съ того, государь, числа и размирье съ ними азовцы учинилось у насъ холопей твоихъ. А у которыхъ, государь, у нашихъ казаковъ азовцы лошадей отогнали, и тѣ, государь, къ запорожскимъ казакамъ на помощь ходили и къ Азову опять съ ними запорожскими казаками приступали, и съ того, государь, числа и по пачѣшнее число, азовцы намъ холопямъ твоимъ для миру не прислали.»

Дѣла ногайскія, въ столбц. 1635 года, № 2, статейной списокъ посланца Василія Струкова, — посланца изъ Москвы съ грамотою отъ царя.

«Апрѣля въ 20-й день съ Дону атаманъ и казаки пошли на Черное море тридцать четыре струга. Атаманъ съ ними Алексѣй Домъ, да съ нимъ запорожской полковникъ Сулякъ съ запорожскими черкасы, да къ нимъ же де на море погребло тридцать струговъ черкасы; а еще де ихъ изъ Запорогъ двадцать струговъ на морѣ

Алябьевъ прибылъ въ войско 10 генваря 1636 года; съ нимъ прислана была казакамъ царская похвальная грамота. Генваря 16 отправленъ изъ войска въ ногайскіе улусы Василій Струковъ и толмачъ Иванъ Лазаревъ увѣдомить о прибытіи Алябьева отъ государя съ грамотою къ мурзамъ и требовать отъ нихъ аманатовъ, вмѣсто отиравляющагося къ нимъ царскаго посланника Алябьева и находившихся съ нимъ людей. Мурза Большого Ногай, Кейкуватъ Ермаметь, видя раздоры между ногайскими владѣльцами, частые набѣги казаковъ на ихъ улусы, съ согласія мурзъ и улусныхъ людей, генваря въ 28 день прислалъ татарина Ешпулата съ грамотою, которою, изъявляя готовность свою къ заключенію съ войскомъ Донскимъ мира, просилъ позволенія кочевать улусамъ его близъ Дона; къ Астрахани же идти отказывались подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ кочевали тогда калмыки. Затѣмъ Ешпулатъ и войсковою атаманъ взаимно условились о безопасности сѣзда для договора и во свидѣтельство дали другъ другу клятву всякъ по своей вѣрѣ⁽²⁶⁰⁾.

идеть и съ Донскимъ войскомъ сошлись вмѣстѣ и бить имъ подъ Керчью приступати; а съ моря идучи назадъ, промышлять имъ надъ Азовомъ и лѣстницы на морѣ дѣлають, а срокъ положенъ Петровъ день».

(²⁶⁰) Дѣла Ногайскія, 1636 года, № 2, отписка Донскихъ казаковъ ногайскимъ мурзамъ.

„Да отпустили вы государева толмача да нашего Байтерека татарина; а съ ними вы прислали своего татарина Ешпулата, самъ друга, съ грамотою; а въ грамотѣ вы своей писали, чтобы намъ, атаманомъ молодцомъ, всему великому войску Донскому, съ вами, мурзами со всѣми, и съ улусными вашими людьми о государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ укрѣпиться и на словѣ положить: и у атамановъ молодцовъ, у всего великаго войска Донскаго, былъ кругъ сѣзжей; и въ кругу договорились атамань-молодцы, велѣли атаману Ивану Каторжному ото всего войска Донскаго руку дать до мирнаго договору во всемъ, что какъ вы прикажете, близко Дону рѣки, чтобъ надъ вами никакой нюты отъ войска не учинилось, татарскихъ животовъ, коней и животныхъ не отгонять, никакими умысла не умышлять, и въ томъ атаманъ Иванъ Каторжный отъ войска вашему татарину Ешпу-

Февраля 7 число назначено было для съѣзда на Окупной ярь, съ обѣихъ сторонъ; но мурзы ногайскіе ни на этотъ ни на другіе, послѣ того назначенные, два срока не пріѣзжали, извиняясь тѣмъ, что улусы ихъ разсѣяны на великомъ пространствѣ; а на самомъ дѣлѣ, будучи подстрекаемы азовцами, старались уклониться отъ переговоровъ, и потому посланнымъ отъ войска отвѣтствовали, что они предварительно посовѣтуются о томъ съ азовцами. Не смотря на это, казаки посылали еще съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта: желаютъ ли мурзы вступить съ ними въ переговоры о мирѣ.

Послѣ сего Кейкуватъ Енмаметъ возвратилъ Струкова въ войско, поручивъ ему увѣдомить Алябьева п войсковаго атамана, что онъ самъ и другіе, повѣренные для договора, мурзы будутъ на Окупной ярь, вслѣдъ за нимъ. По пріѣздѣ Струкова на третій день, т. е. февраля 12, дѣйствительно пріѣхали на назначенное мѣсто Енмаметъ-мурза и Беймурза съ многочисленною свитою и при немъ до 1000 человекъ вооруженныхъ ногайцевъ. Вскорѣ прибыли Алябьевъ

лату и руку далъ . . . . .
И валъ татаринъ Ешпулатъ, самъ другъ, на томъ и шерть дали, по своей вѣрѣ бусурманской, а объ мирномъ договорѣ пріѣдете мурзы сами на окупной ярь, и передъ собою пошлите съ вѣстью къ войску за два дни, потому, чтобы вамъ, пріѣхавъ на Окупной ярь, недолго стоять, а атаманы-молодцы не въ одномъ мѣстѣ живутъ; а какъ вамъ пріѣхать о мировомъ дѣлѣ договориться, сроку на недѣлю отъ воскресенья въ воскресенье,—но тотъ срокъ и рука дана. А отпустили мы къ вамъ съ Ешпулатомъ своихъ татаръ добрыхъ, Батерека да Тукуза, а будетъ у васъ съ нами миръ не станется, дайте вѣсть, а нашихъ людей отпустите. . . . .

А чтобы вамъ, мурзамъ, одволично быть въ войско, не опасаясь ничего, на Окупной ярь, договориться о государевѣ дѣлѣ и о мирномъ договорѣ, и, договорясь, укрѣпитесь, и вы Василя Струкова и нашихъ татаръ, Батерека да Тукуза, къ войску отпустите и своего Ешпулата съ вѣстью пришлите, что миръ не надобенъ вамъ.“

и войсковою атаманъ Иванъ Каторжной— съ опытѣйшими казаками: ихъ охраняли все бывшіе тогда въ главномъ войскѣ казаки, ибо атаманъ предувѣдомленъ былъ, что ногайцы хотять схватить Алябьева.

Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь, говоренную Алябьевымъ по наказу, ногайскіе мурзы ничего рѣшительнаго не сказали, не согласились взять посланника къ себѣ въ улусы и аманатовъ не дали; а просили дать имъ грамоту для прочтенія въ улусахъ и увѣрили, что о расположеніи ногайскаго народа увѣдомятъ его чрезъ 10 дней непременно. Посланникъ согласился на это; но прошло два срока, а увѣдомленія отъ ногайскихъ владѣльцевъ никакого не было. По совѣту Алябьева, войсковою атаманъ послалъ партію казаковъ въ улусы ихъ, для взятія языковъ; привели двухъ человѣкъ, кои въ распросѣ сказали: что грамота государева въ улусахъ хотя и читана, но не произвела никакого вліянія, что мурзы и чернь не только не обнаружили желанія исполнить волю російскаго государя идти на прежнія кочевья къ Астрахани, но многіе пошли для грабежа въ украинные города къ Рязани и Шацку; а Казшева улуса Алеймурза и другіе съ половиною улусовъ Малаго Ногай между тѣмъ близъ Азова переправились чрезъ Донъ на крымскую сторону. Казаки, узнавъ о томъ, догнали ихъ на взморьѣ, разбили, многихъ взяли въ плѣнь и отбили значительное количество лошадей и рогатаго скота⁽²⁶¹⁾; а другихъ, воз-

---

(²⁶¹) Дѣла Нюгайскія, въ столбцу. 1636 г., № 2-й, отписка Донскихъ казаковъ къ государю, привезен. въ Москву 1636 г. марта 11 атаманомъ Палуктомъ Савельевымъ съ товарищи.

„Генваря, государь, въ 24 день. Большаго Ногай Кейкуватъ—Енмаметъ—мурза, договорися со всеми мурзами и съ улусными людьми, прислали своего татарина Ешпулата къ намъ, холопямъ твоимъ, да нашего татарина; а съ нимъ, Ешпулатомъ, прислали отъ себя грамоту; а въ грамотѣ онѣ въ своей писали объ мирномъ договорѣ, чтобъ намъ, холопямъ твоимъ, съ ними, мурзами, помириться; а велѣти бѣ имъ кочевать близко Дену рѣки; а къ Асторохани де мы вскорѣ не поидемъ потому,

вращавшихся уже изъ Россіи съ плѣннѣмъ, постигли за молочными водами, многихъ побили на мѣстѣ, взяли въ плѣнъ

что въ Асторохани де нѣмѣ калмыки; а кочуютъ де на нашихъ кочевьяхъ въ мочкахъ, и мы . . . . . Холопи твои, учали пхъ тагарину Ешпулату говорить, чтобъ они, мурзы, съ своими улусными людьми съ нами, холопи твоими, помирились и шли бы къ Асторохани. И ихъ татаринъ Ешпулатъ учалъ у насъ руки просать у атамана, чтобъ имъ мурзамъ, пріѣхать для мирнаго договора на Окуинной Ярѣ безстрашно. И мы государь, холопи твои, переговори межъ собою, велѣли атаману Ивану Каторжному отъ всего войска Донскаго дать крестное цѣлованіе и руку, чтобъ ѣхали мурзы на со . . . . . отвоємъ государевѣ дѣлѣ и ози . . . . . договорѣ и срокъ, какъ мурзамъ быть на Окуинной ярѣ, учинили на недѣлю февраля 7 дни; и договорясь, государь, мы, холопи твои, съ ихъ татариномъ съ Ешпулатомъ обо всемъ, да отпустили въ ногаи къ мурзамъ, а съ нимъ, Ешпулатомъ, вмѣстѣ отпустили своихъ татаръ и грамоту отъ войска писали о твоємъ государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ; и рѣчью своимъ татарамъ говорить отъ войска приказали, что поѣдете, не опасаясь ничего, на Окуинной ярѣ. Нѣмѣ, государь, мурзы на тотъ первый срокъ не бывали а прислали отъ себя съ отвѣстью татарина, что намъ де на тотъ срокъ на ярѣ не поспѣтъ, потому что де не въ одномъ мѣстѣ мы кочуемъ; и мы, государь, холопи твои, другой срокъ имъ учинили; и они, государь, и на тотъ срокъ не поспѣли: на Окуинной ярѣ не бывали, и мы, государь, третій имъ срокъ учинили и съ ихъ татариномъ наказали: что вы, мурзы, сами къ государю къ Москвѣ отъ себя посланцовъ своихъ посылали и хотѣли подѣ государскою высокою рукою въ холопствѣ быть по прежнему; и ваши посланцы отъ вашихъ отъ всѣхъ мурзъ и отъ улусныхъ людей, на томъ и шертъ учинили, а съ нами, холопи государевы, хотѣли помирились; а вы намъ своимъ дѣломъ не радѣете, на Окуинной ярѣ не ѣдете, а вдалѣ дѣло откладываете, и они государь, наши мурзы татаромъ противъ того сказали: поѣдемъ де мы напередъ въ Азовъ и передумаемъ съ азовскими людьми обо всемъ. И все, государь, ихъ сбили азовскіе люди да крымскіе, безпрестанно къ нимъ ѣздили въ улусы и къ себѣ въ городъ зазывали, и какъ, государь, передумавъ . . . . . мурзами, что имъ не мириться съ нами, холопи твоими; и они, государь, мурзы, отпустили Василья Стрюкова къ намъ, холопомъ твоимъ, за три дни передъ собою, а мы де, договорясь со всѣ . . . . . договоромъ и съ казаками мириться на Окуинной ярѣ пріѣдемъ, Енмаметь-мурза, да Беймурза со многими людьми пріѣхали; а мы, государь, холопи твои, то жъ изъ юртовъ своихъ слѣхались на Окуинной ярѣ, а двори-

начальника ихъ, Агу-Багильду, съ значительнымъ числомъ татаръ, отняли русскихъ плѣнныхъ, коихъ перенедя на Донъ,

нина твоего государева Ѳедора Олябьева съ собою взяли на Окупной яръ, и стали, государь, мы у мурзъ аманатовъ просить, а своихъ аманатовъ имъ мурзамъ давати, чтобъ намъ за аманаты помириться съ ними; и они, государь, мурзы, аманатовъ не дали намъ, холопомъ твоимъ, и о твоёмъ государевѣ дѣлѣ и объ мирѣ у неговорили ничего; только стали просить отъ войска руки; и мы, государь, холопи твои, велѣли имъ отъ войска руку дать своимъ двумъ казакомъ, чтобъ межъ нами съ ними шкоды никакой не учинилось; и они мурзы Енмаметъ-мурза да Бей-мурза, съ нашими казаками по рукамъ били, чтобъ промежъ нами никакова задора и шкоды неучинилось, и бивъ по рукамъ, прочь отъѣхали мурзы. И мы, государь, опять къ нимъ засылали о твоёмъ государевѣ дѣлѣ и объ мирѣ, что будетъ ли у насъ, у мурзъ, съ нами миръ или нѣтъ, и будетъ мириться съ нами не хотите, и вы пришлите добрыхъ аманатовъ къ намъ въ кругъ, въ Ѳедорово мѣсто, Олябьева, государева дворянина Ѳедора Олябьева . . . . . съ государевою грамотою къ себѣ. . . . . те государеву грамоту передъ С. . . . . и они въ Ѳедорово мѣсто Олябьева аманатовъ намъ не дали и Ѳедора къ себѣ не взяли и о твоёмъ государевѣ дѣлѣ ни о чемъ не договорились, да и поѣхали отъ насъ, холопей твоихъ, прочь мурзы въ степь. . . . . а кочугать, государь, ни нѣ они не въ дальнихъ отъ Дону, по степнымъ рѣчкамъ, по Чубуру да по Еи; а казиевскіе мурзы: Алей-мурза, и иные мурзы, половина Малаго Ногаю, перелезли Донъ на крымскую сторону бѣгомъ; а перелазили, государь, подъ Азовомъ; а намъ вѣдома учинилоси, и мы, государь, холопи твои, за ними ходили и сошли, государь, ихъ на крымской сторонѣ, на взморьѣ, и учинилси, государь, у насъ, холопей твоихъ, съ ними, ногайскими людьми, бой, и милостию Божіею, а твоимъ государскимъ счастиемъ, многихъ у нихъ людей побили, и ясырь у нихъ побрали, и стада у нихъ кони и коровы отогнали.“

Тѣхъ же дѣлѣ, № 3, распросныя рѣчи атамана Анисима Никпорова съ товарищи, 14 мая 1636 года.

„А съѣхалси Ѳедоръ Олябьевъ съ мурзами, велѣлъ имъ съ лошадей сойти и шапки снять, и рѣчь слушать велѣлъ, и говорилъ имъ рѣчь по государеву указу.

И мурзы де, выслушавъ рѣчи, просили у него государевы грамоты, и говорили, что прислали ихъ всѣ ногайскіе мурзы, а приказали просить у него государевы грамоты, что прислана съ нимъ отъ государя ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ, а они де ту госуда-

отправили въ Россію на судахъ⁽²⁶²⁾.

Междоусобіе въ ногайскихъ улусахъ. Между

реву грамоту отвезутъ въ улусы ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ и къ улуснымъ людямъ; и мурзы де противъ той государевой грамоты, переговоры межъ собою, о всемъ вѣдомо ему учинять.“

„И Ѳедоръ де Олябевъ, говоря съ мурзами, государеву грамоту имъ отдалъ и отпустилъ ихъ улусы.

А съ мурзамъ договорился, что противъ той государевой грамоты ждать ему изъ ногайскихъ улусовъ отъ мурзъ вѣсти срокъ 10 день, и изъ ногайскихъ улусовъ на тотъ срокъ и послѣ того на два срока никакія вѣсти не бывало.“

„И для того посланы были съ Дону подъ ногайскіе улусы для языковъ охочіе люди, и языковъ взяли дву человекъ татаръ.“

„И тѣ де языки-татаровы и полошанки, которые на Донъ изъ ногай вышли, сказывали въ распросѣ, что ногайскіе мурзы въ улусѣхъ государеву грамоту чли и приговорили де мурзы и всѣ ногайскіе люди, что имъ къ Астороханн на старшя свои кочевья пехаживать, а кочевать вмѣстѣ съ меньшимъ ногаемъ, по рѣкѣ по Кубану и около Азова, и изъ улусовъ де пришли ногайскіе многіе люди на государевы украинны войною на шацкія и на резанскія, и на пныя мѣста.“

⁽²⁶²⁾ Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1636 г., № 2, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву съ атаманомъ Описимомъ Никифоровымъ съ товарищи.

„Послѣ де, государь, того съѣзда Большаго Ногай улусные люди и азовцы пошли въ Русь по крымской сторонѣ въ твои государевы украинные города; а мы, государь, холоны твои, свѣдавъ ихъ походъ на крымскую сторону, на перелазѣхъ внизъ и вверхъ по Дону берегли многое время во многихъ мѣстехъ; и они, свѣдавъ отъ насъ, холопей твоихъ, береженье, перелѣзли Донъ ниже Азова, и наши, государь, Донскіе атаманы—казаки пошли за ними въ походы по крымской сторонѣ въ разныя мѣста по ихъ сакмамъ, и сошли, государь, ихъ, не доходя украинныхъ городовъ, въ трехъ мѣстахъ, погромили, татаръ побили и лошадей у нихъ отогнали, и погроми, государь, ихъ, отворотъ учинили на Донъ къ войску и сами пошли за ними, ногайцами за большими людьми, по ихъ шлехамъ. Да шли, государь, изъ Русы татарови съ русскимъ полономъ по послѣднему зимнемъ путемъ, по крымской сторонѣ; а наши, государь, Донскіе казаки были въ ту пору на степи въ походѣ, въ дальнихъ мѣстѣхъ, и обрѣзали шляхъ къ Крыму, и шли за ними шляхомъ 10 день, и сошли государь, ихъ къ Крыму за молочными водами, и стали на нихъ бить, и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, тѣхъ татаръ

тѣмъ несогласія и вражды между мурзами ногайскими со дня на день возрастали. Мурзы Малаго Ногай: Бей-мурза Урмаметевъ, Адиль-мурза Араслановъ и Кучукъ-мурза Урмаметевъ, намѣревавшіеся идти кочевать къ Асграхани, бывъ за то разбиты и ограблены мурзами Большаго Ногай, въ сентябрѣ мѣсяцѣ ушли къ Азову, просили казаковъ заключить съ ними миръ и во увѣреніе того дали присягу и аманатовъ, потомъ, соединясь съ Донскими казаками, пошли для раззоренія улусовъ Большаго Ногай.

Походъ казаковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногай на улусы Большаго Ногай. Октября 5 числа напали на улусы Янмаметъ-мурзы и другихъ согласныхъ съ нимъ мурзъ, близъ Темрюка кочевавшихъ, разорили оныя, нѣсколько семействъ улусовъ урмаметовыхъ возвратили и пошли обратно; но прочіе мурзы Большаго Ногай, узнавъ объ этомъ, соединились посигъшно; догнали побѣдителей, дрались четверо сутокъ съ равнымъ ожесточеніемъ и съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ.

Мурзы Большаго Ногай даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю. Янмаметъ и прочіе мурзы Большаго Ногай, видя, что плѣнныхъ, захваченныхъ у нихъ мурзами Малаго Ногай, отнять не въ силахъ, прислали къ казакамъ, бывшимъ въ этомъ походѣ, просить о заключеніи мира. Предложеніе это принято охотно, и Янмаметъ-мурза за всѣхъ мурзъ и за весь народъ многихъ побилъ и начальнаго агу ихъ Багильдю и многихъ татаръ живыхъ взяли, и русской полонъ весь отгромили; и того государь, агу и русской полонъ привели на Донъ къ войску; а приведши, государь, русской полонъ, отпустили мы, холопи твои, въ *будартъ* къ Руси; а въ распросѣ, государь, тотъ ага Багильди намъ, холопимъ твоимъ, сказали, что пошли они въ Русь изъ Малаго Ногай въ осень и зимовали въ Русь въ разныхъ мѣstechъ; а имали полонъ по дорогамъ, какъ ѣздить по сѣна и въ лѣса; а пошли до было мы изъ Русь къ своему алею мурзѣ Уракову, который, государь, перешель въ осень въ Крымъ изъ Малаго Ногай:

Тѣхъ же дѣль, грамота на Донъ 19 іюля 1636 года.

Тѣхъ же дѣль, № 3, грамота Донскихъ казаковъ сентября 11 дня 1636 года.

Большаго Ногай далъ присягу на вѣрность подданства Російскому государю, и чтобы идти къ Астрахани на старыя кочевья; а казаки, отдавши имъ весь плѣнъ, возвратились на Донъ.

Нарушаютъ присягу и съ улусаами своими уходятъ въ Крымъ. Но эта присяга скоро была нарушена, когда царевичъ крымскій съ многочисленнымъ войскомъ пришелъ къ Азову, для прикрытія Большаго Ногай при переправѣ чрезъ Донъ на крымскую сторону; въ то время и мурзы Малаго Ногай, давшіе отъ себя аманатовъ, соединились съ азовцами и крымцами подъ предводительствомъ царевича и пошли для разоренія казачьихъ городковъ. Казаки, узнавши о томъ, вышли къ нимъ на встрѣчу, вступили въ бой, разбили ихъ и многихъ побили и переранили такъ, что царевичъ съ крымскимъ войскомъ 14 ноября принужденъ былъ возвратиться въ Крымъ и всѣхъ мурзъ Большаго и Малаго Ногай со всѣми ихъ улусами, кочевавшими близъ Азова (изъ коихъ послѣдніе оставили въ войскѣ аманатовъ), увелъ съ собою⁽²⁶³⁾.

⁽²⁶³⁾ Дѣла Донскія, въ столбц. 1635, 1636 и 1637 г., грамота на Донъ отъ 26 февраля 1637 года.

Въ нынѣшнемъ де во 145 году, сентябри въ 10 день, присылали къ вамъ ногайскіе мурзы: Бей-мурза Урмаметевъ, да Адиль-мурза Араслановъ, да Кучукъ-мурза Урмаметевъ съ братьями и съ дѣтьми и съ племянниками, что ихъ Большаго Ногай Янмаметъ-мурза Тинмаметевъ, да Окивъ-Векъ-мурза съ братею и съ дѣтьми и съ племянники и съ своими улусными людьми, всѣхъ переграбили и Адиль-мурза у нихъ до смерти зарѣзали ножемъ, и черныхъ мужиковъ многихъ у нихъ переграбили, а жонъ мурзиныхъ и дѣтей и улусы ихъ со всѣми животы къ себѣ заворотили къ своимъ улусомъ за то, что они хотѣли быть подъ нашею рукою въ холоствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Астрахань на старыя свои кочевья; и они де, мурзы Урмаметевы, съ своими людьми отъ нихъ побѣжали: стало имъ не въ силу; а прибѣжали де къ Азову и вамъ бы Донскимъ атаманомъ и казакъ съ ниму мурзами помириться; а они де, мурзы, хотятъ быть подъ нашею царскою високою рукою въ холоствѣ по прежнему; и вы, атамапы и казаки, приказали къ нимъ, чтобъ они, мурзы, для мирнаго договору и утвержденья, пріѣхали сами къ вамъ на

Г Л А В А X.

Причины побудившія казаковъ ко взятію Азова. — Приготовленіи казаковъ ко взятію Азова. — Осада Азова. — Неблагопріятныя для казаковъ дѣйствія турецкаго посла. — Разбитіе казаками вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь къ Азову. — Убіеніе турецкаго посла. — Подкопъ подъ стѣны Азова. — Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона. — Допесеніе государю объ этомъ происшествіи. — Дѣйствія казаковъ противъ крымцевъ. — Разъѣзды казаковъ по морю. — Слѣдствія покоренія Азова. — Вооруженіе Порты на казаковъ. — Положеніе казаковъ въ Азовѣ. — Политика Россіи. — Осада Азова. — Неудачныя приступы турокъ. — Усиленіе турецкаго войска. — Продолженіе осады — Подкопы казаковъ; послѣднія успія осаждающихъ. — Роговъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ. — Потери съ обѣихъ сторонъ. — Казаки предлагаютъ Азовъ государю — Милостивая грамота государя къ казакамъ. — Земскій соборъ, держанный въ Москвѣ объ Азовѣ. — Казаки оставляютъ Азовъ по повелѣнію государя.

Причины, побудившія казаковъ ко взятію Азова. Страшно было оружіе казаковъ для азовцевъ. Съ

Донъ, къ войску, и аманаты бѣ привезли. Сентября въ 18 день Кучукъ-мурза да Орла-мурза и иные многіе мурзы Урмаметевы съ своими со многими людьми пріѣзжали на Донъ, къ *нижнему* городку, и съ нами сѣзжались и говорили, чтобъ вамъ съ ними помириться и аманаты бѣ у нихъ къ себѣ взять, а помирясь, идти съ ними на Большой Ногай войною. И вы съ ними договорились, чтобъ имъ быть подъ нашею царскою рукою въ холопствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Асторохань къ осени, и шертъ тѣ мурзы на томъ учинили и аманатовъ вамъ дали Бій-мурза, сына Урмаметевыхъ; а вы, атаманы и казаки, взяли у нихъ аманатовъ, давали имъ всякой запасъ, медъ и вино и себя въ томъ изубычили, для того, что хотѣли ихъ видѣть подъ нашею рукою въ холопствѣ попрежнему, и пошли съ ними, мурзами, на Большой Ногай войною вмѣстѣ заодно, и сошли Большаго Ногай мурзь съ улусы по Кубану въ Култуку на рѣчкѣ на Кумурѣ, къ морю къ Желусюку, октября въ 5 день, и ударили на первые улусы, на Явмаметь мурзинъ Тинмаметева улусъ, да на Окинъ-бекъ мурзинъ улусъ и на иные улусы; и въ тѣхъ улусѣхъ многихъ татаръ порубили, и Урмаметевыхъ мурзь, женъ и дѣтей и черныхъ мужиковъ женъ и дѣтей, съ избами, заворотили многихъ и полонъ татарской Большой Ногай многой поймали, и взяли тѣ улусы, пошли къ себѣ назадъ; и какъ собрались Большаго Ногаю всѣ мурзы съ своими улусными людьми, учинился съ ними и съ урмаметевыми мурзами бой; и на первомъ бою урмаметевыхъ мурзь ихъ улусные люди передались всѣ къ Большому Ногаю къ мурзамъ; а только остались съ мурзами съ пятьсотъ человекъ и соединились вмѣстѣ съ Большимъ Ногаемъ; а бились де съ ними

негодованіемъ смотрѣли на грозное сосѣдство ихъ власти-
ли османскіе, и не могли переговорами склонить московскій
дворъ удалить казаковъ съ Дону, старались укрѣпленіемъ
самаго Азова положить преграду ихъ предприимчивости: об-
новлены стѣны города, проведены валы, рвы, воздвигнуты
башни, укрѣпленъ замокъ, сдѣланы передовыя крѣпостцы
на берегахъ Дона и четырехтысячный турецкій гарнизонъ
посажень въ городъ. Можетъ быть обнадеживные таковою

и съ урмаметевыми мурзами четыре дни и четыре ночи без-
престанно, а на томъ бою убили у нихъ Куданъ мурзу
Уракова; и, видя они, Янмаметь мурза Тпвмаметевъ да Окниъ
бекъ мурза съ братьями и съ дѣтьми, и съ племянники, что
имъ у нихъ ясырю своего не отбить, и они прислали къ вамъ,
чтобъ вамъ помириться и полонъ ихъ отдать имъ; а они, мурзы
Большаго Ногаю, всё хотятъ быть подъ нашею рукою въ холо-
ствѣ, и вины свои къ намъ, договорясь съ вами, принесутъ; и
Янмаметь мурза, за всѣхъ мурзъ и за чорныхъ людей, по своей
вѣрѣ шерть на томъ учинилъ, что имъ быть подъ нашею рукою
въ холоствѣ и подъ Астороханъ пдти; и вы, атаманы и казаки,
помня къ себѣ нашу милость, приведчи къ шерти, полонъ ихъ
весь отдали и, отдавъ полонъ, пошли къ себѣ на Донъ; а ногай-
скіе мурзы съ улусы своими учали кочевать по Бей-арѣ да по
Челбашу; а Урмамаметь бей мурза, да Адиль мурза Араслановъ,
да Кучукъ мурза съ улусы учали кочевать по рѣчкѣ—по Кагаль-
нвкю; а какъ приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ со мно-
гими ратными людьми, для Большаго Ногаю, чтобъ ихъ перебить
черезъ Донъ на Крымскую сторону, и погайскіе мурзы всё и ур-
маметевы, которые шертовали и аманатовъ дали, на той правѣ
своей не устояли, сложась съ азовцы и съ крымскимъ царевичемъ
за одно, перелѣзли со всѣми улусы и васъ, Донскихъ и казаковъ,
хотѣли побить и городки ваши разорить; и вы крымскаго царе-
вича съ ратными людьми и съ ногайскими людьми бились и Бо-
жіею милостію, а нашимъ царскимъ счастіемъ, на бояхъ крым-
скихъ, и азовскихъ, и ногайскихъ многихъ людей побили до
смерти и переранили; и отъ Азова крымской царевичъ съ своими
ратными людьми пошолъ ноябра въ 14 день, а Большаго Ногаю
мурзъ всѣхъ съ улусы заворотилъ съ собою; а пошолъ съ ними
возлѣ моря; а урмаметевы мурзы, Бій мурза, да Адиль мурза, да
Кучукъ мурза и всѣ урмаметевы мурзы, пошли съ нимъ же, царе-
вичемъ, вмѣстѣ, а аманатовъ отступились, и пилнѣ тѣ ихъ ама-
наты у васъ на Доню; и о тѣхъ бы аманатѣхъ велѣли вамъ
указъ учинить».

твердостію укрѣпленій своихъ, азовцы усилили набѣги на Россію и сдѣлались дерзновеннѣе противу казаковъ.

Бѣдственнo было страданіе Россіянъ въ плѣну у невѣрныхъ: въ постыдномъ рабствѣ, низкихъ и тяжкихъ работахъ томилась оня въ Азовѣ; оттуда продавали ихъ въ разныя орды. Святой храмъ Іоанна Предтечи, воздвигнутый въ этомъ городѣ еще во времена владычества христіанъ, пощажень мусульманами, и въ немъ немногіе русскіе иногда молились о своемъ жребіи. Донцы скорбѣли о запустѣніи святыни; пегодовали на дерзость азовцевъ; но главное страшились возрастающей ихъ силы, и твердо рѣшились исторгнуть Азовъ изъ рукъ магометанъ.

Приготовленія казаковъ ко взятію Азова. Старѣйшины звали казаковъ со всѣхъ городковъ и становъ рѣшить общее *войсковое дѣло*. Въ самомъ началѣ весны 1637 года собралось Донское войско на Монастырскомъ яру. Тѣже старѣйшины, предложивъ Войсковому кругу подвигъ доблести и славы, требовали общаго мнѣнія и услышали единодушный приговоръ: «идти посѣчь бусурманъ, взять городъ и утвердить въ немъ Православную вѣру». Не было у казаковъ стѣннобитныхъ орудій; четыре небольшіе фальконета составляли всю артиллерію, весьма мало было у нихъ и пороху, и свинцу, и провіанта; но они ожидали изъ Москвы посланцовъ своихъ съ царскимъ жалованьемъ.

Казаки малороссійскіе и запорожскіе боролись тогда съ насиліемъ поляковъ; защищая права своя, многіе легли на поляхъ родныхъ; другіе замыслили отдаться въ покровительство Россіи, или Тавриды, а часть запорожцевъ, остави отечество, пошли искать счастья въ странахъ отдаленныхъ, намѣреваясь предложить службу свою персіянамъ. Эти запорожцы пришли на берега Дона въ то самое время, когда казаки Донскіе учреждали походъ свой къ Азову и приняты ими дружественно. «Путь вашъ далекъ и опасенъ,—говорили Донскіе старѣйшины запорожцамъ,—выигрываетъ ненадежень; мы имѣемъ запасу довольно и у насъ найдете вы все то,

что думаете искать въ странахъ чужеземныхъ; вотъ Азовъ, — возмемъ его, откроемъ свободный путь въ море Азовское и Черное, тогда богатая добыча будетъ нашею наградою; хотите ли быть вѣрны друзьямъ и братьямъ своимъ?» Запорожцы поклялись стать за одно съ Донскими казаками противу невѣрныхъ.

Въ часовнѣ монастырскаго городка пѣли молебны, еще клялись во взаимной вѣрности, всѣ рѣшительно утвердились въ своемъ намѣреніи, выбрали начальниковъ и, дождавшись посланный предъ тѣмъ легкой отрядъ для языковъ, призывалъ въ помощь Бога, двинулись сухопутно и рѣкою къ стѣнамъ Азова. Въ этомъ ополченіи были всѣ Донскіе казаки; можетъ быть оставались въ городкахъ однотолько старцы. Войсковою атаманъ Михайло Татариновъ, столько же славный личнымъ мужествомъ, сколько и умомъ вождя, предводительствовалъ ополченіемъ. Два раза прежде этого казаки брали оружіемъ своимъ Азовъ, нѣсколько разъ разоряли его, но тогда воевали они ветхій, почти беззащитный городъ, теперь должны покорить крѣпость порядочно устроеную, достаточно снабженную провіантомъ, огнѣстрѣльнымъ снарядомъ и гарнизономъ.

Осада Азова. Въ апрѣлѣ мѣсяцъ началась осада; дружины казаковъ раздѣлены были на 4 части и со всѣхъ сторонъ облегли городъ; на устьѣ Дона стояла судовая стража; пресѣчены всѣ сообщенія и ни откуда не могла прокрасться помощь.

Не имѣя средствъ разрушить укрѣпленія, казаки должны были рѣшиться на средство отчаянное — одержать побѣду мечемъ на стѣнахъ города. — Немедленно приступили къ приготовительнымъ работамъ: повели вокругъ всего города большіе рвы, подѣлали плетешные туры, насыпали ихъ землею и, защищаясь рвами, подвятили такъ близко, что могли уже метать камень на непріятелей; все сіе казалось смѣшнымъ для гордыхъ магометанъ, которые считали себя слишкомъ безопасными въ стѣнахъ города; они стрѣляли изъ пушекъ и мелкаго оружія,

но не могли вредить казакамъ во рвахъ и за турами; болѣе трехъ недѣль продолжались эти работы и взаимная перестрѣлка, бесполезная для одной и безвредная для другой стороны.

Неблагопріятныя для казаковъ дѣйствія турецкаго посла. У Донскихъ казаковъ былъ въ это время турецкой посоль Озма Котакузинъ, который пріѣхалъ сюда въ коцѣ зимы, дожидаясь царскаго чиновника для провозанія его къ Москвѣ, вмѣстѣ со всѣми своими людьми. Уже для этого отъ государя отправленъ былъ на Донъ дворянинъ Чириковъ, а съ нимъ по пути атаманъ Каторжный съ казаками, которые посланы въ Москву съ донесеніемъ о прибытіи Катакузина. Не зная намѣренія Донскихъ казаковъ, государь послалъ къ нимъ жалованье, писалъ грамоты и повторялъ приказанія свои жить смирно съ азовцами. Еще Чириковъ не достигъ Донскихъ городковъ, какъ Катакузинъ подвергся гибельному положенію: видя что казаки съ твердою рѣшительностію предприняли осаду, онъ тайно послалъ гонцовъ къ крымскому хану и къ султану, прося послѣдовать присылкою ратныхъ людей на помощь къ Азову, хотя изъ ближайшихъ городковъ Темрюка и Тамани. Сверхъ того послалъ къ азовцамъ, чтобы они и отъ себя отправили еще скорыхъ гонцовъ въ Крымъ и въ Константинополь; шедшій въ Азовъ съ этою отпискою грекъ пойманъ казаками, кои узнавъ отъ него съ пытки всѣ вредныя для нихъ дѣйствія, готовили турецкому послу жестокое наказаніе; а между тѣмъ со стороны крымской и кубанской, отъ Темрюка и Тамани учредили ближніе и дальніе наблюдательныя разъѣзды, дабы не пропустить непріятельскихъ войскъ.

Уже у осаждающихъ истощились послѣднія деньги, провіантъ, порохъ и свинець; съ страхомъ и нетерпѣливою надеждою ждали они атамана своего изъ Москвы, и наконецъ въ исходѣ апрѣля увидѣли Чирикова, Каторжнаго и съ ними болѣе ста казаковъ. Чириковъ отдалъ казакамъ жалованье, царскія грамоты и требовалъ посла; но онъ содержался у ка-

заковъ. какъ измѣнникъ и они рѣшительно отказались выдать его. Обеспеченные необходимыми запасами, они пировали предъ шатрами своими и производили сильную пальбу по городу; азовцы дивились этой перемѣнѣ, но не переставали смѣяться надъ усиліями казаковъ. Осада продолжалась безъ особыхъ важныхъ послѣдствій.

Разбитіе казаками вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь къ Азову. Вдругъ получены вѣсти отъ разбѣдныхъ партій, что отъ стороны Кагальника идутъ къ Азову вспомогательны войска: это была рать, собранная по извѣстіямъ турецкаго посла въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани изъ турковъ и темрюкскихъ черкесовъ. Съ величайшею скрытностію вышли изъ лагеря отборные казаки, встрѣтили непріятели на рѣкѣ Кагальникѣ, вступили въ бой жестокій, упорный, и одолѣвъ враговъ, многихъ побили, другихъ разогнали такъ, что ни одинъ не достигъ Азова.

Убіеніе турецкаго посла. Пали въ этой дракѣ и многіе казаки, за которыхъ послапникъ заплатилъ своею жизнью: побѣдители возвратись въ лагерь, въ общемъ кругу приговорили убить Катакузина и всѣхъ людей съ нимъ бывшихъ..... и исполнили ужасный приговоръ свой, противный правамъ народнымъ. Послѣ сего рѣшительнѣе приступили и къ осадѣ.

Подкопъ подъ стѣны Азова. Между Донскими казаками былъ одинъ нѣмецъ (вѣроятно приставшій къ нимъ во время мятежей въ Россіи) Иванъ Арадовъ, который, по словамъ лѣтописи, зналъ *подкопное дѣло*. Казаки рѣшились вестъ подъ городъ подкопъ; немедленно приступили къ работѣ и трудились неутомимо. Азовцы стрѣляя со стѣнъ, съ презрѣніемъ и насмѣшками ругались надъ казаками: «стойте сколько хотите, кричали они, а города не возьмете; сколько въ стѣнѣ каменьевъ, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ онымъ». Черезъ четыре недѣли подкопъ оконченъ и казаки готовились къ приступу. 18 іюня былъ роковой день для гордыхъ магометанъ: наканунѣ онаго казаки очисти-

лись постомъ и молитвою; въ день приступа исповѣдались у отцовъ духовныхъ. Глубокая тишина царствовала въ станѣ казаковъ; взаимно прощаясь, со слезами говорили они другъ другу: «поддержимъ братія честь нашего оружія, стоимъ за православную вѣру и за святой храмъ; умремъ если такъ суждено, но не посрадимъ себя.» — Азовцы видя тишину, потомъ движенія въ станѣ осаждающихъ, предсказывали другъ другу бѣгство казаковъ и радовались.

Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона. Но въ 4 часа ночи грянулъ громъ подконовъ, затряслись твердыни азовскія, взорвало часть стѣны; люди вмѣстѣ съ камнями, глыбами земли и обломками строеній полетѣли вверхъ, и пали на поля окружныя. Осаждающіе воспользовались минутою смятенія: атаманъ Михайло Тагариновъ первый съ отборными казаками устремился въ проломъ; прочіе со всѣхъ сторонъ взбирались на стѣны по лѣстницамъ, несли другъ друга на плечахъ подъ тучею пуль и каменьевъ непріятельскихъ; городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія. И гарнизонъ и жители защищались съ мужествомъ и яростію. Казаки были въ такомъ же пылу; уже замолки пушки, только изрѣдка слышны были выстрѣлы пицалей и ружей, бой сталъ рукопашный: рубились саблями, рѣзались кинжалами и ножами. Долго побѣда была сомнительна для обѣихъ сторонъ, и остальную часть ночи и во весь день съ утра до вечера кипѣла битва съ переменнымъ счастіемъ; наконецъ ярость мусульманъ уступила мужеству казаковъ, — азовцы побѣждены: часть заперлась въ замкѣ, остальные устремились чрезъ стѣны въ степь и въ бѣгствѣ искали спасенія. Окруживъ замокъ, казаки немедленно послали дружины свои преслѣдовать бѣгущихъ; ихъ скоро настигли, но встрѣтили храброе сопротивление: болѣе 10 верстъ азовцы отступали съ упорствомъ, наконецъ казаки ихъ разсѣяли. Еще несчастіе были осажденные въ замкѣ: они нехотѣли сдаться до послѣдней минуты; болѣе трехъ дней защищались, побили множество ка-

заковъ каменьями, и сами всѣ пали подъ мечемъ побѣдителей. — Такъ сдѣлались казаки обладателями султанской области на краю Азовскаго моря, и немедленно очистивъ городъ, утвердились въ немъ *всѣмъ Войскомъ.*(²⁶⁴)

(²⁶⁴) Сказаніе о взятіи Донскими казаками города Азова, рукописное (безъ означенія автора и времен, и когда оно написано.)

Дѣла Донскія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву Юля 30, 1637 года.

«Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, холопи твои государевы, Донскіе атаманы и казаки Михалко Ивановъ и все войско Донское челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 145 году маія въ 1-й день, по твоему государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, прислана къ намъ, холопемъ твоимъ, твоя государева грамота съ нашею Донскою станницею съ атаманомъ Тимофеемъ Яковлевымъ съ товарищи; а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ: указалъ ты, великій государь, послать на Донъ къ намъ, холопямъ твоимъ, для приему турецкаго посла Томи Кантакузпна, дворянина своего Стефана Чирикова, рѣкою Дономъ, въ стругѣхъ, какъ дель вскрыется за первыми (и)крами и велѣти турецкаго посла принять, и въ приставѣхъ у него до Москвы быть твоему государеву дворянину Стефану Чирикову, а насъ холопей твоихъ, ты, великій государь, пожаловалъ, указалъ съ нимъ, дворянпомъ, послать къ намъ, холопемъ своимъ, атаманомъ и казакомъ, всему Войску Донскому, свое государское жалованье, деньги и сукна и хлѣбныя запасы, и вино, и свинець, и порохъ, сѣра и селитра и пушечныя ядры, а атамана нашего Тимофея Яковлева съ товарищи пожаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ и отпустилъ къ намъ, холопемъ твоимъ, съ своею государевою грамотою, а велѣно ему ѣхать къ Войску на спѣхъ, напередъ дворянина Чирикова, а чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, посла турецкаго Томи Кантакузпна съ Дону до тѣхъ мѣстъ, пока мѣстъ не пріѣдетъ къ намъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ Стефанъ Чириковъ, къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ, не отпускатъ, подождать того, какъ онъ, дворянинъ, на Донъ къ намъ, холопемъ твоимъ, пріѣдетъ, а какъ государь, нашъ станичной атаманъ Тимофей Яковлевъ съ товарищи къ намъ, холопемъ твоимъ, пріѣхалъ отъ тебя, государя, съ грамотою, на Ярѣ Маія въ 1-й день и насъ, государь, холопей твоихъ, на яру не засталъ, пошли мы, холопи твои, переговора межъ собою, подъ Азовъ, потому государь, что они, азовскіе люди, на насъ, холопей твоихъ, умышляли, крымскому царю писали для рати, чтобъ насъ, холопей твоихъ съ Дону перевести, а Донъ рѣку очистить; и мы, государь, не дожидая на себя ихъ бусурманскаго приходу, а види къ себѣ

Донесеніе государю объ этомъ произшествіи. Государь ничего не зналъ о дѣйствіяхъ казаковъ; овладѣвъ Азовомъ, они тотчасъ послали въ Москву атамана Степана Петрова и четырехъ казаковъ съ извѣстіемъ и съ повин-

твою государскую милость, пошли подъ Азовъ, апрѣля въ 21-й день, конные и судами все безъ выбору. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 145 году, мая въ 28 день прислана къ намъ, холопомъ твоимъ, твоя государева грамота, за приписью дьяка Максима Матюшкина, съ нашею Донскою станицею съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ съ товарищи, а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ холопомъ твоимъ, что ты великій государь, для дружбы и любви брата своего великаго государя салтанъ муратова величества указалъ послать къ намъ на Донъ дворянина своего Стефала Чирикова, съ ратными людьми, рѣкою Дономъ въ стругѣхъ, какъ ледъ вскрыется, и велѣлъ ты государь турецкаго посла Тому Кантакузина у насъ холопей твоихъ принять и проводить къ тебѣ государю къ Москвѣ; а къ намъ холопомъ твоимъ послано съ тѣмъ дворяниномъ твое государево жалованье деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, сухари, и крупы, и толокно, и вино, и зелье, и свинець, селитра и сѣра и пушечныя ядра во всемъ предъ прежнимъ съ прибавкою; а атамана Ивана Каторжнаго съ товарищи, пожаловавъ своимъ царскимъ жалованьемъ, отпустилъ къ намъ къ Войску; а какъ къ намъ холопомъ твоимъ твоя государева грамота придетъ, и чтобъ намъ съ азовцы помириться и турецкаго посла Тому Кантакузина изъ Азова принять. А мы, государь, холопи твои, до твоей государевой грамоты, межъ собою учинили приговоръ, что однолично надъ азовскими людьми промышлять сколько милосердый Богъ помочи подасть, и пришедши подъ Азовъ, стояли недѣли три и болѣе, и видя онъ турецкой посоль Тома Кантакузинъ, что мы холопи твои стоимъ, осади Азовъ прочь не идемъ, и тотъ турецкой посолъ Тома Кантакузинъ написалъ грамоты къ турецкому и крымскому царю для ратныхъ людей, на выручку къ Азову, и къ азовскимъ людямъ въ Азовъ отъ себя отписку писалъ, а послалъ, государь, свое было отписку, отъ себя въ Азовъ, съ грекомъ, и мы, государь, того грека поймали и на пыткѣ пытали, а тотъ, государь, съ пытки говорилъ намъ холопомъ твоимъ, что послалъ де меня съ тою отпискою турецкой посоль къ азовскимъ людямъ, а велѣлъ де прокрасться ночью въ городъ, а то де со мною и наказалъ, чтобъ азовскіе люди въ Крымъ, для ратныхъ людей, послали своихъ людей, украдкою вскорѣ, и грамоты бы азовскіе люди отъ себя къ царю писали, чтобъ изъ Крыму и съ Темрюка и Тамани ратныхъ людей на выручку къ Азову прислали; и мы, государь, холопи твои, видя его умышление, къ тебѣ государю нечаявду, что онъ дѣ-

ною. «Отпусти намъ, государь, вины наши—писали они—мы безъ твоего повелѣнія взяли Азовъ и убили измѣнника турецкаго посла. Еще до полученія грамотъ твоихъ (съ Чириковымъ посланныхъ) мы *всѣмъ Войскомъ* сдѣлали приговоръ промышлять надъ бусурманами сколько поустигъ Богъ. Го-

лаеть не гораздо, мы холопи твои стоимъ подъ Азовомъ, голодною смертію помираемъ, а ихъ азовскихъ людей доставаемъ, а онъ, государь, посоль, грековъ къ азовскимъ людямъ съ вѣстими посылаетъ, и мы, государь, холопи твои, его посла за то съ его людьми порубили, и въ тѣхъ винахъ нашихъ ты воленъ надъ нами государь! Да юни, государь, въ 18 день милостию Божіею и Пречистыя Богородицы помощію, а твоимъ государскимъ счастиемъ, твоя государская высокая рука возвысилась, Азовъ городъ мы холопи твои взяли, ни одного человѣка азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили. А дворянина твоего государева Стефана Чирикова затѣмъ задержали и жалованья твоего государева непріимали, что мы холопи твои были подъ Азовомъ, и какъ Азовъ взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти въ Азовъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ, что къ намъ холопомъ твоимъ прислано. А приняли твое государское жалованье 2000 р. денегъ, 300 четвертей сухарей, 50 четвертей толокна, 50 четвертей крупъ, 16 бочекъ вина, 40 поставовъ сукна, 4000 пушечныхъ ядръ, зелья и селитра и сѣра, во всемъ передъ прежнимъ съ прибавкою, іюля въ 11 день; а съ Дону отпустили твоего государева дворянина Стефана Чирикова къ тебѣ государю къ Москвѣ іюля 15 дня; да съ нимъ же, государь, отпущено русскаго полону 150 челов. окромѣ малаго полону. А что, государь, городовою казны и пушекъ и мѣлкихъ пищалей и русскаго полону, и того, государь, еще не смѣчено; а какъ, государь, мы смѣтимъ городовую казну, и о томъ къ тебѣ, государь, пришлемъ станицу, а съ сею отпискою отпустили къ тебѣ, государь, станицу атамана Потапа Петрова, а съ нимъ казаковъ Федота Федорова, Григорья Долгова, Лукьяна Стефанова, Ивана Никифорова, а отпущена государь станица, того-жъ числа іюля въ 15 день, а велѣно имъ наскоро ѣхать къ тебѣ государю.»

Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Потапа Петрова съ товарища, прибывшихъ въ Москву 30 іюля 1637 г.

Распросныя рѣчи боярскаго сына Ивана Рязанцева и Валуйскаго вожа Самойлы Деревячнова, пріѣхавшихъ въ Москву 3 сентября 1637 года.

Донесеніе дворянина Степана Чирикова, поданное имъ, по возвращеніи съ Дону, въ Посольскій приказъ, 15 сентября 1637 г.

сударь! мы сыны Россіи: могли ли безъ сокрушенія смотрѣть какъ въ глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы? Не имѣя силъ далѣе терпѣть азовцамъ, мы начали войну правую, съ Божіею помощію овладѣли городомъ, побили невѣрныхъ за ихъ неправды и православныхъ освободили изъ плѣна.» Убіеніе посла казаки оправдывали измѣною его: *«мы приговорили то всемъ Войскомъ, ибо многіи братья наши побиты призванными имъ на помощь къ Азову ратными людьми.»* Казаки обѣщали вслѣдъ за этимъ прислать большую станицу съ подробнымъ допесеніемъ о всемъ происшествіи. Государь съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о убійствѣ посла, и приказалъ удержать въ Москвѣ атамана Петрова, до присылки обѣщанной *большой станицы*

Дѣйствія казаковъ противъ крымцевъ. Едва казаки успѣли немного отдохнуть отъ воинскихъ трудовъ своихъ, какъ вдругъ получили вѣсть, что крымцы и мурзы Большаго Ногай многочисленными толпами собрались воевать нашу крайну; казаки держали совѣтъ и призывавъ на помощь Бога, устремились конные и пѣшіе пресѣчь дорогу хищнымъ татарамъ. Въ сентябрѣ государь имѣлъ уже объ этомъ допесеніе отъ казаковъ и утѣшенный ихъ усердіемъ, пожаловавъ атамана Петрова съ товарищами царскимъ жалованьемъ, отпустилъ ихъ на Донъ, съ грамотою къ Донскому Войску, въ концѣ сентября. «Предосудителевъ буйный поступокъ вашъ съ посломъ турецкимъ» — писалъ государь къ казакамъ (въ грамотѣ 20 сентября) — «нѣтъ случая, который бы давалъ право умерщвлять пословъ. — Худо сдѣлали вы, что взяли Азовъ безъ нашего повелѣнія, не прислали старѣйшинъ своихъ *атамановъ и казаковъ добрыхъ*, съ которыми бы можно было посовѣтывать какъ тому быть вперёдъ, исполните сіе немедленно, и мы дождавшись ихъ, велимъ выслушать ваше мнѣніе, и тотчасъ съ ними же пришлемъ указъ — какъ поступить съ Азовомъ.» Въ сей же грамотѣ государь хвалилъ вѣрность казаковъ въ охраненіи россій-

скихъ предѣловъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, приказывалъ не ослабѣвать въ сихъ достойныхъ подвигахъ, присылать вѣсти ко двору и повторять обѣщанія свои содержать донцовъ въ царской милости; сверхъ того требовалъ; чтобы присланы были всѣ бумаги, какія находились при послѣ турецкомъ⁽²⁶⁵⁾.

(265) Дѣла Донскія, грамота на Донъ сентября 20 дня 1637 г.

„Какъ были у насъ великаго государя на Москвѣ донскіе атаманы Иванъ Каторжной, да Тимофей Яковлевъ съ товарищи, и того вашего умышленія, что вамъ подѣ Азовомъ промышляти, безъ нашего царскаго повелѣнія и турецкаго посла со всѣми людьми побити до смерти, ничего не сказывали; а отпущены на Донъ, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, чтобъ турецкаго посла съ Дону отпустили къ вамъ безъ задержанія, и съ азовцы бѣ были въ миру, и вы то атаманы и казаки учинили не дѣломъ, что турецкаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ, а того нигдѣ неведетца, чтобъ пословъ побивать, хотя гдѣ и война межъ государи бываетъ, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлають, для чего присланы, и ихъ непобивають, а отдати было вамъ его посла для береженья дворянину, который по него посланъ; Азовъ взяли еще безъ нашего царскаго повелѣнія, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить какъ тому впредѣ быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а съ нимъ четырехъ человекъ казаковъ молодыхъ людей, и для того они къ вамъ вскорѣ и неотпущены, ожидаючи по вашему письму станицы, которую есте хотѣли къ намъ съ подлиннымъ дѣломъ прислать. А сентября въ 3 день, писали есте къ намъ съ бѣлогородцемъ съ Иваномъ Резанцовымъ, что крымскіе воинскіе люди и Большаго Ногаю мурзы съ своими людьми пошли въ Русь многіе люди, подѣ наши украинные города войною, а вы атаманы и казаки всѣмъ Войскомъ живете въ Азовѣ, и слыша вы про походъ воинскихъ людей въ Русь на наши украинны войною, поговоря межъ собою, пошли вы атаманы и казаки на крымскую сторону конные и пѣшіе, подѣ шляхи и по перелазомъ, проси у Бога милости, лежать, и вы то учинили добро, что на савмы татарскія и на перелазы послали людей для береженья отъ приходу на наши украинны, и мы великій государь пожаловавъ атамана Потапа Петрова, съ товарищи, нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою; а какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбѣ атаманы и казаки, для подлиннаго вѣдома, прислали къ намъ, великому государю, станицу атамановъ и казаковъ лутчихъ людей чело-

Напротивъ извѣстіе о покореніи Азова поразило султана и диванъ его; дворъ константинопольскій видѣлъ ясно, что казаки не для грабежей (какъ бывало прежде) только овладѣли городомъ этимъ, но рѣшительно хотѣли отторгнуть отъ Порты приморскую область ея, чтобы господствовать надъ моремъ. Война съ Россіею, разстройство съ Крымомъ, сомнѣніе, что Россія станетъ помогать казакамъ—все останавливало Порту отъ предпріятія возвратить Азовъ,—и казаки 6 лѣтъ имѣли его во власти своей.

Разъѣзды казаковъ по морю. Въ самомъ началѣ они укрѣпили городъ и замокъ еще болѣе прежняго;

вѣкъ пятнадцать или двадцать, или сколько пригоже, и о всемъ съ ними отписали къ намъ именно; а мы великій государь велѣмъ у нихъ рѣчей ихъ выслушать, какъ о томъ впередъ быти, и къ вамъ ихъ отпустимъ незадержавъ и указъ нашъ съ ними пришлемъ; а что у васъ про волнскихъ людей, про крымскихъ и про ногайскихъ мурзъ какое вѣдомо есть, или што впередъ объявятся, гдѣ нынѣ царь или царевичи, и что ихъ умышленья, и нечаятъ ли ихъ войною на наши украины, и гдѣ нынѣ ногайскіе мурзы съ улусы своими кочуютъ, и чего отъ нихъ впередъ чаятъ, про тобъ есте про все провѣдывали подлинно; да будетъ у васъ прямыя вѣсти будутъ, что крымской царь въ наше въ московское государство войною пойдетъ, или царевичей и мурзъ съ воинскими людьми пошлетъ, и выбъ службу свою и раденье къ намъ великому государю показали, и на сакмахъ и на рѣкахъ по перелазомъ, надъ ними промыслили всякими мѣрами, съ великимъ радѣньемъ, сколько милосердый Богъ помочи подасть, чтобъ вамъ своею службою и радѣньемъ надъ ними повскъ учинить и на наши украины не пропустить; а къ ногайскимъ бы есте мурзамъ отъ себя писали и посылали кого пригожь, чтобъ они помня свою прежнюю шерть, были подъ нашею царскою высокою рукою по прежнему и шлибъ назадъ за Дюпъ на ногайскую сторону и на наше бѣ царское жалованье были надежны безо всякаго опасенья; а мы великій государь за вашу службу пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью,—и о томъ бы есте о всемъ писали къ намъ къ Москвѣ наскоро, чтобъ намъ было вѣдомо; а каторыя грамоты къ намъ великому государю посланы были отъ турецкаго муратъ салтана съ турецкимъ посломъ съ Томою Кантакузинимъ и наказъ Томины и всякое письмо, и выбъ тѣ грамоты, что будетъ у васъ, опечатавъ, и наказъ его и всякое письмо прислать къ намъ къ Москвѣ.“

стали плавать безпрепятственно по морямъ Азовскому и Черному. Хотя султанъ воюя самъ съ Персією, приказалъ татарамъ стараться о возвращеніи Азова, но ихъ усилія были ничтожны для казаковъ, которые всегда разбивали ихъ и на сухомъ пути и на море. Дстойща вниманія одна подобная побѣда казаковъ, въ 1638 году одержанная: Піяли наша съ большою ратью шель на освобожденіе Азова; казаки въ числѣ 1700 челов. встрѣтивъ его на Черномъ морѣ, имѣли бой упорный, и хутили побѣду семью стами убитыхъ своихъ товарищей; непріятелей побили множество, прочіе всѣ разбѣяны⁽²⁶⁶⁾

Слѣдствія покоренія Азова. Покореніе Азова казаками имѣло спасительное послѣдствіе для Россіи: въ продолженіи пяти лѣтъ ни крымцы, ни ногайцы, не смѣли даже и показаться къ нашимъ украинамъ, исчезла прежняя дерзость ихъ и грабежи перестали, ногайцы, за Дономъ и

⁽²⁶⁶⁾ Дѣла Крымскія, въ столбцахъ 1638 г. № 1, статеинный списокъ посланниковъ Астафьева и подъячаго Кузовлева.

„Да 147 году сентября въ 3 день, посланникомъ Дорофею Остафьеву, Олферью Кузовлеву сказывали переводчикъ Вилиль Безергиневъ, да толмачъ Лазарь Алышовъ про тѣхъ казаковъ, которые были на море, пришли де было тѣ казаки изъ Азова, хотѣли взять городъ Табанъ, а было казаковъ 30 струговъ, а людей было 1600 челов., и подмѣтилъ де ихъ на море каторжной Піяла князь, и подмѣтиа послалъ вѣсть къ царю. и царь по той вѣсти пришлоъ къ морю на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ чають казаковъ, на море бился и загналъ ихъ въ морскую заливу на островъ, и къ нимъ приступалъ, и куды изъ залива проходъ въ море, и то мѣсто каторжной князь загородилъ каторгамц, и казаки де дождавси ночи, струги свои на себѣ переволокли въ море, и неугодили подъ Азовъ уйти, прошиблись промежъ Керчи и Тамани и зашли въ другомъ мѣстѣ въ морскую заливу въ Духоню, и на берегу де у той заливы стоить городъ Казылбашъ, турскаго царя; а около того города, были запорожскіе черкасы, и видя что имъ дѣтси негдѣ, убояси учали переметываться къ царю и къ туркамъ, а казаки де дождавси ночи, оружье все помѣтали въ воду, и сами ношли въ рознь на берегъ, и инше де ушли къ Азову, а иныхъ поймали по лѣсомъ и по камншу черкасы и татаровы, и говорятъ де татаровы и черкасы добре много, давно де такого побою на татаръ не бывало.“

около Астрахани кочевалише, пребывали вѣрвы Россіи.

Во оруженіе Порты на казакѡвъ. Амуратъ IV, надмѣнный тиранъ Константинопольскій, готовился страшно наказать казакѡвъ за ихъ отважность. Россія по старому обычаю увѣрала Порту, что она не вмѣшивается въ дѣла своевольныхъ людей, которые отъ ней независимы; впрочемъ будетъ стараться склонить казакѡвъ къ возвращенію Азова; но казаки предвидя близкую грозу, болѣе и болѣе укрѣпляли этотъ городъ, запасались провіантомъ, порохомъ, артиллерією. Султанъ оканчивалъ войну съ Персією и среди приготовленій отмстить Донскимъ казакамъ, постигнуть безвременною смертію. Слабый преемникъ его Ибрагимъ ввѣрилъ себя и правленіе сильному верховному визирю Магмеду-пашѣ, который въ числѣ главнѣйшихъ дѣлъ полагалъ возвратить Азовъ Портѣ. Болѣе года приготовлялся онъ къ этому предпріятію: старался утвердить миръ со всѣми иностранными державами: съ Цесаремъ, съ Россією, Польшею, Венецією, Персією, строилъ и сваряжалъ флотъ сильный, но легкій, который бы свободно могъ прѣйти по мелководному Азовскому морю; собиралъ большую военную силу и въ 1641 гду былъ уже въ возможности приступить къ дѣлу.—Турки, крымскіе и ногайскіе татары, горскіе черкесы, волохи, сербы, арабы, арнауты, собрались подъ знамена константинопольскаго поведителя, съ надеждою торжествовать побѣду на костяхъ Донскихъ воиновъ. Самъ верховный визиръ хотѣлъ предводительствовать огромнымъ этимъ ополченіемъ, наконецъ поручилъ главное начальство силістрійскому пашѣ Гуссейнъ-Делію,—воину славолюбовому, опытному, но гордому и презиравшему силу казакѡвъ. Подъ нимъ былъ въ сухопутномъ войскѣ крымскій ханъ, начальствовавшій крымскими и ногайскими татарами и горскими черкесами. Флотомъ командовалъ Піали-ага-капитанъ-паша (адмиралъ), человекъ одаренный, какъ пишутъ, лучшими качествами военачальника: прозорливостію и храбростію. Флотъ его состоялъ изъ 80 большихъ бѣломорскихъ

каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ; 20 кораблей нагружены были огнестрѣльнымъ снарядомъ, пушками, порохомъ, ядрами; однихъ огромныхъ стѣнобитныхъ орудій было сто, ядра вѣсили въ полтора и въ два пуда, многіе суда везли провіантъ; отборныя янычары составляли морскихъ воиновъ. Все же это ополченіе простиралась до 150/т. чел. хорошо вооруженныхъ; въ числѣ оныхъ находилось нѣскольکو европѣйцевъ, безъ сомнѣнія, наемныхъ,—французовъ, нѣмцовъ, италіанцовъ, свѣдущихъ въ инженерной наукѣ.— Казалось Порта собиралась воевать цѣлми государства; по крайней мѣрѣ она твердо увѣрена была, что возвратитъ свои азовскіи владѣнія и казаковъ Донскихъ искоренитъ вовсе съ лица земли. Но казаки не ушывали; запаслись весьма достаточно военными и жизненными припасами, они старались умножить и число свое всякаго состоянія вольницею, звали и нанимали удалыхъ отвагъ; видѣли уже себя довольно сильными и появлялись умереть, или увѣнчаться новою славою⁽²⁶⁷⁾.

⁽²⁶⁷⁾ Изъ архивнаго сборника грамотъ, см. грамоту отъ царя на Донъ 1641 г. декабря 2 дни.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, Осипу Петрову и всему Донскому Войску. Въ нынѣшнемъ . . . . октября въ . . . . писали естя къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевкмъ, да съ асауломъ Ѳедоромъ Порошинымъ съ товарищи, что въ прошломъ году іюня въ . . . . день пришли подъ Азовъ войною отъ турскаго царя паша: Усеинъ-паша, Каптанъ-паша, Пела-паша, съ воинскими людьми и съ крымскимъ царемъ и съ царевичемъ и со многими землями въ судѣхъ моремъ, а конные полемъ, около города Азова обступили со всѣхъ стороны накрѣпко, и вы атаманъ и казаки прося у Всемилостиваго Спаса милости, противъ ихъ вылазки чинили многія и на тѣхъ вылазкахъ у нихъ многихъ языковъ поимали, и тѣ языки въ распроехъ вамъ сказывали, что было турскаго салтана, и съ крымскимъ царемъ и царевичемъ, и съ буданскіе земли съ небольшимъ князькомъ, воинскихъ людей, турская и крымская земли, съ бѣлопольскими князьками, и малою ногой со всѣми мурзами и со всѣми черными людьми, и воложскіе, и мутискіе, и арабскіе, и французскіе п. ласкіе земель многіе воинскіе люди и большаго ногоя мурзы съ черными людьми, которые отъ Асторохани откочевали,

Положеніе казаковъ въ Азовѣ. Въ самомъ началѣ іюня мѣсяца и сухопутная и морская силы мусульманъ соединились подъ Азовомъ и окружили городъ, взоръ не могъ обнять становища ихъ, гремевшаго радостными вликами. У Донскихъ казаковъ въ это время былъ войсковымъ атаманомъ достойный Осипъ Петровъ, герой столь блистательно показавшій въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ военныя способности свои и необыкновенное безстрашіе. Смотри на многочисленныя силы непріятельскія, онъ

а всѣхъ ихъ было въ письмѣ и въ раздачѣ у жалованья двѣсти сорокъ тысячъ человѣкъ, а каторгъ большихъ бѣломорскихъ сто, да кораблей большихъ восемьдесятъ, да мелкаго морскаго девятиности судовъ, да съ порохомъ и съ ядры 20 кораблей большихъ, да стѣнопробитныхъ сто пушекъ привезено было къ городу, а ядры были у тѣхъ пушекъ вѣсомъ съ полтора пуда и въ пудъ и въ тридцать гривенокъ, и бои у васъ съ ними были вслѣдѣ: а съ пушекъ по городовымъ стѣнамъ и по васъ били, и изъ мелкаго огненнаго ружья и изъ луковъ, и городовые стѣны сбили по подшву, и земляные валы вели великіе, и подкопы подводили многіе, и вы атаманы и казаки, прося у Милостиваго Спаса милости и у Пресвятыя Богоматери и у Святаго Пророка Предтечи Крестителя Господня Іоанна и у Великаго Чудотворца Николы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, хотя пострадати за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя, надъ ними бусурманы промышляли всякими мѣрами, и съ ними билися, и кровь свою проливали, и подкопы подъ ихъ валы и подъ пушки вели многіе; а у подкоповъ и у промысловъ былъ атаманъ ты Осипъ Петровъ, и въ тѣхъ подкопѣхъ много встрѣчу сходилися и бои въ подкопѣхъ были, и на всѣхъ подкопахъ побито бусурманъ пзъ мелкаго ружья 20 т. челов., и Турскаго царя большое знамя и съ нимъ семь знаменъ взяли, а ровъ покопано было около города на пять верстъ и большыя, oprычъ земляныхъ большихъ валовъ, чѣмъ васъ бусурманы хотѣли засыпать подавить. И въ то осадное сидѣнье, къ вамъ атаманомъ и казакомъ злочестивые съ великимъ своимъ лукавнымъ прельщеньемъ и съ грозными перекидывали на стрѣлахъ многіе свои грамоты, а сулили на казака по тысячи талерей, чтобъ вамъ атаманомъ и казакомъ ту многую казну у нихъ взять, а городъ покинуть, и вы атаманы и казави на ихъ бусурманскую прелесть непокуспили, и ямъ во всемъ отказали, а служили намъ великому государю царю и великому князю Мпхаилу Ѳедоровичу всеа Руссіи и сыну нашему благовѣрному государю царевичу Алексѣю Михайловичу всеа

могъ думать, что каменныя стѣны не спасутъ дружину его: побѣдить армію болѣе нежели 20 кратъ превышающую числомъ малую горсть его сподвижниковъ, была мысль отчаянная! Не много хитростей находилъ Петровъ противопоставить могуществу непріятельскому, но старался воспламенить своихъ воиновъ безстрашною отвагою, дабы смѣлыми нападеніями по временамъ уничтожать замыслы враговъ.

Вѣра, которую казаки чтили превыше всего земнаго, вселяла въ нихъ храбрость неодолимую: «вотъ храмъ Божій,

---

Руссін, и милостію Божіею и Пречистыя Его Богоматери и Святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господни Іоанна и Великаго Чудотворца Николы и всѣхъ святыхъ молитвами и нашимъ государскимъ счастьемъ, вы атаманы и казаки отъ невѣрнаго бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тою своею службою, вы атаманы и казаки прислали къ намъ къ Москвѣ станичниковъ атамана Наума Васильева, да ясаула Ѳедора Порошина, да 24хъ казаковъ. И мы великій Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руссін, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, Осипа Петрова съ товарищи, за тою вашу службу, и за радѣнье, и за промыслъ и за крѣпостоятельство, что вы противъ турскихъ и крымскихъ и иныхъ многихъ земель стояли крѣпко и мужественно, и бились нещади головъ своихъ, и многихъ бусурмановъ побили, и будучи въ осадѣ, всякую осадную нужу и голодь терпѣли, и на ихъ бусурманскіе вы на какіе прелести не прельстились, и отъ такихъ многихъ людей отсидѣлись, милостивно похваляемъ, и станичниковъ вашихъ атамана Наума Васильева, да ясаула Ѳедора Порошина съ товарищи, пожаловали нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему Донскому войску, послали есьмя съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонасы Желябужскаго, да подъячего Орефу Башмакова, да съ ними жъ отпущены къ вамъ изъ вашихъ станичниковъ казаки Прокофей Ивановъ съ товарищи, которые вышли изъ полону; а что вы къ намъ великому государю писали, что вы нишъ наги и босы и голодны, и запасовъ и пороху и свинцу нѣтъ, и отъ тое нужные осады, многіе казаки хотятъ идти въ рознь, а иные многіе переранены, и мы великій государь къ вамъ атаманомъ и казакомъ, осаднымъ свидѣльцомъ, за вашу службу и бадѣнье и за осадное сидѣнье послали есьмя нашего государскаго жалованья съ тѣмъ же дворяниномъ нашимъ и съ подъячемъ пять тысячъ руб. денегъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота при-

защитимъ его или умремъ близъ олтари Господня—смертію за вѣру покупають небо»,—этого довольно было чтобы возбудить въ каждомъ воинѣ совершенное презрѣніе смерти; разумный атаманъ укрѣплялъ ихъ надежду на помощь свыше. Казаки очищали себя постомъ и молитвою и забывая о жизни, думали только о Богѣ и побѣдѣ: «сражаться до послѣдняго дыханія, попавшись въ плѣнъ нислова не сказать о состояніи города»—были главныя заповѣди, въ соблюденіи которыхъ казаки поклялись другъ другу. Въ такомъ видѣ противуствовали они врагамъ своимъ.

Политика Россіи. Опасаясь послѣдствій со сто-

детъ, и выбѣ атаманъ и казаки то наше государское жалованье у нихъ взяли, и впередъ на нашу государскую милость и жалованье были надежны и впередъ намъ великому государю служили, и радѣли, и промысли, и противъ бусурмановъ за истинную православную христіанскую вѣру стояли крѣпко и мужественно; а хлѣбныхъ и пшыхъ запасовъ, и пороху, и свинцу, и суконъ, до вѣшніе полне воды, шнѣ зимнимъ путемъ послати къ вамъ немочно, то вамъ мочно и самимъ знати, и выбѣ о томъ неоскорблялись; а какъ ажъ дастъ Богъ на веснѣ ледъ вскроется, и къ вамъ атаманомъ и казакомъ наше государское жалованье, хлѣбные и всякіе запасы, и порохъ, и свинець, и сукна пришлемъ, и были бѣ есте однолично на нашу государскую милость и жалованье во всемъ надежны. А что писали есте къ намъ о городѣ Азовѣ и бити челомъ приказывали атаману Науму Васильеву съ товарищи, и мы великій государь велѣли тому же двориннику нашему и подьячему города Азова досмотрѣти и переписать, и на чертежъ начертить, и о томъ нашъ царскаго величества указъ и повелѣнье будетъ вскорѣ, и выбѣ атаманъ и казаки службу свою и дородстве, и храбрость, и крѣпостоятельство къ намъ великому государю къ нашему царскому величеству совершали и своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіанскую вѣру п за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны; а дворинника нашего Афонасья и подьячего Орефу къ намъ отпустили бы есте безъ мотчанья, чтобъ имъ къ намъ пріѣхать вскорѣ и проводить ихъ велѣли до коихъ мѣстъ пригоже, чтобъ имъ пріѣхать здорово; а что у васъ какыхъ вѣстей про турецкихъ и про крымскихъ воинскихъ людей, и выбѣ о томъ къ намъ отписали, чтобъ намъ было вѣдомо. Писавъ на Москвѣ лѣта 7150 декабря въ 2 день:“

роны Порты, Московскій дворъ, по прїбздѣ Чирикова въ Москву, тотчасъ отправилъ въ Царьградъ грека Мануила Петрова, прибывшаго въ Россію съ Томою Катакузиннымъ, и присланнаго отъ него изъ Азова въ Москву еще прежде осады казаками Азова.

Съ нимъ государь послалъ къ султану грамоту, въ которой съ крайнимъ соболѣзнованіемъ и негодованіемъ на казаконъ, извѣщалъ его о убіеніи посла и о взятіи Азова; увѣрялъ, что городъ этотъ взять безъ его вѣдома, и что это наводитъ ему величайшее огорченіе, повторялъ прежнія увѣренія, что Донскіе казаки издавна воры, царскаго повелѣнія не слушаютъ, и ратей на нихъ послать нельзя: ибо живутъ кочевнымъ обычаемъ; описывалъ какъ они грубо обходятся съ посылаемыми къ нимъ царскими дворянами и какъ одного изъ нихъ Ивана Карамышева убили до смерти. «О взятіи Азова у насъ и мысли не было—писалъ далѣе государь—и прискорбно будетъ если за одно своевольство вазаконъ станешь имѣть на насъ досаду; хотя всѣхъ ихъ вели побить въ одинъ часъ, я не постыю за то. Мы съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно свыше всѣхъ великихъ государей и желаемъ вамъ на царствахъ вашихъ счастливаго пребыванія, надъ врагами победы, государствъ вашихъ приращенія и всякого добра вамъ хотимъ безъ хитрости, нося всегда въ сердцѣ нашемъ вашу любовь».

Столько ласкательныхъ выраженій, хотя не допустили явнаго разрыва между Россією и Портою, однако жъ султанъ не отвѣчалъ самъ царю Московскому, а прислалъ грамоту отъ каймакана Мусы паши, съ тѣмъ же грекомъ Мануиломъ Петровымъ, весьма незначущую и даже безъ упрековъ. Такой отвѣтъ прервалъ сношенія съ Портою до 1640 года.

Осада Азова. 7-го іюня началась дѣйствительная осада. Опытные казаки, прежде всего хотѣли узнать о состояніи и расположеніи непріятельскихъ силъ, и отрядили для этого легкія партіи, кои, подбѣгая съ разныхъ сторонъ

къ стану непріятельскому, взяли языковъ, отъ которыхъ казаки о всемъ подробно и развѣдали

Неудачные приступы турокъ. Скоро непріятель сдѣлалъ попытку къ штурму: сомкнулись ряды, приближены стѣнобитныя орудія и началась жестокая пальба. Казаки стояли открыто на стѣнахъ, отстрѣливались храбро, но кажется для того только, чтобы не допустить мусульманъ слишкомъ приблизиться къ стѣнамъ; главные же успія ихъ обращены были къ тому, чтобы нанести существеннѣйшій вредъ туркамъ вылазками. Съ этою цѣлію, по распоряженію расторопнаго атамана Петрова, казаки раздѣлены были на двѣ части: одни назначены собственно для вылазокъ, кои непрерывно со всѣхъ сторонъ нападали вездѣ, гдѣ только замѣчали оплошность, или слабость. Турки, непривыкшіе къ постоянной осторожности, каждый разъ были разбиваемы, терали людей и, что всего важнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ армія ихъ часть отъ часу приходила въ большую робость: они не умѣли объяснить себѣ отъ чего казаки имѣютъ поверхность. Другая часть Донцовъ день и ночь занималась подземными работами. Съ разныхъ сторонъ подвели казаки подкопы подъ самые ряды осаждающихъ и подъ ихъ артиллерію; зажгли оные и погубили многочисленныя толпы враговъ.

Гуссеинъ-Дели предпринималъ еще четыре приступа всѣми силами своими; но оные были столько же безуспѣшны, какъ и первый, и еще гибельней для людей. На этихъ приступахъ убитъ кафинскій паша, много меньшихъ начальниковъ, и еще болѣе воиновъ.

Послѣ этого исчезла хвастливая надежда непріятельской арміи: уже не по собственной охотѣ, а по принужденію шли войска на приступъ. Скоро оказался еще и недостатокъ въ провіантѣ, ибо къ продовольствію столь многочисленной арміи въ пустыхъ степяхъ, нужны были способы чрезвычайные, а турки едва ли сколько нибудь обеспечили эту важную часть военнаго хозяйства.

Успленіе турецкаго войска. 9-го августа не-

лучено въ Царьградѣ отъ главнокомандующаго настоятельное требованіе о прибавкѣ войскъ и артиллерійскихъ припасовъ: «воевать Азовъ не чѣмъ—писалъ паша—а прочь идти безчестно; подобнаго срама османское оружіе невидѣло: мы воевали цѣлыя царства и торжествовали побѣды, а теперь несемъ стыдъ отъ горсти незначущихъ воиновъ». Верховный визирь въ смятеніи и страхѣ скрывалъ отъ всѣхъ азовскія донесенія, даже отъ самаго султана, всѣхъ пріѣзжавшихъ изъ арміи гонцовъ и даже бѣглыхъ запирали въ особые дома, дабы они ничего неразглашали въ народѣ.

Между тѣмъ 15 августа визирь послалъ къ Азову требуемую помощь, какую наскоро могъ найти въ Царьградѣ, и приказалъ бѣломорскому Бекирь-пашѣ готовить туда еще 16 каторгъ съ ратными людьми. Но не смотря на всѣ осторожности верховнаго визиря, въ Константинополѣ провѣдали о состояніи дѣлъ азовскихъ и ужасъ объялъ всѣхъ жителей; твердили, что имъ не усидѣть въ Царьградѣ и страхъ распространился на всѣ окрестности.

Продолженіе осады, подкопы казаковъ, послѣднія усилія осаждающихъ. Гуссенвъ-Дели, получивъ помощь, желалъ испытать послѣднее средство засмѣять всѣхъ казаковъ землею въ городѣ; начались работы скорня, дѣятельныя, и въ нѣсколько дней явился у самихъ стѣнъ азовскихъ валъ вышиною въ 7 саженой. Устроивъ на ономъ артиллерію, турки начали бить изъ всего снаряду, продолжая стрѣльбу неумолчно день и ночь въ теченіи 16 сутокъ. Казаки сопротивлялись мужественно, подвели подъ валъ два большіе подкопа и, взорвавъ ихъ, истребили множество невѣрныхъ; проникли еще 28 подкопами подъ самыя непріятельскіе таборы и произвели въ нихъ опустошеніе. Турки и татары съ своей стороны вели 17 подкоповъ подъ Азовъ, но казаки благовременно провѣдавъ о нихъ, подвояпались къ нимъ и разрушили.

Однако-жъ поверхность сія не могла спасти казаковъ: турки производя безпрерывную пальбу изъ осадныхъ орудій,

сбили до основанія всѣ три городскія стѣны, разрушили башни и церковь Іоанна Предтечи; казаки врѣлись въ землю и дѣлая оттуда непрестанныя вылазки и засыпая подкопы, каждый день истребляли множество враговъ.

Ропотъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ. Невидя конца этому дѣлу, непріятельское войско начало роптать и оказывать явные признаки бунта. Гуссенъ-Дели думалъ еще предпринять новыя мѣры: мѣталъ на стѣны грамотки, въ которыхъ просилъ казаковъ уступить ему произвольно Азовъ, обѣщалъ знатную за то сумму. Казаки отвѣчали ему новымъ поражениемъ. Между тѣмъ очистя себя постомъ и молитвою, вновь поклялись умереть всѣ до послѣдняго человѣка, а врагамъ неуступить одной пядени земли, и на утро 26 сентября готовились на рѣшительную вылазку. Но разсвѣтъ показалъ имъ одни слѣды бѣгущихъ враговъ: часу въ третьемъ по полуночи, они всѣ снялись съ мѣстъ своихъ и поспѣшно бѣжали. Казаки отпѣвъ молебень, преслѣдовали бѣгущихъ и довършили ихъ поражение.

Потери съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, соединенныя войска султана, посрамивъ его знамена, присвоили казакамъ громкую славу, которая займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ войны. Убито всѣхъ непріятелей болѣе 50/т. человѣкъ, ханъ крымскій тяжело раненъ и умеръ на дорогѣ, силістрійскій паша также не узрѣлъ своихъ областей, скончавъ жизнь на возвратномъ пути. Казаковъ побито около 6/т. человѣкъ, осталось въ живыхъ всего не болѣе 3/т. воиновъ.

Казаки предлагаютъ Азовъ государю. Принеся благодареніе Всевышнему Богу за одоленіе многочисленныхъ враговъ, казаки 9 октября отправили въ Москву станицу атамана Наума Васильева, съ подробнымъ извѣстіемъ о успѣхѣхъ своего оружія; они писали, что теперь всѣ казаки крайне изнурены, переранены, наги, босы, голодны и долѣе держать Азова не въ силахъ: «государь, мы его взяли своею кровію на счастье благовѣрнаго сына тво-

его Алексѣя Михайловича, возьми отъ насъ этотъ городъ себѣ въ вотчину». Атаманъ Васильевъ объяснялъ лично государю и боярамъ, что имъ никакой нѣтъ возможности долѣе защищать Азова: ибо всѣ стѣны до основанія разрушены; но если государю не угодно будетъ принять отъ нихъ этотъ городъ, то они всѣ до единого помрутъ въ немъ, а неуступятъ добровольно врагамъ земли облитой кровію ихъ товарищей.

Милостивая грамота государя къ казакамъ. Государь послалъ казакамъ самую милостивую грамоту и 5/т. руб. денегъ, и въ то же время, 2 декабря, отправилъ на Довъ дворянина Афонасія Желябужскаго разсмотрѣть все азовское строеніе, сдѣлать чертежи и смѣты крѣпостнымъ поправкамъ и проч.

Между тѣмъ какъ съ Дону, такъ и изъ другихъ мѣстъ непрерывно получались извѣстія, что султанъ готовитъ новое ополченіе на Азовъ, несравненно превышающее количествомъ прежнее и что онъ располагаетъ держать въ осадѣ городъ малыми силами, а всѣ прочія войска обратить на Россію.

Земскій соборъ держанный въ Москвѣ объ Азовѣ. Въ генварѣ мѣсяцѣ 1642 года царь Михаилъ Ѳедоровичъ созвалъ въ Москву на Земскій Соборъ всѣ сословія государства для сужденія: принять ли отъ казаковъ Азовъ, или поступить съ нимъ иначе какъ. Соборъ продолжался до апрѣля, въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился Желябужскій и донесъ, что въ Азовѣ ничего нѣтъ цѣлаго и всѣ построенія должны дѣлаться вновь. По совершенномъ обозрѣніи всего дѣла признано въ общемъ совѣтѣ что Россіи нельзя удержать за собою Азова.

Казаки остаются Азовъ по повелѣнію государя. Въ слѣдствіе того, 30 апрѣля отправлена въ казакамъ грамота съ дворяниномъ Михайлою Засѣцкимъ, коею государь убѣждалъ казаковъ, чтобы они добровольно бросили Азовъ и пошли бы жить на прежніе свои юрты:

«сего требуетъ польза отечества—писаль государь—и послушаніе ваше будетъ новымъ доводомъ вашей вѣрной службы ко мнѣ».

Засѣцкій прибыль въ Азовъ въ первыхъ числахъ мая предъявилъ казакамъ царскую грамоту; *спросилъ войско отъ имени государя о здоровьѣ, и говорилъ рѣчь по наказу.* Выслушавъ царскую волю, казаки безпрекословно исполнили оную, и въ присутствіи государева дворянина вывезли, изъ Азова церковную утварь, всю артиллерію, имущество свое и сами всѣ вышли на Махинъ островъ⁽²⁶⁸⁾.

⁽²⁶⁸⁾ Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи,—выписано изъ рукописи, хранящейся въ Библиотекѣ Графа Ф. А. Толстаго подъ № 358.

Архивный сборникъ грамотъ, см. грамоту на Донъ 1642 г. апрѣля 30 дня.

. . . . . Въ нынѣшнемъ въ 150 году октября въ 9 день писали естя къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевымъ съ товарищи, что вы атаманы и казаки отъ бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тѣмъ прислали Васильева съ товарищи двадцати шести человекъ, чтобъ намъ великому государю городъ Азовъ у васъ велѣти принять и послать воеводу и ратныхъ людей для приходу воинскихъ турецкихъ и крымскихъ людей, и вамъ атаманомъ и казаконъ Азова города держать не кѣмъ; а только приняти не велимъ и вамъ его покинуть и ийти по старымъ своимъ куренямъ. И мы великій государь посылали къ вамъ атаманомъ и казаконъ и ко всему Донскому войску съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонася Желудьяжскаго да подьячего Орефу Башмакова и велѣли есмь имъ города Азова досмотрѣти, и по ихъ досмотру городъ Азовъ отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей разбитъ и разоренъ весь до основанія, а вскорѣ того города подѣлати некоторыми мѣрами нельзя, отъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чемъ. Да вы жъ атаманы и казаки прислали къ намъ атамана Абакума Сафонова да ясаула Романа Родіонова съ товарищи 17 человекъ, а съ ними къ намъ великому государю писали о томъ же, что вамъ города Азова держати не кѣмъ и чтобъ намъ велѣти городъ Азовъ принять и воеводу и ратныхъ людей послати, а вы учнете жити по прежнимъ своимъ мѣстамъ. И нынѣ намъ великому государю вѣдомо учинилось подлинно, что у Ибрагимъ салтана изготовлены подъ Азовъ турецкіе и крымскіе и иныхъ государствъ многіе ратные люди, большіе прежняго, и идутъ подъ Азовъ моремъ и сухимъ путемъ вскорѣ; а осядъ Азовъ, хотятъ ити во-

Такъ кончилось пятнадцатое обладаніе казаками Азова:

евать наши украинные города. И нынѣ намъ города Азова принять и воеводъ и ратныхъ людей послать не къ дѣлу и быти имъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ немочно, а велѣли есмь быти у бояръ нашихъ атаманомъ Науму Васильеву да Абакуму Сафонову съ товарищи, и.....тѣ турскіе и крымскіе вѣсти: и желѣи мы великій государь о васъ атоманѣхъ и козакѣхъ и о всѣхъ православныхъ христіанехъ, чтобъ кровь христіанскую уняти, городъ Азовъ велѣли покинути, и изъ него вамъ вытти на старыя мѣста свои, въ которыхъ мѣстахъ прежь сего жили, чтобъ васъ невѣрные бусурманы, пришедши не побили. А мы великій государь и впередъ учнемъ васъ атамановъ и казаковъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему, какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстахъ. И атаманы Наумъ Васильевъ, да Абакумъ Сафоновъ съ товарищи, боиromъ нашимъ сказали, что вы, Донское войско, нашего государскаго повелѣнья во всемъ слушати ради и изъ Азова выйдете сейчасъ какъ наше царское повелѣніе къ вамъ о томъ придетъ и учнете жити на старыхъ своихъ куреняхъ по прежнему, и для скорыя вѣсти отпустятъ они къ вамъ товарищевъ своихъ степью чрезъ Волуйку, чтобъ къ вамъ турскіе и крымскіе люди безвѣстно не пришли и дурна надъ вами не учинили. И по нашему указу Донскіе казаки ясауль Романъ Родіоновъ съ товарищи пятнадцать человекъ къ вамъ на Донъ отпущены, а велѣно имъ для поспѣшенья ѣхати чрезъ Волуйску степью наскоро; а дано имъ нашего жалованья на лошади по тридцати лошадей человекъ, чтобъ у нихъ было по двѣ лошади добрыхъ. А съ сею нашею царскою грамотою посланъ къ вамъ съ ними же вмѣстѣ дворянинъ нашъ Михайло Засѣцкой. И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ и выѣдъ атаманы и казаки и все Донское войско по сему нашему указу городъ Азовъ покинули, а вышли-бѣ есте жити по старымъ своимъ мѣстамъ, чтобъ васъ бусурманы пришедши не побили и нашихъ украинныхъ мѣстъ не помоевали. А мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстахъ и наше денежное жалованье и запасы хлѣбныя и пшеничныя учнемъ къ вамъ послати и нужи вамъ ни въ чемъ не будетъ. А только вы атаманы и казаки и все Донское войско нашего государскаго повелѣнья не послушасте, изъ Азова до приходу турскихъ и крымскихъ воинскихъ людей нынѣ скорѣе выйдете и которое надъ вами учинится кровопролитіе, и то вамъ будетъ самимъ отъ себя, и нашего государскаго жалованья и запасовъ никакихъ къ вамъ въ Азовъ не пошлютъ потому, что вамъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ пробыти отъ такихъ многихъ турскихъ и крымскихъ воинскихъ людей немочно. . . . . да какъ вы изъ города Азо-

Оно истребило двѣ трети ихъ населенія, но покрыло вѣч-
ва на старые свои мѣста выйдете, и выѣзъ о томъ тотчасъ отпи-
сали къ намъ къ Москвѣ съ Михайломъ Засѣцкимъ и проводи-
ти его велѣли“.

Грамота на Донъ 24 Юля 1642 года.

„И какъ Михайло Засѣцкой поѣхалъ съ Волуйки на Донъ, и
на Сѣверномъ Донцѣ ихъ черкасы погромили и побили, и нашу
грамоту, которая послана къ вамъ и нашъ наказъ, каковъ ему
данъ, взяли, и онъ Михайло съ достальными казаками къ вамъ
на Донъ ушолъ, и прѣхавъ къ намъ къ Москвѣ съ Дону, ска-
залъ, что онъ Михайло прѣхавъ къ вамъ, нашъ государскою
указъ, что къ вамъ писано было въ нашей грамотѣ, вамъ атама-
номъ и казакомъ и всему войску въ Азовѣ сказалъ, и вы по на-
шему государскому указу повелѣнью наше совершили, городъ
Азовъ покинули и вышли изъ него при немъ Михайлѣ; да выѣзъ
съ Михайломъ Засѣцкимъ прислали къ намъ станичникковъ сво-
ихъ: атамана Степана Иванова, да ясаула Герасима Иванова съ
отпискою; а въ отпискѣ своей писали вы къ намъ тожъ, что и
Михайло сказывалъ, что вы атаманы и казаки по нашему указу
городъ Азовъ покинули и наше царское повелѣнью совершили
и учали жить на *Малинѣ острогу*. И мы великій государь ѡвасъ
атамановъ и казаковъ и все Донское войско жалуетъ похваляемъ,
и хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованьи по пре-
жнему и смотря по вашей службѣ, и станичникковъ вашихъ Дон-
скихъ атамановъ Наума Васильева да Абукума Софонова да Сте-
пана Иванова да ясаула Герасима Иванова съ товарищи пожа-
ловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить на Во-
ронежъ, а съ Воронежа къ вамъ на Донъ, и съ нашимъ цар-
скимъ жалованьемъ послали есмя къ вамъ дворянина нашего Де-
ниса Тургенева, а послано, къ вамъ нашего царскаго жалованья:
двѣсти поставовъ суконъ настрафилю . . . . . двѣ тысячи
рублевъ денегъ, да сверхъ того тебѣ атамана Осипа Петрова пожа-
ловали есмя, велѣли къ тебѣ послати нашего царскаго жалованья
сукно лундышъ да камку добрую. Да къ вамъ же велѣли послати
съ Воронежа нашего царскаго жалованья хлѣбныхъ всякихъ
запасовъ двѣ тысячи пятьсотъ четв., да двести ведръ вина, да
къ вамъ же велѣли послати съ Тулы двѣсти пятьдесятъ пудъ
зелья ручьного, да 50 пудъ зелья пушечнаго, триста пудъ сви-
нцъ; а послано то все наше царское жалованье съ дворяниномъ на-
шимъ съ Денисомъ Тургеньевымъ, да съ атаманы Донскими съ
Наумомъ Васильевымъ да съ Степаномъ Ивановымъ и съ ясау-
ломъ и съ казаки. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и
выѣзъ атаманы и казаки намъ великому государю служили и при-
мили и во всемъ добра хотѣли въ правду безо всякіе хитрости, и
пословъ нашихъ и посланниковъ и турскихъ посланниковъ, кото-

ною славою.

рые нынѣ будутъ изъ Царя города пропущали безо всякаго задержанья, и ссоры никакіе нечпнили, и съ турскимп людьми, которые нынѣ въ Азовѣ будутъ, помирился и жили съ ними смирно, задоровъ никакихъ нечпнили и на море не ходили, и судовъ не громилл, и селъ и мѣстъ турскаго не воевали. А какъ наши послы или съ ними турскіе послы или посланники учнутъ приходити, и выѣзъ ихъ пріимали честно, и съ Дону ихъ отпускали по прежнему не задержавъ тотчасъ, и суды имъ и провожатыхъ давали какъ бы имъ пройти безстрашно. А мы великій государь учнемъ васъ и впредь жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ смотря по вашей службѣ; а дворянина нашего Дениса Тургенева отпустили есте къ намъ къ Москвѣ безъ мотчанья и проводить его велѣли до конхъ мѣстъ пригоже, чтобъ ему пріѣхать здорово. А что у васъ будетъ впередъ какихъ вѣстей, и выѣзъ о тѣхъ вѣстехъ къ намъ писали, провѣдавъ подлинно, съ легкими станицами, чтобъ намъ о всемъ, что у васъ учнетъ дѣлаться, про всякіе вѣсти подлинно было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7150 Іюля 22 день.

Дѣла Донскія. Докладъ государю царю Михаилу Ѳедоровичу объ Азовѣ, въ Мартѣ 1642 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА

ИСТОРИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Предисловіе
Вступленіе.

Стран.

Періодъ I. Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи Михаила Ѳеодоровича, въ теченіи 70 лѣтъ.

Глава I. Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія.—Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ <i>Подемъ</i> .—Жалобы двора московскаго царю крымскому и турецкому султану на разбои, производимые въ Полѣ.—Знаменованіе слова казакъ. Разныя наименованія казаковъ.—Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону	1.
Глава II. Подробности о происхожденіи Донскихъ казаковъ и о первоначальной ихъ жизни, и дѣйствіи ихъ 1549—1579 г.	12.
Глава III. Разбои казаковъ по Волгѣ и повореніе ими Сибири 1553—1584 г.	28.
Глава IV. О происхожденіи Уральскихъ и Терскихъ казаковъ, и дѣйствіи Донскихъ казаковъ 1584—1594 г.	52.
Глава V. 1598—1612 г.	90.
Глава VI. Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ.—Жилища ихъ.—Юрты.—Правленіе.—Воинное устройство.—Нравственность казаковъ	100.

**Періодъ II. Отъ вступленія на Россій-
скій престолъ Михаила Феодоровича
до совершеннаго подданства казаковъ
Россіи, или до возвращенія туркамъ
Азова.**

Глава VII. 1612—1620 г.	. . . . .	107.
Глава VIII. 1621—1630 г.	. . . . .	155.
Глава IX. 1630—1636 г.	. . . . .	219.
Глава X. 1637—1642 г.	. . . . .	263.

ОПЕЧАТКИ.

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3 41	пельзя.	нельзѣ.
4 16	керманѣ п	керманѣ или
6 9	призываетъ	признаваемы
— 14	Украинскихъ	украинныхъ
8 24, 25	становъ	этаповъ
10 10	Боршовичу	Борисовичу
— 12	вамъ....	вамъ, ибо
— 21	Елифанъ, Саожковъ,	Елифанъ, Ефремовъ, Саожковъ,
— 22	Чернявскъ,	Черновскъ,
11 7	похочемъ	похочешъ
12 26	скихъ, а наиболѣ украин-	скихъ и наиболѣе украин-
	скихъ	ныхъ
13 18	украинскихъ	украинныхъ
— 24	кочевую	кочевную
14 1	князь Ногайскій	князья ногайскіе
— 15	восока,	высыка,
21 20	1556 г.	1565 г.
23 1	разъѣзды,	разъѣзды
— 28	язъ де	язъ дей
— —	и пришла де	, и пришла дей
— 29	зажгли де	зажгли дей
— 30	а дворы де	и дворы дей
— 31	и говорятъ де,	а говорятъ дей
— 37	всея	всїа
— —	Руссїи	Русїи
— —	къ Донскимъ	Донскимъ
— 38	манамъ и казакамъ послали	маномъ и казакомъ. Послали
— 39	товарищи	товарыщи
24 6	и Россїи;	Россїи;
— 8	Крымомъ Россїю;	Крымомъ и Россїю;
— 26	послужите и съ Микитю	послужите, съ Микитю
— 27	Писано въ Москвѣ	Писанъ на Москвѣ лѣта
— 36	молилъ;	молылъ (молвилъ);
25 29	того	того:
26 28	лаховцы,	лахонцы.
— 29	Каряновцы....	каряковцы....
— 29, 30	Метюжане,	мстюжане,
— —	Толмичи,	тотмичи,
27 1	отъ Баторїа,	во власти Баторїа,
— 10	Ливанской.	.Ливонской.

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
27 17	воевода	воеводь
28 8	остававшись	оставшись
29 —	мярзъ	мурзъ
30 16	Лачикову,	Лачинову,
— 44	Арземаскія,	Арзамаскія,
— -	и Курмыринскія,	и Курмышскія,
32 16	Тайбучина	Тайбугина
— 27	Ибана и Ма-абуна,	Ибака и Ма-абука,
— 28	и онъ	онъ
— 34	части государственныхъ	части Собр. государственныхъ
33 7	и Угріи.	и Югоріи.
34 34	лпс. 8	лист. 79.
35 35	описаніе	Исторія
37 2	проводитъ	приводитъ
— 17	къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.;	къ нимъ. 5 апрѣля 1579 г.
— 23	описаніе	писаніе
38 8	<i>брашкомъ</i>	<i>брашиномъ</i>
— 30	вожей	дали вожей
39 8	городокъ	городъ
— 10	Журавлю,	Жеравлю,
— 21	Конкора,	Канкора,
40 4	ванья, безъ нашего указа,	ванья; безъ нашего указа
— 30	Таузана,	Таузакъ,
41 1	Таузанъ	Таузакъ
43 13	крячали	крячали
46 34	меспстая	мшпстая
47 32	городахъ	острожкахъ
58 31	молвилъ:	молилъ:
— 32	воровами	воровали
59 21	а у меня	а у меня де
62 34	что жпвуть	что казаки живутъ
— 37	ставится	ставится
63 36	надо де	надо бе
64 33	лучихъ	лучихъ
68 1	за нѣсколько	за нѣсколько предъ симъ
69 13	крамцевъ	крымцевъ
70 32	казакамъ,	казаки,
72 27	а ссору	и ссору
— 33	турсковъ	турскова
— 38	турскову чеушп	турскова чеушп
— 41	Григорій Волконскій	Григорей Волконской
— 49	Конинскому	Коннескому
— 52	ляти	ляли

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
74 35	въ Астрахани въ крѣпости	въ Асторохани въ крѣпости;
75 29	даетъ	даешъ
77 20	укрыиы	украины
— 26	по кромской	по крымской
— —	къ Раздорымъ	къ Раздорамъ
78 1	Али и Али	Али и Аги
— 40	и будто	и будто ся
81 21	и отдадамъ.	и отдадимъ.
82 43	а что де вамъ	а что де къ намъ
83 1	17/т.	14/т.
85 24	есмя	естя
87 32	• Турецк.	Турецк., кн. № 3,
89 25	и крымскіе	и крымскіе
92 2	честолюбія,	честолюбія,
— 11	на Дону.	на Дону. Отправленіе въ Польшу казачьихъ пословъ. Послы сии, а потомъ и все. Войско Донское принима- ютъ сторону самозванца. Новгорода 5000 часто по откры- и станницею, за царя, отечество и пра- вославную вѣру,
94 18	Новгорода	
95 7	500	
101 11	число	
105 3	по окры-	
107 27	или	
109 1	санницею,	
— 14	за царя	
110 16,18, 24,29, 32.	} Россіи	Русіи
112 16	Жигимонта	Жигимонта
114 2	Отъ второй строки 114 стр.	слѣдуетъ читать 2-ю
115 2	строк. 115 стр. и потомъ—1-ю.	
114 12	Россіи	Русіи
— 24	Астрахани	Асторохани
— 40	царскою	царскую
— 43	государемъ, а пзъ Астра- хани,	государемъ. А пзъ Асторо- хани,
115 6	не оставили,	не оставали,
116 8	Россіи	Русіи
— 11	пасъ,	носъ,
117 5	есмя	есмя нынѣ
— 26	юртамъ,	юртомъ,
— 29	то	ты

Строк.	Стран.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
117	38	быти.	были.
118	14	Россiя	Русiя
—	28	длежить	лежить
—	29	два	два
—	31	уодъ	подъ
—	32	ебити,	бити,
—	33	му	ему
122	29	прибудуть	придутъ
125	39	Россiя,	Русiя,
128	10	султану	салтану
—	13	Россiя	Русiя
—	40	молчанья	молчанья
129	26	къ намъ	къ вамъ
131	16	Россiя	Русiя
134	29	Россiя	Русiя
135	13	проводили,	провожали,
—	40	и пшымъ	и пшымъ вашымъ
136	28	вашимъ	и вашимъ
137	18	1625 г.	1616 г.
140	5	православную	православную христіанскую
145	23, 25	Россiя	Русiя
151	19	Россiя,	Русiя,
152	34	Россiя,	Русiя,
153	8	по десяти	по девяти
—	13	Россiя,	Русiя,
156	37	Малыгинъ,	Шалыгинъ,
158	22	Послѣ слова: на Донъ, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 1-ю.	
159	8	Послѣ 8-й строки, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 2-ю.	
—	13	указу и	указу и ни
—	16	и не одинъ да	и не одинъ. Да
—	17	товарищами	товарищи
—	18	изъ запрогъ	изъ Запорогъ,
—	33	отъ насъ,	отъ васъ,
160	9, 10	повѣривши	повѣрили
161	10	Агусъ	Агу
—	31	и да его	и до его
—	35	съ пяти	въ пяти
162	15	разоренiя	разоренiя ими
—	17	въ городахъ	въ городкахъ
—	32	Булыкы	Булыкы
163	35	казаковъ,	каравановъ,
164	32	положилъ	положили

Страница.Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
165 15	переговоры	переговоры
166 25	съ 800	съ 800 пришли съ моря въ Монастырскій городокъ и того жъ,
167 18	рухляди. Сафьяновъ,	рухляди, сафьяновъ,
— 26	по 15 число.	по 5 число
— 31	говорили:	говорили
168 6	произошло	произошла
— 14	Какъ	Когда
— 21	на окупѣ	на окупѣ
— 25	стругахъ	стругѣхъ
— 37	п ва нашихъ	и на нихъ
— 40	слѣдующее	предъидущее
169 16	на себѣ	на себя
— 17	биды	обиды
171 21	мщенію	мщенія
— 35	всемъ	въ селѣ
— 36	желецкіе	желецкіе
172 19	Россіи	Русіи
— 22	ихъ	имъ
— 26	къ нимъ	къ намъ
— 29	дурна	дурна
173 12	въ дворѣ	въ дворѣ
— 18	(*)	(* выноска) Комига—купецкое мореходное судно.
— 33	тамошняго	Таманскаго
174 9	Видей,	Бидей,
— 14, 15	ворвалась	ворвалась къ нимъ
175 21	ушли	жили
182 32	въ уртехъ	въ юртехъ
— 40	прошли,	пролили,
184 16, 17	и татаровъ	и татаровя
186 2	Каляѣ	калгѣ
— 7	привезенною	привезенную
187 28	и Ангазы де	и Ангазы де ага
— --	мусаферъ Ага	Мусаферъ-ага
— —	сердита,	сердитуя,
— 36	Прочинцева	Прончицева
188 18	сково	сково
— 35	говорять	говорять хотя
190 2	уже	еще
— —	города.	города
191 35	въ Калгу,	въ Калу,

Стран.Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
192 12	Чуфуть-кале	Калу (Чуфуть-кале)
— 22	Шагимъ—	Шагинъ—
— 33	холопъ	холопъ вашъ
193 29	Россiи,	Русiи,
— 38	астороханъ	Астороханъ
194 3	подъ азовъ,	подъ Азовъ,
— 15	и къ москвѣ	и къ Москвѣ
— 25	Россiи,	Русiи,
— 26	войско	войско:
195 2	въ криму	въ Крыму
— 13	года отъ	года. Отъ
— 14	Россiи,	Русiи,
— 28	рѣчи:	рѣчи;
196 16	Бориса,	Борисъ,
— 33	не желѣтъ,	не ежелѣтъ,
197 21	и тѣмъ	и тѣхъ
— 35	пожалованъ	пожаловавъ
— 41	отпустите	отпущите
198 4	и разорили	и разрушили
— 9	не ослушаете,	не слушаете,
— 11	къ намъ	къ нимъ
— 15, 16	не слушались,	слушались,
— 44	Въ прошлое	Въ прошложъ
199 38	а тѣхъ де,	и тѣхъ де,
200 2	цареву,	цареву,
— 22	ру и	ру,
— 29	Би-Арасланъ	Би-Арысланъ
201 35	и вамъ	и вамъ бы
203 8	прислалъ	прислали, государь,
204 36	писали	имали
205 4	жпшъ	женъ,
— —	желавшъ	желаешъ
— 25	сцѣна	сцѣпка
207 6	отпущивъ,	отпущивъ,
— 17	и крымскаго	и отъ крымскаго
208 33	(137)	(138)
210 8	въ Азовъ, и какъ	въ Азовъ. И какъ
211 26	Русскiе	Русскiе люди
— 36	и любья	и не любья
— 42	отказалъ,	отказали,
212 4	Гврѣй	Гпрей
— 5	ни даль,	не даль,
— 14	казаки	казаки пришли

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
213 22, 23	Мамкуль, тоже: на стран. 214 стр. 26—Мамкутъ, стран. 227 стр. 28—Мангутъ, стран. 228 стр. 34 и 38—Манчупъ, вѣроятно по опискѣ въ рукописи такъ называется « <i>Мангутъ</i> ».	
214 25	отпускп	отписки
— 38	7637	7137
215 29	на море	по морю
— 30	монастыня	монастыря
222 24	любимая	любимая
224 18	кazu	казу
— 34	то	того
225 7	прекратить	на время прекратить
226 33	и бузы	п бусы
— 38	Турка	Терка
228 9	города,	городка,
— 16	къ Козлову,	къ Козлеву,
— 19	запершпсь	заперлись
— 22	пристали	приставъ
— 26	Маметку	Маметшу
229 10	крымскихъ	крымскихъ
— 28	царягорода	Царягорода
230 18	урта	юрта
— 36	приходилп	приходити
234 13	прося,	проса,
236 28	или	шли
— 38	1633	7141
237 2	россiя,	Россiя,
— 13	и мать сына	и мать, сына
239 7	съ стрѣльцы:	съ стрѣльцы,
— 13	скамъ	сакмамъ
— 29	прѣлали	прѣхали
— 30	Василіп	Василей
— 35	нашу	на вану
— 38	Колодничп	Колоднича
— 39	исходѣ	въ сходѣ
240 1	на страфилю	настрафилю
— 8	атамапомъ и казакомъ,	атамановъ и казаковъ,
— 11	п на ченбашскихъ	и на челбашскихъ
— 20	Якмаметъ	Янмаметъ
— 41	и животныхъ	и живыхъ
— 42	и русскою	и русского
241 4	салтана	султана
— 35	отошлите;	отошлете;
— 41	и передъ	и впередъ

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
242 9	на Волгу и	на Волгу, а
— 20	руб. сереб.	руб.
— 21	на страфилю	настрафилю
— 23	толохны,	толокна,
— 36	и издобились	и издобылись
248 7	изъ усусовъ	изъ улусовъ
249 8	60 челов. татаръ	70 челов. татаръ.
251 23	тараръ	татаръ
252 35	дуванить	дуванить хотять
254 7	не дождаяся	не дождався
— 10	стоять	стоять на Азовскомъ море
255 8	Ермаметъ	Ермаметъ
— 36	прикажите	прикочуете
257 16	въ улусахъ	въ улусахъ
— 26	Нигайскія, въ столбцу.	Ногайскія, въ столбц.
261 34	пошли до	пошли де
262 26	Бекъ	Бекъ
264 20	нашу	нашу государскую
— 30	Донскихъ	Донскихъ атамановъ
266 26	прокрасться	прокрасться въ Азовъ
267 8	коцѣ	концѣ
271 3, 4	Степана	Потапа
275 9	6 лѣтъ	5 лѣтъ
288 17	сейчасъ	тотчасъ

